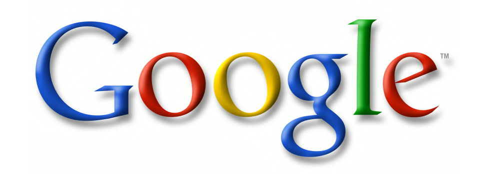
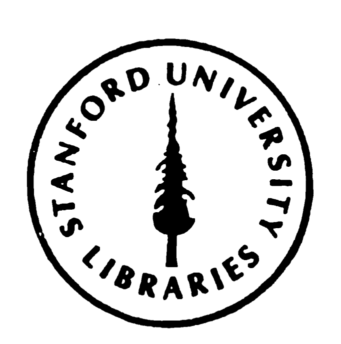



STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

В. Н. ХАРУЗИНА.

СКАЗКИ
РУССКИХЪ ИНОРОДЦЕВЪ

(СЪ КРАТКИМИ БЫТОВЫМИ ОЧЕРКАМИ И ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ).

СЪ ПРЕДИСЛОВІЕМЪ

В. М. Михайловскаго.

Москва—1898.

Изданіе А. И. Мамонтова.

Дозволено цензурою. Москва, 29 ноября 1897 года

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ народной словесности всѣхъ племенъ, населяющихъ земной шаръ, сказки занимаютъ важнѣйшее мѣсто. Бродячій бушменъ въ пустыняхъ южной Африки, самоѣдъ на берегахъ Ледовитаго океана, краснокожій охотникъ и кочевникъ-киргизъ, индусъ въ долинѣ Ганга, мрачный бретонецъ и нашъ великорусъ — всѣ разнородные представители человѣчества отводятъ свою душу въ сказкѣ и въ этомъ фантастическомъ мірѣ находятъ осуществленіе своихъ завѣтныхъ чаяній и идеаловъ *).

Сказка въ умственной и нравственной жизни каждаго народа является не только продуктомъ наивной фантазіи, выраженіемъ извѣстныхъ эстетическихъ потребностей; ея значеніе гораздо шире и серьезнѣе.

Среди культурныхъ народовъ менѣе образованные слои населенія, среди варварскихъ и дикихъ племенъ всѣ и каждый относятся къ сказочнымъ чудесамъ съ глубокою вѣрою; въ народныхъ сказкахъ кроются древнѣйшія религіозныя представленія, сохраняется первоначальное народное міросозерцаніе. Въ нихъ, какъ въ зеркалѣ, отражаются всѣ матеріальныя условія народнаго быта, вся духовная жизнь народа и природа, окружающая его.

Сказки, по признанію лучшихъ педагоговъ, являются для дѣтей незамѣнимымъ чтеніемъ какъ въ образовательномъ, такъ и въ воспитательномъ отношеніи; онѣ даже предваряютъ самое чтеніе и даютъ сильнѣйшія впечатлѣнія ребенку въ началѣ пробужденія его сознательной жизни. Чудесный міръ народныхъ сказокъ

*) Значеніе сказокъ для этнографіи и для дѣтскаго чтенія прекрасно выяснено извѣстнымъ англійскимъ этнографомъ Эндрью Лангомъ: Australian legendary tales, collected by M-rs K. Langloh Parker with introduction by Andrew Lang. London. 1896.

отличается безъискусственной здоровой фантазіей и можетъ служить нормальной умственной пищей для дѣтскаго возраста. Между ребенкомъ и этими произведеніями дѣтскаго наивнаго творчества существуетъ тѣсная связь и, въ системѣ воспитанія, сказки могутъ считаться первымъ начальнымъ звеномъ всей дальнѣйшей цѣпи умственнаго развитія подростающихъ поколѣній. Нѣкоторые педагоги, какъ, напр., Гербартъ и его послѣдователи, выдѣлили даже сказки въ особую область и сдѣлали ихъ предметомъ изученія въ начальной школѣ.

Кромѣ общихъ педагогическихъ соображеній, относящихся къ народнымъ сказкамъ въ ихъ воспитательномъ вліяніи, слѣдуетъ указать и на значеніе *этнографическаго* собранія сказокъ въ дѣлѣ пробужденія у дѣтей способности перехода отъ міра чудеснаго къ болѣе реальному. Благодаря такимъ сказкамъ, дѣти совершенно незамѣтно пріобрѣтаютъ умѣніе распознавать особенности чуждыхъ имъ народовъ и сочувствовать страданіямъ и радостямъ обитателей отдаленныхъ странъ.

При составленіи даннаго сборника приходилось, для удовлетворенія требованій здравой педагогіи, производить самый осторожный выборъ сказокъ. Это въ значительной степени осложняло работу: составительница сборника старалась, какъ можно точнѣе и безъ всякихъ прикрасъ, передать весь мѣстный колоритъ и народный тонъ каждой сказки. Нѣкоторыя измѣненія, которыя оказались неизбѣжными, заключались главнымъ образомъ въ устраненіи всего, что могло бы оскорбить нравственное чувство дѣтей въ этихъ произведеніяхъ творчества некультурныхъ людей; удалить все грубое и сохранить наивное представляло въ подобной работѣ весьма значительныя затрудненія. Такимъ образомъ сборникъ подъ заглавіемъ: „Сказки русскихъ инородцевъ“, имѣетъ цѣлью не одну забаву дѣтей, не стремится только доставить новый подборъ сказокъ для легкаго чтенія, но представляетъ попытку соединить серьезное съ привлекательнымъ; короче сказать — сборникъ имѣетъ въ виду пробудить въ читателяхъ общечеловѣческія симпатіи и укрѣпить интересъ къ знанію, къ наукѣ.

Викторъ Михайловскій.

САМОѢДЫ.

Отъ Алтая до Ледовитаго океана, отъ Мезени до Енисея живутъ Самоѣды. Число ихъ едва превосходитъ 20 тысячъ. По типу они приближаются къ монголамъ; росту они небольшого; глаза у нихъ малы и узки; скулы—широкія; борода растетъ плохо. Нравомъ они кротки, добродушны и честны. Грабежи и убійства у нихъ неизвѣстны; драки случаются рѣдко. Между собою они живутъ дружелюбно и охотно помогаютъ бѣднымъ соплеменникамъ.—Одѣваются мужчины и женщины почти одинаково. Одежда ихъ состоитъ изъ замшевыхъ штановъ, длинныхъ чулокъ шерстью внутрь, изъ мѣховой рубахи, сшитой изъ оленьей шкуры шерстью къ тѣлу въ видѣ мѣшка; у женщинъ такія рубашки украшены узорами изъ бѣлыхъ и темныхъ оленьихъ лапокъ, суконными лоскутками, погремушками, бусами и т. д. Лѣтомъ носятъ сапоги, а зимой узорчатые пимы шерстью вверхъ. Голову свою самоѣды покрываютъ только въ сильную стужу, натягивая мѣховой капюшонъ верхней одежды, которую иногда надѣваютъ поверхъ мѣховой рубашки. Прежде самоѣды круглый годъ ходили въ одномъ и томъ же костюмѣ; теперь во многихъ мѣстностяхъ они лѣтомъ надѣваютъ русскую ситцевую рубашку и ситцевые шаровары.

Жилище самоѣдовъ—чумъ, который они, при постоянныхъ перекочевкахъ, легко перевозятъ съ собой на оленяхъ. Чумъ дѣлается изъ длинныхъ жердей, воткнутыхъ въ землю, при чемъ верхніе концы ихъ связываютъ крестообразно, но такъ, чтобы оставалось отверстіе для дыма. Лѣтній чумъ обшиваютъ вываренной берестой, которая отъ выварки дѣлается мягкой и неломкой. Зим-

ній—покрывается оленьими шкурами; одинъ рядъ шкуръ кладется шерстью внутрь, другой — шерстью наружу. Низъ чума обкладывается лѣтомъ землей и мохомъ, а зимой снѣгомъ. Полъ устилаютъ березовыми прутьями и оленьими шкурами. Огонь разводится посреди чума.

Самоѣды занимаются рыбнымъ и звѣринымъ промысломъ и преимущественно оленеводствомъ. Олень—необходимый спутникъ сѣ-

Новоземельскій самоѣдъ.

вернаго кочевника. Онъ доставляетъ ему пищу и матеріалъ для его одежды; онъ перевозитъ его сани, какъ лѣтомъ, такъ и зимой, по топкимъ тундрамъ.

Лишь въ нынѣшнемъ вѣкѣ самоѣды стали христіанами. Рядомъ съ христіанствомъ попрежнему держится у нихъ и язычество. Они вѣрятъ въ существованіе высшаго божества—*Нумъ*, которымъ создано все въ мірѣ и котораго они называютъ *Плеумбарте*—Жизнодавцемъ. Высшее божество сообщается съ людьми посредствомъ духовъ — *тадебціевъ*, которые въ свою очередь передаютъ людямъ волю божества черезъ избранныхъ ими людей—*тадибеевъ* или шамановъ. Чтобы прійти въ сношеніе съ духами, которыхъ тадибей на-

зываетъ обыкновенно *„ня“* — товарищами, узнать отъ нихъ, чѣмъ боленъ недужный самоѣдъ, какую жертву надо принести, какъ отвратить падежъ скота и т. п.—тадибей употребляетъ священный бубенъ. Одѣвшись въ особенное платье, онъ ударяетъ по бубну священной колотушкой и при сильныхъ и рѣзкихъ звукахъ бубна

Группа самоѣдовъ.

и крикахъ присутствующихъ приводитъ себя въ изступленное состояніе: въ это время имъ будто бы овладѣваетъ духъ. У самоѣдовъ существуютъ также различные идолы, напр., такъ называемые *хэге* или домашніе идолы, сядеи—покровители охоты или рыбнаго промысла и многіе другіе. *Нуму*, тадебціямъ и идоламъ приносятся въ жертву

олени, собаки, коты и пр. Жертвы приносятъ и злому духу, чтобы умилостивить его. Главное дѣйствующее лицо во время жертвоприношеній — тадибей. Тадибеи же слѣдятъ и за тѣмъ, чтобы въ народѣ хранились древніе обычаи, преданія и предписанія вѣры. Правила вѣры и нравственности передаютъ изустно изъ рода въ родъ.

Вотъ нѣкоторыя изъ такихъ правилъ:

1. Вѣруй въ вышняго бога и почитай его.

2. Почитай отца и мать.

3. Ни на кого понапрасну не наговаривай и надъ другими не смѣйся.

4. Не убивай.

5. Не гордись.

6. Просящему у тебя давай; за это Нумъ дастъ тебѣ больше.

7. Что видишь—о томъ молчи, чтобы не вышло чего-либо черезъ тебя и др.

Мальчикъ-сирота.

(Самоѣдская сказка).

Около рѣки стояло большое самоѣдское становище—всего семьсотъ чумовъ. Въ этомъ становищѣ жило семь братьевъ старѣйшинъ. Всѣ они были женаты, но дѣтей у нихъ не было; только у старшаго изъ старѣйшинъ былъ мальчикъ. Мальчикъ этотъ былъ большой соня—онъ все спалъ, да спалъ—день и ночь. Одинъ разъ отецъ разбудилъ его и говоритъ: „Вставай! Мы всѣ идемъ въ гости—пойдемъ и ты съ нами!“ Мальчикъ проснулся и отвѣчаетъ: „Я въ гости не пойду, и вы не ходите: мнѣ сегодня приснилось, будто всѣхъ васъ убили, а я остался одинъ на свѣтѣ“. Отецъ разсердился и сказалъ: „Ну, спи себѣ тутъ, если хочешь, а мы пойдемъ“. Мальчикъ легъ и снова заснулъ. А сонъ его былъ вѣщій пришли самоѣды изъ другого становища, перебили всѣхъ, а собакъ и оленей угнали. На утро проснулся мальчикъ и видитъ: лежатъ всѣ убитыми. Нечего было дѣлать — пошелъ сирота куда глаза глядятъ—думаетъ: найду гдѣ нибудь жилье и людей.

Шелъ онъ долго, но не встрѣтилъ никого. Наконецъ, дошелъ до одного мѣста и видитъ, что тутъ недавно стоялъ чумъ: снѣгъ притоптанъ, и пепелъ на землѣ. Вотъ видитъ онъ: на снѣгу лежитъ обглоданная кость—вѣрно, собака ѣла и оставила. Мальчику очень хотѣлось ѣсть; онъ взялъ кость и началъ ее глодать. Потомъ подумалъ: можетъ быть, подъ снѣгомъ еще найду. Онъ сталъ разгребать руками снѣгъ—и точно, подъ снѣгомъ были еще кости, а между костями лежали серебряныя серьги. Мальчикъ взялъ серьги, спряталъ ихъ въ рукавицу и пошелъ дальше. Только—долго ли, коротко ли онъ шелъ, видитъ вдругъ: ѣдетъ самоѣдка

въ саняхъ, держитъ въ рукахъ харей*) и правитъ прямо на него. Вотъ она подъѣхала къ нему и спрашиваетъ; „Ты, вѣрно, идешь съ того мѣста, гдѣ стоялъ мой чумъ; не видалъ ли ты тамъ моихъ серебряныхъ сережекъ?“ Мальчикъ отвѣчалъ: „Твои сережки у меня тутъ въ рукавицѣ. Я отдамъ ихъ, только возьми меня съ собой въ твои санки и отвези меня туда, гдѣ люди живутъ“. Самоѣдка ничего не отвѣтила—подняла харей и ударила имъ мальчика. Мальчикъ упалъ въ снѣгъ, а она бросилась на него, отняла у него серьги, сѣла въ сани и уѣхала.

Всталъ мальчикъ и пошелъ дальше. Вотъ онъ опять находитъ мѣсто, гдѣ недавно было жилье. Сталъ онъ искать, нѣтъ ли тутъ чего нибудь съѣстного. Онъ нашелъ опять только одну старую кость. Поглодалъ ее мальчикъ и началъ опять разгребать снѣгъ—искать, не найдутся ли тамъ еще кости. Подъ снѣгомъ онъ на этотъ разъ нашелъ желѣзную лопатку. Мальчикъ взялъ лопатку и пошелъ дальше. Только видитъ онъ, опять ѣдетъ кто-то въ саняхъ. Онъ остановился и сталъ ждать. Вотъ санки близко подъѣхали къ нему и остановились; въ нихъ сидѣла дѣвочка самоѣдка. Дѣвочка самоѣдка спросила: „Мальчикъ, куда ты идешь?“ Мальчикъ отвѣчалъ: „Иду, куда глаза глядятъ, искать людей. Вотъ увидалъ я слѣды на снѣгу и пошелъ по слѣдамъ. Мнѣ ѣсть хочется, я умираю отъ голоду“. Дѣвочка сказала: „Ты, кажется, былъ у нашего чума; не видалъ ли ты тамъ моей желѣзной лопатки?“ — Я нашелъ желѣзную лопатку, но не знаю, чья она. — „Это моя лопатка, говоритъ дѣвочка, я и ѣхала назадъ за ней“.—Я отдамъ тебѣ твою лопатку, сказалъ сирота, а ты отвези меня на своихъ оленяхъ куда-нибудь, гдѣ бы только жили люди.—„Конечно, говоритъ дѣвочка, я отвезу тебя домой, къ себѣ. Отчего же мнѣ и не отвезти тебя? Вѣдь ты тутъ можешь умереть съ голода, а дома я тебя накормлю!“ Мальчикъ тотчасъ отдалъ ей лопатку, а она посадила его къ себѣ въ санки.

Вотъ ѣдутъ они, дѣвочка и спрашиваетъ его: „Чей ты, мальчикъ? Вѣрно ты идешь издалека: я тебя не знаю и никогда даже не видала“. Мальчикъ отвѣтилъ: „Меня никто на свѣтѣ не знаетъ: вѣдь я сирота. У меня нѣтъ ни отца, ни матери, никого на цѣломъ свѣтѣ. Жили у насъ въ становищѣ семь братьевъ; жили они богачами: у насъ было 700 чумовъ“.—Приходилось мнѣ слышать про этихъ семерыхъ братьевъ, сказала дѣвочка. Что же съ ними

---

*) Харей—длинный шестъ съ костянымъ набалдашникомъ и желѣзнымъ острымъ концомъ, которымъ самоѣды понукаютъ своихъ оленей.

сталось теперь?—„Они умерли всѣ вмѣстѣ, въ одну и ту же ночь: въ одну и ту же ночь ихъ всѣхъ перебили“. Дѣвочка спросила: „Знаешь ли ты, чьи эти олени, на которыхъ мы сейчасъ ѣдемъ съ тобой?“—Откуда же мнѣ знать? отвѣтилъ мальчикъ. Вѣдь я еще не великъ и мало что знаю. Только твои олени похожи на оленей моего отца.—„Какъ же ваши олени могли попасть къ намъ?“ спросила дѣвочка.—Ужъ этого я не знаю,—сказалъ мальчикъ. Дѣвочка и говоритъ: „Ну, такъ хочешь, я тебѣ скажу, какъ это случилось. Твой отецъ пріѣзжалъ къ намъ въ становище, къ моему отцу и засваталъ меня за тебя. Вотъ вмѣсто калыма *) онъ и подарилъ мнѣ этихъ оленей, да еще и эту желѣзную лопатку. Онъ еще далъ мнѣ мечъ, да его у насъ украли“.—Ну, мечъ я постараюсь найти тебѣ,—сказалъ мальчикъ. „Когда ты найдешь мой мечъ, я выйду за тебя замужъ“, говоритъ дѣвочка.

Наконецъ они пріѣхали въ становище. Дѣвочка самоѣдка привела мальчика въ чумъ къ своему отцу. Сталъ мальчикъ-сирота жить у нихъ въ чумѣ. А когда онъ выросъ и дѣвочка стала большой, онъ женился на ней.

Разъ собралось все становище перекочевать въ другое мѣсто. Запрягли самоѣды оленей, навьючили ихъ и пустились въ путь. Только сиротѣ дали самыхъ плохихъ оленей. Какъ онъ ни погонялъ ихъ, они не могли догнать остальныхъ—и онъ все оставался позади. Вдругъ весь поѣздъ разомъ остановился. Тутъ сирота и нагналъ ихъ. Одинъ самоѣдъ окликнулъ его и спрашиваетъ: „Оглянись, кто это за тобой ѣдетъ?“ Сирота отвѣчалъ: „За мной нѣтъ никого“—а самъ все-таки обернулся посмотрѣть. А самоѣдъ въ это время схватилъ свой харей и ударилъ его. Сирота тутъ же упалъ мертвымъ. Поѣздъ умчался; одна жена осталась возлѣ умершаго. Сидитъ она въ своихъ санкахъ и горько плачетъ. Вдругъ ея олени испугались чего-то, рванулись и умчали ее вслѣдъ за поѣздомъ.

Убитый сирота лежалъ въ снѣгу. Вдругъ изъ лѣса вышелъ старикъ: у него была всего одна нога, одна рука и одинъ глазъ; въ рукѣ онъ держалъ желѣзную палочку. Подошелъ старикъ къ сиротѣ, ударилъ его палочкой и говоритъ: „Что ты лежишь? Пора вставать! Иди домой: твой отецъ и всѣ твои родные снова живы“.

---

*) Калымъ—то, что даетъ отецъ жениха отцу невѣсты въ уплату за нее. Калымъ у самоѣдовъ бываетъ иногда очень большой: 100—200 оленей, 100—200 песцовъ, нѣсколько лисьевъ мѣховъ, нѣсколько аршинъ сукна, мѣдный котелъ и пр. Съ своей стороны родные невѣсты снабжаютъ ее приданымъ: санями, чумомъ, оленями и съѣстными припасами.

Сказалъ это старикъ—и тутъ же исчезъ изъ вида. Сирота поднялся съ земли, потянулся и говоритъ: „Крѣпко же я спалъ! Но кто же говорилъ мнѣ, что отецъ мой живъ?“ Оглядѣлся сирота кругомъ—нѣтъ никого. Онъ и подумалъ: „Должно быть мнѣ приснилось,“—и пошелъ по слѣдамъ своего поѣзда. А самоѣды между тѣмъ остановились ночевать. Онъ скоро дошелъ до нихъ, отыскалъ чумъ своей жены и легъ спать.

Утромъ рано поднялись всѣ, сложили чумы, запрягли оленей и поѣхали дальше. Опять дали сиротѣ самыхъ плохихъ оленей. Вотъ ѣдетъ онъ позади всего поѣзда. Опять спрашиваетъ его тотъ же самоѣдъ: „Что это за люди ѣдутъ сзади тебя?“—Никого нѣтъ—сказалъ сирота и оглянулся. А самоѣдъ опять ударилъ его хареемъ и убилъ его. Оставили тутъ сироту и уѣхали. Жена подумала: „Его навѣрное не убили; онъ опять догонитъ насъ, какъ вчера“—и уѣхала тоже. Опять вышелъ изъ лѣсу тотъ же одноглазый, однорукій и одноногій старикъ, съ желѣзною палочкой въ рукѣ. Ударилъ онъ убитаго сироту своей палочкой и говоритъ: „Я тебѣ еще вчера говорилъ, чтобы ты вернулся домой. Если хочешь быть цѣлымъ, вернись скорѣе — твой отецъ живъ“. Сказалъ и скрылся. Ожилъ опять сирота, всталъ и думаетъ: „Кто же это все зоветъ меня назадъ, домой, и говоритъ, что отецъ мой живъ?“ Поглядѣлъ вокругъ—никого нѣтъ. Онъ опять подумалъ: „Вѣрно мнѣ все это приснилось“. И пошелъ онъ по слѣдамъ искать своихъ. Они опять остановились на ночевку, и онъ скоро догналъ ихъ.

На слѣдующій день снова пустились въ путь, и опять ему дали самыхъ плохихъ оленей. Отъѣхали они немного, а тотъ же самоѣдъ говоритъ сиротѣ: „Посмотри, сколько оленей бѣгутъ за тобой“. Сирота обернулся, а самоѣдъ тутъ же закололъ его хареемъ, и поѣздъ весь уѣхалъ. Снова явился одноглазый, однорукій и одноногій старикъ, снова ударилъ мертваго своей желѣзной палочкой и говоритъ: „Въ третій разъ говорю тебѣ: вернись домой. Два раза я оживлялъ тебя—а ужъ больше я не буду тебѣ помогать“. Ожилъ сирота, всталъ, но не вернулся назадъ, а пошелъ во слѣдъ своему поѣзду. Догналъ онъ ихъ—а они уже всѣ легли спать. Онъ не пошелъ въ чумъ къ своей женѣ, но сѣлъ на санкахъ возлѣ чума и думаетъ себѣ: „Они хотѣли меня убить потому, что я имъ чужой“. Всталъ онъ и пошелъ къ тѣмъ санямъ, на которыхъ у нихъ были сложены луки*). Онъ ихъ взялъ и поломалъ.

*) Въ прежнее время у самоѣдовъ были въ употребленіи луки и стрѣлы съ широкими желѣзными наконечниками; теперь самоѣды стрѣляютъ уже не изъ луковъ, но изъ винтовокъ.

Потомъ онъ пошелъ къ санкамъ жены и досталъ изъ нихъ ея желѣзную лопатку. Сталъ онъ этой лопаткой рубить ихъ чумы. Проснулись люди, выбѣжали всѣ изъ чумовъ, бросились на него. А сирота знай себѣ отбивается желѣзной лопаткой, машетъ ею и вправо и влѣво. Всѣхъ ихъ положилъ на мѣстѣ—одну жену свою оставилъ въ живыхъ, да отца ея и мать. Когда стало свѣтло, онъ началъ осматривать убитыхъ. Оказалось, онъ всѣхъ перебилъ—только одинъ остался живъ—какъ разъ тотъ самоѣдъ, который три раза убивалъ его хареемъ: онъ убѣжалъ на лыжахъ. Сирота тоже надѣлъ лыжи и побѣжалъ за нимъ, по его слѣдамъ. Долго онъ бѣжалъ, наконецъ догналъ его. Начали они тутъ биться. Бились долго, долго—никакъ не одолѣютъ другъ друга. Наконецъ, какъ-то сразу ударили другъ друга—и оба упали мертвыми. Лежатъ они тутъ въ снѣгу—некому ихъ похоронить. Проходили тутъ лисицы, пробѣгали волки и съѣли ихъ—такъ что остались отъ нихъ одни косточки.

Вотъ прошла зима, и лѣто пролетѣло—наступила осень. Откуда ни возьмись, выходитъ изъ лѣсу тотъ же старикъ—одноглазый, однорукій, одноногій. Подошелъ онъ къ мѣсту, гдѣ лежали кости и говоритъ: „Сколько разъ я говорилъ тебѣ идти назадъ, къ отцу, а ты все не слушаешься. Ужъ такъ и быть—помогу я тебѣ еще разъ; но помни, что это будетъ въ послѣдній“. Взялъ старикъ, собралъ въ мѣшокъ кости сироты, всѣ до послѣдней косточки, взвалилъ мѣшокъ себѣ на плечи, да и пошелъ съ того мѣста. Вотъ дошелъ онъ, наконецъ, до большого камня. Онъ его сдвинулъ ногой. Подъ камнемъ была большая дыра. Старикъ полѣзъ въ эту дыру—а тамъ идетъ подземелье. Темь стоитъ, и слышно, какъ кругомъ кричатъ, свистятъ, поютъ. Только вдали еле-еле виденъ свѣтъ. Пошелъ старикъ на свѣтъ, а за нимъ бѣгутъ—гонятся какіе-то люди, хотятъ отнять у него мѣшокъ съ костями. На самихъ нѣтъ ни кожи, ни тѣла—одни кости гремятъ, да зубы щелкаютъ. Старикъ знай идетъ себѣ на свѣтъ. Вотъ видитъ—стоитъ чумъ. Онъ взошелъ въ него. Тамъ, около очага, сидѣла старуха. Старикъ бросилъ на землю мѣшокъ съ костями и говоритъ: „На тебѣ дровъ на огонь: брось-ка ихъ на очагъ“. Старуха сказала: „Вотъ и хорошо, что ты принесъ мнѣ дровъ: у меня уже всѣ дрова вышли“. Она взяла и высыпала тотчасъ всѣ кости въ огонь. Когда кости сгорѣли, она собрала золу и посыпала ею свою постель, а сама легла на нее. Черезъ три дня изъ пепла вышелъ цѣлъ и невредимъ сирота. Оглядѣлся сирота кругомъ и говоритъ: „Въ какомъ же я темномъ мѣстѣ спалъ“. Сталъ онъ думать, какъ бы

ему уйти отсюда. Только видитъ онъ, въ чумѣ нѣтъ ни дверей, ни дымового отверстія. Началъ онъ щупать стѣны—стѣны у чума желѣзныя. Вотъ онъ и говоритъ старухѣ: „Я хочу уйти отъ тебя, а дверей никакъ не найду“. Старуха ударила ногой въ стѣну—стѣна тотчасъ раздалась. Спрашиваетъ его старуха: „Чего бы тебѣ больше всего хотѣлось?“ Сирота отвѣчалъ: „Если бы я зналъ, гдѣ теперь моя жена, я бы желалъ пойти къ ней“.—Поживи у меня немного, говоритъ старуха, скоро прибѣгутъ мои олени—они отвезутъ тебя къ твоей женѣ.—Черезъ три дня прибѣжали олени старухи. Она запрягла ихъ въ санки, сама сѣла въ нихъ, посадила съ собой сироту и погнала оленей. Ѣдутъ они по подземелью, а тѣ чудовища безъ кожи и тѣла гонятся за ними, хотятъ убить сироту. Но олени бѣжали такъ быстро, что догнать ихъ было невозможно. Когда они добѣжали до большого камня, старуха сказала сиротѣ: „Сдвинь его, чтобы намъ съ тобой попасть на бѣлый свѣтъ“. Сирота хотѣлъ сдвинуть камень, но не могъ. Тогда старуха толкнула камень ногой; онъ и отлетѣлъ въ сторону. Выѣхали они тутъ на бѣлый свѣтъ, ѣхали долго и, наконецъ, добрались до одного чума. Въ этомъ чумѣ жила жена сироты съ отцемъ своимъ и матерью. Старуха уѣхала на своихъ оленяхъ, а сирота взялъ свою жену, ея отца и мать и отправился искать своихъ родныхъ. Долго ли коротко ли они ѣхали, только видятъ вдругъ—стоитъ становище на старомъ мѣстѣ, всѣ семьсотъ чумовъ. Надъ семистами чумами старѣйшинами живутъ опять семь братьевъ. Такъ сирота нашелъ своего отца и своихъ родныхъ. И сталъ онъ жить тутъ съ своей женой.

(**Castren**: „*Vorlesungen*)“.

Двѣ сестрицы.

(Самоѣдская сказка).

Двѣ женщины самоѣдки жили вмѣстѣ въ одномъ чумѣ: одна молодая, другая старуха. У молодой были двѣ дѣвочки, а у старухи не было дѣтей. Молодая работала не покладая рукъ: варила обѣдъ, обшивала своихъ дочерей; старуха же лежала по цѣлымъ днямъ и ничего не дѣлала. Разъ старуха говоритъ молодой: „Пой-

демъ, нащиплемъ себѣ травы; нечего подкладывать въ бахилы *).“— Некогда мнѣ, говоритъ молодая, я шью дѣвочкамъ одежу. Ну, да ужъ все равно, пойдемъ!—Пошли онѣ въ лѣсъ за травой. Молодая нагнулась къ землѣ щипать траву, а старуха—она была людоѣдка—вдругъ вытащила изъ-за пояса ножъ, изловчилась и заколола ее. Потомъ она зажгла костеръ, изжарила молодую и съѣла ее—одни кости оставила. „Послѣ съѣмъ“, подумала и вернулась въ чумъ. Дѣвочки спрашиваютъ ее: „А гдѣ же мать?“ Старуха отвѣтила: „Она щиплетъ траву; вернется, когда можно будетъ“. Потомъ она легла передъ дверью, чтобы дѣвочки не убѣжали, и заснула. Она хотѣла, когда проснется, съѣсть и дѣвочекъ.

А сестры спали на полу подъ пологомъ. Вотъ видитъ старшая, что мать долго не идетъ и надумала она пойти отыскать ее. Она вылѣзла изъ подъ полога, перешагнула тихонько черезъ старуху и выбралась изъ чума. Шла она, шла по лѣсу и дошла, наконецъ, до того мѣста, гдѣ лежали у потухшаго костра кости матери. Дѣвочка подумала: „Старуха съѣла мать и насъ съ сестрой съѣстъ. Надо бѣжать“. Она поймала двухъ птичекъ и пошла назадъ въ чумъ. Птичекъ она пустила подъ пологъ, а сама взяла сестру за руку и убѣжала вмѣстѣ съ ней изъ чума.

Старуха проспала семь дней, а потомъ проснулась. Она тотчасъ же потянулась къ пологу, чтобы вытащить оттуда дѣвочекъ и съѣсть ихъ; но подъ пологомъ только бились двѣ птички. Старуха разсердилась и побѣжала въ погоню за дѣвочками. Она скоро догнала ихъ и протянула уже руку—хотѣла схватить младшую, да старшая дѣвочка догадалась: взяла и бросила за плечо оселокъ. Сейчасъ же появилась широкая рѣка. Старуха осталась за рѣкой, а дѣвочки побѣжали дальше. Семь дней текла рѣка, а потомъ пропала, и старуха опять погналась за дѣвочками. Вотъ опять она уже почти нагнала ихъ; но старшая бросила за спину кремень. Точно изъ земли выросла, стала тутъ гора. Дѣвочки пустились бѣжать дальше, а старуха осталась за горой. Гора стояла семь дней, а затѣмъ пропала. Старуха тотчасъ же побѣжала дальше. Слышатъ дѣвочки погоню за собой—испугались онѣ; старшая взяла и бросила за плечо гребень. Тотчасъ выросъ дремучій лѣсъ. Старуха опять остановилась и стала ждать, пока лѣсъ не исчезнетъ.

А дѣвочки все бѣжали да бѣжали. Три дня уже бѣжали онѣ и пришли, наконецъ, къ мѣсту, гдѣ недавно было жилье. Тутъ

*) Бахилы,—обувь, сшитая изъ мягкой кожи. Подошва у бахилъ мягкая и поэтому, чтобы удобнѣе было ходить, въ нихъ подкладываютъ мелкую траву.

сидѣло семь воронъ; онѣ ѣли остатки оленьяго мяса. Старшая дѣвочка спросила у одной вороны: „Родимая, покажи намъ дорогу къ людямъ“. Ворона отвѣчала: „Идите все прямо; вы придете къ морскому берегу; тамъ вы увидите семь чаекъ. Спросите у нихъ дорогу—онѣ вамъ скажутъ, куда идти“. Прибѣжали дѣвочки къ морскому берегу, сидятъ тутъ семь чаекъ—ѣдятъ тюленье мясо. Старшая дѣвочка опять спросила у одной чайки: „Родимая, какъ намъ попасть къ людямъ?“—Идите все по морскому берегу, говоритъ чайка, скоро вы увидите островъ недалеко отъ берега. Тамъ живетъ старуха, она васъ и перевезетъ черезъ проливъ.—Дѣвочки поблагодарили чайку и побѣжали по берегу.

Скоро онѣ добѣжали до мѣста, съ котораго былъ виденъ островъ. На островѣ стоялъ чумъ. Дѣвочки стали звать и просить перевоза. Вотъ изъ чума вышла старуха и начинаетъ ихъ спрашивать: „А что, хороша ли я собой?“—Лицо твое, родимая, свѣтло, какъ солнце,—ласково отвѣтила старшая дѣвочка. „А руки мои и ноги каковы?“—Онѣ у тебя круглыя, полныя и жирныя, какъ мясо у моржа, родимая.—Тутъ старуха крикнула что-то. Откуда ни возьмись, появился бобръ. Онъ тотчасъ переплылъ на берегъ къ дѣвочкамъ; онѣ сѣли на него, и онъ перевезъ ихъ на островъ.

Дѣвочки едва успѣли переѣхать, какъ по берегу уже бѣжитъ старуха людоѣдка. Завидѣла она островъ и начала браниться и звать перевозчика. Вышла опять старуха съ острова. „Хороша ли я собой?“—спрашиваетъ. Отвѣчаетъ со злостью людоѣдка: „Уродъ ты—чего еще спрашиваешь?“—А руки и ноги у меня каковы?—„Да высохли всѣ—словно черенки ложекъ“. Старуха что-то крикнула, и тотчасъ же появилась бѣлуха и подплыла къ берегу. „Садись на нее—она тебя перевезетъ“, говоритъ старуха съ острова.—Какъ же мнѣ сѣсть на нее? вѣдь у нея спина острая. Ты мнѣ скажи, какъ дѣвочки переѣхали.—„Дѣвочки также переѣхали“. Людоѣдка сѣла на бѣлуху, а та понесла ее въ открытое море и сбросила въ воду. Тутъ она и утонула.

Дѣвочки стали жить на островѣ, у старухи. Жили онѣ долго и наконецъ соскучились. „Родимая, намъ хочется къ людямъ; скажи намъ, какъ пройти въ такое мѣсто, гдѣ живутъ люди“, начала просить старшая дѣвочка. Старуха сказала: „Идите вотъ по той тропинкѣ и придете къ морю. Тамъ въ заливѣ стоитъ мѣдная лодка. Садитесь въ нее, а она ужъ сама поѣдетъ и привезетъ васъ къ людямъ. Только смотрите: въ лодкѣ лежатъ топоры и ножи—не трогайте ихъ. Если дотронетесь, они ранятъ васъ на смерть, да и лодка остановится. Смотри же ты, старшая сестра, за младшей:

сидите смирно въ лодкѣ. А какъ пріѣдете на мѣсто, скажите, выходя на берегъ: плыви, лодка, туда, откуда пріѣхала — тогда она вернется снова ко мнѣ".

Дѣвочки поблагодарили старуху, простились съ ней и пошли по тропинкѣ. Скоро онѣ спустились къ морю и нашли мѣдную лодку. На днѣ ея лежало много топоровъ и ножей, но ни веселъ, ни парусовъ на ней не было. Дѣвочки сѣли въ лодку, и она поплыла сама. Долго она плыла по морю; наконецъ, доѣхала до устья небольшой рѣчки. Лодка повернула въ рѣку и поплыла по ней. По берегамъ рѣчки росли березы, сосны, черемухи. Въ одномъ мѣстѣ на обоихъ берегахъ выросло по лиственницѣ. Ихъ вѣтви сплелись надъ водой. Младшей захотѣлось срѣзать вѣточку у лиственницы. Она схватила со дна лодки ножикъ; но тотчасъ же ножикъ поранилъ ее, и она умерла—а лодка остановилась.

Заплакала горько старшая дѣвочка, да слезами горю не пособить. Она вышла на берегъ, вынула изъ лодки сестру и сказала: „Плыви, лодка, туда, откуда пріѣхала". Лодка сейчасъ же повернулась и поплыла назадъ. Осталась дѣвочка одна въ лѣсу. Взяла она на руки сестру и пошла, куда глаза глядятъ. Пришла она наконецъ, въ березнякъ и говоритъ: „Тутъ я похороню ее; нѣтъ мочи нести мнѣ ее дальше: руки у меня болятъ". Вдругъ видитъ она—подъ березой волчья яма. Она положила туда сестру, а сама пошла дальше искать людей.

Она шла по лѣсу нѣсколько мѣсяцевъ. Ужъ и зима началась. Стала дѣвочка зябнуть. Вотъ разъ вышла она къ рѣкѣ. Видитъ она, на рѣкѣ стоятъ двое саней; въ одни впряженъ пестрый олень, въ другія — совершенно бѣлый. Сѣла она на санки и стала ждать. „Навѣрное, думаетъ, придетъ сюда кто-нибудь за оленями: должно быть люди пошли за чѣмъ нибудь въ лѣсъ". Сидѣла она тутъ цѣлый день. Ужъ къ вечеру вышли изъ лѣса двое самоѣдовъ. Увидали они дѣвочку, спрашиваютъ ее: „Хочешь къ намъ въ становище? мы тебя отвеземъ".—Спасибо, говоритъ дѣвочка, я хоть и пѣшкомъ за вами дойду.—Тогда старшій, у котораго былъ совсѣмъ бѣлый олень, сказалъ младшему: „Возьми къ себѣ въ сани дѣвочку". Но тотъ отвѣчалъ: „Не хочу я никого сажать въ свои сани; самъ возьми ее". Старшій посадилъ дѣвочку въ свои сани, и они поѣхали въ становище.

Тутъ жило много самоѣдовъ, а главными надъ всѣми были двое старѣйшинъ. Самоѣды, которые привезли дѣвочку, были сыновьями этихъ старѣйшинъ. Дѣвочка стала жить въ становищѣ; а когда она подросла, на ней женился тотъ самоѣдъ, у котораго былъ бѣлый олень.

Разъ собрались всѣмъ становищемъ перекочевать на другое мѣсто. Сложили чумы, навьючили оленей и поѣхали. Остановились на ночевку; ночью началась буря; собрались волки—и олени разбѣжались. Утромъ сыновья старѣйшинъ отправились разыскивать оленей. Поѣхали они въ разныя стороны. У старшаго вдругъ испугался чего-то его бѣлый олень. Онъ подумалъ: „Нѣтъ ли тутъ по близости волковъ?" И точно — тутъ вблизи оказалась волчья яма. Только слышитъ онъ: въ ямѣ воютъ волчата, и будто еще кто-то плачетъ, словно дѣвушка. Подошелъ онъ къ ямѣ, нагнулся и сказалъ: „Не плачь, отецъ принесетъ тебѣ мяса". Потомъ онъ поѣхалъ къ своимъ. Тутъ онъ все разсказалъ женѣ. Жена и говоритъ: „Кабы это была моя сестра! Вѣдь я ее тоже положила тогда въ волчью яму. Поѣдемъ туда завтра". На слѣдующій день они всѣ вмѣстѣ поѣхали туда. Посмотрѣли въ яму—волка тамъ нѣтъ, а сидятъ волчата, и съ ними дѣвушка. Они волчатъ убили, а дѣвушку взяли съ собой. Только сначала она какъ будто ничего не понимала и все кричала. Развели въ чумѣ огонь, посадили ее около огня. Она долго глядѣла въ огонь, а потомъ будто вдругъ проснулась и спросила: „Долго я спала, сестрица?"—Долго, сестрица, долго. Мы съ тобой ѣхали въ мѣдной лодкѣ, и ты поранила себя волшебнымъ ножемъ. Я тебя положила въ волчью яму, а вчера мой мужъ услыхалъ, какъ ты плакала. Такъ то мы тебя и нашли.—

Младшая сестра скоро вышла замужъ за сына второго старѣйшины—за того, у котораго былъ пестрый олень. Жили обѣ сестры вмѣстѣ въ одномъ становищѣ, жили долго и хорошо.

(Castren: *„Vorlesungen"*).

———✕———

ЛОПАРИ.

Лопари живутъ въ Кольскомъ уѣздѣ Архангельской губерніи и въ сѣверной части Финляндіи; встрѣчаются они также на сѣверѣ Швеціи и Норвегіи. Всѣхъ лопарей насчитываютъ около 20000; изъ этого числа такъ называемыхъ русскихъ лопарей всего около 2000.

Лопари принадлежатъ къ финскому племени. Они малы ростомъ; волосы у нихъ темно- или свѣтло-русые, скулы выдающіяся, губы тонкія и блѣдныя, борода рѣдкая. Въ кругу своихъ лопари веселы, довѣрчивы и общительны; но частые обманы поморовъ, ведущихъ съ ними торговыя дѣла, къ сожалѣнію, далеко не честно, развили въ нихъ недовѣрчивость и скрытность по отношенію къ чужимъ. Лопарь отличается необыкновенной честностью; онъ всегда вѣренъ своему слову и чрезвычайно гостепріименъ.

Занятія русскихъ лопарей заключаются преимущественно въ рыбной ловлѣ и въ охотѣ; шведскіе же лопари занимаются оленеводствомъ. Русскій лопарь полукочевникъ. Ранней весной онъ перекочевываетъ всею семьею на берега какой-нибудь быстрой порожистой рѣчки или тихаго озера, гдѣ водится много рыбы. Тутъ онъ распускаетъ своихъ оленей, которые въ лѣтніе мѣсяцы ему не нужны. Жилищемъ ему служитъ вѣжа или *кюитъ*. Это родъ шалаша, сдѣланный изъ вколоченныхъ въ землю жердей и обложенный хворостомъ или дерномъ. Наверху оставлено отверстіе для дыма; огонь раскладывается прямо на землѣ. Иногда лопарь устраиваетъ себѣ походный шалашъ, обтянутый парусомъ—такой шалашъ называется *куванса*. Лопарь ловитъ рыбу все лѣто. Глубокой осенью онъ разыскиваетъ при помощи собакъ своихъ оленей, которые за

это время сами искали себѣ пищу на тундрахъ и на горахъ, и перекочевываетъ въ свой погостъ (селеніе), гдѣ ждетъ его зимнее жилище — *тупа (пыртъ)*. Это четыреугольный срубъ съ плоской

Жилище лопарей на кочевкѣ.

крышей. Въ одномъ углу тупы сдѣланъ камелекъ изъ сложенныхъ камней; по стѣнамъ лавки. Зимой лопари занимаются охотой. Какъ шкуры убитыхъ звѣрей, такъ и пойманную рыбу, сушеную и копченую, лопари хранятъ въ амбарахъ, которые они строютъ на высокихъ столбахъ, чтобы не могли въ нихъ забраться лисицы и волки.

Костюмъ мужчинъ состоитъ лѣтомъ изъ холстинной или ситцевой рубашки, суконныхъ штановъ и кафтана; обувь изъ сапоговъ или кожаныхъ *нюреньковъ* въ видѣ туфлей, съ острымъ загнутымъ кверху носкомъ (у нюреньковъ подошва мягкая и въ нихъ часто подкладываютъ мелкую траву—ситникъ); на головѣ носятъ остроконечный колпакъ. Зимой сверхъ рубахи надѣваютъ вязаную шерстяную рубашку доходящую только до пояса—*бузурунку*. Вмѣсто шубы носятъ такъ назыв. *печокъ*,—одежду изъ оленьяго мѣха, шерстью наружу съ отверстіемъ для головы. Зимніе штаны

и зимніе высокіе сапоги или *яры* шьютъ изъ оленьяго мѣха шерстью кверху. Зимнія шапки у нихъ подбиты мѣхомъ и украшены лоскутами цвѣтного сукна.

Лопари въ зимней одеждѣ.

Лопарки носятъ холщевыя рубашки и сарафаны; на ногахъ—суконные чулки, которые онѣ подвязываютъ у щиколки. Головной уборъ замужней женщины дѣлается изъ краснаго кумача или сукна и называется *шемширъ*. Дѣвушки надѣваютъ „перевязки“—невысокій уборъ, открытый наверху и вышитый бисеромъ; поверхъ убора покрываются платкомъ. Зимою лопарки надѣваютъ суконныя *юпы*

(юбки) и овчинныя шубы. На ногахъ носятъ яры. Всѣ женщины носятъ на ремнѣ ножикъ и игольникъ со всѣми принадлежностями для шитья.

Лопари давно уже приняли христіанство. Когда-то, во времена язычества, они вѣрили въ верховное божество, управляющее всѣмъ

Лопарки.

міромъ, которое жило на небѣ и которому подвластны были другіе боги. Богъ грома—*Айеке*, вооруженный лукомъ—радугой, гонялся за нечистой силой, прятавшейся отъ него въ озерахъ, рѣкахъ и горахъ. Въ появленіи на свѣтъ новаго человѣка принимали уча-

стіе могущественные боги *Мадерачъ*, *Мадеракка* и ихъ дочери *Саракка* и *Уксъ-акка*. Каждый день *Пейве* — солнце, по ихъ вѣрованіямъ, объѣзжалъ свои небесные владѣнія на медвѣдѣ и оленѣ; у него были мать, сестра, жена и дочь. Существовали также, по ихъ мнѣнію, подземныя божества и цѣлый рядъ второстепенныхъ божествъ, изъ которыхъ одни отличались необычайною силою и жестокостью и вредили людямъ, другіе благодѣтельствовали имъ. Въ вѣрованьяхъ и суевѣріяхъ современныхъ лопарей еще остались слѣды полузабытаго язычества. До сихъ поръ они вѣрятъ въ духовъ, населяющихъ горы, рѣки, озера. Были у лопарей и священные камни—такъ называемые *сейды*, которымъ они поклонялись и приносили жертвы: мазали ихъ рыбьимъ жиромъ, рѣзали передъ ними оленей и которые, будто бы, помогали имъ на охотѣ и рыбной ловлѣ.

Особеннымъ поклоненіемъ пользовались духи-покровители оленей, пасущихся на волѣ, а также домашніе духи, обитающіе въ одномъ жилищѣ съ человѣкомъ. Этимъ божествамъ до сихъ поръ приносятся жертвы. Вѣра въ колдуновъ шамановъ, такъ называемыхъ *нойдовъ*, также сохранилась. Нойды предвѣщаютъ будущее, указываютъ, въ случаѣ заболѣванія лопаря, причину его болѣзни и способъ ея лѣченія. Для своихъ гаданій они употребляютъ бубенъ, увѣшанный разными побрякушками и расписанный разными знаками и фигурами. Нойдъ ударяетъ по бубну, пляшетъ и поетъ, пока не падаетъ въ изнеможеніи и безъ памяти на землю: присутствующіе вѣрятъ, что въ это время душа нойда покидаетъ его тѣло и странствуетъ повсюду. Придя въ себя, нойдъ возвѣщаетъ, что его душа видѣла во время этихъ таинственныхъ странствій.

— — X — —

Какъ дочь старухи сдѣлалась женой солнца.

Лопарская сказка.

Жилъ старикъ со старухой; у нихъ была дочь. Разъ старикъ пошелъ въ лѣсъ драть бересту. Вдругъ изъ подъ березы выскочила лягушка и говоритъ: „Старикъ, возьми меня замужъ". Старикъ отвѣчалъ: „Куда мнѣ съ тобой—у меня есть жена". Лягушка разсердилась и говоритъ: „У меня есть ножницы: если я ими уколю тебя разъ—у тебя будутъ двѣ раны; если уколю во второй—будутъ четыре; если уколю въ третій—будутъ шесть ранъ, и ты изойдешь кровью". Старикъ испугался и сказалъ: „Хорошо, будь моей женой". Лягушка велѣла ему построить себѣ вѣжу и каждый день носить ей пищу.

У лягушки были два сына и одна дочь. Одного сына звали Тесаный Пень, другого—Оленій Хомутъ, а дочь называлась Остроглазка. Когда они подросли, они все стали больше и больше просить ѣды, такъ что старику не подъ силу было имъ доставать пропитаніе. Тогда лягушка сказала ему: „Если ты не будешь насъ кормить, мы съѣдимъ сперва тебя, потомъ твою старуху, потомъ твою дочь". Они такъ и сдѣлали: съѣли старика, потомъ взяли и старуху. А старуха раньше и говоритъ дочери: „Когда они съѣдятъ меня, ты собери всѣ мои косточки въ мѣшокъ и сосчитай ихъ. Всѣхъ соберешь девяносто девять, а нужно, чтобы ихъ было сто. Ты ударь по спинѣ Остроглазку—у нея изо-рта и выпадетъ кость; возьми скорѣй эту косточку, кинь въ мѣшокъ и бѣги. Какъ добѣжишь ты до луга, гдѣ течетъ рѣчка, положи кости на землю, ударь ихъ три раза березовымъ сучкомъ — и сдѣлается тупа. Въ ней ты и живи. А вотъ тебѣ еще сонная спичка". Дочь такъ и сдѣлала. Когда лягушка съ дѣтьми съѣли старуху, она подобрала девяносто девять косточекъ, потомъ ударила Остроглазку

по спинѣ — у той и выпала изо рта послѣдняя кость. Остроглазка разсердилась и крикнула: „Постой, придетъ время и до тебя — тогда полакомлюсь“. А дѣвушка уже пустилась бѣжать. Добѣжала она до луга, гдѣ текла рѣчка, положила мѣшокъ съ костями на землю, ударила по нимъ три раза березовымъ сучкомъ— глянь, точно изъ земли выросла тупа. Стала дѣвушка тутъ жить-поживать.

Вотъ лягушка хватилась дѣвушки и послала старшаго сына отыскать ее и узнать, какъ она живетъ. Тесаный Пень пошелъ и скоро нашелъ дѣвушку. Онъ попросился къ ней въ тупу отдохнуть съ дороги. Она пустила его къ себѣ, накормила и уложила спать. Когда же онъ заснулъ, она тронула его сонной спичкой— онъ сразу ослѣпъ и оглохъ. А сама она въ это время играла съ солнцемъ и вышивала поясъ золотомъ и серебромъ. На другое утро она отослала сына лягушки домой. Онъ пришелъ и ничего не могъ сказать, какъ живетъ дѣвушка. Лягушка разсердилась и говоритъ: „Дали тебѣ имя Пень — и справедливо“. Послала она второго сына. Дѣвушка и его угостила, уложила спать и тронула сонной спичкой. И онъ, вернувшись домой, ничего не могъ разсказать. Мать и ему сказала: „Хомутъ ты—хомутомъ и останешься“. На третій день лягушка послала свою дочь Остроглазку. Дѣвушка уколола ей глаза и уши сонной спичкой—а сама сѣла играть съ солнцемъ и вышивать свой поясъ серебромъ и золотомъ. Но у Остроглазки были еще другіе глаза на затылкѣ: ими она и увидала, что дѣвушка дѣлаетъ. Она вернулась домой и разсказала все матери. Тогда онѣ обѣ рѣшили погубить дѣвушку. А та на всякій случай взяла свой поясъ, подвязала имъ себя подъ платьемъ и запрятала въ него сонную спичку; а въ косу положила ножичекъ. Утромъ лягушка вломилась къ ней въ тупу, вмѣстѣ съ Остроглазкой. Онѣ схватили ее, зашили въ нерпичью шкуру и бросили въ море. Вернулись къ тупѣ—смотрятъ, а ея и не стало. Остроглазка и говоритъ: „Дѣвкиной-то избы нѣту; гдѣ же теперь искать поясъ-то“. Лягушка сказала: „Ну, теперь поздно—не воротишь дѣвку; ужъ ее теперь далеко унесло“. И пошли онѣ ходить по лѣсамъ и болотамъ—и по сю пору, вѣрно, ходятъ.

Дѣвушку же принесло волнами къ берегу. Она распорола ножичкомъ кожу, вышла на берегъ и пошла, куда глаза глядятъ. Ей очень хотѣлось ѣсть—она и ѣла по дорогѣ ягоды. Вотъ, наконецъ, она пришла къ какой-то тупѣ. Зашла въ нее—вездѣ пусто, только крови на полу налито, словно озеро. Она начала вычерпывать кровь; два раза вычерпывала, но кровь опять выступала. На-

конецъ, послѣ третьяго раза крови не стало видно совсѣмъ. Тогда она вымыла избу. Потомъ она начала искать, нѣтъ ли чего въ тупѣ поѣсть; увидала за печкой лепешки *), взяла одну, отломила кусокъ и поѣла. Но ей было страшно, потому что въ тупѣ вездѣ была кровь: она взяла обернулась веретеномъ и спряталась за печкой.

А въ этой тупѣ жили сполохи **). Они приходили сюда ночью и бились другъ съ другомъ; тогда на небѣ дѣлалось свѣтло, точно огни горѣли, и люди говорили: „Сполохи опять рѣжутся“. Вечеромъ вернулись домой сполохи; они сейчасъ же сказали: „Здѣсь былъ человѣкъ-женщина, но ея не видно“. Начали они всѣ ѣсть; взяли по лепешкѣ—а у одного лепешка начата. Звали его Найнасъ. Сполохи сказали ему: „Найнасъ, этотъ человѣкъ тебѣ родня“. Найнасъ крикнулъ: „Покажись, кто здѣсь есть! Если ты старикъ—ты будешь мнѣ отцомъ; если старуха—будешь мнѣ матерью; молодой—братомъ; женщина—сестрой, а дѣвица—женой“. Какъ только онъ сказалъ это, веретено выпрыгнуло изъ-за печки и обратилось въ дѣвушку. Найнасъ обнялъ ее, поцѣловалъ и сказалъ: „Ты будешь мнѣ женой. Но жить тебѣ здѣсь нельзя: тутъ сполохи рѣжутся. Пойдемъ, я провожу тебя къ моей матери“. Онъ привелъ ее къ дорогѣ, далъ клубокъ нитокъ и сказалъ: „Брось его на дорогу: куда онъ покатится туда и иди. Смотри на клубокъ, а больше никуда не гляди: иначе сполохи унесутъ тебя на небо. Какъ придешь къ рѣкѣ—зови перевозчика. Тебя перевезетъ моя мать: она живетъ на томъ берегу. Какъ придешь, сдѣлай вѣжу—мы въ ней будемъ жить съ тобой“. Она бросила клубокъ на дорогу и пошла за нимъ. Шла она долго днемъ и ночью. Ночью ее напугали сполохи, такъ что она чуть осталась жива: она слышала, какъ они пѣли: „Идетъ жена Най-

---

*) Лопари рѣдко ѣдятъ хлѣбъ, потому что печь хлѣбы на ихъ очагахъ нельзя. Вмѣсто него они употребляютъ въ пищу хлѣбныя лепешки; ихъ пекутъ, намазавъ тонкій слой тѣста на каменную плитку, которую ставятъ близко къ огню.

**) Сполохи—сѣверное сіяніе. По вѣрованію лопарей, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, это—души убитыхъ людей. Они живутъ въ избѣ, въ которой иногда происходитъ рѣзня ихъ другъ съ другомъ. Тогда на небѣ появляются огненные красные столбы. По мнѣнію другихъ лопарей, сполохи—души умершихъ, идущихъ на небо. Бывали случаи, когда лопарки утверждали, что въ лучахъ сѣвернаго сіянія они ясно видѣли умершаго отца, мужа или брата. При сѣверномъ сіяніи лопари боятся ѣздить съ колокольчикомъ, такъ какъ существуетъ повѣрье, что во время бряцанія колокольчиковъ сполохи могутъ спускаться съ неба и поднять съ собой проѣзжающаго лопаря. Вообще же, какъ у большинства некультурныхъ народовъ, сѣверное сіяніе считается и у лопарей предвѣстникомъ несчастія.

наса; но скоро ее возьметъ солнце". Она не оглядывалась, а шла все дальше и глядѣла только на клубокъ. Наконецъ, она пришла къ рѣкѣ и стала кликать перевозчика. Ее перевезла мать Найнаса. Дѣвушка тотчасъ начала строить вѣжу, а вечеромъ пришелъ къ ней Найнасъ. Онъ сказалъ ей: „Какъ только будетъ свѣтать — я уйду: если солнце увидитъ меня, оно меня сожжетъ". А дѣвушка повѣсила надъ постелью свой серебряный поясъ. Какъ ни проснется Найнасъ, она все говоритъ ему: „Спи, еще ночь; посмотри, какъ на небѣ блестятъ звѣзды". Такъ она обманывала его три раза. Наконецъ, мать Найнаса закричала: „Невѣстка, возьми оленьи шкуры: онѣ присохнутъ отъ солнца". Услыхавъ это, дѣвушка испугалась и выглянула изъ двери, не покрывъ голову платкомъ. Солнце увидало ее и схватило ее за волосы. Она закричала: „Найнасъ, дай мнѣ воды: меня жжетъ солнце"! Найнасъ выбѣжалъ, но тотчасъ солнце сожгло его, и онъ умеръ. Тогда дѣвушка взмолилась: „Солнце, ороси меня водой!" Солнце сжалилось, оросило ее водой, но не отпустило. Ему она очень полюбилась. Оно взяло ее къ себѣ, и сдѣлалась дѣвушка женой солнца.

Вскорѣ у нихъ родилась дочь. Пока она была маленькая, ее учили всему, а когда она подросла, солнце рѣшило опустить ее на землю, чтобы она нашла себѣ суженаго. Солнце и жена его сказали ей: „Иди замужъ за перваго, кого встрѣтишь; живите въ любви, и у васъ всего будетъ довольно". Дали ей еще шелку и сказали: „Приготовь три платка, продай ихъ—и денегъ у васъ будетъ довольно". Солнце вмигъ опустило свою дочь на землю. Она пошла по землѣ и скоро встрѣтила пастуха. Она вышла за него замужъ, какъ ей было велѣно. И платки она сдѣлала, продала ихъ и стали они жить богато.

Люди начали имъ завидовать и говорить, что они живутъ чужимъ добромъ. Пастухъ и сказалъ имъ: „У меня все добро отъ солнца; если я захочу, я могу даже и подняться къ нему". Народъ еще больше разсердился; говорятъ ему: „Если такъ, то поднимись завтра къ солнцу; а если ты не подымешься, мы убьемъ тебя". Пришелъ пастухъ домой и разсказалъ все женѣ. Она опечалилась, но сказала: „Дождемся утра". Утромъ они пошли на встрѣчу солнцу и увидали, что оно ѣдетъ на оленѣ. Они остановили его и разсказали свое горе. Солнце сказало пастуху: „Садись со мной— поѣдемъ". Жена пастуха пошла обратно. Сосѣди спросили ее: „Гдѣ мужъ?" Она отвѣчала: „Онъ поднялся къ солнцу".

Солнце привезло пастуха домой. Теща приняла его ласково и угостила. Солнце сказало зятю: „Теперь спи, а утромъ поѣзжай

вокругъ земли вмѣсто меня. Утромъ ты поѣдешь на медвѣдѣ; въ полдень пересядь на оленя, а вечеромъ на важенку *)". Пастухъ такъ и сдѣлалъ. Когда онъ ѣхалъ на оленѣ, ему захотѣлось ѣхать скорѣе, и онъ началъ гнать его. Олень скоро упалъ мертвымъ. Пастухъ пересѣлъ на важенку и вернулся на ней къ солнцу. На слѣдующій день солнце поѣхало вокругъ земли и увидало, что на дорогѣ лежитъ мертвый олень. Вернулось солнце — разспросило объ этомъ пастуха. Онъ разсказалъ, какъ все было. Тогда солнце сказало, чтобы онъ въ другой разъ не мучилъ животныхъ.

На третій день солнце и его жена простились съ пастухомъ, дали ему много добра и спустили его на землю. Онъ вернулся домой и зажилъ съ женой еще лучше, еще богаче прежняго.

(**Н. Харузинъ:** *„Русскіе лопари"*).

— x —

*) Важенка—самка оленя.

ФИНЛЯНДЦЫ.

Финляндцы или финны населяютъ Великокняжество Финляндское; они живутъ также и въ губерніяхъ Петербургской и Олонецкой. Всѣхъ ихъ—болѣе 1.000.000 душъ. Они раздѣляются на двѣ большія группы: *таваcты* или собственно финляндцы и *корелы*. Корелы, которые живутъ на сѣверо-востокѣ Финляндіи и въ Петербургской и Олонецкой губерніяхъ, въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ русскими, постепенно русѣютъ. Собственно же финляндцы, которые были присоединены къ Россіи только въ началѣ XIX столѣтія, находятся и до сихъ поръ подъ сильнымъ вліяніемъ шведовъ, владычеству которыхъ они подпали еще въ XIII вѣкѣ. Настоящіе финны не высоки ростомъ, коренасты и широкоплечи. Лица у нихъ широкія, некрасивыя, волосы очень свѣтлые; глаза сѣрые; бороды они не носятъ. Корелы болѣе красивы, чѣмъ таваcты. Финляндцы—народъ угрюмый и несообщительный на первый взглядъ: они недовѣрчивы къ чужимъ, подозрительны и скрытны; задумчивы и молчаливы. Лучшими чертами ихъ характера служатъ трудолюбіе, неутомимая энергія и настойчивость въ трудѣ. Только благодаря этимъ качествамъ финны сумѣли остаться побѣдителями въ суровой борьбѣ съ угрюмой и бѣдной природой своей страны. Почва Финляндіи—каменистая, болотная и неплодородная; климатъ сырой; зимы холодныя, лѣто жаркое, но короткое. Несмотря на эти невыгодныя для земледѣлія условія, финны упорнымъ трудомъ сдѣлали свою землю годной для хлѣбопашества; чтобы сдѣлать почву производительной, они осушаютъ болота, сжигаютъ лѣса и т. п. Кромѣ земледѣлія они занимаются также рыбной ловлей, ското-

водствомъ и молочнымъ хозяйствомъ, рубкой и сплавомъ лѣса, добываніемъ смолы и дегтя.

Финны живутъ въ деревняхъ. Деревни эти обыкновенно очень небольшія—иногда всего въ 2—3 двора, которые разбросаны далеко

Селеніе въ Финляндіи.

другъ отъ друга. Избы—бревенчатыя; крыши ихъ покрыты тесомъ или корой, а у болѣе богатыхъ дранками. Многія избы топятся еще по черному; окна часто обращены не на улицу, но во дворъ. Къ избѣ тѣсно примыкаютъ хозяйственныя постройки: амбаръ, хлѣвъ, сарай, конюшня, баня. Амбары иногда выводятъ въ два яруса; внизу хранятъ припасы и хозяйственныя орудія; наверху же устраиваютъ горницы, темныя, безъ оконъ, гдѣ сохраняютъ платье и спятъ. Бани крохотныя и курныя; онѣ представляютъ изъ себя низкій бревенчатый срубъ съ плоской крышей; въ одномъ углу изъ камня сложена каменка. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ строятъ на дворѣ отдѣльный шалашъ изъ еловыхъ или сосновыхъ кольевъ, воткнутыхъ въ землю и скрѣпленныхъ другъ съ другомъ наверху. Такой шалашъ называется *кота* и служитъ кухней. Огонь въ немъ раскладывается на очагѣ, сложенномъ изъ плоскаго камня.

На одеждѣ финновъ сказалось вліяніе сосѣднихъ народовъ. Корелы переняли одежду русскихъ: въ костюмѣ тавастовъ видно подражаніе шведамъ. Финляндцы носятъ куртки и кафтаны свѣтло-сѣраго цвѣта, темносиніе штаны, жилеты, обыкновенно краснаго

цвѣта, украшенные мѣдными пуговицами; на головѣ—фуражки или круглыя широкополыя шляпы; на ногахъ сапоги или башмаки съ пряжками. Женщины нерѣдко мѣняютъ свой національный костюмъ на такъ называемое нѣмецкое платье. Собственный финляндскій костюмъ состоитъ изъ бѣлой, расшитой краснымъ, рубашки, темной или полосатой суконной юбки и бѣлой суконной короткой кофты. На ногахъ носятъ чулки и кожаные башмаки. Украшеніемъ служатъ бусы изъ раковинъ и металлическія бляхи.

Образованіе широко распространено среди финновъ, какъ въ городскомъ, такъ и въ сельскомъ населеніи. Финны обязаны этимъ шведскому правительству, которое издавна перенесло въ завоеванную имъ страну свой языкъ, а также и христіанскую вѣру. Въ настоящее время финны исповѣдуютъ лютеранство. Они не чужды, впрочемъ, многимъ суевѣріямъ. Финскій языкъ до сихъ поръ сохранился въ первобытной чистотѣ. У финновъ прекрасныя народныя пѣсни, въ которыхъ рисуется вдумчивый, спокойный характеръ финна, его любовь къ дикимъ красотамъ унылой природы Финляндіи, привязанность къ домашнимъ и къ тихимъ радостямъ семейной жизни, его уваженіе къ хорошимъ, честнымъ, правдивымъ дѣламъ и стремленіямъ. Изъ собраній народныхъ преданій составился чудный финскій эпосъ—*Калевала*, героями котораго являются миѳическія лица: Вейнемейненъ—вѣщій пѣвецъ, чудесный кузнецъ Ильмариненъ, молодой и отважный Юкагайненъ, старуха Лоухи съ тремя красавицами дочерьми и др.

Сестрица и девять братьевъ.

Финская сказка.

Было у отца съ матерью девять сыновей и ни одной дѣвочки. Мальчикамъ очень хотѣлось имѣть сестрицу, да Богъ все не давалъ имъ. Когда братья подросли, они ушли изъ дому далеко въ лѣсъ и стали тамъ жить. Уходя, они сказали родителямъ: „Мы будемъ приходить навѣдываться къ вамъ. Если у насъ будетъ сестрица, вставьте въ дверь веретено; если же опять родится мальчикъ, вбейте топоръ. Будетъ сестрица — мы всѣ зайдемъ на радостяхъ къ вамъ, а если родится мальчикъ, такъ мы и знать его не хотимъ“.

Скоро у матери родилась дѣвочка. Она тотчасъ взяла и выставила за дверь веретено. Между тѣмъ братья рѣшили провѣдать родителей и послали младшаго брата домой. Узнала про это вѣдьма и ночью, тихонько, подмѣнила веретено на топоръ. Когда младшій мальчикъ увидалъ въ дверяхъ топоръ, онъ разсердился и тотчасъ же вернулся назадъ къ братьямъ—даже не зашелъ къ отцу съ матерью. Съ тѣхъ поръ о мальчикахъ не было ни слуху, ни духу—знали только, что они живутъ гдѣ то далеко въ лѣсу.

А дѣвочка росла у отца съ матерью—и выросла она красивая, пригожая и ласковая. Разъ мать ей разсказала, что у нея есть девять братьевъ и что злая вѣдьма обманула ихъ. Съ тѣхъ поръ дѣвочка безутѣшно плакала и все скучала по братьямъ. Мать и ласкала, и уговаривала ее, но дѣвочка не переставала горевать. Тогда мать взяла, собрала въ посудинку ея слезы, замѣсила на нихъ муку и испекла круглый хлѣбъ. Потомъ она сказала: „Не плачь, дочка. Вотъ если-бы нашелся тебѣ вѣрный товарищъ, ты бы сейчасъ могла пойти отыскивать братьевъ“.

У дѣвочки была собачка. Ее звали Пятнышко. Она очень лю-

била дѣвочку и всегда ходила за ней. Дѣвочка и говоритъ матери: „Благослови меня, матушка, въ путь-дорогу. Пятнышко будетъ мнѣ товарищемъ“. Мать подумала немного и наконецъ отпустила дочь съ собачкой. Она дала дѣвочкѣ кругленькій хлѣбецъ,

Крестьянинъ и крестьянка изъ Финляндіи.

испеченный изъ муки и слезъ, и сказала: „Пусть хлѣбецъ катится передъ тобой: онъ будетъ тебѣ показывать дорогу“. Хлѣбецъ покатился въ лѣсъ, а дѣвочка вмѣстѣ съ собачкой пошла за нимъ и все приговаривала: „Катись, катись, хлѣбушекъ, приведи меня къ моимъ девяти братцамъ!“

Отошла дѣвочка не далеко отъ дому, а вѣдьма ужъ вышла

ей на встрѣчу и пошла рядомъ съ ней. День стоялъ жаркій, и идти было тяжело. Вѣдьма и говоритъ: „Пойдемъ вонъ туда, къ тому озеру—выкупаемся“. Дѣвочка рада была выкупаться, но Пятнышко ей сказала тихонько: „Не купайся съ вѣдьмой—она обманываетъ тебя“. Дѣвочка послушалась собачки и не пошла къ озеру! А вѣдьма разсердилась и толкнула ногой Пятнышко, да такъ сильно, что у нея сломалась нога. Дѣвочкѣ жаль было собачки, но она боялась вѣдьмы и ничего не сказала.

Пошли онѣ дальше—вдругъ опять на дорогѣ озеро. Вѣдьма опять говоритъ: „Выкупаемся, дѣвочка, остудимъ горячее тѣло—потомъ легче будетъ идти“. А дѣвочка дѣйствительно едва идетъ—до того паритъ въ воздухѣ. Хотѣла она остановиться около озера, да Пятнышко шепнула ей: „Не купайся съ вѣдьмой — у нея не доброе на умѣ“. Вѣдьма услыхала и опять толкнула ногой собачку—вторую ногу ей сломала. Опечалилась дѣвочка, а сказать что-нибудь вѣдьмѣ боится. И пошла она дальше за хлѣбцемъ, только все приговариваетъ: „Катись, катись, хлѣбушекъ; приведи меня скорѣе къ моимъ девяти братцамъ!“ Вѣдьма все не отстаетъ отъ нея, идетъ рядомъ съ ней. А Пятнышко съ трудомъ плетется сзади, хромая на двѣ ноги.

Прошли онѣ немного, и вѣдьма начала опять звать дѣвочку купаться. Но дѣвочка помнила, что говорила ей собачка, и отказалась. Тогда вѣдьма со злости сломала третью ногу у Пятнышка. Но и на одной ногѣ собачка ухитрилась не отставать отъ дѣвочки. Тогда вѣдьма схватила дубинку и ударила по головѣ Пятнышко—собачка тутъ же покатилась на земь и испустила духъ. Дѣвочка опять побоялась сказать что-нибудь вѣдьмѣ и пошла дальше за хлѣбцемъ.

Дошли онѣ опять до озера *)—вѣдьма и говоритъ: „Давай купаться; вѣдь силъ нѣтъ, какъ жарко!“ Солнце такъ сильно припекало, да и вѣдьма притворилась такой ласковой, что дѣвочка не выдержала и начала раздѣваться. Когда онѣ взошли въ воду, вѣдьма сказала ей: „Давай брызгать водой другъ на друга!“ Дѣвочка сначала не хотѣла, но вѣдьма такъ пристала къ ней, что она наконецъ, чтобы отдѣлаться, брызнула на нее водой. Тогда вѣдьма брызнула и ей въ глаза и сказала: „Мое лицо—тебѣ; твое лицо—мнѣ!“ И тотчасъ же дѣвочка стала безобразной, какъ вѣдьма, а вѣдьма сдѣлалась красивой и пригожей, какъ дѣвочка. Потомъ

---

*) Одна изъ особенностей и красотъ финляндскаго ландшафта—это множество озеръ, разбросанныхъ среди лѣсовъ. Размѣры ихъ самые разнообразные; нѣкоторые изъ нихъ въ нѣсколько десятковъ верстъ въ ширину и длину. Самыя большія изъ финляндскихъ озеръ, какъ извѣстно озера Сайма и Куопо.

вѣдьма отняла у дѣвочки разумъ и языкъ, вывела ее изъ воды, одѣла и велѣла идти за собой. Она запомнила слова, которыя говорила дѣвочка хлѣбцу; она положила его на землю и сказала: „Катись, катись, хлѣбушекъ; приведи меня къ моимъ девяти братцамъ!“ Хлѣбецъ покатился, и онѣ пошли за нимъ. Наконецъ, хлѣбецъ остановился передъ избушкой братьевъ. Вѣдьма положила его себѣ за пазуху и взошла въ избу съ дѣвочкой. Онѣ сѣли на лавку и нѣкоторое время сидѣли молча. Наконецъ, братья спросили: „Откуда вы?“ Дѣвочкѣ хотѣлось вскочить и все разсказать имъ; но она, бѣдная, была безъ разума и безъ языка. Вѣдьма же отвѣчала: „Здравствуйте, братцы дорогіе! Я ваша сестрица, десятое дитё у матери, которую вы еще не знаете“. Братья удивились и сказали: „Если у матери родилась дочь, почему же въ дверь вбили топоръ, а не выставили веретено?“ Вѣдьма затараторила: „А его подмѣнилъ кто-то. Богъ вѣсть, какой недобрый человѣкъ это сдѣлалъ. А я, когда выросла и узнала, что у меня девять братцевъ, покоя не дала матери, пока она меня не отпустила къ вамъ. Я такъ плакала, что на моихъ слезахъ мать замѣсила хлѣбъ. Она мнѣ дала его, чтобы онъ мнѣ путь-дорогу указывалъ. Вотъ онъ, возьмите, дорогіе братцы!“

Такъ врала вѣдьма, а братья повѣрили, что она ихъ сестра и начали на радостяхъ обнимать и цѣловать ее. Потомъ они спросили ее: „Къ чему ты привела съ собой такую гадкую дѣвчонку?“— „Чтоже, говоритъ вѣдьма, у васъ такое большое хозяйство—она можетъ пригодиться на что-нибудь—хоть замѣсто пастуха будетъ“.— Братья и не стали больше разспрашивать про дѣвочку.

Зажила теперь вѣдьма въ избѣ у братьевъ полной хозяйкой. Всѣ девять братьевъ не наглядятся на нее; чего она ни пожелаетъ, все ей достанутъ; берегутъ и ласкаютъ ее. А дѣвочку съ утра отправляли въ лѣсъ пасти стадо. Каждое утро вѣдьма провожала ее немного и возвращала ей языкъ и разумъ, чтобы она могла хорошо пасти скотину, а каждый вечеръ она выходила ей на встрѣчу и снова отнимала у нея и разумъ, и языкъ. Братья не взлюбили некрасивую, нѣмую и глупенькую дѣвочку и хотѣли прогнать ее со двора; но вѣдьма не отпускала ее; ей пріятно было мучить дѣвочку. Она задавала ей всевозможныя работы и, когда пекла ей хлѣбъ на дорогу, вкладывала въ средину камень и только чуточку сверху обмазывала его тѣстомъ. Дома дѣвочка ничего не говорила, ничего не понимала; зато, когда придетъ она на выгонъ, она начнетъ тотчасъ пѣть про свое горе:

Скройся, солнце, ты за сосны,
За березникъ, золотое;
Уходя за ельникъ темный
Въ синей ночи успокойся.
На ночлегъ домой вернусь я.
Горе мнѣ, служу я вѣдьмѣ,
Злая баба домомъ правитъ,
Хлѣбъ даетъ съ собой на выгонъ,
Хлѣбъ тотъ камень запеченый,
Только корочкой прикрытый.
Кабы знали мои братцы—
Девять ихъ единокровныхъ.

Братья работали въ лѣсу и часто слышали пѣсню дѣвочки. Они удивлялись тому, что она дома не говоритъ ни слова, а въ лѣсу поетъ такъ хорошо; но они не разспрашивали ее, потому что она была такая безобразная и отвратительная, что и подойти къ ней имъ было непріятно. Разъ младшій братъ рубилъ въ лѣсу деревья. Было такъ тихо кругомъ, а дѣвочка пѣла такъ хорошо, что онъ не выдержалъ, оставилъ свою работу и пошелъ на голосъ. Онъ увидалъ дѣвочку и спросилъ ее: „Отчего ты въ лѣсу поешь пѣсни, а дома все молчишь?"—„Вѣдь я ваша настоящая сестра, отвѣчала дѣвочка, а та вѣдьма".—И она все разсказала брату.

Братъ повѣрилъ ей и тотчасъ же обнялъ и поцѣловалъ ее, хотя она и была безобразна, какъ прежде. Потомъ онъ побѣжалъ за другими братьями и привелъ ихъ съ собой. Дѣвочка опять разсказала имъ все, что она вытерпѣла. Обрадовались братья, что нашли настоящую сестру, и пожалѣли ее. Потомъ начали думать, какъ бы опять дѣвочку сдѣлать такой, какой она была прежде. Наконецъ придумали, чтобы она невзначай вернулась домой среди дня и сказала бы, что у нея болятъ глаза—а они ужъ подоспѣютъ ей на помощь.

Дѣвочка такъ и сдѣлала. Она вернулась домой днемъ, такъ что вѣдьма не успѣла выйти ей навстрѣчу и отнять у нея языкъ и разумъ. Вѣдьма увидала ее и страшно разсердилась: „Ты чего это приходишь днемъ домой?" Дѣвочка сказала: „Я не могла больше оставаться въ лѣсу—у меня глаза очень болятъ"—и она нарочно все закрывала глаза. Въ это время взошли и братья и спросили, что съ дѣвочкой. Потомъ они притворились, что имъ жаль ее и сказали вѣдьмѣ: „Сестрица, наплюй ей въ глаза, чтобы они у нея

не болѣли *)—а то она и работать не можетъ". Вѣдьмѣ не хотѣлось показаться злой передъ братьями; она согласилась полѣчить глаза дѣвочки. Но какъ только она плюнула ей въ глаза, дѣвочка быстро сказала: „Мое лицо—тебѣ; твое лицо—мнѣ"—и тотчасъ же дѣвочка стала опять прежняя: красивая и пригожая, а вѣдьма гадкая и безобразная. Оставалось теперь погубить вѣдьму, чтобы она больше не дѣлала зла людямъ. Братья повели ее въ баню—и сожгли ее тамъ. Послѣ этого они собрали все свое добро, захватили съ собой сестрицу и вернулись къ родителямъ. Тутъ и всей сказкѣ конецъ.

(**Emmy Schreck.** *Finnische Märchen*).

*) Среди финновъ встрѣчаются очень часто больные глазами; это происходитъ отъ дыма, обыкновенно наполняющаго ихъ строенія: курныя избы, бани и риги. Леченіе посредствомъ плеванія на больное мѣсто въ соединеніи съ наговоромъ очень распространено на сѣверѣ Россіи, какъ среди инородцевъ, такъ и среди русскихъ.

ЭСТЫ.

Эстовъ считается около семисотъ тысячъ душъ. Они живутъ въ губерніяхъ Эстляндской и Лифляндской, но встрѣчаются также и въ Петербургской, Псковской и Витебской губерніяхъ. Эсты—финское племя; роста они не высокаго; скулы у нихъ выдающіяся, глаза сѣрые, волосы мягкіе, свѣтлые, съ рыжеватымъ оттѣнкомъ. Эсты отличаются скрытнымъ, недовѣрчивымъ характеромъ, который выработался у нихъ, очевидно, подъ вліяніемъ тяжелыхъ условій ихъ жизни и гнета нѣмцевъ помѣщиковъ, владѣвшихъ ими. Въ семейной жизни эстъ проявляетъ, наоборотъ, мягкость, добродушіе и нѣжность.

Главное занятіе эста состоитъ въ земледѣліи, которое дается ему не легко. Почва въ Прибалтійскомъ краѣ часто каменистая, сырая и низменная; климатъ плохой. Кромѣ того, эстъ рѣдко владѣетъ землею. Въ Прибалтійскомъ краѣ крестьяне были освобождены отъ крѣпостной зависимости безъ надѣла, такъ что вся земля осталась въ рукахъ помѣщиковъ. Для того, чтобы обрабатывать землю, крестьянамъ приходится арендовать ее за извѣстную плату или покупать ее у помѣщиковъ, чего не могутъ сдѣлать многіе по недостатку средствъ.

Эсты живутъ очень бѣдно. Ихъ избы — бревенчатые съ четырехскатными крышами, крытыми соломой или тростникомъ, обыкновенно бываютъ курныя и поражаютъ бѣдностью обстановки. Къ избѣ плотно прилегаетъ, составляя съ ней какъ бы одно цѣлое, амбаръ, сложенный изъ камня. Особенной невзрачностью отличаются избы бобылей, т. е. самыхъ бѣдныхъ крестьянъ. Онѣ состоятъ изъ небольшой передней, въ которой складывается домашняя

утварь и рухлядь и собственно жилого помѣщенія. Это послѣднее— небольшая горница, тускло освѣщаемая однимъ окошечкомъ; полъ въ ней земляной, печь безъ трубы. Богаче живутъ тѣ изъ крестьянъ, которымъ цѣною долголѣтняго усиленнаго труда, сбереженій и всевозможныхъ лишеній удалось купить себѣ участокъ

Эстонская семья.

земли. Дома у нихъ просторнѣе, печи съ трубами, хозяйственныя постройки лучше; разводятся даже сады и цвѣтники.

Костюмъ эста состоитъ изъ полотняной рубахи, короткихъ штановъ, куртки и жилета съ металлическими пуговицами — сшитые изъ сукна синяго или сѣраго цвѣта, и широкополой войлочной черной шляпы. Эстонки носятъ длинныя полотняныя рубахи, темныя полосатыя шерстяныя юбки, фартуки, синія суконныя куртки и синій суконный кафтанъ. Замужнія женщины носятъ на головѣ сороки,— уборъ обшитый матеріей, иногда шелковою, а сверху повязываются платкомъ. Головные уборы эстонокъ вообще очень разнообразны. Ни мужчины, ни женщины не стригутъ волосъ; женщины носятъ ихъ распущенными по плечамъ.

Эсты давно уже приняли христіанство. Большинство изъ нихъ— лютеране; но есть между ними много и православныхъ. Отголоски языческихъ вѣрованій сохранились у нихъ въ повѣрьяхъ и суевѣ-

Эстонецъ.

ріяхъ: напримѣръ въ вѣрованіи въ домовыхъ, лѣсныхъ, водяныхъ духовъ (наши водяные, лѣшіе, домовые), далѣе въ духовъ покровителей хозяйства, такъ называемыхъ *скратахъ* или *пукисахъ*, которыхъ будто бы можно создать посредствомъ колдовства, въ обрядахъ, соблюдаемыхъ доселѣ въ ночь подъ Ивановъ день и т. п. Пѣсни эстовъ такъ же, какъ и сосѣдей ихъ латышей, незатѣйливы по содержанію и останавливаются преимущественно на событіяхъ

обыденной жизни. Но въ нихъ рисуется и непривѣтливая природа Прибалтійскаго побережья, и сѣрая жизнь и тихая грусть обремененнаго заботами о насущномъ хлѣбѣ человѣка. Есть у эстовъ

Эстонка.

и національный герой—богатырь Калевипоегъ, т. е. сынъ Калева. Преданія о немъ собраны въ одну длинную эпическую поэму—подъ названіемъ *Калевипоегъ*.

Сестры—золотопряхи.

Эстонская сказка.

Давно, давно тому назадъ, въ дремучемъ лѣсу жила хромоногая старуха съ тремя дочерьми. Всѣ три дочери были красавицы; но некому было любоваться на ихъ красоту: въ дремучій лѣсъ не заѣзжалъ никто—и только солнце, мѣсяцъ да звѣзды видѣли ихъ.

Старуха съ утра до вечера ворчала на дѣвушекъ и заставляла ихъ работать безъ устали. Ни по четвергамъ, ни по субботамъ—а въ тѣ времена народъ чтилъ эти дни*) имъ не было покоя. Себѣ сшить что нибудь на приданое имъ было некогда. Онѣ все должны были работать на старуху, прясть ей золотую пряжу. Какъ только справится которая нибудь изъ нихъ съ однимъ веретеномъ—старуха сейчасъ насаживаетъ уже другое, а готовыя золотыя нитки она уносила и запирала на ключъ въ боковой коморкѣ. На что ей нужна была золотая пряжа, о томъ она никогда не говорила дѣвушкамъ. Иногда она отлучалась изъ дому на нѣсколько дней. Тогда она впередъ задавала урокъ дочерямъ. Но никогда она не обмолвилась ни словомъ, куда и зачѣмъ она пропадаетъ.

Вотъ однажды старуха опять собралась въ дорогу. „Смотрите, сказала она дочерямъ, уѣзжая, работайте усердно, не опускайте рукъ и не оставляйте работу попусту—а то порвется нитка и блескъ ея пропадетъ.“

---

*) Четвергъ и суббота считались священными днями у язычниковъ эстонцевъ; особенно почитался четвергъ. До сихъ поръ эстонцы вѣрятъ, что травы, собранныя въ этотъ день обладаютъ особенными цѣлительными свойствами; по четвергамъ не прядутъ и не топятъ бань, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда баню надо приготовить для леченія больного.

Случилось, что около этого времени царскій сынъ изъ сосѣдняго города поѣхалъ охотиться въ лѣсъ. Ускакалъ онъ впередъ отъ своей свиты и скоро заблудился. Сталъ царевичъ трубить въ рогъ, звать товарищей—никто ему не откликается. Тогда онъ началъ отыскивать дорогу. Ѣздилъ онъ по лѣсу и видитъ вдругъ—тропинка. Онъ поѣхалъ по этой тропинкѣ—и доѣхалъ до избушки хромоногой старухи.

Три дочки старухи сперва испугались, увидавъ царевича; но потомъ разговорились съ нимъ, напоили его, накормили. Полюбился особенно царевичъ младшей сестрѣ, да и она приглянулась ему. Оставила свою работу дѣвушка, и проговорила съ царскимъ сыномъ весь день.

На утро свита царская нашла царевича. Пришлось ему проститься съ дѣвушками; но онъ обѣщалъ, что скоро вернется и женится на младшей.

Проводивъ гостя, дѣвушка сѣла за пряжу. Смотритъ, а нитка у нея порвалась и пряжа вся потускнѣла. И плакала дѣвушка, и терла нитки и мочила ихъ водой—все толку нѣтъ. Стали сестры со страхомъ ждать старуху.

Когда старуха вернулась и увидала пряжу, она тотчасъ догадалась о томъ, что случилось безъ нея. Дѣвушкамъ пришлось во всемъ повиниться. Старуха затряслась отъ злости, начала кричать и браниться: „Если только вернется царевичъ, не сдобровать ему: я ему сверну шею и брошу его на съѣденіе волкамъ!“

Не спала всю ночь младшая дѣвушка — очень жаль ей было царевича. Рано утромъ, когда старуха и старшія сестры еще спали, она вышла въ лѣсъ. На вершинѣ одной высокой сосны сидѣлъ воронъ и клювомъ чистилъ себѣ перья. Дѣвушка знала птичій языкъ—ее и сестеръ выучила ему старуха. Тутъ то онъ и пригодился ей. „Милый воронъ, сказала она, мудрѣйшая изъ птицъ, не поможешь ли ты мнѣ?“ Воронъ спросилъ: „Что же тебѣ нужно?“ Дѣвушка отвѣчала: „За нашимъ лѣсомъ есть большой городъ. Лети туда, отыщи царевича и дай ему какъ нибудь знать, какое несчастіе случилось“—и она разсказала ему все и просила передать царскому сыну, чтобы онъ не пріѣзжалъ, потому что старуха хочетъ его убить. Воронъ обѣщалъ исполнить порученіе и улетѣлъ.

Черезъ нѣсколько дней дѣвушка вдругъ услыхала, что на соснѣ кричитъ воронъ: „кра! кра!“ Она улучила минутку и побѣжала къ соснѣ. Тамъ сидѣлъ тотъ же самый воронъ. Онъ исполнилъ свое обѣщаніе, отыскалъ царскій дворецъ и прилетѣлъ въ царскій садъ. Случилось, что въ саду работалъ помощникъ садовника, мальчикъ,

который тоже зналъ птичій языкъ. Ему то воронъ и пересказалъ все, а мальчикъ доложилъ обо всемъ царевичу. Ворона накормили свѣжимъ мясомъ, и царевичъ попросилъ его передать дѣвушкѣ такую вѣсточку: „Жди меня на девятую ночь и не бойся".

Никому ни слова не сказала дѣвушка и стала терпѣливо ждать девятой ночи. А старуха за всѣ эти дни поѣдомъ ѣла ее—все кричала на нее, бранила.

Вотъ наступила девятая ночь. Дѣвушка дождалась, когда старуха со старшими дочерьми улеглась спать, и вышла изъ избушки; сѣла на порогъ и стала ждать. Пропѣли первые пѣтухи—все нѣтъ никого; пропѣли и вторые пѣтухи—и слышитъ она вдругъ—конскій топотъ. Она испугалась, что проснется отъ топота старуха, и сама побѣжала навстрѣчу царевичу. А онъ ѣхалъ за ней съ цѣлымъ войскомъ. Подхватилъ онъ ее, посадилъ на своего коня, и повернулъ съ войскомъ назадъ.

Утромъ рано старуха хватилась дочери. Разсвирѣпѣла она и рѣшила погубить и царевича и дѣвушку. Она взошла на чердакъ, гдѣ у нея сушились разныя травы, выбрала девять волшебныхъ травъ, посыпала ихъ наговоренной солью и скатала изъ нихъ шарикъ. Этотъ шарикъ она бросила по вѣтру, а сама зашептала заклинаніе:

„Вѣтеръ, дай свои мнѣ крылья!
Вѣтра мать, свои ты дай мнѣ!
Шарикъ мой на этихъ крыльяхъ
Вихремъ въ даль вы унесите!
Пусть ее нагонитъ смертью,
Пусть летитъ на гибель дальше!" *)

Между тѣмъ царевичъ со своей невѣстой уже выѣхалъ за опушку лѣса въ поле. Тутъ протекала большая и глубокая рѣка. Черезъ нее былъ построенъ мостъ, но такой узкій, что проѣхать можно было только въ одиночку. Доѣхалъ царевичъ до средины моста—а тутъ какъ разъ и подоспѣлъ волшебный шарикъ старухи. Несется онъ по вѣтру, да какъ ударится со всего розмаху въ лошадь царевича. Конь испугался и всталъ на дыбы. Царскій сынъ не успѣлъ поддержать дѣвушку — она соскользнула у него съ сѣдла и упала на дно рѣки. Царевичъ хотѣлъ было броситься за

*) Способъ насылать порчу посредствомъ волшебнаго шарика или катушка извѣстенъ не только эстонскимъ колдунамъ и колдуньямъ, но также и финскимъ и лопарскимъ. Въ эти волшебные катушки у эстонцевъ всегда всыпается наговоренная соль.

нею въ воду, но свита удержала его. Напомнили они ему про старика отца, который съ горя умреть, если утонетъ сынъ.

Возвратился царевичъ домой—только не на радость родителямъ. Напала на него тоска и болѣзнь: не ѣстъ онъ, не пьетъ, не спитъ—сохнетъ день ото дня. Старый царь призывалъ къ нему всевозможныхъ вѣдуновъ и знахарей—но не одинъ изъ нихъ не могъ помочь ему. Разъ тотъ же мальчикъ садовникъ, который разговаривалъ съ ворономъ, пришелъ къ царю и говоритъ: „Живетъ, царь, за моремъ старый вѣдунъ - финнъ. Онъ знаетъ больше нашихъ вѣдуновъ“ *). Послали за старикомъ финномъ. Черезъ недѣлю онъ прилетѣлъ изъ за моря на крыльяхъ вѣтра **). Посмотрѣлъ онъ на царскаго сына и сказалъ: „Болѣзнь эта отъ вѣтра пришла. Пускай царевичъ больше гуляетъ на вольномъ воздухѣ: вѣтеръ нанесъ болѣзнь, вѣтромъ же и сдуетъ ее“ ***).

Начали выводить царевича гулять—и сдѣлалось ему немного лучше; сталъ онъ ѣсть и пить — а то осѣдлаетъ коня и уѣдетъ куда-нибудь далеко, одинъ, безъ свиты.

Случилось ему однажды проѣзжать мимо рѣки, близко отъ мѣста, гдѣ утонула дѣвушка. Вдругъ ему почудилось, что кто-то на рѣкѣ поетъ тоненькимъ голосомъ:

Воды матерью закляты:
На волнахъ вы дочь качайте,
Обливайте, покрывайте—
Чтобъ не видѣть людямъ милой
Подъ студеною могилой.

Удивился царевичъ—оглянулся кругомъ—никого нѣтъ. Только на волнахъ качается бѣлая кувшинка и съ рѣки снова слышится тотъ же голосъ:

---

*) Финны — вѣдуны и колдуны славились издавна. Народная фантазія приписывала имъ большую силу. Но особенно были въ почетѣ, какъ страшные и вредные колдуны, обитатели далекаго сѣвера, лопари. Они обладали по мнѣнію сосѣдей могущественными чарами и заклинаніями.

**) Колдуны по представленію эстонцевъ властвуютъ надъ вѣтрами; они часто совершаютъ на нихъ далекія путешествія. Существуетъ повѣрье, что, если бросить ножъ въ столбъ пыли, поднятый вихремъ, непремѣнно попадешь въ какого нибудь злобнаго колдуна, находящагося въ немъ.

***) Эстонцы, наряду съ финнами, лопарями, а также и русскими на сѣверѣ вѣрятъ, что болѣзнь можетъ принести человѣку вѣтеръ. Они различаютъ злые и добрые вѣтра. Первые приносятъ съ собой болѣни, тоску и лихія неудачи и горести; вторые освобождаютъ отъ нихъ и часто внушаютъ добрые совѣты. Больные эстонцы стараются, иногда даже черезъ силу, выходить на воздухъ, чтобы вѣтеръ могъ сдуть съ нихъ болѣзнь; ушибленное мѣсто подставляютъ вѣтру.

Мать родная закляла...
Мнѣ постельку постлала
Подъ широкою листвою,
Гдѣ растутъ тростникъ съ травою,
Поднимаясь ото дна.
Такъ постелька холодна!
И лежу, все увядая,
И отъ холода страдая,
Убаюкана волной
Я въ постелькѣ водяной.

И пришло внезапно на умъ царевичу: „Поѣду-ка я въ лѣсъ къ избушкѣ — не скажутъ ли мнѣ чего нибудь сестры пряхи?“ Сказано—сдѣлано. Онъ пришпорилъ коня и поскакалъ въ лѣсъ.

Долго плуталъ онъ по лѣсу и едва-едва нашелъ избушку. Къ счастью, старуха отлучилась на нѣсколько дней. Дѣвушки позвали его въ избу и, не переставая работать, выслушали весь разсказъ царевича. „Не видалъ ли ты чего-нибудь на рѣкѣ?“ спросили онѣ, услыхавъ про чудесное пѣніе. „Ничего, отвѣтилъ царскій сынъ— кромѣ одной бѣлой кувшинки; но не можетъ же цвѣтокъ пѣть“. Дѣвушки тотчасъ подумали, что кувшинка эта и была ихъ сестра. Онѣ знали, что старуха послала ей вслѣдъ волшебный шарикъ, который могъ ее убить, но могъ и превратить ее во что угодно. Но онѣ промолчали о своей догадкѣ.

Вечеромъ старшая сестра принесла съ чердака нѣсколько волшебныхъ травъ, истерла ихъ въ порошокъ, смѣшала съ мукой и испекла изъ этого тѣста лепешку. Эту лепешку она дала съѣсть царевичу, когда онъ ложился спать. Ночью ему приснилось, что онъ живетъ въ лѣсу съ птицами и понимаетъ все, что онѣ говорятъ между собой. Проснувшись, онъ разсказалъ свой сонъ сестрамъ. Онѣ обрадовались, а старшая сестра сказала ему: „Въ добрый часъ ты собрался къ намъ; въ добрый часъ тебѣ приснился этотъ сонъ: онъ сбудется, когда ты поѣдешь домой. Лепешка, которую я дала тебѣ вчера, была испечена съ волшебными травами—ты будешь теперь понимать языкъ птицъ. Обращай вниманіе на все, что онѣ будутъ говорить. Когда же настанутъ для тебя счастливые дни, вспомни о насъ. Трудно намъ живется у старухи“.

Царевичъ поблагодарилъ дѣвушекъ и обѣщалъ имъ во что бы то ни стало освободить ихъ отъ старухи. Затѣмъ онъ отправился въ путь. Въ лѣсу, на соснахъ и еляхъ, порхали птицы; онѣ пѣли и чирикали—и царевичъ понималъ все, что онѣ говорили между

собой. Только онѣ болтали все о людяхъ, неизвѣстныхъ ему. Вдругъ онъ услыхалъ, какъ одна сорока говоритъ дрозду: „Какъ люди глупы, подумаешь! Вотъ на рѣкѣ около моста растетъ бѣлая кувшинка— вѣдь это пріемная дочь хромоногой старухи. Она всѣмъ проходящимъ поетъ про свое горе—но никто не подумаетъ помочь ей. Недавно проѣзжалъ мимо царевичъ—ея женихъ — и тотъ ничего не понялъ".—„А между тѣмъ освободить ее было бы очень легко, сказалъ дроздъ: стоитъ только спросить совѣта у стараго финна".

Обрадовался царевичъ и сталъ думать, кого бы ему послать къ вѣдуну. Въ это время онъ услыхалъ, какъ одна ласточка крикнула другой: „Полетимъ въ Финляндію; тамъ лучше гнѣзда вить, чѣмъ здѣсь".—„Стойте, друзья! воскликнулъ царевичъ. Если вы летите въ Финляндію, снесите отъ меня поклонъ старому вѣщему финну и спросите у него совѣта, какъ вернуть человѣческій образъ превращенной въ кувшинку дѣвушкѣ". „Хорошо, исполнимъ!" крикнули ласточки и улетѣли.

Царевичъ вернулся домой, но никому не сказалъ ни слова.

Прошло около недѣли. Разъ онъ гулялъ по саду и думалъ про себя, что, навѣрное, ласточки позабыли про его порученіе. Вдругъ онъ увидалъ, что надъ головой его, въ вышинѣ, кружится огромный орелъ. Орелъ, описывая круги, спускался все ниже и, наконецъ, сѣлъ на вѣтку липы, подъ которой стоялъ царевичъ.

„Старый финнъ, заговорилъ орелъ, кланяется тебѣ. Онъ не могъ раньше дать тебѣ отвѣтъ, потому что некого ему было послать сюда. Вотъ что говоритъ тебѣ вѣщій старикъ. Если хочешь спасти околдованную дѣвушку, ты долженъ пойти къ рѣкѣ, кинуться съ моста въ воду и крикнуть: „Человѣкъ, обратись въ рака!" Ты тотчасъ сдѣлаешься ракомъ. Спустись тогда на дно рѣки, обчисти своими клешнями тину, приставшую къ корешкамъ кувшинки и оторви ихъ — такъ, чтобы она ничѣмъ не была прикрѣплена къ землѣ. Когда же вода понесетъ ее по теченію, уцѣпись клешнями за корешекъ ея и плыви съ ней вмѣстѣ внизъ по рѣкѣ до тѣхъ поръ, пока не увидишь на лѣвомъ берегу рябину, подъ которой лежитъ большой камень. Тогда крикни: „Кувшинка, сдѣлайся дѣвушкой! ракъ, сдѣлайся человѣкомъ!"—и оба вы будете спасены".

Орелъ медленно снялся и полетѣлъ на югъ. А царевичъ, не долго думая, поѣхалъ къ рѣкѣ. Тутъ онъ все сдѣлалъ по совѣту стараго финна. Лишь только онъ крикнулъ, бросаясь въ воду: „Человѣкъ, обратись въ рака!" какъ тотчасъ же почувствовалъ, что сталъ ракомъ. Онъ очистилъ отъ тины корешки кувшинки, оторвалъ ихъ и, уцѣпившись за корешокъ, поплылъ вмѣстѣ съ нимъ по теченію.

Долго плыли они внизъ по рѣкѣ; наконецъ, показалась на лѣвомъ берегу рябина и подъ ней большой камень. Царевичъ тотчасъ же крикнулъ: „Кувшинка, обратись въ дѣвушку! ракъ, обратись въ человѣка!“ Тотчасъ же оба они приняли свой прежній видъ.

Вдругъ, откуда ни возьмись, явилась золотая карета съ прекрасными конями; въ ней лежало прекрасное новое платье—это прислалъ имъ вѣщій финнъ. Они оба переодѣлись, сѣли въ карету и поѣхали въ городъ.

А царь и царица думали, что царевичъ утонулъ, потому что на берегу нашли его коня, а его самого нигдѣ не было видно. Они стояли въ церкви, въ траурныхъ одеждахъ и плакали. То то радость была, когда они увидали царевича живымъ и здоровымъ и съ нимъ его красавицу невѣсту. Ихъ тотчасъ поставили передъ алтаремъ и повѣнчали.

Хорошо жилось царевичу съ молодой женой—и онъ позабылъ объ обѣщаніи, данномъ имъ дѣвушкамъ пряхамъ. Но разъ, когда онъ гулялъ по саду, ему вдругъ съ дерева закричала сорока: „Неблагодарный ты, царевичъ! Въ счастьѣ забываешь друзей, которые помогли тебѣ въ горѣ. Неужели бѣднымъ дѣвушкамъ придется всю свою жизнь прясть золотую пряжу? Хромоногая старуха вовсе не мать ихъ. Она вѣдьма и украла всѣхъ трехъ дѣвушекъ, когда онѣ были еще совсѣмъ маленькими у одного царя въ далекой землѣ. Много бѣдъ надѣлала людямъ вѣдьма. Пора бы покончить съ ней, накормить ее кашей съ ея волшебными травами. Не то она будетъ опять разсылать по бѣлу свѣту свои волшебные шарики, людямъ на погибель“.

Стыдно стало царевичу своей забывчивости. Онъ тотчасъ собралъ большое войско и поѣхалъ въ лѣсъ. Старухи не было дома, и дѣвушекъ сейчасъ взяли и повезли въ городъ. Радость сестеръ была велика, когда онѣ снова увидѣлись послѣ долгой разлуки.

А въ избушкѣ на столѣ оставили для старухи кашу, сваренную съ ея же собственными волшебными травами. Она ночью вернулась домой, увидала кашу и съѣла ее. Тутъ же она и умерла.

Двухъ старшихъ сестеръ скоро выдали замужъ, тоже за царевичей. Въ приданое имъ пошла золотая пряжа, которую онѣ захватили съ собой изъ лѣса.

(**Kreutzwald u. Löwe:** *Estländische Märchen*).

Яйцо счастья.

Эстонская сказка.

Въ лѣсу, на новой заимкѣ, жилъ очень бѣдный крестьянинъ со своей женой. У нихъ было восемь человѣкъ дѣтей. Какъ только дѣти подростали, отецъ съ матерью отдавали ихъ въ чужіе люди, потому что прокормить ихъ дома они не могли. Но вотъ родился у нихъ и девятый ребенокъ. Не обрадовался ему бѣдный крестьянинъ—да дѣлать нечего: далъ Богъ сына—рости его, корми, какъ знаешь.

Пошелъ крестьянинъ въ деревню искать крестнаго сыну. Никто не захотѣлъ идти къ бѣдному въ кумовья. Каждый думалъ про себя: „О бѣдномъ крестникѣ кому же заботиться, какъ не крестному. А умри, чего добраго, отецъ, ребенокъ и совсѣмъ у меня на рукахъ останется“.

Настало воскресенье. Бѣдный подумалъ: „Отнесу я все-таки сына своего въ кирку; можетъ быть пасторъ и найдетъ мнѣ кума“. Взялъ онъ ребенка и пошелъ въ кирку. По дорогѣ ему встрѣтился нищій. „Не взыщи, братецъ, сказалъ ему крестьянинъ, нечего мнѣ тебѣ дать. Вотъ всего нѣсколько копѣекъ у меня въ карманѣ— и тѣ придется отдать пастору за крестины. А вотъ ты, братъ, окажи мнѣ услугу: окрести у меня ребенка. Изъ кирки завернемъ домой— жена насъ угоститъ, чѣмъ Богъ послалъ“. Нищій обрадовался и отвѣчалъ: „Спасибо тебѣ, братъ, что не погнушался мной. Сколько ни ходилъ я на бѣломъ свѣтѣ, никто еще меня въ кумовья не звалъ“.

Окрестили ребенка, дали ему имя Пертель. Когда они вернулись изъ кирки, хозяйка выставила имъ все, что настряпала по случаю крестинъ. Поѣли они, и нищій сталъ собираться ухо-

дить. Онъ вынулъ изъ-за пазухи маленькую берестяную коробочку, завернутую въ тряпку, и сказалъ кумѣ: „Не обезсудь, кума, возьми это на зубокъ крестнику. Больше мнѣ нечего дать ему. Когда подрастетъ мальчикъ, дай ему эту коробочку—въ ней лежитъ яичко; оно принесетъ ему счастье“. Мать поблагодарила, взяла коробочку,—и кумовья распрощались.

Какъ только Пертель подросъ немного, его отдали въ подпаски въ чужую деревню, къ богатому крестьянину во дворъ. Отправляя его, мать дала ему коробочку съ яичкомъ и велѣла беречь ее.

Хозяева скоро полюбили Пертеля. Мальчикъ онъ былъ тихій, послушный и работящій. Не бранился онъ и не дрался съ другими подпасками. Не любилъ онъ тоже ихъ шумливыхъ забавъ и крика. Сначала мальчики приставали къ нему, смѣялись надъ нимъ—а потомъ и отстали.

Пертель выгонялъ обыкновенно свое стадо въ лѣсъ, подальше отъ другихъ. У него было здѣсь любимое мѣсто: по небольшой полянѣ протекалъ ручей, и тутъ же росла липа. Подъ липой лежалъ большой камень. Пертель любилъ сидѣть на этомъ камнѣ и играть на варганѣ. Игралъ онъ такъ хорошо, что его можно было заслушаться.

Когда Пертелю исполнилось пятнадцать лѣтъ, хозяинъ взялъ его въ батраки. Ему жилось хорошо: хозяинъ его былъ добрый и не заставлялъ его работать сверхъ силъ. Но Пертелю жаль было того времени, когда онъ былъ еще подпаскомъ и когда онъ цѣлые дни могъ проводить одинъ въ лѣсу и играть на варганѣ, сколько душѣ угодно. Его все манило на лѣсную поляну, къ большому камню подъ липой. Въ воскресные дни, въ лѣтніе вечера, когда другіе парни и батраки уходили на вечеринки, онъ шелъ со своимъ варганомъ къ своей липѣ.

Разъ, когда онъ игралъ на варганѣ, сидя подъ липой, изъ-подъ камня выползла бѣлая змѣйка. Она подняла голову и стала смотрѣть своими блестящими глазами на Пертеля—точно она слушала его игру. Пертель нисколько не испугался и продолжалъ играть. Когда онъ кончилъ, змѣйка уползла подъ камень.

Съ этого дня бѣлая змѣйка выползала изъ подъ камня каждый разъ, когда игралъ Пертель. Она обвивалась вокругъ его ногъ и позволяла ему даже гладить свою спинку рукой.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Отецъ и мать Пертеля умерли; братья и сестры его жили далеко, въ чужихъ людяхъ. Пертель былъ одинокъ на бѣломъ свѣтѣ. Единственнымъ другомъ его была бѣлая змѣйка. Какъ только позволяла ему работа, онъ приходилъ

подъ липу, игралъ змѣйкѣ на варганѣ и разговаривалъ съ ней— ему казалось, что она его понимаетъ.

Въ ночь подъ Ивановъ день вся деревня пошла въ поле, къ костру. Всѣмъ было весело; пѣли пѣсни, плясали *). Одному Пертелю было тяжело на сердцѣ—вѣдь онъ былъ совсѣмъ одинокъ. Незамѣтно для другихъ онъ ушелъ изъ толпы и направился въ лѣсъ къ липѣ. Издали еще онъ увидалъ, что на камнѣ будто горитъ огонь. Но когда онъ подошелъ ближе, огонь исчезъ. Пертель сѣлъ на камень и началъ тихонько играть. Изъ камня тотчасъ же выползла змѣйка, и Пертель увидалъ, что то, что онъ счелъ за огонь, было ничто иное, какъ глаза змѣйки—такъ они горѣли и свѣтились въ эту ночь. Змѣйка обвилась вокругъ его ногъ и такъ глядѣла на него, какъ будто хотѣла ему что-то сказать. Вдругъ гдѣ-то вдали пробило полночь. Змѣйка быстро уползла. Пертель долго игралъ, но она не показывалась. Еще грустнѣе стало Пертелю; еще болѣе одинокимъ онъ почувствовалъ себя. Горько заплакалъ сирота.

Вдругъ стало свѣтло вокругъ—точно яркое солнышко засіяло. Пертель даже зажмурилъ глаза. Когда же онъ снова открылъ ихъ, на камнѣ стояла высокая, стройная дѣвушка-красавица въ бѣломъ блестящемъ платьѣ. „Не пугайся, сказала дѣвушка, и выслушай меня. Я дочь могущественнаго короля, но злой волшебникъ околдовалъ меня и превратилъ въ змѣю. Никогда я зла людямъ не дѣлала, но они боятся меня и бѣгутъ, какъ только меня увидятъ, думая, что я обыкновенная ядовитая змѣя. Въ своемъ настоящемъ видѣ я могу являться имъ только черезъ каждые двадцать пять лѣтъ, въ ночь подъ Ивановъ день. И такъ живу я подъ этимъ камнемъ нѣсколько сотъ лѣтъ. Ты одинъ можешь спасти меня: ты одинъ меня не боишься и полюбилъ меня; ты чистъ сердцемъ, какъ младенецъ — и у тебя въ рукахъ яйцо счастья. Спаси же меня изъ вѣчнаго заключенія, умоляю тебя!“ До слезъ стало жалко Пертелю несчастную дѣвушку. „Скажи мнѣ, воскликнулъ онъ, что мнѣ сдѣлать, чтобы спасти тебя?“ — „Приходи сюда завтра, какъ только сядетъ солнце, сказала дѣвушка. Я опять буду змѣей. Я обовьюсь вокругъ твоей шеи и три раза поцѣлую тебя въ губы. Но ты не пугайся. Если же ты испугаешься и сбросишь меня—то, знай, мнѣ еще долго придется жить подъ камнемъ и ждать из-

*) Въ ночь съ 23-го на 24-ое іюня въ Эстляндіи такъ-же, какъ и у великорусовъ, соблюдаются извѣстные обряды: зажигаютъ костры и потѣшные огни (осмоленныя бочки на высокихъ шестахъ); дѣвушки въ вѣнкахъ пляшутъ вокругъ, потомъ бросаютъ въ огонь вѣнки, чтобы предотвратить возможныя несчастія; въ эту же ночь собираютъ цѣлебныя травы.

бавленія.“ Пертель обѣщалъ прійти на слѣдующій день, и дѣвушка исчезла. Ночью Пертелю привидѣлся страшный сонъ: будто онъ далъ змѣйкѣ обвиться вокругъ своей шеи—а она взяла и задушила его. Въ тревогѣ онъ провелъ весь день: и страшно ему было, и жаль своего друга—змѣйки. Насталъ вечеръ, и Пертель поспѣшилъ къ липѣ. Изъ-подъ камня выползла змѣйка и быстро поползла къ нему. Пертель молилъ Бога дать ему силы не испугаться и не задрожать. Онъ вспомнилъ про яйцо счастья и быстро вынулъ его изъ берестяной коробочки, которую постоянно носилъ съ собой за пазухой.

Змѣйка обвилась вокругъ его шеи и три раза поцѣловала его въ губы. Пертель твердо выстоялъ на мѣстѣ, не поблѣднѣлъ, не задрожалъ, хотя сердце у него и захолонуло. Быстро всунулъ онъ въ ротъ змѣи свое яичко. Тутъ раздался страшный трескъ—точно молнія ударила въ камень—и Пертель упалъ безъ чувствъ.

Онъ очнулся въ чудесной комнатѣ, которая вся была изъ стекла и казалась голубой. Самъ онъ лежалъ на шелковыхъ подушкахъ, на роскошной золотой постели. Въ изголовьѣ стояла дѣвушка-красавица. „Благодарю тебя, воскликнула дѣвушка, ты спасъ меня отъ чаръ злого волшебника. Возьми же въ награду все мое царство, всѣ мои сокровища. Съ этого дня ты не будешь больше одинокимъ и будешь счастливъ.“

Пертель и красавица царевна обвѣнчались и счастливо зажили въ прекрасномъ дворцѣ. А въ деревнѣ, гдѣ всѣ любили тихаго и кроткаго Пертеля, удивились его исчезновенію. Пошли его разыскивать въ лѣсъ, на его любимую поляну — но ни липы, ни камня тамъ уже не нашли. Все исчезло.

(**Kreutzwald u. Löwe:** *Estische Märchen*).

ЛАТЫШИ.

Латыши населяютъ губернію Курляндскую и нѣкоторую часть Лифляндской и Витебской губерній. Они составляютъ отрасль литовскаго племени. Роста они высокаго, но грудь и спина у нихъ плоскія, плечи неширокія; глаза сѣрые, волосы обыкновенно свѣтлые. Латыши отличаются трудолюбіемъ, честностью, гостепріимствомъ и добродушіемъ; долговременное порабощеніе нѣмцамъ-помѣщикамъ, сдѣлало ихъ скрытными, недовѣрчивыми къ чужимъ, лишило ихъ предпріимчивости. Латышъ безропотно переноситъ обиды и высказываетъ много покорности.

Главное занятіе латышей—земледѣліе. Живутъ они деревнями или же отдѣльными усадьбами и хуторами. Крестьянскій дворъ обыкновенно состоитъ изъ жилого дома, конюшни, хлѣва, бани, риги и клѣти. Дома строятъ изъ сосновыхъ бревенъ и покрываютъ соломой или гонтомъ; они состоятъ изъ двухъ половинъ, раздѣленныхъ сѣнями. Въ сѣняхъ устраивается очагъ, такъ что онѣ обыкновенно служатъ кухней. Въ горницѣ направо отъ сѣней помѣщается семья хозяина; комната налѣво служитъ жильемъ для рабочихъ. У бѣдныхъ латышей избы—курныя, съ бревенчатымъ потолкомъ и землянымъ поломъ.

Національный костюмъ латышей все больше и больше выходитъ изъ употребленія; въ одеждѣ своей они подражаютъ то русскимъ, то эстонцамъ; носятъ также и городское платье. Національный мужской костюмъ состоитъ изъ короткаго нижняго бѣлья, доходящаго только до икръ, которыя обматываютъ платками или портянками; сверху надѣваютъ рубашку съ узорчатымъ воротникомъ, и поверхъ ея верхнее платье—кафтанъ изъ бѣлаго сукна съ длинною таліей и многими складками; кафтанъ шьется безъ воротника, застегивается посредствомъ петлей и шнурковъ и стягивается поясомъ. Женщины

4*

носятъ черныя холщевыя платья безъ рукавовъ съ узкой таліей и короткой юбкой; по таліи опоясываются поясомъ изъ мѣдныхъ колецъ. Зимой сверхъ платья надѣваютъ родъ камзола изъ шер-

Латышъ и латышка.

стяной матеріи краснаго или зеленаго цвѣта. Иногда надѣваютъ на плечи большіе платки, которые прикрѣпляютъ на груди большой брошкой. Обувью у мужчинъ и женщинъ служатъ сапоги, лапти и такъ называемые *пасталы,* которые состоятъ изъ куска кожи, обер-

тывающаго ногу и собраннаго у ступни въ складкахъ; икры женщины обматываютъ голубыми платками. На голову онѣ надѣваютъ мѣдное кольцо или чепецъ. Дѣвушки же носятъ такъ называемые

Латышская семья.

вѣнки, которые сдѣланы изъ обруча, украшеннаго бисеромъ, камнями, блестками и т. д. Иногда надѣваютъ просто вѣнки изъ цвѣтовъ. Вообще латыши очень любятъ цвѣты; они разводятъ ихъ, а дѣвушки и парни любятъ украшать себя ими.

Латыши частью православные, частью католики и лютеране. Слѣды прежнихъ языческихъ вѣрованій еще живы однако во многихъ обрядахъ, суевѣріяхъ и пр.

О купеческомъ сынѣ и царской дочери.

Латышская сказка.

Въ старину жилъ былъ купецъ, а у него былъ сынъ. Отецъ состарился и говоритъ сыну: „Я довольно поработалъ на своемъ вѣку; теперь ты поѣзжай одинъ торговать“. Снарядилъ онъ корабль и послалъ сына въ Турецкую землю.

Хорошо торговалъ купеческій сынъ въ Турецкой землѣ; выручилъ онъ много денегъ. Разъ турецкій царь пригласилъ его къ себѣ и повелъ его показывать ему дворецъ свой и городъ. Вотъ проходятъ они мимо одного кладбища. На кладбищѣ стоитъ гробъ, и, кто ни пройдетъ мимо, останавливается и плюетъ на него. Удивился купеческій сынъ и спрашиваетъ: „Отчего это плюютъ на гробъ?“ А царь говоритъ: „Умеръ у насъ тутъ человѣкъ, который многимъ былъ долженъ и никому не заплатилъ. Вотъ и выставили его тутъ въ гробу на посрамленіе; пусть лежитъ тутъ годъ и шесть недѣль, и только затѣмъ его похоронятъ“. Не понравился такой обычай купеческому сыну; онъ спросилъ: „Сколько же былъ долженъ покойный?“ Царь отвѣтилъ: „Десять тысячъ рублей“. Купеческій сынъ сказалъ: „Я заплачу за него эти деньги; пусть его похоронятъ сейчасъ“. Заплатилъ онъ деньги, и покойника тотчасъ же похоронили. А царь сказалъ: „Доброе ты сдѣлалъ дѣло. Вотъ возьми себѣ на память отъ меня кольцо съ моимъ изображеніемъ и именемъ“.

Вернулся купеческій сынъ домой. Отецъ вышелъ его встрѣтить и спрашиваетъ: „Много ли ты выручилъ денегъ?“—„Денегъ то выручилъ много, отвѣчалъ сынъ, только всѣ ихъ истратилъ“.—„Какъ такъ?“ Разсказалъ сынъ все, какъ было. „Не надо было такъ дѣ-

лать, сказалъ старый купецъ; этимъ ты ихъ не научишь, а свое добро ты точно на-земь бросилъ. Въ другой разъ такъ не дѣлай. Возьми опять корабль и поѣзжай туда же съ товарами".

Купеческій сынъ опять поѣхалъ въ Турецкую землю, продалъ тамъ свои товары и нажилъ опять много денегъ. Турецкій царь снова позвалъ его къ себѣ. Вотъ идетъ молодой купецъ къ турецкому царю и видитъ—въ одной комнатѣ во дворцѣ за желѣзной рѣшеткой сидятъ двѣ женщины: одна старая, другая молодая и красивая—и обѣ горько плачутъ. Стало ихъ жаль купеческому сыну и спросилъ онъ у царя: „За что ты заперъ этихъ двухъ женщинъ? что онѣ сдѣлали?" Царь отвѣчалъ: „Эти женщины очень прогнѣвили меня. Ихъ взяли въ плѣнъ мои матросы и подарили ихъ мнѣ. Я хотѣлъ жениться на молодой, а она не хочетъ. Старая же, служанка, не уговариваетъ ее. Я скоро велю ихъ казнить". Началъ купеческій сынъ просить царя: „Отпусти ихъ на волю". Но царь не соглашался ни за что. Тогда молодой купецъ сказалъ: „Я ихъ выкуплю у тебя; только отпусти ихъ. А когда ихъ не будетъ передъ твоими глазами, и гнѣвъ твой пройдетъ". Царь сказалъ: „Не будь ты мнѣ другомъ, ни зачто бы не послушалъ тебя. Но такъ и быть—уступлю ихъ тебѣ за десять тысячъ рублей". Испугался купеческій сынъ, что такія деньги запросилъ у него царь, вспомнилъ онъ отцовскій завѣтъ—да очень ужъ жаль ему было двухъ женщинъ. Онъ заплатилъ деньги, взялъ обѣихъ женщинъ и съ пустыми руками поѣхалъ домой.

Встрѣчаетъ его отецъ съ радостью: „Ну, много ли денегъ выручилъ?" спрашиваетъ. „Выручилъ-то много, да теперь ничего не осталось"—и разсказалъ ему сынъ все, что было. Разсердился старый купецъ и выгналъ его изъ дома. „Ступай со своими женщинами, куда знаешь. Ты всѣ деньги мои погубилъ. Не хочу и видѣть тебя!" Заплакалъ купеческій сынъ и пошелъ изъ дому.

А женщины тихонечко идутъ за нимъ и говорятъ ему: „Не плачь; мы умѣемъ работать и будемъ кормить тебя. Найми намъ только маленькую избушечку, гдѣ бы намъ начать работать". Нанялъ имъ купеческій сынъ избушку, а самъ пошелъ искать работы. Но никто не хотѣлъ его брать къ себѣ. Тѣмъ временемъ женщины занимались вышиваньемъ, живя въ своей избушкѣ. И оказалось, что онѣ умѣютъ дѣлать такія искусныя вышивки, какъ никто въ городѣ. Такъ онѣ зарабатывали въ недѣлю каждая по десяти рублей и кормили и себя и купеческаго сына.

Прошло пять лѣтъ. Разъ купеческій сынъ говоритъ младшей: „Хочешь быть моей женой?" А она ему отвѣтила: „Этого слова я

ждала отъ тебя уже пять лѣтъ". Сыграли они свадьбу и стали вмѣстѣ жить.

Вотъ разъ жена и говоритъ молодому купеческому сыну: „Нѣтъ ли у тебя друга изъ богатыхъ купцовъ, кто бы далъ тебѣ на время свой корабль? Я знаю землю, гдѣ нѣтъ ни одного камня. Ты бы могъ туда свезти камень и сдѣлаться богатымъ человѣкомъ". Послушался купеческій сынъ своей жены, выпросилъ у одного богатаго купца корабль, нагрузилъ его камнемъ и поѣхалъ туда, куда она ему сказала. Отправляя его, жена дала ему письмо на чужомъ языкѣ и сказала: „Это письмо отдай прямо въ руки царя той земли, куда свезешь камень. Никто другой не купитъ твоего камня, кромѣ самого царя". Она сдѣлала еще ленту для мачты его корабля и вышила на ней золотыми буквами свое имя.

Пріѣхалъ купеческій сынъ въ чужую страну, пошелъ прямо во дворецъ къ царю и подалъ ему письмо. Царь прочелъ письмо и заплакалъ отъ радости. Молодая жена купеческаго сына была его дочерью. Много лѣтъ тому назадъ пошла она разъ гулять на морской берегъ съ своей старой служанкой. Онѣ сѣли въ лодку и поѣхали кататься. Вдругъ поднялся вѣтеръ и погналъ лодку въ открытое море. Много дней носило ихъ по морю; совсѣмъ выбились онѣ изъ силъ. Наконецъ ихъ поймали матросы съ турецкаго корабля. Они привезли ихъ въ свою землю и подарили турецкому царю. Все это писала въ письмѣ жена молодого купца—и какъ онѣ мучились у турецкаго царя, какъ ихъ хотѣлъ казнить турецкій царь и какъ ихъ спасъ ея мужъ—добра своего не пожалѣлъ, отцовскаго гнѣва не побоялся.

И сказалъ царь купеческому сыну: „Заплатить тебѣ за твой дорогой товаръ я не могу, но хочу, чтобы ты пріѣхалъ жить въ мой дворецъ. Поѣзжай назадъ за своей молодой женой и привези ее сюда. Будете вы жить у меня, какъ у отца родного". Больше ничего не сказалъ ему царь, только велѣлъ ѣхать скорѣй; въ провожатые онъ далъ ему своего перваго министра. Потомъ онъ собралъ весь народъ,—объявилъ ему, что нашлась его единственная любимая дочь и что онъ назначаетъ молодого купца своимъ наслѣдникомъ—и просилъ всѣхъ радоваться.

Купеческій сынъ едва успѣлъ вернуться домой и разсказать все, что съ нимъ было, какъ молодая жена его уже начала собираться со своей старой служанкой. Сѣли они всѣ на корабль и поѣхали къ царю.

А министру стало завидно; онъ подумалъ: „Вотъ чужой человѣкъ, какой-то купецъ, будетъ царствовать надъ нами. Развѣ я

не сумѣлъ бы царствовать—я вѣдь главный министръ. Возьму, да утоплю его“. Подошелъ онъ къ молодому купцу и говоритъ: „Посмотри, какая большущая рыба плыветъ возлѣ корабля“. Купеческій сынъ нагнулся посмотрѣть, а главный министръ и сбросилъ его въ воду. Корабль поѣхалъ дальше, а купеческій сынъ началъ тонуть. Вдругъ видитъ онъ, летитъ большой лебедь надъ самой водой. Онъ ухватился за него; лебедь потащилъ его быстро-быстро по водѣ и дотащилъ до земли. Тутъ купеческій сынъ отпустилъ его. Лебедь сейчасъ же поднялся на воздухъ и улетѣлъ.

Молодой купецъ пробылъ цѣлый день на берегу и, наконецъ, ему захотѣлось ѣсть. Вдругъ откуда ни возьмись, подплываетъ лебедь и приноситъ ему блюдо съ хлѣбомъ и мясомъ. На другой день лебедь опять принесъ ему поѣсть и улетѣлъ. И такъ лебедь кормилъ его каждый день. Дивился купеческій сынъ, что эта за странная птица, которая такъ заботится о немъ. Наконецъ, онъ рѣшился заговорить съ нимъ. Когда въ урочный часъ лебедь прилетѣлъ къ нему съ пищей, онъ просилъ: „Лебедь, можешь ли ты говорить?“ Лебедь отвѣтилъ: „Могу“.—„Какъ жаль, сказалъ купеческій сынъ, что я раньше этого не зналъ: мнѣ жилось бы тутъ гораздо веселѣе. Скажи же мнѣ, кто ты?“—„Я тотъ покойникъ, котораго ты выкупилъ, помнишь? Ты меня тогда спасъ отъ стыда, я за то спасъ тебя отъ смерти. Съ того времени прошелъ годъ и шесть недѣль, и министръ теперь собирается жениться на твоей женѣ, царской дочери. Онъ и толкнулъ тебя въ воду, чтобы сдѣлаться царемъ“.—„Да развѣ жена моя царская дочь?“—„Какъ же? сказалъ лебедь; царю вовсе и не нужно было твоего камня; но онъ не могъ тебѣ заплатить за твое доброе дѣло и хотѣлъ тебя сдѣлать своимъ наслѣдникомъ. Онъ и пиръ уже приготовилъ и ждалъ только, когда ты пріѣдешь. Но пріѣхалъ только одинъ министръ съ твоей женой и разсказалъ, что ты нечаянно упалъ въ воду и что тебя проглотила огромная рыба. Долго горевалъ о тебѣ царь, а потомъ согласился выдать свою дочь за министра и назначить его своимъ наслѣдникомъ. Завтра они сыграютъ свадьбу. На свадьбѣ будетъ и турецкій царь. А жена твоя, бѣдная, все горюетъ и плачетъ о тебѣ. Сегодня вечеромъ садись на меня, а я тебя донесу туда. Во дворецъ я тебя проведу, а тамъ ужъ дѣлай, какъ знаешь“.

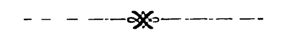
Вечеромъ купеческій сынъ сѣлъ на лебедя и спрашиваетъ: „А это далеко отсюда?“—„Двѣсти миль, говоритъ лебедь, но мы будемъ тамъ черезъ часъ. Твое счастье, что ты сегодня заговорилъ со мной: самъ я не могъ бы съ тобой заговорить“. — При-

несъ его лебедь къ дворцу и улетѣлъ. А купеческій сынъ сталъ въ царской кухнѣ съ нищими. Онъ и былъ похожъ на нищаго: платье у него износилось и висѣло въ лохмотьяхъ. Вотъ собрались уже всѣ гости, и царь съ дочерью вышли къ нищимъ подать милостыню. Съ ними пошелъ и турецкій царь. Подавали царь и царская дочь каждому нищему сами изъ своихъ рукъ, — а какъ дошла очередь до купеческаго сына, турецкій царь увидалъ у него кольцо и часы со своимъ именемъ и изображеніемъ и сказалъ: „У тебя такое дорогое кольцо и золотые часы, а ты просишь милостыню. Скажи, откуда у тебя кольцо съ моимъ именемъ?" Купеческій сынъ отвѣтилъ: „Ты самъ далъ мнѣ его, когда я выкупилъ у тебя покойника".—„А гдѣ ты досталъ часы?"—„Ты самъ далъ мнѣ ихъ, когда я выкупилъ у тебя двухъ женщинъ". Тогда турецкій царь сказалъ: „Вѣдь ты тогда былъ богатъ. Какъ же ты теперь сдѣлался нищимъ?" Тутъ купеческій сынъ разсказалъ все, какъ было. Слушали его царь и царская дочь — и не могли они удержаться—отошли въ сторону и заплакали.

Тогда царь сказалъ турецкому царю: „Покончи за меня это дѣло". Турецкій царь пошелъ къ гостямъ въ почетную палату и сказалъ: „Что нужно сдѣлать съ тѣмъ человѣкомъ, который хотѣлъ убить наслѣдника престола, чтобы самому сдѣлаться царемъ?" Министръ подумалъ, что его кто нибудь хотѣлъ убить и отвѣтилъ поскорѣе: „Такого человѣка надо казнить самою лютою казнью". Тогда царь велѣлъ привести изъ кухни купеческаго сына и спросилъ: „Знаете-ли вы, кто этотъ человѣкъ?" Гости подумали, что это и есть убійца и сказали: „У него и видъ такой, какъ у разбойника". Но царь сказалъ: „Это мой сынъ и наслѣдникъ. А министра закуйте въ кандалы — я вамъ все разскажу сейчасъ". Когда царь разсказалъ все дѣло, гости стали требовать, чтобы министра казнили. Но купеческій сынъ просилъ помиловать его, потому что не помнилъ зла—и царь велѣлъ министру по добру-по здорову убираться изъ своего царства.

Пошелъ тутъ пиръ горой. Весь народъ радовался съ царемъ и царской дочерью. А когда умеръ старый царь, царствовать началъ купеческій сынъ.

(**Ѳ. Трейландъ.** *Сборникъ латышскихъ сказокъ)* *).



*) Сб. Мат. по Этнографіи. Изд. при Дашк. Музеѣ В. 2. М. 1887 г.

Падчерица и родная дочь.

Латышская сказка.

Плохо жилось падчерицѣ у мачехи. Родную свою дочь мачеха баловала, да лелѣяла,—а падчерицу всячески изводила: и бранью, и тяжелой работой. Идутъ, бывало, въ субботу вечеромъ всѣ домашніе въ баню, а мачеха не пускаетъ падчерицу со всѣми вмѣстѣ: пускай, говоритъ, идетъ одна *). Вотъ разъ сидитъ себѣ сиротка въ банѣ одна, уже вымывшись — сидитъ и вышиваетъ узоръ при лунномъ свѣтѣ — вдругъ, откуда ни возьмись — подъѣзжаютъ къ банѣ два барина на тройкѣ. У самихъ по звѣздѣ на лбу — и у коней тоже, да и сбруя вся въ звѣздахъ. Вошли оба барина въ баню и говорятъ сироткѣ: „Мы твои сваты, пріѣхали за тобой. Собирайся съ нами“. Стала сиротка отнѣкиваться: „Не могу, говоритъ, ѣхать съ вами, не сказавшись мачехѣ“. Спорила она съ ними долго—наконецъ, пропѣлъ пѣтухъ—оба барина и умчались. Сиротка вернулась домой, но никому не сказала ни слова.

На слѣдующую субботу, когда сиротка опять сидѣла въ банѣ, снова примчались тѣ же сваты. Въ этотъ разъ у каждаго изъ нихъ блестѣлъ на лбу мѣсяцъ; на лбу у каждой лошади и на сбруѣ также все свѣтились мѣсяцы. Они опять пристали къ сироткѣ: „Поѣзжай съ нами“. Но сиротка отвѣтила: „Покойная матушка моя воспитывала меня для чести и для солнышка; не могу

*) Съ баней у латышей такъ же, какъ и у другихъ инородцевъ сѣверной Россіи (а также и у сѣверныхъ великорусовъ) связано много суевѣрныхъ представленій. Баня—страшное мѣсто, въ которое имѣетъ доступъ нечистая сила. Духъ, обитающій баню—не добрый, какъ дворовой, домовой, хлѣвный—но злой; онъ можетъ погубить человѣка; вотъ почему въ баню остерегаются ходить по одиночкѣ. У латышей новорожденнаго ребенка наканунѣ крещенія моютъ въ банѣ, причемъ бабка—знахарка закалываетъ въ банѣ пѣтуха. Въ этомъ надо видѣть слѣды языческаго жертвоприношенія.

я идти съ вами“. Опять они долго спорили съ ней—спорили, пока не пропѣлъ пѣтухъ; тогда они умчались.

На третью субботу сваты снова пріѣхали. У нихъ и у коней на лбу, и на сбруѣ въ этотъ разъ блестѣло солнце. Стали они опять уговаривать сиротку: „Видишь, говорятъ, всякаго добра у насъ будетъ для тебя довольно. Матушка твоя воспитывала тебя для одного солнышка — вотъ ты и будешь у насъ гулять да погуливать при одномъ солнышкѣ“. Поддалась обману сиротка, согласилась ѣхать со сватами. Подали они ей платье — такое красивое, какого она никогда еще не видывала — и вездѣ-то на немъ блеститъ солнце. „Одѣвайся, говорятъ сваты, только, покуда не одѣнешься, не вспоминай ни о Лаймѣ *), ни о Солнцѣ“. А сиротка одѣвается, да молится. Но какъ только она начнетъ читать молитву, сваты начинаютъ снимать съ нея платье. Долго они такъ возились съ нею; наконецъ уговорили ее одѣться, не благословясь. Тогда сиротка нарядилась и уѣхала.

Привезли ее сваты къ какому-то большому дому, ввели ее въ комнату, — а тамъ стоитъ столъ съ превкусными кушаньями. Сиротку оставили одну. Вдругъ она видитъ, что комната стала наполняться густымъ туманомъ. Поняла она, что что-то тутъ нечисто. Начала она читать молитву, да съ молитвой и выбѣжала изъ комнаты. Долго бѣжала она и наконецъ очутилась у своего дома. Мачеха спросила ее, гдѣ она пропадала. Сиротка все ей разсказала. Мачеха и подумала: „Постой, доставлю я своей дочери такое счастье!“

Въ сдѣдующую субботу мачеха послала въ баню свою дочь, а та побоялась идти одна и взяла съ собой сиротку. Вотъ присѣла дочь мачехи, вяжетъ чулокъ, ждетъ сватовъ, а сиротка спряталась подъ полкомъ. Около полуночи пріѣхали опять тѣ же два барина, вошли въ баню и спросили сиротку. Дочь мачехи и говоритъ имъ: „Сиротки нѣтъ; коли хотите, возьмите меня“. Сваты согласились, нарядили ее въ красивое платье и увезли. Дорогой дочь мачехи разсказала, что сиротка спряталась подъ полкомъ. Одинъ изъ сватовъ тотчасъ поспѣшилъ назадъ — но пріѣхалъ слишкомъ поздно: сиротка уже была въ избѣ.

*) Лайма — счастье. Въ прежнее языческое время латыши очень почитали Лайму; слѣды этого почитанія сохранились и до сихъ поръ. Отъ Лаймы, свѣтлаго божества, зависитъ, напримѣръ, по вѣрованію латышей, дать счастье новорожденному младенцу. Въ одной крестинной пѣснѣ просятъ Лайму вымести хату золотымъ вѣникомъ, чтобы хата заблестѣла какъ на солнцѣ, потому что тому, кто родится на солнцѣ, достанется счастье.

Дочь мачехи такъ и пропала безъ вѣсти. Сваты эти, конечно, были темная сила. А сиротка вотъ какъ спаслась отъ нихъ: въ субботу, когда ее опять послали одну въ баню, она сломала у тридевяти иголокъ уши и натыкала эти иголки по дорогѣ въ баню. Въ полночь пріѣхали за ней тѣ же люди, да увидали иголки и говорятъ: „Дальше ѣхать нельзя: желѣзные шесты на дорогѣ. Видать-то ее видно, а достать нельзя“. Съ тѣхъ поръ они ужъ больше не пріѣзжали.

(**Ѳ. Трейландъ.** *Сборникъ латышскихъ сказокъ)* *).

*) Сб. Мат. по Этнографіи. Изд. при Дашк. Музеѣ В. 2. М. 1887 г.

МОРДВА.

Мордва принадлежитъ къ волжской группѣ финскихъ племенъ. Она живетъ въ губерніяхъ Симбирской, Пензенской, Самарской, Нижегородской, Саратовской, Оренбургской, Тамбовской и Казанской—т. е. занимаетъ обширное пространство по басейну рѣки Волги и нѣкоторыхъ ея притоковъ, а на востокѣ доходитъ до южнаго Урала. Это крѣпкое, отличающееся физическимъ здоровьемъ племя, приблизительно въ семьсотъ пятьдесятъ тысячь душъ. Мордва распадается на двѣ большія группы: *эрзя* и *мокша*, которыя отличаются другъ отъ друга по языку (мордвинъ - эрзя и мокшанинъ плохо понимаютъ другъ друга), а также и по внѣшнему виду. Въ эрзянской группѣ чаще можно встрѣтить бѣлокурыхъ, съ сѣрыми глазами; лица мокшанъ болѣе напоминаютъ татарскія и чувашскія; волосы и глаза у нихъ черные, цвѣтъ лица смуглый, желтоватый. Какъ эрзяне, такъ и мокшане высокаго роста; но мокшане сложены болѣе массивно и отличаются неповоротливостью; движенія ихъ размашисты, голосъ громкій; способъ держаться у женщинъ смѣлый, энергичный, самоувѣренный. Въ настоящее время мордва сильно обрусѣла. Это сказывается особенно въ одеждѣ ихъ и жилищахъ. Костюмъ мордвина почти не отличается отъ русскаго. Но женщины мордовки, наоборотъ, сохранили свой оригинальный и красивый національный костюмъ. Онъ состоитъ изъ бѣлой длинной и узкой, съ прорѣхой противъ груди рубахи, украшенной широкими вышитыми полосами, которыя нашиваются вокругъ шеи, по краямъ прорѣхи, на плечи, по швамъ рукавовъ и по краямъ ихъ, вокругъ подола и на самой рубашкѣ отъ плечъ до подола (по три полосы спереди и по три сзади). Прорѣха рубахи скалывается мѣдной брошкой, перевитой проволоками и убранной пуговицами, бисерными нитками и цѣпочками. Сверхъ рубахи надѣвается наплечникъ, кото-

рый прикрываетъ всю грудь и верхнюю часть спины. Переднюю часть его нижутъ изъ разноцвѣтнаго бисера, а спинная его часть украшается мишурными нитками, проволоками съ мѣдными бляхами, бѣлыми раковинами и нитками изъ бѣлаго бисера. Сверхъ наплечника мордовки надѣваютъ еще на грудь двѣ полотняныя лопасти, тоже украшенныя бисеромъ, проволоками, привѣсками и т. п. На шею надѣваютъ еще широкій гайтанъ изъ сшивного холста, унизанный мелкимъ бисеромъ, увѣшанный разными привѣсками на мѣдныхъ цѣпочкахъ, какъ-то старинными монетами, крестиками, сросшимися орѣхами, медвѣжьими когтями, клыками,

Мордовская изба.

пучками человѣческихъ волосъ и т. п. Мордовки низко опоясываются; сзади рубашка плотно обхватываетъ тѣло, а спереди ее выпускаютъ. Къ поясу придѣланы спускающіяся по бедрамъ кисти, тоже украшенныя бляхами, кольцами, раковинами и т. п. Сверхъ пояса надѣвается красный шерстяной кушакъ, за который засовываются хорошія полотенца. Щеголихи носятъ ихъ иногда до двѣнадцати. По понятію мордовокъ ноги, чѣмъ толще, тѣмъ красивѣе; поэтому онѣ наматываютъ на ноги по нѣскольку аршинъ холста; ноги отъ этого кажутся прямыми и толстыми, какъ бревна. Сверхъ такихъ онучей онѣ надѣваютъ лапти. Головныя уборы мордовокъ отличаются также богатымъ убранствомъ. Дѣвушки носятъ высокій кокошникъ, убранный лентами, позументомъ, бисеромъ и т. п., верхніе края котораго немного покаты къ заду; дна у этого кокошника нѣтъ; оно замѣняется краснымъ шелковымъ платкомъ, свѣшивающимся на затылокъ. Изъ-подъ кокошника падаютъ косы, убранныя мѣдными бляхами. Замужнія женщины надѣваютъ на голову кичку изъ бѣлаго полотна, вышитую разноцвѣтными шер-

стяными мишурными нитками, бляхами, фигурками изъ прошивокъ, ленточекъ, позумента и колечекъ изъ селезневыхъ перьевъ. Задняя сторона кички покрываетъ темя и затылокъ; она состоитъ изъ куска ситца,обшитаго кумачемъ, и украшается также причудливо и разнообразно. Ниже кички на лобъ надѣвается вѣнокъ, также унизанный бисеромъ; надъ ушами висятъ, прикрѣпленныя къ вѣнку, длинныя кисти изъ мишурныхъ нитокъ, увѣшанныя

Мордвины Казанской губерніи.

бѣлыми раковинами и тонкими мѣдными бляхами. Въ ушахъ носятъ оловянныя серьги съ стеклянными подвѣсками и шариками изъ гусинаго пуха.

Живутъ мордвины въ деревняхъ, которыя мало отличаются отъ русскихъ. Живя въ близкомъ сосѣдствѣ съ русскими, они переняли у нихъ и способъ строить свои избы. Но въ болѣе раннія времена мордовскія жилища носили всѣ характерныя черты финскаго жилья. Деревни ихъ строились безъ опредѣленнаго плана; клѣть, житница, конюшня, погребъ стояли отдѣльно отъ жилого помѣщенія *кудо* и вразсыпную вокругъ двора; окна выходили

по большей части во дворъ, а если и дѣлалось одно окно, выходящимъ на улицу, то оно вырубалось ближе къ углу избы, а не въ серединѣ стѣны. Печь, топившаяся по черному, устьемъ выходила обыкновенно къ двери. Полъ былъ земляной. Обстановка въ избѣ состояла изъ наръ, подъ которыми въ зимнее время находилъ себѣ пріютъ мелкій домашній скотъ, и изъ скамеекъ, сдѣланныхъ изъ пней, обрубленные корни которыхъ служили ножками. Теперь рѣдко можно встрѣтить старую мордовскую избу.

Главнымъ занятіемъ мордвы искони служитъ земледѣліе; сѣютъ хлѣбные злаки, разводятъ коноплю. Изъ промысловъ особенно развиты у нихъ валяльный и шерстобитный. Женщины занимаются изготовленіемъ суконъ и окрашиваніемъ самодѣльныхъ тканей. Въ прежнее время, когда мордва жила еще въ густыхъ лѣсахъ, которые теперь уже давно вырублены, у нихъ процвѣталъ и охотничій промыселъ (охотились съ соколами) и пчеловодство.

Мордва давно уже крещена въ православную вѣру; но слѣды язычества еще ярко сохранились въ ихъ вѣрованіяхъ. Мордвины думаютъ, что вездѣ: въ лѣсу, на поляхъ, въ озерахъ, рѣкахъ и ручьяхъ, въ домахъ, баняхъ, клѣтяхъ и т. д. обитаютъ духи; они различаютъ такимъ образомъ отца и мать лѣса, воды, огня, земли, хозяина и хозяйку печи, колодца, бани, пчельника, кладбища, пашни и т. д. Всѣ эти духи обыкновенно женаты, имѣютъ свою семью и живутъ совершенно какъ люди. Солнце, мѣсяцъ, заря, ясная погода, громъ и морозъ также олицетворяются мордвой. Громъ живетъ въ большомъ домѣ, владѣнія его огромны; ихъ перерѣзываютъ рѣки, черезъ которыя перекинуты желѣзные мосты; онъ вооруженъ лукомъ-радугой и каменными стрѣлами. До сихъ поръ еще у мордвы сохранились жертвоприношенія. Ихъ приносятъ обыкновенно во время такъ называемыхъ молянъ, которыя бываютъ двоякаго рода: общественныя и семейныя. Общественныя или мірскія моляны совершаются въ опредѣленные сроки: передъ началомъ посѣва, послѣ жатвы, во время повальныхъболѣзней, неурожая и др.; семейныя моляны—при какомъ-нибудь событіи, касающемся семьи: напримѣръ, при постройкѣ новаго дома, при рожденіи ребенка, при сговорѣ и т. д. Во время общественныхъ молянъ приносятъ по большей части въ жертву животныхъ, и лицами священнодѣйствующими иногда бываютъ женщины; нѣкоторыя изъ такихъ молянъ пріурочены къ православнымъ праздникамъ: къ Пасхѣ, Троицыну дню, дню св. Флора и Лавра и др.

Какъ я ходилъ богатырей искать.

Мордовская сказка.

Вотъ слушайте-ка, ребята, что было со мной. Жили мы съ дѣдушкой только вдвоемъ. Мы жили не богато: избенка у насъ была старая, уже развалилась; а двора и совсѣмъ не было—такъ только, загородку изъ трехъ жердей мы сдѣлали для своей лошади: Изъ скотины-то у насъ и была всего одна плохенькая кляченка, а изъ птицъ—двѣ-три курочки и одинъ пѣтухъ.

Одолѣлъ насъ совсѣмъ одинъ быкъ. Замѣшу я, бывало, своей лошади мѣсиво—непремѣнно придетъ быкъ и все съѣстъ—а лошади ничего не останется. Вотъ разъ поставилъ я своей лошаденкѣ мѣсиво—гляжу, а ужъ быкъ летитъ къ нашей изгороди. Съ разбѣгу засунулъ голову подъ жерди—жерди швырнулъ въ сторону, а самъ скорѣе къ колодкѣ—мѣсиво ѣсть. Лошадь ужъ вѣрно очень разсердилась и лягнула его. Быкъ—ну ее бодать сейчасъ. Она, бѣдная, тутъ же издохла — такъ и покатилась. А быкъ принялся мѣсиво ѣсть. Хапнулъ раза-два — все и съѣлъ. Разсердился я на него! Выбѣжалъ къ нему изъ избы — да какъ уцѣплюсь обѣими руками ему за рога, да какъ брошу его черезъ заборъ — тутъ же быкъ и околѣлъ! Всѣ кости у него разомъ изломались!

Когда убилъ я быка, сталъ я про себя думать: „Какъ же я теперь жить буду? Одна лошаденка была у меня — и ту забодалъ бѣшеный быкъ. Быку то, положимъ, и самому досталось!... Ай, ай! ай! какъ больно хватилъ я его!... Ужъ не богатырь ли я? Смотри, вѣдь и въ самомъ дѣлѣ я богатырь!... Что я между этими людьми здѣсь живу? Уйду-ка я себѣ въ товарищи богатырей искать!“ Собрался я и пошелъ. А сборы то у меня какіе? Взялъ я съ собой свою березовую дубинку и, дѣдушкѣ не сказавшись, ушелъ куда глаза глядятъ.

Я шелъ шелъ и добрался до большого лѣса. Вотъ иду я лѣсомъ и вышелъ, наконецъ, на поляну. Смотрю — на этой полянѣ человѣкъ пашетъ. Пашетъ сабаномъ *) — а въ сабанъ не лошади или быки, а семь медвѣдей впряжены. Медвѣди громаднѣйшіе — я и не видывалъ такихъ. Испугался я и хотѣлъ бѣжать назадъ — да вспомнилъ, что я и самъ, вѣдь, богатырь. „Богъ въ помощь тебѣ, добрый человѣкъ“, говорю ему. — „Спасибо тебѣ“, — говоритъ. Спрашиваю я у него: „Не видалъ ли ты, дяденька, гдѣ богатыри живутъ?“—„А зачѣмъ, говоритъ, тебѣ?“— Разсказалъ я ему все. „Вотъ такъ-то и такъ — богатырь я и иду себѣ богатырей въ товарищи искать“.—„Иди, говоритъ, вотъ этой дорогой; кто попадется тебѣ на встрѣчу, того и спроси: гдѣ, молъ, богатыри живутъ? Онъ тебѣ скажетъ“.—

Пошелъ я отъ него. Вотъ вижу — мнѣ навстрѣчу идетъ охотникъ. За спиной у него шесть оленей повѣшано; ходитъ онъ, седьмого ищетъ. „Дяденька, говорю, а, дяденька, остановись-ка! Не знаешь ли, гдѣ живутъ богатыри?“—„Зачѣмъ, говоритъ, тебѣ?“— „Вотъ такъ то и такъ“, отвѣчаю ему.—„Поди, говоритъ, вотъ по той дорогѣ, дойдешь до большой рѣки; кого тамъ увидишь, того и спроси — онъ тебѣ укажетъ дорогу“.

Вотъ дошелъ я до большой рѣки. „Какъ же я переправлюсь теперь черезъ эту рѣку?“ думаю. Смотрю — сидитъ на берегу человѣкъ, ловитъ рыбу. Подошелъ я къ нему, спрашиваю: „Дяденька, не знаешь ли ты, гдѣ живутъ богатыри?“—„Какъ не знать? говоритъ. А тебѣ на что?“— Разсказалъ я ему про себя. „Иду, дескать, богатырей въ товарищи себѣ искать“.—„Что-жъ, говоритъ, перейди эту рѣку, и ступай вонъ той дорогой все прямо. На дорогѣ, увидишь, избушка стоитъ. Въ той избушечкѣ старушка живетъ; ты къ ней попросись ночевать — она тебя пуститъ“.—„А какъ же, спрашиваю, я черезъ эту большую рѣку перейду?“—„Ну, говоритъ рыболовъ, уцѣпись-ка за мои усы“.— Я схватился за его усы, онъ наклонился черезъ рѣку и говоритъ мнѣ:—„Ну, теперь руки твои отними, прыгни!“—Такъ я и очутился на другомъ берегу. И спасибо не сказавши ему, побѣжалъ я той дорогой. Ужъ очень я обрадовался—думаю: „Вотъ покажу я себя между богатырями! вотъ примутся они на меня дивиться“.

Добѣжалъ я до избушки, вошелъ въ нее — а тамъ старушка сидитъ, медвѣжью шерсть прядетъ. „Поклонъ тебѣ, старушка“,

---

*) Сабанъ — плугъ особаго устройства; въ него впрягаютъ 2 — 6 лошадей или 4 — 8 воловъ.

сказалъ я ей. „Спасибо тебѣ сынокъ", говоритъ. Посадила она меня на лавку, сама стала разспрашивать, куда я иду.—„Ночуй у меня, говоритъ, скоро мои сыновья домой прибудутъ".

Недолго и ждать пришлось. Первымъ вернулся тотъ, что на семи медвѣдяхъ пахалъ. За нимъ охотникъ — и принесъ онъ на себѣ семь оленей. Послѣднимъ пришелъ рыболовъ и принесъ на себѣ семь возовъ рыбы.

Мать ихъ затопила печку. Въ одномъ чугунѣ сварила цѣлаго оленя, въ другомъ рыбы. Сѣли они ужинать, а меня посрединѣ посадили. Вотъ нахлебались мы щей. Мать ихъ поставила передъ нами оленя цѣликомъ. Принялись они оленя ѣсть и меня потчуютъ. Изъ нихъ каждый, ребята, вотъ какія куснща беретъ за одинъ глотокъ. И я, на нихъ глядя, принялся большими кусками глотать — да съ перваго куска чуть было не подавился. Смотрю — они другъ на друга глядятъ и смѣются. Догадался я, что они смѣются надо мной. Вотъ съѣли мы всего оленя; старушка принесла на столъ цѣлый ворохъ рыбы. Мы и рыбу всю съѣли.

Наѣлись мы — старушка и говоритъ: „Ну, сыновья мои, мы гостя нашего накормили; теперь покажемъ ему нашу игру". Сѣли они сами по четыремъ угламъ избы на полъ, а меня посадили на средину пола. Взяли они двухпудовыя гири и принялись ихъ кидать другъ другу черезъ мою голову. Того и гляди, что гиря голову твою оторветъ или раздавитъ, какъ орѣхъ. Я наклонялся, наклонялся — надоѣло мнѣ подъ конецъ, да и шея у меня устала. Старушка и говоритъ: „Ну, довольно, дѣти мои! гостю нашему на насъ больше смотрѣть не хочется. Онъ пришелъ издалека и вѣрно ужъ спать захотѣлъ: видите, у него глаза не смотрятъ, слипаются. Ляжемте же спать теперь".

Легли мы на полъ: они по четыремъ стѣнамъ избы, а я межъ ними на срединѣ пола. Думалъ я: „Вотъ теперь-то я славно усну". Не тутъ-то было! Спятъ они, храпятъ; а отъ ихъ храпѣнья вся изба дрожмя дрожитъ. Только что задремлю, меня то въ одну сторону, то въ другую кинетъ, да хлопнетъ объ полъ. Всю ночь вѣдь я такъ промаялся, ребята! Вотъ наказанье то! „Зачѣмъ, думаю, я дуракъ богатырей искать пошелъ!" Только забудусь, только стану засыпать — опять хлопъ! откинетъ меня въ сторону.

Какъ только занялась заря, старушка проснулась и разбудила сыновей. Встали они, попрощались съ матерью и ушли каждый свое дѣло дѣлать. Меня они не стали будить. Я самъ встать пробовалъ было, да не могъ — не выспался я. Такъ и проспалъ я до самаго обѣда. Разбудила меня тутъ старушка.„ Вставай, вставай,

говоритъ,—сынокъ! Домой не успѣешь дойти: день смеркнется“.

Всталъ я. Старушка меня накормила, напоила досыта. Послѣ того начала она тихонечко говорить мнѣ: „Охъ ты, сынъ мой, сынъ! Видѣлъ ли богатырей или не видѣлъ еще?“—„Видѣлъ“, говорю. „Ахъ ты, сынъ мой, сынъ! Тебѣ бы вернуться слѣдовало тотчасъ, какъ увидѣлъ на семи медвѣдяхъ пашущаго. Какой же ты богатырь, коли мой сынъ тебя на усахъ черезъ рѣку перенесъ? Поди-ка ты, сынокъ, теперь домой; живи между своими братьями. Если силы у тебя много, то ты помогай имъ: защищай ихъ отъ дурного человѣка“. Простился я со старушкой и пошелъ домой. Черезъ рѣку меня опять переправилъ рыболовъ.

Вотъ какъ, бросивши свой народъ, ходилъ я, ребята, искать другой народъ, сильнѣйшій. Хорошо, что сохранилъ меня Вышній Богъ: Онъ не далъ пропасть мнѣ.

(Образцы Мордовск. народн. словесности, В. II. Сказки и пословицы *).

---

*) Изд. Прав. Мисс. Общ. Казань. 1883.

ВОТЯКИ.

Вотяки живутъ по верхнему теченію Камы и по рѣкѣ Вяткѣ; они встрѣчаются также въ губерніяхъ Казанской и Оренбургской. Ихъ насчитываютъ болѣе ста восьмидесяти тысячъ душъ. Вотяки принадлежатъ къ финскому племени; типъ лица ихъ чисто финскій: волосы и глаза свѣтлые, носъ небольшой, скулы выдающіяся, борода рѣдкая, разрѣзъ глазъ узкій. Они средняго роста и слабаго сложенія. Въ ихъ характерѣ преобладаютъ слѣдующія черты: упрямство, скрытность и подозрительность съ чужими (въ кругу своей семьи вотякъ веселъ и откровененъ), терпѣливость и гостепріимство.

Живутъ вотяки въ селеніяхъ, которыя на первый взглядъ отличаются отъ великорусскихъ неправильностью, съ какой разбросаны въ нихъ избы. Кромѣ того, вотяцкія избы обыкновенно бываютъ обращены окнами не на улицу, какъ у русскихъ, а во дворъ. Обыкновенно дворовъ при каждой избѣ два: на чистомъ стоятъ хозяйственныя постройки; на второмъ, грязномъ, помѣщаются лошади, коровы и мелкій скотъ. Въ сторонѣ отъ деревни, обыкновенно на берегу рѣки, стоятъ невзрачныя маленькія бани и шалаши, въ которыхъ варятъ такъ называемую кумышку (родъ водки).

Главное занятіе вотяковъ—земледѣліе; зимой они охотятся и извозничаютъ.

Мужчины носятъ холщевыя рубахи и шаровары, поверхъ которыхъ натягиваютъ родъ сѣраго армяка; на ноги надѣваютъ онучи, лапти или сапоги; на голову—шапки войлочныя или отороченныя мѣхомъ. Вотячки носятъ бѣлыя холщевыя или пестрядинныя, а по праздникамъ красныя (и др. яркихъ цвѣтовъ) рубахи, а сверху кафтаны изъ бѣлаго или сѣраго сукна или холста съ вышивками;

на ногахъ—чулки, лапти или коты. Дѣвушки покрываются платками или носятъ ермолки, обшитыя монетами. Замужнія женщины на голову надѣваютъ уборъ, называемый *айшономъ*, напоминающій собою сахарную голову; айшонъ дѣлается изъ бересты, обшивается бархатомъ и унизывается серебряными монетами. Къ айшону обыкновенно прикрѣпляется парчевый платокъ съ шелковой бахромой, которая падаетъ на спину.

Вотяцкая изба.

Вотяки считаются христіанами; они крестятъ дѣтей своихъ по православному обряду и посѣщаютъ русскіе храмы. Но наряду съ христіанствомъ у нихъ сохранилась вѣра въ своихъ языческихъ боговъ. Боги, по мнѣнію вотяковъ, обитаютъ въ небесномъ пространствѣ; но есть и второстепенныя божества, живущія въ рѣкахъ, лѣсахъ, въ жилищахъ людей и т. д.; они соотвѣтствуютъ водянымъ, лѣшимъ, домовымъ русскихъ. Начальникомъ всѣхъ благъ считается *Инмаръ*. Зло же исходитъ отъ бога *Керемета* или *Луда*. Его особенно часто умилостивляютъ жертвами. Жертвоприношенія сохранились еще до сихъ поръ у вотяковъ въ полной силѣ. При каждомъ домѣ строится такъ называемая *куала* — моленный шалашъ. Здѣсь приносится жертва духу домашняго очага, *Воршуду*. Кромѣ того, у вотяковъ есть и такъ называемые *будзымъ-куа;* это родовые шалаши, т. е. такія моленныя, въ ко-

торыя собираются лица, принадлежащія къ одному роду. Для принесенія жертвъ при родовыхъ и общественныхъ моленіяхъ выбираются особые жрецы, которые имѣютъ своихъ помощниковъ; жрецы избираются по указанію *туно* —ворожца, при торжественной обстановкѣ и съ особенными обрядами. Туно, по большей части бываютъ старики; они пользуются большимъ уваженіемъ

Вотякъ-гусляръ.

среди вотяковъ. Кромѣ моленій въ родовыхъ шалашахъ, вотяки собираются еще и на общественныя моленія, которыя совершаются обыкновенно въ полѣ, деревнѣ или въ священныхъ рощахъ. Моленія происходятъ ежегодно весной, передъ страдою и по окончаніи жатвы; по случаю мора, неурожая и другихъ бѣдствій приносятся умилостивительныя жертвы. Молитвы, произносимыя при жертвоприношеніяхъ, составляются жрецами и отличаются силой, глубиной и поэтичностью выраженій. Вотъ образцы вотяцкихъ молитвъ *): „Благословенный, великій боже, всевышній свѣтъ и бѣлизна; неприкосновеннымъ хлѣбомъ и неприкосновен-

*) Приводимъ текстъ съ пропусками: обѣ молитвы слишкомъ длинны.

ными яствами мы тебя чтимъ и поминаемъ. Злымъ врагамъ не покидай насъ. Дѣтей нашихъ храни и не покидай. Съ хорошими людьми пусть они ѣдятъ и пьютъ... Съ той стороны рѣкъ на эту сторону, да и съ этой стороны на ту сторону да не переходятъ о нихъ худыя вѣсти о славѣ ихъ, да не переходятъ... Отъ колдуновъ, отъ злыхъ враговъ, отъ безславія отстрани ихъ, боже...

Вотячки Казанской губерніи. Головные уборы женщинъ и дѣвушекъ.

Злой человѣкъ, злой врагъ да кругомъ обойдетъ ихъ, славные и добрые люди да любятъ ихъ и введутъ въ свой домъ. Злоязычности, многословія самъ избавь ихъ, боже... Пусть ѣдятъ, пьютъ, веселятся; пусть будутъ всегда только радоваться и будутъ неприкосновенны горя и печали... Дай намъ всего для нашего удовольствія..." Далѣе идутъ прошенія объ урожаѣ, о сохраненіи скота, объ избавленіи отъ бѣдъ. Молитва кончается слѣдующими словами: „Великій, милый боже, всевышній свѣтъ, небесную воду дающій и дождемъ землю оплодотворяющій, не сердись на насъ, не гнѣвайся; мы, какъ маленькія дѣти, ничего не знаемъ, ничего не понимаемъ. Да будетъ тебѣ угодно все по твоей волѣ". Вотъ другая молитва: „Господи, творецъ, начальникъ нашего добраго стоянія, мы даемъ тебѣ, ради нашего выхода на работу, любимое животное. Не гнѣвайся

на насъ, мы поминаемъ тебя ради этого... За то пусть выкосится трава наша и цвѣтъ нашъ выкосится. Посѣянное сѣмя и хлѣбъ уроди, какъ лугъ; проросги, какъ иву; уроди, какъ березу; золотыми колосьями, серебряными сѣменами отдѣлай ее. Этого счастья мы просимъ у тебя, господи, начальникъ нашего добраго стоянія. Когда мы будемъ собирать снопы, то пусть будетъ снопъ у снопа; когда мы будемъ возить на гумно, то пусть оно будетъ у насъ нагружено двѣнадцатью кладями—такого счастья просимъ мы у тебя, боже... Весной животныхъ нашихъ въ полѣ стереги; число ихъ умножь, чтобы было полно на дворѣ. Лѣтомъ дай намъ теплый день, теплый дождь. Отъ страшныхъ вѣтровъ и пожаровъ, также отъ вредныхъ дождей избавь насъ".

Какъ мальчикъ спасся отъ Ву-мурта *).

Вотяцкая сказка.

Жилъ-былъ одинъ человѣкъ, а у него было трое дѣтей — двѣ дочери и одинъ сынъ. Разъ онъ погналъ скотину на водопой къ проруби. Скотина чего-то боится и пятится отъ воды. Онъ гонитъ ее въ другой разъ — опять не идетъ скотина къ проруби. Гонитъ въ третій — опять не идетъ. Удивился человѣкъ и говоритъ: „Отчего это у меня скотина не идетъ пить. Дай-ка я посмотрю въ прорубь — видно, тамъ что-нибудь есть“. Легъ онъ, заглядываетъ въ прорубь — а тутъ вдругъ какъ схватитъ его за бороду Ву-муртъ. Человѣкъ началъ просить отпустить его, а Ву-муртъ и говоритъ: „У тебя есть, кажется, двѣнадцатилѣтній сынъ; если ты отдашь мнѣ его, я отпущу тебя“.—„Какъ же я могу отдать тебѣ своего сына, отвѣчаетъ человѣкъ — да еще своими руками, да на своихъ глазахъ? Это невозможно“.— Ву-муртъ говоритъ: „А ты отпусти его въ баню; я оттуда возьму его и унесу“. Нечего было спорить. Человѣкъ согласился, и Ву-муртъ отпустилъ его.

Пришелъ человѣкъ домой и говоритъ сыну: „Снаряжайся скорѣе въ путь — сейчасъ за тобой придетъ Ву-муртъ“. Мальчикъ

*) Ву-муртъ—водяной человѣкъ. Вѣрованія вотяковъ въ водяныхъ людей напоминаютъ вѣрованія русскихъ въ водяного. Ву-мурты, въ представленіи вотяковъ, живутъ въ водѣ цѣлыми семьями, совершенно какъ люди. У нихъ такіе же дома, такое же хозяйство, такія же занятія, какъ у людей. Ву-муртъ и по облику похожъ на человѣка; впрочемъ, нѣкоторые рисуютъ его чудовищемъ, у котораго всего одинъ глазъ — и тотъ на спинѣ; одежда на немъ черная, волосы длинные; онъ расчесываетъ ихъ иногда, сидя на берегу рѣки, озера или колодца, гдѣ онъ живетъ, или же на мельничномъ колесѣ. Иногда у него отпадаютъ пальцы и снова выростаютъ. Ву-муртъ часто утаскиваетъ къ себѣ людей.

спросилъ: „Отецъ, какую же лошадь прикажешь мнѣ осѣдлать?“ Отецъ сказалъ: „Возьми узду, иди къ стойлу и тряхни уздой; которая изъ лошадей взглянетъ на тебя, ту самую и лови“. Сынъ сдѣлалъ такъ, какъ велѣлъ ему отецъ. Когда онъ тряхнулъ уздой, на него взглянула самая плохая и тощая лошадь. Мальчикъ заплакалъ, но все же надѣлъ узду на нее и привелъ ее къ крыльцу. Осѣдлавъ ее, онъ сѣлъ на нее — и вдругъ лошадь стала хорошая, статная и полная. Когда мальчикъ собрался въ путь, пришли всѣ сосѣди и родственники и, плача, проводили его со двора.

Только что мальчикъ уѣхалъ, пришелъ Ву-муртъ и говоритъ: „Дай мнѣ сына. Я его ждалъ, ждалъ въ банѣ — такъ и не дождался“.—„Сынъ мой поѣхалъ въ лѣсъ охотиться“, сказалъ человѣкъ. „Такъ дай мнѣ скорѣй самую лучшую лошадь — я его догоню“, говоритъ Ву-муртъ. Человѣкъ сказалъ: „Поди въ конюшню; лови любую лошадь и ступай“. Ву-муртъ сейчасъ же взялъ узду, отправился въ конюшню, поймалъ самую жирную лошадь и понесся въ погоню за мальчикомъ. Проскакавъ немного, лошадь устала и не могла бѣжать дальше; тогда Ву-муртъ съѣлъ ее цѣликомъ и побѣжалъ за мальчикомъ пѣшкомъ.

А мальчикъ между тѣмъ доѣхалъ до деревни, гдѣ жила замужемъ его старшая сестра. Онъ заѣхалъ къ ней, а она его накормила и стала разспрашивать, куда онъ такъ спѣшитъ. Мальчикъ все разсказалъ ей. Тогда сестра сказала: „Постой, я дамъ тебѣ щенка, который когда-нибудь пригодится тебѣ“. Мальчикъ взялъ щенка и бросилъ его съ правой стороны лошади, говоря: „Пусть будетъ чутокъ слухомъ“. Щенокъ тотчасъ же обратился въ большущую собаку, очень чуткую слухомъ, и бросился бѣжать за мальчикомъ. Недолго спустя послѣ отъѣзда мальчика по этой же деревнѣ пробѣжалъ Ву-муртъ.

Мальчикъ доѣхалъ скоро до другой деревни, гдѣ жила замужемъ его вторая сестра. Она накормила, напоила его и, узнавъ, что за братомъ гонится Ву-муртъ, сказала: „Постой, я дамъ тебѣ щенка, который когда-нибудь пригодится тебѣ“. Мальчикъ бросилъ щенка съ лошади на лѣвую сторону, говоря: „Пусть будетъ тяжелѣе камня“; щенокъ тотчасъ же превратился въ большущую собаку и побѣжалъ за мальчикомъ. Немного погодя черезъ эту деревню пробѣжалъ и Ву-муртъ.

Мальчикъ между тѣмъ доскакалъ до третьей деревни. Онъ заѣхалъ въ самый красивый домъ, который стоялъ съ краю. Здѣсь жила сестра Ву-мурта; только мальчикъ этого не зналъ. Онъ напился, наѣлся, накормилъ собакъ и поѣхалъ на охоту. А

въ это время прибѣжалъ къ сестрѣ и Ву-муртъ. Началъ онъ совѣтоваться съ сестрой, какъ бы ему съѣсть мальчика. Сестра и говоритъ ему: „Не тужи: мы найдемъ средство. Садись-ка ты въ печь, обратись въ огонь. Когда онъ придетъ со стужи, то прямо подойдетъ къ печи обогрѣться — а ты тогда схватишь его пламенемъ и съѣшь его“. Ву-муртъ такъ и сдѣлалъ: сѣлъ въ печь — горитъ-сидитъ. А собака, которая была чутка слухомъ, слышала все это и разсказала другой собакѣ — той, которая была тяжелѣе камня. Вечеромъ, когда мальчикъ началъ собираться въ деревню, къ сестрѣ Ву-мурта, та собака, которая была тяжелѣе камня, легла въ ключъ и долго валялась въ холодномъ ключѣ; потомъ она выскочила и начала валяться въ снѣгу. Скоро все тѣло собаки стало какъ ледъ. Когда они вошли въ избу, собака вскочила въ печь и легла въ огонь—огонь зашипѣлъ и потухъ. Сестра Ву-мурта взяла кочергу и стала гнать ее, но собака оскалила зубы, заворчала и даже не подпустила ее близко къ печи.

На слѣдующее утро мальчикъ всталъ, наѣлся, напился, накормилъ собакъ и опять поѣхалъ съ ними на охоту. А Ву-муртъ еле еле вылѣзъ изъ печки. „Эхъ, сестра, говоритъ, если бы собака полежала на мнѣ еще немножко, я, навѣрное, бы испустилъ духъ: она у него страхъ какая тяжелая! Какъ же намъ теперь покончить съ нимъ?“ Сестра говоритъ: „Теперь превратись въ перину. Когда онъ вернется сюда, онъ, навѣрное, ляжетъ сейчасъ же на перину. А когда онъ заснетъ, ты и съѣшь его“. Ву-муртъ обратился въ перину и легъ на печь. Но первая собака, чуткая слухомъ, опять все слышала. Когда мальчикъ вернулся домой, вторая собака вспрыгнула на печь и легла на перину — опять чуть не задавила Ву-мурта.

На утро мальчикъ снова уѣхалъ охотиться съ собакою, а Ву-муртъ со злости бросился на сестру и выгналъ ее изъ дому. Самъ онъ спрятался и сталъ поджидать мальчика. Вернулся мальчикъ и видитъ — вездѣ въ домѣ безпорядокъ. Собаки между тѣмъ забѣжали въ одну клѣть и начали тамъ ѣсть муку. А Ву-муртъ вышелъ изъ-за двери, тихонечко заперъ клѣть и началъ замыкать ее замкомъ. Видитъ мальчикъ, что дѣло плохо— осѣдлалъ онъ поскорѣе лошадь и поскакалъ. Ву-муртъ между тѣмъ заперъ собакъ и пустился бѣжать за мальчикомъ. Вотъ стала лошадь мальчика уставать — а Ву-муртъ все ближе. Лошадь и говоритъ мальчику: „Я устала; лягу я на спину, а ты свяжи мои ноги всѣ вмѣстѣ, въ одну кучу и самъ встань на нихъ“. Мальчикъ такъ и сдѣлалъ. Лошадь тутъ же обратилась въ толстое и высокое де-

рево, а мальчикъ очутился на его вершинѣ. Ву-муртъ прибѣжалъ къ дереву, увидалъ мальчика и говоритъ: „А, попался теперь!“ Онъ сейчасъ же полѣзъ на дерево, да подъ руку ему попался гнилой сукъ — онъ и свалился. Такъ онъ лазилъ до трехъ разъ и каждый разъ падалъ. Наконецъ онъ разсердился и пошелъ искать кузнеца. Долго искалъ онъ кузнеца, наконецъ нашелъ и велѣлъ ему сковать большой острый топоръ.

Пока Ву-муртъ ходилъ искать кузнеца, мимо дерева проскакалъ заяцъ. Мальчикъ крикнулъ ему: „Эй, заяцъ! пожалуйста, поди къ моимъ собакамъ и скажи имъ, чтобы они скорѣй прибѣжали сюда, а то меня сейчасъ хочетъ съѣсть Ву-муртъ“. Заяцъ, услыхавъ голосъ мальчика, испугался и убѣжалъ. Сидитъ мальчикъ на деревѣ и видитъ — мимо бѣжитъ волкъ. Онъ началъ просить его: „Поди, пожалуйста, къ моимъ собакамъ, позови ихъ!“ Но волкъ тоже испугался и убѣжалъ. Послѣ волка пришелъ медвѣдь. Мальчикъ началъ его просить пойти за собаками — а тутъ уже бѣжитъ назадъ Ву-муртъ, въ рукахъ держитъ большой топоръ. Медвѣдь, увидавъ Ву-мурта, спрятался въ лѣсу. Ву-муртъ тотчасъ началъ рубить дерево; рубилъ, рубилъ — наконецъ усталъ и легъ спать. А медвѣдь вышелъ изъ лѣсу, собралъ всѣ щепки въ кучу, слѣпилъ ихъ и составилъ дерево попрежнему. Потомъ онъ схватилъ топоръ Ву-мурта и бросилъ его въ озеро; а самъ побѣжалъ за собаками. Подошелъ медвѣдь къ запертой клѣти, спрашиваетъ: „Здѣсь вы?“ — „Здѣсь“, отвѣчаютъ собаки. „Пойдемте, говоритъ медвѣдь, скорѣе къ вашему хозяину — я отопру вамъ дверь отъ клѣти“. Онъ сломалъ замокъ, отперъ дверь — собаки выскочили и побѣжали къ своему хозяину. Ву-муртъ только что нашелъ топоръ и собрался было рубить дерево, какъ прибѣжали собаки и начали тормошить его, одна въ одну сторону, другая въ другую. Медвѣдь же вырвалъ изъ рукъ Ву-мурта топоръ и скрылся въ лѣсу.

Ву-муртъ пустился бѣжать; добѣжалъ до озера и спрятался въ него, на самое дно. А собаки кинулись за нимъ. Одна изъ нихъ сказала мальчику: „Гляди на озеро: если вода превратится въ кровь, ты можешь слѣзать съ дерева“. Мальчикъ стоитъ на деревѣ, смотритъ на озеро. Вдругъ все озеро сдѣлалось краснымъ отъ крови. Въ одинъ мигъ дерево обратилось опять въ лошадь, лежащую на спинѣ съ связанными ногами. Мальчикъ развязалъ лошадь; она встала на ноги, а собаки, покончивъ съ Ву-муртомъ, прибѣжали къ своему хозяину.

Мальчикъ поѣхалъ домой. Онъ сначала заѣхалъ къ одной

сестрѣ, потомъ къ другой. Но ни той, ни другой онъ не засталъ дома; онѣ уѣхали погостить къ отцу. Когда мальчикъ въѣхалъ въ отцовскій дворъ — вся семья и всѣ сосѣди вышли къ нему навстрѣчу и на рукахъ внесли его въ избу.

На радостяхъ отецъ мальчика сварилъ сорокъ ведеръ пива, созвалъ гостей и сдѣлалъ большой пиръ. На пиръ пришелъ и медвѣдь. Цѣлую недѣлю они пировали. Послѣ, когда проводили гостей, мальчикъ съ медвѣдемъ и съ собаками сталъ ходить на охоту. Онъ всегда приносилъ много дичи и много звѣрей и очень разбогатѣлъ.

(**И. Смирновъ:** *Вотяки*) *).

---

*) Изв. Общ. Арх. Ист. и Этн. при Каз. Ун. Т. VIII. вып. 2. Казань. 1890

Чужимъ добромъ не разживешься.

Вотяцкая сказка.

Шелъ разъ старикъ прохожій по дорогѣ, пришелъ въ деревню и попросился въ одну избушку ночевать. Разулся и спрашиваетъ хозяевъ: „Куда мнѣ, хозяева, положить свои лапти?"—„Положи, говорятъ, дѣдушка, на печь".—Старикъ говоритъ: „Лапти у меня сухіе, на печь класть ихъ не зачѣмъ, положу ихъ лучше къ курицамъ въ залавокъ". Утромъ всталъ старикъ, обулся, одѣлся, подошелъ къ залавку и говоритъ: „Вчера вечеромъ я пустилъ сюда, въ залавочекъ, свою курочку". Хозяева говорятъ ему: „Какую курицу, старикъ? У тебя не было курицы. Ты положилъ въ залавокъ свои лапти и взялъ ихъ назадъ". А старикъ и слышать ничего не хочетъ — все споритъ. Нечего дѣлать, отдали ему хозяева свою курочку и прогнали его со двора долой. Идетъ старикъ по дорогѣ съ курицей и снова приходитъ въ деревню. Зашелъ онъ въ избушку и говоритъ: „Пустите, добрые люди, ночевать". Хозяева отвѣчаютъ: „Ночуй, дѣдушка, ночуй". Старикъ и говоритъ имъ: „У меня съ собой есть курочка — такъ надо бы и ей мѣсто отыскать".—„Чтожъ, говорятъ хозяева, пусти, дѣдушка, свою курочку къ нашимъ курочкамъ".—А старикъ отвѣчаетъ: „Моя курочка съ курочками не спитъ; она спитъ съ утками".—„Ладно, дѣдушка, говорятъ хозяева, пусти ее къ нашимъ уткамъ".—Утромъ всталъ старикъ, обулся, одѣлся, подошелъ къ хозяйскимъ уткамъ и говоритъ:—„Вчера вечеромъ я пустилъ сюда свою уточку, такъ надо ее взять". Хозяева говорятъ: „Какую утку, старикъ? Вѣдь ты пустилъ къ нашимъ уткамъ курицу". А старикъ споритъ: „У меня была уточка, а не курица".—Хозяева отдали старику утку и прогнали его. Идетъ старикъ по дорогѣ. Къ вечеру онъ

опять зашелъ въ деревню — просится ночевать. Пустили его въ избу — онъ и говоритъ: „У меня съ собой есть уточка — такъ надо бы и ей найти мѣсто переночевать“. Хозяева говорятъ: „Пусти ее, дѣдушка, къ нашимъ уточкамъ“. А старикъ отвѣчаетъ: „Моя уточка съ утками не спитъ — она спитъ съ гусями“.—„Ладно, дѣдушка, пусти уточку къ нашимъ гусямъ“.— Утромъ старикъ и говоритъ хозяевамъ: „Я вчера вечеромъ пустилъ къ вашимъ гусямъ своего гуся, надо бы взять его теперь“. Удивились хозяева: „Что ты вздоръ говоришь, старикъ? ты пустилъ къ нашимъ гусямъ свою утку“.—„Нѣтъ, говоритъ старикъ, пустилъ я гуся, а не утку“. — Такъ и пришлось ему отдать гуся— споритъ все, не отступается. Пошелъ старикъ дальше и къ вечеру опять зашелъ въ деревню ночевать. Говоритъ хозяевамъ: „Вотъ гусь у меня съ собой есть—надо бы ему мѣстечко найти—только онъ съ гусями не спитъ, а спитъ съ индѣйками“.—„Такъ пусти его, дѣдушка, къ нашимъ индѣйкамъ“, говорятъ хозяева. На утро требуетъ у нихъ старикъ индѣйки—споритъ съ ними: „Я, говоритъ,— пришелъ къ вамъ съ индѣйкой, а не съ гусемъ“. Разсердились хозяева, отдали ему индѣйку и прогнали со двора.

На пятую ночь старикъ пустилъ свою индѣйку къ свиньямъ и взялъ свинью; на шестую ночь свинью пустилъ къ овцамъ и взялъ овечку; на седьмую пустилъ овечку къ телятамъ и взялъ телку; на восьмую пришелъ въ деревню и пустилъ телку къ быкамъ. Ночью, когда хозяева заснули, старикъ всталъ тихонечко, обулся, одѣлся и вышелъ въ сѣни, а изъ сѣней во дворъ. Тамъ онъ нашелъ узду, хомутъ и всю сбрую; потомъ онъ прошелъ тихонько въ конюшню, поймалъ быка, запрягъ его въ хозяйскія сани и выѣхалъ со двора.

Вотъ ужъ и разсвѣло. Ѣдетъ старикъ по дорогѣ и поетъ:

Тпручки бычекъ, по дорожкѣ течетъ (бѣжитъ),
Сани не наши, хомутъ не свой—
Понукай, не стой!

Вдругъ на встрѣчу ему зайчикъ и спрашиваетъ его: „Куда это ты, дѣдушка, ѣдешь?“—„На работу, заинька!“—„Возьми меня съ собой, дѣдушка!“—„Садись, заинька, садись!“—Сѣлъ зайчикъ, и поѣхали они дальше. Попадается имъ на встрѣчу лиса. „Куда выѣхалъ, дѣдушка?“—„На работу, лисанька!“—„А возьми-ка ты меня съ собой, дѣдушка!“—„Чтожъ, садись“.—Ѣдутъ они дальше— видятъ, бредетъ имъ на встрѣчу волкъ. „Куда ѣдешь, дѣдушка?“

спрашиваетъ. — „На работу, волкъ".—„Подсади меня, дѣдушка."
—„Садись, волкъ".—Вотъ ѣдутъ они — попадается имъ медвѣдь.
„Ты куда это собрался, дѣдко?"—„На работу, Мишенька".—„Подсади-ка меня!"—„Садись".—

Ѣдутъ дальше — вдругъ переломилась оглобля. Старикъ послалъ зайчика въ лѣсъ за оглоблей. Поскакалъ зайчикъ — принесъ сучекъ. Разсердился на него старикъ, послалъ въ лѣсъ лису. Лиса принесла ему вицу. „Ну, говоритъ старикъ, и ты хороша. Сбѣгай-ка ты, волкъ". Волкъ пошелъ въ лѣсъ, принесъ пень. Старикъ послалъ за оглоблей медвѣдя — медвѣдь принесъ ему бревно. „Дурни вы всѣ", сказалъ старикъ и пошелъ самъ за оглоблей. А тѣмъ временемъ медвѣдь съ волкомъ да съ лисой взяли и съѣли быка, — оставили только шкуру да голову. Они воткнули въ землю четыре колышка и повѣсили на нихъ шкуру быка, а сами разбѣжались въ разныя стороны. Вернулся старикъ съ оглоблей, сталъ запрягать быка, а быкъ-то и развалился. Видно, чужимъ добромъ не разживешься.

(**Верещагинъ:** *Вотяки Сосновскаго края*).

ОСТЯКИ.

Небольшое племя остяковъ (около 250 душъ) живетъ въ сѣверныхъ частяхъ Тобольской, Томской и Енисейской губерній, по рѣкамъ Оби, Енисею и ихъ притокамъ. Это племя финское. Остяки невысокаго роста и малосильны; цвѣтъ лица у нихъ по большей части смуглый; волосы—черные. Они боязливы, добродушны, трудолюбивы и очень неопрятны. Своимъ единоплеменникамъ и роднымъ они всегда помогаютъ во всемъ, кормятъ и поятъ ихъ, если они въ нуждѣ.

Занимаются они преимущественно оленеводствомъ и рыболовствомъ. То и другое связано съ необходимыми перекочевками. Лѣтомъ оленеводы гонятъ свои стада къ сѣверу, гдѣ меньше комаровъ, мошекъ и оводовъ; рыболовы же селятся по берегамъ Оби и ея притокамъ. На зиму и тѣ и другіе возвращаются въ лѣса, гдѣ не свирѣпствуютъ такъ сильно вѣтры и вьюги. Лѣтнее жилище остяка—юрта—дѣлается изъ тонкихъ березовыхъ жердей и покрывается мягкой вываренной берестой. Юрта остяцкая четырехугольная, съ заостренной двускатной крышей, въ которой оставлено отверстіе для дыма. Огонь разводится на землѣ посреди юрты. Зимнее жилище представляетъ изъ себя низенькую землянку, въ одномъ углу которой грубо сложенъ камелекъ. Эта землянка освѣщается окномъ, продѣланнымъ въ стѣнѣ или крышѣ, и прикрытое кускомъ льда. Близь своихъ жилищъ остяки строятъ иногда на высокихъ столбахъ родъ амбаровъ, въ которыхъ хранятся мѣха и припасы. Выловленную лѣтомъ въ большихъ рѣкахъ рыбу они обыкновенно спускаютъ въ близь лежащія озерки, и съ

наступленіемъ зимы снова вылавливаютъ ее, замораживаютъ и продаютъ или на ярмаркѣ въ Обдорскѣ или заѣзжимъ русскимъ купцамъ.

Остякъ, собравшійся на охоту.

Одежда остяковъ и остячекъ почти одинакова; только на платьѣ женщинъ нашито больше украшеній, какъ то: бисеръ, бубенцы, привѣски, лоскутки и т. п. Зимній костюмъ состоитъ изъ *малицы*— мѣховой одежды, надѣваемой черезъ голову, шерстью наружу. Къ малицѣ пришиваются иногда мѣховая шапка и рукавицы. Рукавицы шьются очень широкія; остяки нерѣдко надѣваютъ одну пару на другую. Малицу подпоясываютъ ремнемъ, къ которому

привѣшены мѣшечки; въ нихъ носятъ нужныя предметы (женщины—иголки, нитки и т. п.) и ножъ. Иногда поверхъ малицы остяки надѣваютъ чехолъ, сдѣланный изъ разноцвѣтнаго сукна

Остячка въ дорожномъ костюмѣ.

или изъ шкуры молодыхъ оленей. Во время холодовъ надѣваютъ сверхъ малицы еще другую мѣховую одежду, которая доходитъ почти до пятъ. У остяковъ есть еще одинъ костюмъ, который они надѣваютъ при гостяхъ или когда ѣдутъ въ гости. Это родъ халата изъ оленьихъ шкуръ; его иногда кладутъ на подкладку изъ шкурокъ гусей и утокъ; спереди сверху до низу идутъ ремешки служащіе завязками. Обувь состоитъ изъ чулокъ и сапогъ,

сшитыхъ изъ оленьихъ шкуръ; ихъ подвязываютъ къ штанамъ тесемками или ремешками. Въ сильные холода надѣваютъ сверхъ этой обуви еще другіе огромные сапоги изъ оленьей или лосиной шкуры. Лѣтомъ носятъ рубашки, штаны и сапоги. Лѣтняя обувь дѣлается изъ оленьей замши и надѣвается на босую ногу; иногда ее окрашиваютъ въ красный цвѣтъ. Чтобы мягче было ступать, въ нее вкладываютъ сухую траву. Волосы свои остяки или заплетаютъ въ косы или же носятъ распущенными по плечамъ; они вплетаютъ въ косы красныя тесемки и украшаютъ ихъ мѣдными кольцами, тесемками, бубенцами и т. п.

Многіе изъ остяковъ приняли уже христіанскую вѣру; но большинство изъ нихъ еще язычники. Вѣра ихъ—шаманская, т. е., они вѣрятъ, что верховное божество, живущее на небѣ и управляющее міромъ, не сообщается съ людьми иначе, какъ черезъ безчисленное множество духовъ; духи же, чтобы передавать волю божества людямъ, выбираютъ себѣ особенныхъ людей—шамановъ. Шаманы лѣчатъ больныхъ, раскрываютъ различныя тайны и узнаютъ, какія жертвоприношенія требуютъ себѣ духи. Для своихъ священнодѣйствій шаманы употребляютъ священный бубенъ. Остяки чтутъ также идоловъ, которыхъ они стараются умилостивлять жертвами: они мажутъ ихъ кровью, жиромъ и т. п.

Сватовство Яга.

Остяцкая богатырская сказка.

На незамерзающихъ берегахъ рѣки Эмдера, въ богатырскомъ городѣ Эмдерѣ, проживали пять братьевъ богатырей. Прозвище старшаго было: „Богатырь, разломавшій конское бедро“. Такъ звали его вотъ почему: разъ, на собраніи князей *), начали хвастать другъ передъ другомъ князья-богатыри, кто изъ нихъ сильнѣе. Одинъ изъ нихъ взялъ конское бедро и быстро разломалъ его на семь частей. Послѣ этого и дали ему это славное имя. Второго брата прозвали: „Богатырь, носящій кольчугу съ сотней торчащихъ рожковъ“. Третьяго: „Богатырь въ бронѣ изъ блестящихъ колецъ“. Четвертаго: „Богатырь съ остроконечнымъ мечомъ“. Пятаго: „Избранный изъ восьмидесяти богатырей, ходящій съ спущенными косами Ягъ“.

Разъ Ягъ ночью вышелъ изъ своего дома и услыхалъ съ сѣвера чей-то звенящій голосъ. Это кричалъ огромный филинъ, летѣвшій съ сѣвера въ богатырскій городъ Эмдеръ. Посреди города стояла толстая лиственница, обломанная вѣтромъ; на ея вершинѣ уцѣлѣлъ одинъ сукъ. На этотъ сукъ сѣлъ прилетѣвшій съ сѣвера филинъ. Увидѣвъ Яга, онъ проговорилъ человѣчьимъ голосомъ: „Отчего ты такъ долго не женишься, Ягъ?“ Ягъ отвѣчалъ: „Не родилась еще на свѣтъ та красавица-дѣвушка, которую я бы взялъ себѣ въ жены“. Филинъ сказалъ на это: „Я своимъ длин-

*) Остяки дѣлятся на множество родовъ. Всѣ члены одного рода считаютъ другъ друга родственниками и во всемъ оказываютъ другъ другу поддержку. Во главѣ каждаго рода стоитъ старшина, который творитъ судъ между членами рода и собираетъ также подати. Во главѣ нѣсколькихъ родовъ стоитъ князь. Власть князя передается изъ рода въ родъ. По образу своей жизни князья нисколько не отличаются отъ прочихъ остяковъ.

нымъ ухомъ слышалъ хорошую вѣсть про одну дѣвушку, которая была бы тебѣ хорошей женой".—„Гдѣ же ты слышалъ про такую красавицу?"—спросилъ богатырь. Филинъ отвѣтилъ: „Потекли впередъ богатырскія воды рѣки Эмдера съ незамерзающими берегами; онѣ впали въ обширныя воды усѣянной мелкой галькой чистой Оби. Потекли впередъ обширныя воды чистой, усѣянной мелкой галькой Оби; онѣ пали въ священныя воды Иртыша *), раздвоеннаго на подобіе двухъ разбѣгающихся песцовъ. Священныя воды Иртыша потекли впередъ; онѣ пали въ красныя богатырскія воды Конды. Красныя богатырскія воды Конды потекли впередъ; онѣ пали въ въ священный Кондинскій соръ. Тутъ стоитъ богатырскій городъ Карыпоспатъ. Въ немъ властвуетъ трехсотлѣтній дряхлый старикъ-богатырь. Въ домѣ его укачивали взростили семь сыновей-богатырей. Послѣ семи богатырей кого укачивали въ берестяной зыбкѣ съ красивой спинкой? Красавицу дочь съ свѣтлыми глазами, съ густыми бровями. Про эту-то красавицу я и слышалъ своимъ длиннымъ ухомъ. Если хочешь высватать ее за себя, отправляйся туда со своими братьями и сватами".

Сказалъ это филинъ, повернулся къ сѣверу, взмахнулъ три раза своими крыльями и—только его и видѣли.

Едва наступилъ слѣдующій день, какъ Ягъ началъ снаряжаться въ путь со своими братьями - богатырями. Долго ѣхали они—наконецъ, достигли богатырскаго города Карыпоспатъ. Передъ городомъ былъ протянутъ золотой шнуръ толщиной въ мизинецъ. Старшій братъ Яга взялъ свой мечъ и разсѣкъ на семь частей шнуръ, который заграждалъ имъ дорогу. Какъ только доѣхали они на своихъ оленяхъ до воротъ города, изъ-за вала его спустился къ нимъ богатырь и замахнулся мечемъ на ихъ оленей. Но олени рванулись впередъ, и онъ успѣлъ только перерѣзать заиндевѣвшіе ремни, привязанные къ нимъ. Богатырь тотчасъ повернулся назадъ, а четвертый братъ Яга, богатырь съ остроконечнымъ мечемъ, бросился на него и тотчасъ положилъ его на мѣстѣ. Послѣ этого ихъ впустили въ городъ.

Ягъ съ братьями выбралъ трехъ пословъ, чтобы сосватали они за

*) Филинъ указываетъ Ягу, какъ надо ѣхать въ городъ, гдѣ живетъ предназначенная ему невѣста. Рѣка Эмдеръ впадаетъ въ Обь; по Оби надо плыть до впаденія въ нея р. Иртыша, по Иртышу подняться до притока его рѣки Конды и отсюда уже достигнуть т. наз. Кондинскаго сора. Соромъ называются низменныя мѣста по берегамъ рѣкъ. Лѣтомъ они представляютъ изъ себя заливные луга; весной же они затопляются водой на огромное пространство. Кондинскій соръ имѣетъ въ длину 60 верстъ, а въ ширину 8 в.

него красавицу, дочь трехсотлѣтняго старика-богатыря *). Пришелъ первый посолъ—старикъ князь сидитъ себѣ въ комнатѣ за занавѣсью, не открываетъ рта. Ни съ чѣмъ вернулся къ Ягу посолъ. Послали второго. Опять не вышелъ старикъ изъ за занавѣси, ни слова не промолвилъ. Ушелъ ни съ чѣмъ посолъ. Послали они третьяго посла-богатыря. Онъ повелъ такую рѣчь: „Что ты скажешь намъ относительно своей младшей дочери, дѣвицы? Какую вѣсть, какое слово ты скажешь? Что мнѣ передать пославшему меня?“ Долго молчалъ старикъ—наконецъ отвѣтилъ послу: „Младшую дочь мою, дѣвицу, я давно уже схоронилъ. Эти слова мои отнеси пославшему тебя“. Вернулся посолъ къ Ягу съ вѣстью: „Дочь старика-богатыря давно погребена“. Ягъ сказалъ: „Если дочь свою старикъ давно схоронилъ, то пусть онъ дастъ намъ десять людей съ лопатами и десять людей съ топорами: мы разроемъ ея могилу и положимъ къ ней привезенные для нея золото и серебро, предназначенные для нея шелкъ и камку. Пойди, отнеси эту вѣсть, эти слова наши старику-богатырю“. Посолъ снова пошелъ къ старику и передалъ ему слова Яга. Долго молча сидѣлъ старикъ, опустивъ голову, наконецъ проговорилъ: „Младшая дочь моя, дѣвица, еще мала; ее надо еще вспоить - вскормить; суставы рукъ ея и ногъ еще не окрѣпли; ихъ надо выростить“. Ягъ велѣлъ отвѣтить старику: „Въ нашемъ богатырскомъ городѣ много свѣтловолосыхъ женщинъ, много сѣдовласыхъ старухъ: онѣ вскормятъ-вспоятъ твою дочь; неокрѣпшіе еще суставы рукъ и ногъ ея мы сами выростимъ“. Передалъ эти слова Яга его посолъ. Послѣ этого сдался старикъ и повелъ рѣчь о калымѣ. Онъ спросилъ цѣну ста рабовъ и ста рабынь, цѣну ста кольчугъ и ста мечей, цѣну ста сѣкиръ и ста котловъ.

Не поскупились эмдерскіе богатыри. Они тотчасъ выложили передъ старикомъ весь калымъ: цѣну ста кольчугъ и ста мечей заплатили цѣлою кучей денегъ; цѣну ста рабовъ и ста рабынь, ста сѣкиръ и ста котловъ заплатили цѣлой кучей разныхъ товаровъ. Тутъ же и сыграли свадьбу. Пошло у нихъ пированье; сваты ликовали громкимъ голосомъ, радуясь, что имъ удалось устроить дѣло. Невѣста, какъ того требовалъ обрядъ, все время сидѣла за пологомъ—а у полога стала старуха и не пускала Яга. Богатырь

*) При сватовствѣ у остяковъ, какъ и у большинства малокультурныхъ народовъ, невѣсту не спрашиваютъ о согласіи. Дѣло рѣшается обыкновенно между сватами жениха и отцомъ или другими родственниками невѣсты. Плата за невѣсту—калымъ, вносимая женихомъ, бываетъ различна: богатый остякъ запроситъ за свою дочь 50—100 оленей, а бѣдный 20—25 оленей. У остяковъ допускается многоженство.

бросилъ ей золотыя и серебряныя деньги — и она пустила его къ невѣстѣ.

Какъ только Ягъ остался одинъ съ дѣвушкой, она и говоритъ ему: „Обманули тебя, богатырь изъ города Эмдера. Я простая дѣвушка,—рабыня старика-богатыря; а княжеская дочь, которую ты свàталъ, уже съ недѣлю отдана отцомъ противъ воли за самоѣдскаго богатыря, да еще и безъ калыма. Онъ, должно быть, уже далеко увезъ ее“.

Сильно разгнѣвался Ягъ; выбѣжалъ онъ изъ-за полога, кликнулъ кличъ своимъ товарищамъ-богатырямъ. Они тотчасъ бросились къ своимъ оленямъ, запрягли ихъ въ свои нарты *) и понеслись въ погоню за княжеской дочерью.

А самоѣдскіе богатыри между тѣмъ далеко уже увезли младшую дочь трехсотлѣтняго старика-богатыря. Напрасно молила княжеская дочь не отдавать ее за самоѣдскаго князя. Она много слышала про эмдерскаго богатыря, славнаго Яга и хотѣла выйти за него замужъ. Но отецъ не послушалъ ее. Самоѣды увезли ее насильно; но она все ждала, что Ягъ съ братьями догонитъ ихъ и освободитъ ее. На гладкомъ пескѣ, намытомъ водой рѣчного разлива, она написала: „Меня увезли къ многочисленнымъ мужамъ самоѣдской земли. Увезли меня насильно, ломая мнѣ руки, ломая мнѣ ноги. Если эмдерскіе богатыри проѣдутъ этимъ мѣстомъ, пусть спѣшатъ мнѣ на помощь“.

Между тѣмъ самоѣдскій князь, отъѣхавъ далеко, остановился на стоянку. И захотѣлось ему тотчасъ сыграть свадьбу. Но княжеская дочь хотѣла выиграть время и отвѣчала ему: „Не хочу я играть свадьбы среди темнаго лѣса. Когда мы пріѣдемъ въ священный городъ, жилище самоѣдскихъ мужей, тогда и устроимъ свадебный пиръ. Я хочу, чтобы на свадьбѣ у меня было много сѣдовласыхъ старухъ, много свѣтловолосыхъ женщинъ—пусть онѣ по обычаю поднесутъ мнѣ пѣнящуюся чашу и дадутъ мнѣ серебряныя и золотыя деньги“.

Въ это время какъ разъ и настигъ самоѣдскихъ богатырей Ягъ со своими товарищами. Ягъ бросился на самоѣдскаго князя и уложилъ его на мѣстѣ. Остальные самоѣды спаслись бѣгствомъ.

Захватилъ Ягъ высватанную имъ невѣсту, и поѣхали они назадъ въ богатырскій городъ Карыпоспатъ. Захотѣлось эмдерскимъ богатырямъ отомстить старику за его обманъ: за свою обиду они готовили ему страшную месть. Но княжеская дочь, узнавъ это, бро-

*) Нарты—сани.

силась въ ноги своему мужу и, обнимая его колѣни, начала жалобно молить его: „Славный Ягъ, избранный изъ среды восьмидесяти богатырей, мужъ и повелитель мой! выслушай меня, скажу ли я одно слово или два. Если ты убьешь отца моего и братьевъ моихъ и разоришь славный нашъ городъ и сдѣлаешь меня круглой сиротой, то, скажи, кто-же будетъ чинить твою одежду, украшенную бляхами и бисеромъ? кто одѣнетъ твоихъ воиновъ въ дорогія одежды и дорогую обувь? и кто доставитъ платья мнѣ самой, чтобы нарядиться, какъ подобаетъ невѣстѣ“? Эта разумная рѣчь понравилась Ягу, и онъ рѣшилъ помириться съ тестемъ.

Мирно вернулись они въ городъ Карыпоспатъ и, попировавъ у старика-богатыря, поѣхали домой, въ славный богатырскій городъ Эмдеръ, лежащій на рѣкѣ Эмдерѣ съ незамерзающими берегами.

Заимств. у **Патканова:** *Остяцкій эпосъ* *).

---

*) Живая Старина 1892, вып. II. и 1894, вып. IV

БАШКИРЫ.

Башкиры живутъ на западныхъ склонахъ и предгоріяхъ Урала преимущественно въ губерніяхъ Уфимской, Оренбургской, Пермской, Вятской и Самарской. Всего ихъ насчитываютъ около 600 тысячъ. Башкиры принадлежатъ къ тюркскому племени; они составляютъ такимъ образомъ одну большую семью съ казанскими татарами, чувашами, киргизами, сартами, якутами и др. Наружностью башкиръ походитъ на казанскаго татарина; у него большая круглая голова и круглое лицо, узкіе сѣрые или темнокаріе глаза, широкія уши, рѣдкая темнорусая борода.

Костюмъ башкира также почти одинаковъ съ одеждой татаръ. Мужчины одѣваются въ длинныя рубахи съ откладными воротниками, въ чекмени, халаты и широкіе шаровары; на головѣ носятъ низкія войлочныя шляпы съ полями, загнутыми кверху; на ногахъ—сапоги съ калошами; бѣдные же обуваются въ лапти. Зимой надѣваютъ тулупы и шапки, отороченныя мѣхомъ. Костюмъ башкирки состоитъ изъ холщевой рубахи, вышитой алыми нитками вокругъ ворота и рукавовъ, шальваръ и платья, похожаго покроемъ на кафтанъ—зимой съ рукавами, а лѣтомъ безъ рукавовъ. На ноги башкирки надѣваютъ сафьянные башмаки съ высокими каблучками или лапти. Дѣвушки не покрываютъ головы, а замужнія женщины носятъ шапочки, унизанныя краснымъ бисеромъ. Есть еще у башкирокъ головной уборъ — такъ называемый *калабашъ* это чешуйчатая шлемообразная шапка съ длиннымъ наспинникомъ, унизаннымъ серебряными монетами. Калабашъ очень дорогой уборъ; онъ стоитъ иногда около 1,000 рублей и переходитъ по наслѣдству отъ матери къ замужней дочери.

Часть башкиръ ведетъ осѣдлую жизнь, въ деревняхъ и имѣетъ свои пашни и довольно благоустроенные дома; но большинство

Башкиръ.

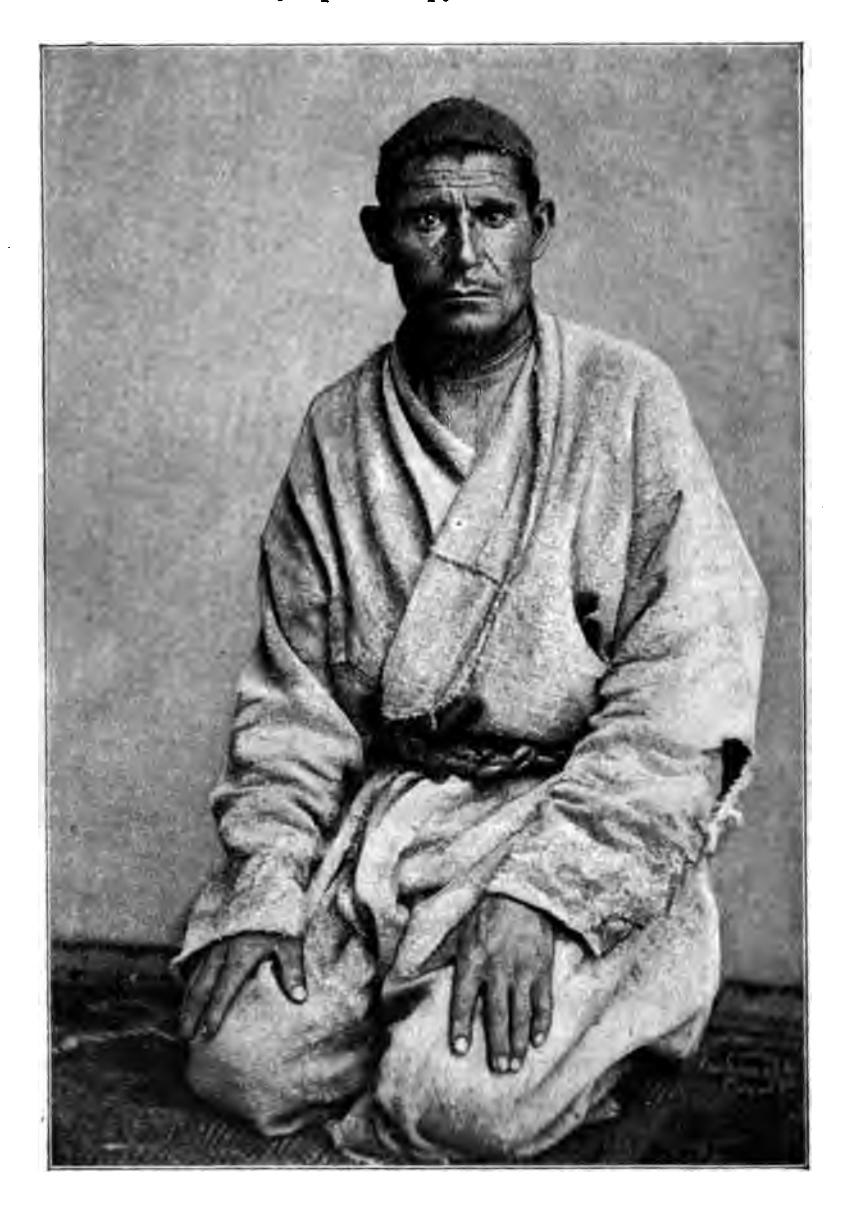
башкиръ остановились на полукочевомъ образѣ жизни. У нихъ есть зимовки, въ которыхъ они проводятъ зимніе мѣсяцы—такъ называемые *кишлаки*; это ихъ осѣдлое жилище. Но едва наступитъ весна, башкиры покидаютъ кишлаки и перекочевываютъ со своимъ скотомъ съ одного пастбища на другое. Жилищемъ

имъ служитъ тогда *кошъ*—родъ кибитки, которая легко складывается и переносится съ мѣста на мѣсто. Кибитка башкирская похожа на киргизскую: она состоитъ изъ рѣшетчатаго остова и круглаго верха, покрытыхъ кошмами (войлоками). Дверь коша

Башкирка.

деревянная двустворчатая. Внутри кошъ занавѣсью дѣлится на двѣ части: мужскую и женскую. Противъ дверей устраивается очагъ, а по сторонамъ его вбиваютъ четыре шеста, къ верхнимъ концамъ которыхъ придѣлана рама съ перекладинами; на этой рамѣ сушатъ такъ называемый *крутъ* (родъ сыра). Любимой пищей башкира также какъ у киргиза служатъ молочныя продукты: *каймакъ* — сгущенныя сливки, *катикъ*—кислое молоко, *буламикъ*—отваръ изъ мяса съ саломъ или сыромъ, *тшурпара*—сваренное или испеченное на салѣ мучное кушанье съ рубленымъ мясомъ и др. Въ качествѣ напитковъ употребляютъ—бузу, айранъ и кумысъ. Башкиры

отъ природы кочевники. Земледѣліемъ, которое требуетъ осѣдлой жизни и постояннаго упорнаго труда, они занимаются лѣниво и



Башкиръ.

небрежно. Они продаютъ свои земли русскимъ, часто за безцѣнокъ, а сами идутъ наниматься въ поденщину. Поэтому башкиры

по большей части очень бѣдны. Но на золотыхъ пріискахъ, копяхъ цѣнятъ рабочихъ изъ башкиръ, потому что они отличаются добросовѣстнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей. Любимыя ихъ занятія—рыбная ловля, охота, пчеловодство, извозъ. Сильно сказы-

Башкирская юрта *).

ваются въ ихъ характерѣ отличительныя черты кочевника: лѣнь, бездѣятельность, способность проводить цѣлые дни въ пустыхъ разговорахъ, легкомысліе—и на ряду съ этимъ широкое гостепріимство.

Башкиры—магометане; они довольно строго придерживаются предписаній своей религіи.

---

*) Кошма откинута, и виденъ рѣшетчатый остовъ юрты.

Тюлякъ, сынъ Сари-Маркаса.

Башкирская сказка.

Тюлякъ былъ единственнымъ сыномъ бѣдняка Сари-Маркаса. Онъ былъ добръ, богомоленъ и очень красивъ. Разъ онъ отправился на охоту со своими товарищами. У товарищей были ученые кречеты и беркуты*), а Тюлякъ захватилъ съ собой только стрѣлы. Однако, онъ перебилъ гораздо больше мелкой птицы, чѣмъ всѣ остальные. Съ тѣхъ поръ не взлюбили его товарищи. Однажды они позвали его съ собой на охоту и условились, что всю добычу раздѣлятъ поровну между собой. Тюлякъ согласился. Онъ опять настрѣлялъ много птицы; но когда дѣло дошло до дѣлежа, товарищи ничего не дали ему и даже прибили его. Горько плакалъ въ эту ночь Тюлякъ, и заснулъ онъ въ большомъ горѣ. Ночью ему явился во снѣ неизвѣстный старикъ и сказалъ: „Не бойся, Тюлякъ, сынъ Сари-Маркаса; я научу тебя такимъ словамъ, съ которыми ты не погибнешь ни отъ оружія, ни отъ огня, ни отъ воды, ни отъ звѣря, ни отъ человѣка. Только никому не пересказывай ихъ — иначе вся сила твоя перейдетъ къ тому, кто ихъ узнаетъ — а ты пропадешь!“ Тюлякъ запомнилъ слова, которыя ему сказалъ старикъ и проснулся успокоеннымъ.

Утромъ къ нему пришли товарищи и снова начали звать его на охоту, обѣщая, что дадутъ ему кречета и хорошую лошадь. Тюлякъ согласился и пошелъ съ ними. Но они опять обманули его и дали ему вмѣсто лошади жеребенка и вороненка вмѣсто кречета. Тюлякъ проговорилъ слова старика, и жеребенокъ сдѣлался вдругъ

*) Въ прежнее время охота была однимъ изъ любимѣйшихъ занятій башкиръ, для чего они и держали ученыхъ кречетовъ и беркутовъ.

хорошимъ конемъ, а вороненокъ обратился въ кречета. Еще больше возненавидѣли его послѣ того товарищи. Въ эту же ночь они вбили гвозди въ ноги скакуну Тюляка, а на утро пришли къ нему звать его на скачку. Тюлякъ пошелъ къ своему коню—и увидалъ, что у него кровь сочится изъ ногъ. Онъ тотчасъ сказалъ слова старика, и кровь остановилась, а гвозди сами собой выпали изъ ногъ скакуна. Послѣ этого онъ обогналъ на скачкѣ всѣхъ своихъ товарищей.

Тогда они совсѣмъ озлобились и рѣшили, во что бы то ни стало, погубить Тюляка. Они взяли его, скрутили крѣпко арканами и привязали его къ хребту его коня; потомъ ударили коня бичемъ и пустили по полю. Почуявъ волю, бѣшеный конь понесся по полямъ, по горамъ; онъ скакалъ день, другой, третій, переплылъ немало рѣкъ и, наконецъ, донесъ Тюляка до берега моря. А Тюлякъ все время повторялъ слова старика и остался невредимъ. Когда конь остановился на берегу моря, арканы сами собой порвались, и Тюлякъ всталъ съ коня.

Въ этомъ морѣ жили водяные люди. Надъ водой скоро показалась красивая водяная дѣва. Ея бѣлые волосы, длиною въ нѣсколько саженъ, плавали надъ волнами; руками она доставала звѣзды съ неба и убирала ими свои бѣлые волосы. „Здравствуй, сынъ Сари-Маркаса,—сказала она,—уходи скорѣе отсюда, не то тебѣ будетъ худо: здѣсь водяное царство, и никто изъ людей не можетъ подходить къ берегу морскому“.—„Я никого не боюсь,—отвѣчалъ Тюлякъ,—я знаю такія слова, съ которыми я нигдѣ не погибну“. Ему понравилась водяная дѣва. Онъ началъ съ ней разговаривать и хвалить ее. „Ну, теперь прощай, — сказала, наконецъ, водяная дѣва,—мнѣ пора на дно морское; но и ты уйди, не то наши погубятъ тебя“. Тутъ она стала опускаться въ воду; но Тюлякъ, проговоривъ завѣтныя слова, схватился за ея волосы и началъ опускаться вмѣстѣ съ нею. Такъ они достигли морского дна. Тамъ стояло подводное царство—все желѣзные коши. Водяная дѣва побѣжала въ самый большой кошъ. Тутъ жилъ ея отецъ, а онъ былъ въ этомъ царствѣ нáбольшій. Водяные люди удивились, когда увидали Тюляка; а нáбольшій ихъ сказалъ ему: „Ты навѣрное знаешь какія-нибудь слова—иначе ты не могъ бы притти къ намъ. Говори же, какъ и откуда ты попалъ въ подводное царство?“ Тюлякъ разсказалъ ему все, что съ нимъ случилось. „Оставайся и живи у меня, если хочешь,—сказалъ нáбольшій.—Я отдамъ за тебя дочь мою, но съ тѣмъ, чтобы ты не возвращался уже на землю“. — „Что жъ? — подумалъ Тюлякъ,—тамъ, у себя я былъ бѣднякомъ;

только и было за душой, что горсть соли, лукъ да стрѣлы; разжился было я конемъ да кречетомъ, а теперь и тѣхъ, я думаю, нѣтъ: конь въ полѣ, а кречетъ въ дремучихъ лѣсахъ". И рѣшилъ онъ жениться на водяной дѣвѣ и остаться въ подводномъ царствѣ.

Жилъ Тюлякъ на днѣ морскомъ четыре года. Но мало-по-малу онъ началъ тосковать по землѣ; похудѣлъ онъ, пожелтѣлъ—а самъ и виду не подаетъ, что сохнетъ съ тоски. Замѣтилъ это на́большій и говоритъ ему: „Скучно тебѣ подъ водой жить. Отправляйся домой. Возьми съ собой жену и дѣтей; дочь же свою я награжу скотомъ". Обрадовался Тюлякъ, распростился со всѣмъ водянымъ царствомъ, взялъ жену, дѣтей и, проговоривъ слова старика, вышелъ изъ воды на то самое мѣсто, гдѣ онъ въ первый разъ увидалъ водяную дѣву. Смотритъ, конь его стоитъ на берегу, словно ждетъ хозяина, а кречетъ сидитъ на деревѣ; кречетъ, какъ только увидалъ Тюляка, сейчасъ же взлетѣлъ и сѣлъ ему на плечо. Тюлякъ съ женой и дѣтьми тотчасъ отправился на родину. Вслѣдъ за ними потянулись изъ воды огромныя стада лошадей, быковъ, коровъ, козъ и овецъ.

Тюлякъ, сынъ Сари-Маркаса, жилъ до глубокой старости и былъ очень богатъ. Всякаго скота у него было безъ счету. Дѣти его были богатыри. Передъ смертью своей онъ открылъ имъ завѣтныя слова, которымъ научилъ его старикъ.

Игнатьевъ: *Сказанія, сказки и пѣсни инородцевъ-магометанъ Орен. губ.* *).

---

*) Зап. Оренб. отд. И. Р. Г. О. В. III, Оренбургъ, 1875 г.

Гнѣвъ Аллаха.

Башкирская сказка.

Во славу Бога Всемогущаго это было давно — такъ давно, что изъ живущихъ теперь на землѣ по произволенію Аллаха никто и не упомнитъ. Жилъ тогда одинъ бей *). Благословеніе и милость Аллаха постоянно были на немъ. Съ каждымъ днемъ прибывало его богатство; стада увеличивались съ каждымъ годомъ. Онъ такъ разбогатѣлъ, что забылъ и счетъ своихъ коней и кобылицъ, а барановъ и подавно; ѣлъ, когда вздумаетъ, сколько душѣ угодно и что хотѣлъ; лѣтомъ кумысъ пилъ вволю. Посуда—блюда, чаши и чашки для кумыса были у него изъ чистаго золота; умывальники и тазы были серебряные. Такъ жилъ бей въ свое удовольствіе. При всемъ своемъ богатствѣ онъ не забывалъ Бога, съ женой своей жилъ дружно, бѣднымъ щедро помогалъ.

Аллахъ наградилъ такую добродѣтель и даровалъ ему сына—батыря**), красиваго, умнаго, храбраго и почтительнаго. Пришло время сына женить. У богатаго задумано—сдѣлано. Взяли сноху молодую, красивую и богатую. Калымъ хоть и великъ былъ — да молодая сама принесла не меньше подарковъ.

Зажили они сначала вчетверомъ тихо и мирно. Законъ Аллаха соблюдали свято. Творили намазъ ***) въ положенное время, омовенія совершали по семи разъ въ день, читали Коранъ—однимъ словомъ, жили праведно.

Но нѣтъ вѣчнаго счастья на землѣ—и тутъ рушилось оно отъ раздоровъ свекрови и невѣстки.

---

*) Бей—знатный человѣкъ.

**) Батырь—богатырь.

***) Намазъ — обязательная вечерняя молитва у мусульманъ; она творится при закатѣ солнца.

Было лѣто. Бей поставилъ свой кошъ тамъ, гдѣ теперь находится озеро Аллакъ. Кошъ этотъ былъ такъ великъ, что обойти его кругомъ потребовалось бы цѣлый день отъ восхода до заката солнца. Только что устроились на новомъ мѣстѣ, между женщинами затѣялся споръ — не подѣлили онѣ чего-то въ имуществѣ. Начались съ этого дня у нихъ ссоры: сегодня брань, завтра попреки, а тутъ недолго и до драки. Старый бей — хоть изъ коша вонъ—не можетъ добромъ сладить съ ними. А ссора все идетъ— что далѣе, то шире.

Видитъ старый бей, дѣло никуда не годится — и пошелъ онъ изъ своего коша, въ чисто поле, лишь бы не глядѣть на раздоры.

И разгнѣвался Аллахъ, что изъ-за такой пустой причины, какъ изъ-за ссоры женщинъ, рушится счастіе и согласіе правовѣрныхъ. Въ гнѣвѣ онъ топнулъ ногой въ самый огонь на очагѣ коша и сказалъ: „Недостойны вы пользоваться даромъ моимъ великимъ, который даже и враговъ примиряетъ!“ *). Тотчасъ же на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ огонь, явилось озеро, а обѣ женщины окаменѣли. Аллахъ дунулъ гнѣвнымъ дыханіемъ своимъ, и кошъ разнесло на мелкія пылинки; озеро взволновалось.

Услыхалъ старый бей страшный шумъ и оглянулся: коша его какъ не бывало, а на его мѣстѣ бѣшено несутся черныя волны, бѣлая пѣна летитъ хлопьями — и по сторонамъ озера стоятъ два камня. Присмотрѣлся старый бей и узналъ въ одномъ камнѣ свою жену, въ другомъ—жену сына.

Такъ и стоятъ до сей поры два камня на берегу озера Аллакъ, въ воспоминаніе всѣмъ правовѣрнымъ.

Екатеринбургская Недѣля, *1888, № 29.*

———※———

*) Очагъ считается священнымъ у большинства народовъ: даже врагъ, сидящій у очага, пользуется неприкосновенностью.

КИРГИЗЫ.

Киргизы занимаютъ большое пространство между юго-восточной частью Европейской Россіи, южной Сибирью, китайской Джунгаріей и Коканскимъ ханствомъ; кромѣ того они населяютъ и заволжскія степи въ губерніяхъ Астраханской, Самарской и землѣ войска Уральскаго. Ихъ насчитываютъ больше милліона. Физическій типъ ихъ смѣшанный: въ нихъ видны и тюркскіе, и монгольскія черты. По характеру они не симпатичны: они хитры, пронырливы, корыстолюбивы, мстительны, любопытны и болтливы, большіе охотники поѣсть, попить и погулять на чужой счетъ; къ хорошимъ чертамъ ихъ надо отнести — добродушіе, уваженіе къ старикамъ и гостепріимство.

Главное занятіе киргизовъ—скотоводство, которое требуетъ постоянныхъ перекочевокъ по степи. Впрочемъ, киргизы во многихъ мѣстахъ перешли мало по малу къ полуосѣдлому образу жизни. Ранней весной киргизъ направляется въ степь, перевозитъ съ собой свою кибитку (юрту) и нужную утварь на арбахъ или на верблюдахъ. Кибитка его состоитъ изъ рѣшетчатаго деревяннаго остова, который сверху обтягиваютъ кошмами. Верхъ юрты—такъ сказать ея кровлю—образуютъ выгнутые шесты, придерживаемые круглой, деревянной рамой и покрытые такъ же, какъ и вся кибитка, кошмами; сверху оставлено отверстіе для дыма. Чѣмъ богаче киргизъ, тѣмъ обширнѣе его юрта, тѣмъ богаче ея убранство. Зиму же киргизы зачастую проводятъ теперь въ своихъ зимовкахъ—низкихъ домахъ съ плоской крышей, построенныхъ изъ необожженнаго кирпича или изъ сухого камыша, обмазаннаго глиной.

Одежда киргизовъ — почти одинаковая у мужчинъ и у женщинъ — состоитъ изъ шароваръ, сдѣланныхъ изъ бараньей кожи съ рисунками яркихъ цвѣтовъ или изъ другого матеріала, и изъ длинныхъ халатовъ, которые обыкновенно надѣваютъ одинъ на другой. Халаты шьютъ изъ бумажныхъ и шелковыхъ матерій, иногда даже изъ бархата, и украшаютъ разнаго рода нашивками

Киргизскій мулла.

и пуговицами. Голову киргизы покрываютъ тюбетеемъ, а сверхъ него надѣваютъ лѣтомъ войлочныя съ острымъ верхомъ шапки, зимой же — мѣховыя шапки, мѣхомъ внутрь. Женщины укутываютъ голову бѣлымъ полотномъ, иногда поверхъ шапочки. Волосы онѣ заплетаютъ въ мелкія косички, которыя онѣ любятъ украшать монетами и разными побрякушками. Обувью имъ служатъ кожаные сапоги разныхъ цвѣтовъ; поверхъ ихъ онѣ иногда надѣваютъ калоши. Мужчины на поясахъ своихъ носятъ мѣшечки съ ножемъ, огнивомъ, гребнемъ и т. п.

Киргизы съ давнихъ поръ исповѣдуютъ мусульманскую вѣру; но у нихъ еще сильны остатки прежняго язычества.

Народная поэзія ихъ очень богата: у киргизовъ существуютъ богатырскія поэмы, сказки, пословицы и пѣсни. Одно изъ любимыхъ занятій молодежи—состязаніе пѣвцовъ. Юноши и дѣвушки садятся другъ противъ друга, и съ каждой стороны выступаетъ

Киргизъ съ верблюдомъ.

по пѣвцу. Юноша поетъ одно четверостишіе, дѣвушка отвѣчаетъ ему импровизаціей; юноша въ свою очередь импровизируетъ—и такъ до тѣхъ поръ, пока одинъ изъ нихъ не сумѣетъ отвѣтить. Чаще побѣждаютъ дѣвушки. Любимымъ удовольствіемъ киргизовъ служатъ тоже скачки. Въ прежнія времена процвѣтала и баранта — набѣги съ цѣлью грабежа и увода стадъ.

Итыгиль.

Киргизская сказка.

Жилъ на свѣтѣ богатый человѣкъ. Онъ владѣлъ несмѣтнымъ количествомъ скота. Было у него девять сыновей. Когда сыновья подросли, они стали просить отца отпустить ихъ со скотомъ въ отгонъ. Отецъ пустилъ ихъ. Но когда сыновья ушли, богатый человѣкъ осиротѣлъ и обѣднѣлъ. Волости его откочевали—и онъ остался одинъ въ степи со своей женой. Вскорѣ послѣ этого у него родился десятый сынъ; его назвали Итыгилемъ.

Выросъ Итыгиль, узналъ, что у него есть девять братьевъ, и поѣхалъ отыскивать ихъ. Долго ѣхалъ онъ по степи и, наконецъ, увидалъ юрту, къ которой было привязано девять жеребцовъ одинаковой масти. Итыгиль догадался, что это была юрта братьевъ. Онъ вошелъ въ юрту и сказалъ сидящимъ въ ней, что онъ Итыгиль, ихъ десятый братъ. Потомъ онъ началъ просить ихъ вернуться къ родителямъ. „Отецъ нашъ бѣденъ, кочуетъ одиноко,—сказалъ онъ,—гоните скотъ на то урочище, гдѣ я оставилъ его". Но братья отвѣчали: „Скота у насъ такое множество, что согнать его съ мѣста невозможно". Тогда Итыгиль выбралъ себѣ коня, сѣлъ на него и поѣхалъ впередъ—и весь скотъ добровольно пошелъ за нимъ вслѣдъ. Скоро всѣ десять братьевъ достигли со своимъ скотомъ долины, гдѣ стояла одинокая кибитка ихъ отца. И стали они жить опять вмѣстѣ съ родителями.

Надумали, наконецъ, братья жениться. Начали они просить отца, чтобы онъ нашелъ имъ женъ; но они хотѣли, чтобы всѣ жены были непремѣнно изъ одной семьи. Нечего было дѣлать—поѣхалъ ста-

рикъ-отецъ отыскивать невѣстъ сыновьямъ. Ѣздилъ онъ долго по степи—но все не пришлось ему встрѣтить семьи, гдѣ бы было столько дочерей. Наконецъ, онъ увидалъ на холмѣ бѣлую юрту; изъ верхняго отверстія ея высовывалось нѣсколько дѣвичьихъ головъ. Дѣвушки пѣли пѣсню. Обрадовался старикъ, что, наконецъ нашелъ семью, въ которой было много дѣвушекъ; сталъ онъ считать и опечалился: онъ насчиталъ ихъ всего девять. Однако онъ все-таки заѣхалъ въ бѣлую юрту. Отъ хозяевъ онъ узналъ, что у нихъ всего десять дочерей, но что десятая дочь, Канджикей, такая красавица, что ее никогда не выпускаютъ на Божій свѣтъ. Обрадовался старикъ и тотчасъ же началъ сватовство. Родители дѣвушекъ сказали ему: „Девять старшихъ дочерей мы отдаемъ безъ калыма, но за красавицу Канджикей калымъ положили мы большой: кто хочетъ взять за себя красавицу Канджикей, тотъ долженъ отдать намъ столько лошадей, чтобы ими можно было наполнить четыре долины и чтобы лошади были при этомъ четырехъ различныхъ мастей“. Испугался старикъ и вернулся опечаленный домой—гдѣ достать такой огромный калымъ? Но Итыгиль не смутился и сказалъ, что добудетъ калымъ. Онъ пошелъ на берегъ озера, и по его зову изъ воды стали выходить лошади, одна за другой. Скоро онѣ наполнили четыре долины; въ каждой долинѣ стояли лошади одной масти.

Поѣхалъ послѣ этого старикъ въ бѣлую юрту и говоритъ: „Калымъ готовъ; подите и возьмите его. Со мной же отпустите всѣхъ десять дѣвушекъ“. Собрались дѣвушки ѣхать съ своимъ будущимъ тестемъ. Красавица Канджикей попросила на прощанье у родителей дать ей въ приданое коня Джалъ-Куйрукъ и верблюдицу, которая могла на себѣ нести кладь за сорокъ верблюдовъ. Провожая дочерей, мать наказала Канджикей не дѣлать стоянки около озера. Но когда они доѣхали до озера, старикъ какъ разъ рѣшилъ остановиться на ночлегъ на его берегу. Напрасно уговаривала его Канджикей послѣдовать завѣту матери; онъ не послушался ея. Рано утромъ старикъ всталъ и видитъ, что верблюдица Канджикей заведена кѣмъ-то въ самую средину озера. Онъ пошелъ доставать ее—а тутъ вдругъ его схватилъ за бороду шайтанъ *)—держитъ и не отпускаетъ. Началъ молить его старикъ, а шайтанъ и говоритъ: „Я отпущу тебя и отдамъ тебѣ верблюдицу,—но ты за это отдай мнѣ на три года сына своего Итыгиля“. Какъ ни жалко

*) Шайтанъ—злой духъ.

было отцу Итыгиля, но онъ рѣшился пожертвовать имъ для своей свободы и обѣщалъ шайтану исполнить его желаніе.

Вернулся старикъ въ свой аулъ *) и устроилъ пиръ. Девять старшихъ братьевъ разобрали своихъ невѣстъ, а Итыгиль, узнавъ, что отецъ обѣщалъ отдать его шайтану на три года, загрустилъ и не пошелъ на пиръ. Тогда двое товарищей его отправились за нимъ и уговорили его прійти. Красавица Канджикей, увидавъ его, сказала ему: „Поѣзжай возвратить себѣ свободу. Вотъ тебѣ перышко филина—его надо зажечь, чтобы освободиться отъ чаръ шайтана. Дамъ я тебѣ и коня моего Джалъ-Куйрука; онъ пригодится тебѣ. Но береги его; помни: если этотъ конь умретъ, умрешь и ты“. Сѣлъ Итыгиль на добраго коня Джалъ-Куйрука и поѣхалъ къ озеру шайтана. Тотчасъ же выскочилъ къ нему шайтанъ и говоритъ: „Сейчасъ же дамъ я тебѣ службу: поѣзжай и высватай мнѣ дочь Тохтамысъ-хана“.

Отправился въ дальній путь Итыгиль. Долго ѣхалъ онъ по степи, пока не достигъ кочевья Тохтамысъ-хана. Изложилъ онъ хану свое дѣло, что пріѣхалъ за его дочерью. Но ханъ сказалъ: „Устрою я сначала байгу**), побѣдишь ты на байгѣ—твоей будетъ дочь моя“. Итыгиль пошелъ къ вѣрному коню своему Джалъ-Куйруку—конь и говоритъ: „Не бойся—первымъ на байгѣ окажусь я. Только свей ты три аркана вмѣстѣ и протяни въ три ряда поперекъ того пути, по которому мнѣ придется бѣжать, чтобы мнѣ не пробѣжать дальше и не убиться“. Но Итыгиль забылъ слова своего вѣрнаго коня и натянулъ арканъ только въ два ряда. Началась байга. Джалъ-Куйрукъ дѣйствительно выбѣжалъ первымъ, но онъ разсѣкъ арканы, упалъ и расшибся. Горько заплакалъ Итыгиль, вспомнивъ предсказаніе невѣсты. Однако Джалъ-Куйрукъ ожилъ и поднялся на ноги: „Ради Канджикей только ожилъ я,—сказалъ онъ,—а не ради тебя“. Такъ какъ побѣдителемъ на байгѣ оказался Итыгиль, то Тохтамысъ-ханъ отдалъ ему свою дочь.

Ѣдутъ назадъ къ шайтану Итыгиль и дочь Тохтамыса. Вдругъ на дорогѣ видятъ—лежитъ камень, а подъ нимъ кто-то стонетъ. Стала уговаривать дочь Тохтамыса своего спутника: „Не поднимай камня, не обращай вниманія на стоны“. Но Итыгилю стало жаль

*) Киргизскій аулъ состоитъ обыкновенно изъ нѣсколькихъ или многихъ юртъ, разбитыхъ въ одномъ мѣстѣ. Въ аулѣ живутъ все сородичи—такъ какъ обыкновенно киргизы перекочевываютъ съ мѣста на мѣсто цѣлымъ родомъ. Прежде можно было встрѣтить въ степи большіе аулы; теперь аулъ нерѣдко состоитъ всего изъ 2—5 юртъ.

**) Байга—состязаніе въ бѣгѣ и скачкѣ.

того, кто очевидно томился подъ камнемъ; онъ не послушался дѣвушки и отвалилъ камень. Изъ-подъ него вышелъ человѣкъ, который началъ благодарить Итыгиля за свое спасеніе. Но это былъ самъ шайтанъ—онъ хотѣлъ хитростью погубить Итыгиля. Ночью, когда дочь Тохтамысъ-хана расположилась на ночлегъ съ Итыгилемъ, шайтанъ подкрался къ ихъ юртѣ, срѣзалъ поводья Джалъ-Куйрука и вскочилъ на него. Итыгиль услыхалъ шумъ и вышелъ изъ юрты. Но тутъ шайтанъ схватилъ его и бросилъ подъ тотъ самый большой камень, изъ-подъ котораго выпустилъ его Итыгиль. Итыгиль очутился въ глубокой пропасти. Не зналъ онъ, какъ ему теперь быть. Вдругъ онъ вспомнилъ про филиново перышко, которое ему дала Канджикей. Онъ взялъ и зажегъ его. Тотчасъ откуда ни возьмись, явился крылатый змѣй. Змѣй велѣлъ Итыгилю сѣсть на себя и вынесъ его изъ подземелья. Онъ сказалъ Итыгилю: „Я отнесу тебя туда, гдѣ теперь живетъ шайтанъ и вмѣстѣ съ нимъ дочь Тохтамысъ-хана“. Скоро они достигли кочевья шайтана.

Когда дочь Тохтамысъ-хана увидала Итыгиля, она очень обрадовалась. Но Итыгиль былъ худъ и слабъ. Она спрятала его поэтому въ другую юрту, а сама каждый день велѣла потихоньку отъ шайтана рѣзать быка. Ночью Итыгиль выходилъ изъ юрты и съѣдалъ быка. Такъ онъ набирался силъ въ продолженіе трехъ дней. На четвертый онъ тихонько подкрался къ юртѣ шайтана, срѣзалъ поводья у Джалъ-Куйрука, который томился ужъ давно у шайтана, громко крикнулъ, схватилъ шайтана, связалъ его и бросилъ его подъ камень. Послѣ этого Итыгиль, захвативъ съ собой дочь Тохтамыса, откочевалъ домой.

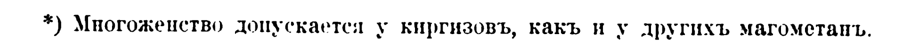
Между тѣмъ Канджикей, отправляя Итыгиля въ путь, положила такой завѣтъ: если Итыгиль умретъ, то верблюдица ея принесетъ верблюдицу, а если онъ минуетъ всѣ опасности и вернется домой, то у нея родится верблюденокъ. Три года у верблюдицы ея не было дѣтей. Вдругъ въ аулъ прибѣгаетъ пастухъ и приноситъ извѣстіе, что у верблюдицы Канджикей родился верблюденокъ. Пора была ночная, но Канджикей такъ обрадовалась, что тотчасъ же побѣжала смотрѣть, правду ли ей сказалъ пастухъ. Когда она шла, ей встрѣтился самъ Итыгиль— онъ, наконецъ, послѣ долгаго пути достигъ родного аула. Но Канджикей не узнала его. Онъ спросилъ ее, куда она идетъ. „Неужели у насъ нѣтъ людей—послать узнать, кого принесла верблюдица?“—сказалъ онъ. Тогда Канджикей объяснила ему, какое значеніе имѣетъ это событіе и поспѣшила дальше. Увѣрившись, что у верблю-

дицы точно родился верблюденокъ, она въ радости побѣжала домой. А на встрѣчу ей ужъ вышли ея родные и извѣстили ее о прибытіи Итыгиля.

Съ тѣхъ поръ Итыгиль сталъ кочевать своимъ ауломъ. У него было три юрты и двѣ жены: красавица Канджикей и дочь Тохтамысъ-хана *).

Зап. И. Р. Г. О. Т 1. Спб. 1867.

Юрта киргизовъ.



*) Многоженство допускается у киргизовъ, какъ и у другихъ магометанъ.

О богачѣ Карунбаѣ.

Киргизское преданіе.

Въ тѣ счастливыя времена, когда жаворонки свивали свои гнѣзда и выводили птенцовъ на спинахъ барановъ, въ нескончаемыхъ пѣсняхъ прославляя величіе Аллаха, жилъ богачъ киргизъ, по имени Карунбай. Стадамъ его: верблюдамъ, лошадямъ коровамъ и баранамъ не было счету. Они паслись на необозримыхъ тучныхъ лугахъ, охраняемыя огромными злыми собаками. Каждое утро богачъ Карунбай садился на свою быструю, какъ вѣтеръ, лошадь и объѣзжалъ свои стада. Кончалъ онъ свой объѣздъ только къ бесину *).

Но Карунбай не былъ доволенъ своимъ богатствомъ. Ему все казалось мало, и онъ часто роптал на Аллаха за то, что онъ не даетъ ему еще больше.

При всемъ своемъ богатствѣ Карунбай былъ страшно скупъ: онъ никогда не помогалъ своимъ бѣднымъ родственникамъ, никогда не подавалъ милостыни. Напрасно муллы толковали ему Коранъ, напрасно старались поселить въ его сердцѣ милосердіе и состраданіе — онъ не хотѣлъ слушать ихъ и говорилъ, что онъ слишкомъ бѣденъ, чтобы помогать другимъ. „Вы говорите, что Аллахъ всемогущъ и многомилостивъ, такъ пусть онъ увеличитъ мои богатства — и тогда я стану помогать бѣднымъ“ — отвѣчалъ мулламъ Карунбай.

Всемогущій Аллахъ услышалъ просьбу Карунбая и еще увеличилъ его стада. Теперь онъ успѣвалъ объѣзжать ихъ только къ вечеру. Но Карунбай все еще не былъ доволенъ. Попрежнему онъ не подавалъ милостыни и говорилъ мулламъ, что онъ еще недостаточно богатъ. „Вотъ если бы Аллахъ умножилъ мои стада на-

*) Бесинъ — вторая молитва, мусульманъ; она совершается около часу пополудни.

столько, что я только къ вечерней молитвѣ ахшаму *) могъ бы объѣхать ихъ—о, тогда дѣло другое!“—Аллахъ и на этотъ разъ исполнилъ желаніе Карунбая; но скупецъ опять не сдержалъ своего слова и остался такимъ же черствымъ, какъ и прежде.

Тогда Богъ послалъ къ Карунбаю Жибраила **), чтобы въ послѣдній разъ испытать его.

Карунбай сидѣлъ у себя въ юртѣ, когда посланникъ Аллаха явился къ нему въ видѣ бѣднаго странника, просящаго у него пищи и пріюта. При видѣ бѣднаго Карунбай пришелъ въ бѣшенство. Ни просьбы, ни молитвы не могли смягчить его черстваго сердца; напрасно странникъ говорилъ ему, что прошелъ черезъ пустынную страну, гдѣ нѣтъ ни людей, ни звѣрей; напрасно указывалъ на свое истомленное, исхудалое тѣло — ничто не трогало Карунбая.

Тогда Жибраилъ принялъ ангельскій образъ и сказалъ: „Несчастный! Открой глаза твои и смотри, кто стоитъ передъ тобой! Я—Жибраилъ; Аллахъ послалъ меня въ послѣдній разъ испытать тебя. Будешь ли ты теперь исполнять предписанія Корана?“ Но сердце Карунбая очерствѣло. „Нѣтъ,—отвѣчалъ онъ,—никто не можетъ меня заставить поступать противъ моей воли“.

Тогда посланникъ Аллаха ударилъ жезломъ—и Карунбай вошелъ по колѣна въ землю. „Будешь ли теперь исполнять волю Божію?“—„Нѣтъ, не буду“.—Опять ударилъ Жибраилъ жезломъ—и Карунбай вошелъ въ землю по поясъ. Въ третій разъ спросилъ ангелъ Карунбая: „Будешь ли ты исполнять повелѣнія Корана?“—„Никогда!“—закричалъ Карунбай.—„Да поглотитъ тебя земля!“—сказалъ ангелъ—и Карунбай вошелъ въ землю по горло.

Всѣ стада его были обращены въ дикихъ звѣрей. Они разбѣжались въ разныя стороны—и Карунбай остался одинъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ совершилась надъ нимъ Божья Кара, онъ не видалъ ни одного человѣка, и только шайтаны ***) носятся надъ нимъ и злобно издѣваются надъ его несчастіемъ.

Такова была судьба грѣшника Карунбая.

Киргизская Степная Газета. *1894. № 17.*

*) Ахшамъ—молитва, совершаемая послѣ захода солнца.

**) Жибраилъ—такъ зовутъ киргизы арх. Гавріила.

***) Шайтаны—злые духи.

Калмыки.

Калмыки живутъ какъ въ европейской, такъ и въ азіатской Россіи — въ губерніяхъ Астраханской, Ставропольской, въ земляхъ Войска Донского и Уральской и въ губерніи Томской. Общее число ихъ равняется слишкомъ 100 тыс. человѣкъ. По языку и по физическому типу они принадлежатъ къ чисто-монгольской расѣ.

Калмыки народъ по преимуществу скотоводческій (лишь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ занятіе скотоводствомъ замѣняется рыболовствомъ и др.)—и потому кочевой. Жилище свое—кибитку—калмыкъ легко переноситъ съ одного мѣста на другое. Кибитка состоитъ изъ деревяннаго рѣшетчатаго остова, который обтягиваютъ сверху кошмами. Крыша калмыцкой кибитки нѣсколько закруглена. Дверь кибитки двухстворчатая и сверху прикрывается кошмой; она обыкновенно обращена на югъ. Полъ устилается въ богатыхъ жилищахъ кошмами, коврами, а зимой и шкурами овечьими и козлиными; бѣдные же сидятъ на голой землѣ. Посреди устроенъ очагъ. Пищу свою калмыки готовятъ въ таганѣ или мѣдномъ котлѣ; остальная посуда изготовляется ими изъ дерева и кожи, потому что при постоянныхъ перекочевкахъ глиняная и стеклянная посуда часто бы ломалась. Перекочевываютъ калмыки обыкновенно на верблюдахъ, или на арбахъ (телѣгахъ), или въ лодкахъ. Въ послѣднее время калмыки начали себѣ строить и осѣдлыя жилища—на зимнее время. Одежда мужчинъ состоитъ изъ рубашки (миткалевой, ситцевой и т. п.), спускающейся немного ниже пояса; изъ широкихъ нанковыхъ, суконныхъ или шелковыхъ штановъ (иногда они дѣлаютъ также изъ дубленой козлиной кожи и изъ овчины), которые закладываютъ въ сапоги съ двойными каблу-

ками внутренними и наружными, съ мягкими задками, сшитыми изъ красной или черной козлиной кожи. Сверхъ рубашки надѣваютъ бешметы или халаты. Зимой носятъ шубы—нагольныя или покрытыя сукномъ. Шапки у калмыковъ самыя разнообразныя: татарскія тюбетейки, папахи, а зимой теплыя лисьи шапки, околышъ которыхъ опускается въ видѣ наушниковъ. Женщины но-

Калмыкъ и калмычка.

сятъ рубашки съ длинными рукавами и штаны изъ сукна, нанки или канауса. Поверхъ рубашки дѣвушки надѣваютъ корсетъ, похожій покроемъ на жилетъ, а сверху платье съ пуговицами, нашитыми на переднемъ разрѣзѣ до пояса, съ косыми, длинными рукавами и оборками по бокамъ таліи. Платье подпоясывается кушачкомъ, обшитымъ серебрянымъ галуномъ или снуркомъ. У замужнихъ женщинъ платье похоже по покрою на платье дѣвушекъ; рукава, широкіе у плеча, постепенно суживаются книзу и немного прикрываютъ кисть руки. Богатыя шьютъ платья изъ

бархата, атласа, парчи. Калмычки щеголяютъ богатой отдѣлкой на платьяхъ и на шапкахъ — золотымъ и серебрянымъ глазетомъ и позументомъ, кистями на шапкахъ, серебряными, коралловыми и жемчужными пуговицами. Дѣвочки носятъ распущенные волосы; дѣвушки заплетаютъ часть волосъ въ косу, а по бокамъ оставляютъ ихъ распущенными; замужнія женщины носятъ двѣ косы, которыя спускаются по плечамъ спереди въ атласныхъ и плисовыхъ чехлахъ.

Калмыки за очень рѣдкими исключеніями исповѣдуютъ ламаитскую (буддійскую) вѣру. Духовенство ихъ сохраняетъ обѣтъ

Калмыцкая кибитка.

безбрачія и живетъ въ монастыряхъ—такъ называемыхъ *хурулахъ*; духовенство всегда кочуетъ отдѣльно отъ другихъ калмыковъ. Въ срединѣ хурула обыкновенно стоитъ кибитка-храмъ, въ которой находятся рѣзныя, литыя или живописныя изображенія *бурхановъ* *) (ламаитскія божества) и предметы, необходимые при богослуженіи: жертвенные столики и чашки, музыкальные инструменты и молитвенный барабанъ. Этотъ барабанъ представляетъ изъ себя цилиндръ, внутри котораго на стержнѣ намотаны свитки съ молитвами. Верченіе этого барабана, по мнѣнію ламаитовъ, замѣняетъ молитву. Вокругъ храма тѣснятся кибитки духовенства, а поодаль— кибитки, принадлежащія лицамъ, призрѣваемымъ хуруломъ. Въ монастыри свои калмыки часто отдаютъ своихъ дѣтей—иногда съ

*) Однимъ изъ главныхъ бурхановъ почитается у калмыковъ—Шакджи-Муни (Будда), основатель буддійской религіи. Высшія духовныя лица считаются воплощеніемъ его.

10-лѣтняго возраста, такъ какъ духовное сословіе у нихъ въ большомъ почетѣ. Мальчики сначала учатся грамотѣ, молитвамъ и богослужебному уставу. Когда же они достигаютъ совершеннолѣтія, они выбираютъ себѣ особенную отрасль знанія: богословіе, астрологію, медицину или живопись. Во время своего обученія они постепенно проходятъ всѣ священно - служительскія степени. Духовенству присвоена особенная одежда, которая бываетъ обыкновенно краснаго и желтаго цвѣта (эти цвѣта — священные у калмыковъ). Кибитки, принадлежащія духовенству, покрыты обыкновенно бѣлыми кошмами.

Наранъ-Гэрэлъ—Лучъ солнца.

Калмыцкая сказка.

Жилъ въ старину въ одномъ цвѣтущемъ государствѣ хаганъ. Жена у него умерла, оставивъ послѣ себя сына. Мальчика звали Наранъ-Гэрэлъ, что значитъ—Лучъ солнца. Хаганъ скоро женился въ другой разъ. Отъ второй жены родился у хагана другой сынъ—по имени Саранъ-Гэрэлъ, т.-е. Свѣтъ луны. Мать Саранъ-Гэрэла знала, что послѣ смерти хагана на престолъ сядетъ Наранъ-Гэрэлъ,—а ей хотѣлось, чтобы хаганомъ сталъ ея родной сынъ. Она рѣшилась погубить пасынка.

Разъ она нарочно вдругъ упала на полъ, начала метаться и кричать. Испуганный хаганъ спросилъ ее: „Что съ тобой, моя душа?“ Она сказала: „Я нездорова; я была больна этой болѣзнью еще раньше, когда еще не выходила замужъ, но теперь страдаю сильнѣе“.—„Не знаешь ли, спросилъ хаганъ, какого-нибудь средства, чтобы тебѣ стало легче?“—Хаганша отвѣтила: „Есть одно средство; но я не могу тебѣ открыть его—пусть лучше это умретъ со мной вмѣстѣ“.—„Ты—душа моя, сказалъ хаганъ: Если ты умрешь, умру и я. Я съ радостью покинулъ бы ханство свое—лишь бы ты была жива. Скажи же, какое это средство; какое бы оно ни было, открой мнѣ его“. Тогда, наконецъ, злая мачиха сказала: „Это средство—сердце одного изъ нашихъ сыновей, изжаренное въ маслѣ. Безъ этого средства я не выздоровѣю, я должна умереть. Только сердца Саранъ-Гэрэла душа моя не приметъ“.

Какъ ни жаль было хагану старшаго сына, но онъ рѣшился умертвить его, чтобы спасти любимую жену. Онъ отдалъ приказаніе слугамъ убить Наранъ-Гэрэла и изжарить его сердце.

Но разговоръ хагана съ женой нечаянно слышалъ Саранъ-Гэрэлъ. Онъ въ слезахъ бросился къ своему брату и сказалъ ему:

„О, братецъ, братецъ! отецъ и мать рѣшились убить тебя. Что же ты будешь дѣлать?“ Наранъ-Гэрэлъ отвѣчалъ: „Если мнѣ угрожаетъ опасность, то, значитъ, настало мнѣ время покинуть родительскій кровъ. Ты, милый братъ, оставайся со своими родителями, будь къ нимъ всегда почтителенъ; да сопутствуетъ тебѣ всегда здоровье—а я убѣгу“. — „Я съ тобой не разстанусь, сказалъ Саранъ-Гэрэль, куда ты пойдешь, туда и я!“

Мальчики начали готовиться къ бѣгству. Запасовъ брать съ собой они боялись, чтобы не навлечь подозрѣній хаганши. Они взяли съ собой только немного тѣста отъ дурмы и при восходѣ луны пустились въ путь.

Шли они долго—ночь, день и еще ночь; прошли много горъ и рѣкъ и очутились, наконецъ, въ безводной степи. Саранъ-Гэрэлъ изнемогъ отъ трудной ходьбы и отъ жажды и не могъ идти дальше. Наранъ-Гэрэлъ сказалъ ему: „Мужайся до моего прихода, милый братъ“, и бросился искать воды. Долго искалъ онъ—но ничего не нашелъ. Онъ вернулся къ тому мѣсту, гдѣ оставилъ брата; но мальчикъ уже умеръ отъ жажды. Горько заплакалъ Наранъ-Гэрэлъ, потомъ выкопалъ могилу для брата, тщательно обложилъ ее камнями и положилъ въ нее Саранъ-Гэрэла. „Пусть увидимся съ тобой въ слѣдующихъ перерожденіяхъ!“ *)—сказалъ онъ и пошелъ дальше.

Когда онъ перешелъ черезъ два хребта, онъ увидалъ скалистую гору. На ней стоялъ маленькій домикъ съ красными дверями. Наранъ-Гэрэлъ вошелъ въ этотъ домъ. Тутъ встрѣтилъ его старый отшельникъ со словами: „Откуда ты, бѣдный мальчикъ?“— „Сжальтесь надо мной“, проговорилъ Наранъ-Гэрэлъ и подробно разсказалъ ему все. „Оставайся, если желаешь, и считай меня своимъ отцомъ, сказалъ отшельникъ; а теперь пойдемъ со мной вмѣстѣ на могилу твоего брата“. Они и пошли туда, взявъ съ собой воды, пищу и питье.

Отшельникъ посмотрѣлъ на Саранъ-Гэрэла, и оказалось, что мальчикъ не мертвъ, а только въ обморокѣ отъ голода и жажды. Они начали вливать ему понемногу воды въ горло—и Саранъ-

---

*) Душа по религіознымъ воззрѣніямъ калмыковъ—безсмертна. Но за грѣхи свои она послѣ смерти или идетъ въ адъ или воплощается въ тѣла людей, животныхъ, чудовищъ, злыхъ и добрыхъ духовъ. Всякое изъ этихъ воплощеній есть наказаніе для нея, но только временное. Срокъ воплощенія и мученій зависитъ отъ дѣлъ, совершенныхъ ею при жизни, и отъ молитвъ за нее. Вотъ почему калмыки очень заботятся о поминовеніи умершихъ, а также считаютъ за грѣхъ убивать животныхъ за исключеніемъ нѣкоторыхъ, вредныхъ для человѣка.

Гэрэлъ пришелъ въ себя. Потомъ они втроемъ вернулись въ домикъ и стали жить вмѣстѣ.

Недалеко отъ нихъ жилъ одинъ великій хаганъ. Въ его ханствѣ было одно озеро, въ которомъ жилъ царь драконовъ. Ежегодно въ это озеро, во время орошенія полей, бросали по одному человѣку, родившемуся въ годъ Барса *). Иначе царь драконовъ не давалъ воды людямъ—и все бы погибло отъ засухи. Въ этотъ годъ во всемъ ханствѣ не отыскалось человѣка, рожденнаго въ годъ Барса.

Однажды пастухъ доложилъ хагану, что недалеко живетъ одинъ престарѣлый отшельникъ, у котораго есть два мальчика, и что одинъ изъ нихъ родился въ годъ Барса. Хаганъ отрядилъ трехъ пословъ привести этого мальчика.

Посланные пришли къ домику отшельника и начали стучаться въ дверь. Отшельникъ отворилъ имъ и спросилъ: „Что нужно?“ Они отвѣчали: „По приказанію хана мы пришли взять твоего сына,—того, который родился въ годъ Барса. Онъ нуженъ хагану для его государства; дай его намъ“.—„У меня, сказалъ отшельникъ, нѣтъ сына, который бы родился въ годъ Барса“ — и въ ту же минуту онъ захлопнулъ дверь и заперъ ее. Посланные начали ломиться въ дверь, а отшельникъ взялъ поскорѣе пересѣкъ, посадилъ въ него Наранъ-Гэрэла, замазалъ его глиной и поставилъ, будто въ немъ у него хлѣбное вино. Между тѣмъ посланные хагана разломали дверь и стали обыскивать домъ. Когда же они не нашли Наранъ-Гэрэла, они разсердились и начали со злости, что напрасно трудились, бить палками старика-отшельника. Наранъ-Гэрэлъ не могъ этого стерпѣть, выскочилъ изъ пересѣка и закричалъ: „Я здѣсь, не бейте старика!“. Его тотчасъ схватили и увезли, а старикъ остался одинокій съ маленькимъ Саранъ-Гэрэломъ.

Когда Наранъ-Гэрэла привезли къ хагану, его увидала дочь хагана, и ей стало жаль бѣднаго мальчика. Наступилъ день, когда Наранъ-Гэрэла должны были бросить въ озеро. Доложили объ этомъ хагану, и онъ сказалъ: „Быть такъ“. Но дочь его начала просить за чужого мальчика. „Лучше бросьте меня въ озеро“,

---

*) Лѣтосчисленіе у калмыковъ совершенно особенное. Вѣкъ у нихъ состоитъ не изъ 100, но изъ 60 лѣтъ. Каждый годъ называется особеннымъ именемъ, которое составляется изъ соединенія въ опредѣленномъ порядкѣ различныхъ названій мѣсяцевъ съ наименованіемъ 5 элементовъ: желѣзо, вода, дерево, огонь и земля. Названіе мѣсяцевъ—барсъ, заяцъ, драконъ, змѣя, лошадь и др. Такимъ образомъ въ вѣкѣ различные года называются: годъ барса и желѣза, годъ воды и змѣи, дерева и барса, земли и мыши и друг.

говорила она. Тогда хаганъ разгнѣвался и сказалъ: „Мнѣ не нужно такой дочери, которая нисколько не думаетъ о благѣ всѣхъ моихъ подданныхъ. Зашейте ее въ мѣшокъ вмѣстѣ съ мальчикомъ и бросьте ее въ озеро вмѣстѣ съ нимъ“. Приказаніе это было исполнено въ точности.

Когда стали ихъ бросать въ озеро, Наранъ-Гэрэлъ подумалъ про себя: „Меня приносятъ въ жертву царю драконовъ, потому что не нашлось другого человѣка кромѣ, меня, который родился бы въ годъ Барса; а спасти людей отъ засухи необходимо. Но за что же погибаетъ невинно изъ-за меня эта дѣвочка?“. А дѣвочка въ это время подумала: „Отецъ правъ, что разсердился на меня: я, дочь хагана, забыла, что жертва царю драконовъ необходима для спасенія нашихъ подданныхъ. Но за что же погибаетъ невинно этотъ чужой мальчикъ?“

Царь драконовъ, узнавъ ихъ мысли, рѣшилъ обоихъ ихъ избавить отъ смерти. Онъ не принялъ ихъ въ жертву, но вынесъ ихъ тихо на берегъ. Въ то же время вода потекла въ изобиліи.

Мальчикъ и дѣвочка обѣщали другъ другу, что встрѣтятся опять, когда наступитъ время—и разошлись.

Наранъ-Гэрэлъ пошелъ къ отшельнику и началъ стучаться въ дверь. Старикъ слабымъ голосомъ откликнулся: „Кто тамъ?“ — „Я, отвѣчалъ Наранъ-Гэрэлъ, сынъ твой“. — „У меня нѣтъ сына, кромѣ Саранъ-Гэрэла, который теперь со мной. Былъ у меня любимый сынъ, но его отнялъ у меня хаганъ. Я о немъ горюю“.—„Я твой сынъ, говоритъ Наранъ - Гэрэлъ; хаганъ бросилъ меня въ озеро, но царь драконовъ спасъ меня отъ смерти. Не горюй, отецъ мой, отвори мнѣ скорѣй“. Тогда дверь отворилась, и Наранъ-Гэрэлъ вошелъ.

Съ этого дня Наранъ-Гэрэлъ вмѣстѣ съ братомъ сталъ ухаживать за отшельникомъ, который отъ горя совсѣмъ ослабъ; они обмывали его молокомъ съ водой и успокаивали самыми ласковыми словами.

Между тѣмъ дочь хагана тоже вернулась къ себѣ и своимъ приходомъ необычайно удивила всѣхъ. Хаганъ говорилъ: „Дочь моя, ты пришла! какъ же ты не погибла?“. А народъ въ изумленіи спрашивалъ: „Какимъ чудомъ она спаслась? Какъ выпустилъ ее лютый драконъ? Не было примѣра, чтобы человѣкъ, обреченный ему въ жертву, возвратился бы назадъ“. И съ этого времени всѣ начали почитать дочь хагана. Хаганъ спросилъ у дочери: „Тотъ мальчикъ навѣрное погибъ?“ — „Нѣтъ, сказала дѣвочка, царь драконовъ освободилъ его за то, что онъ пожалѣлъ меня. Но мало

того: отнынѣ никто не потребуется ему въ жертву, и воды всегда будетъ въ изобиліи“.

Хаганъ тотчасъ послалъ за Наранъ-Гэрэломъ, велѣлъ отыскать его гдѣ бы то ни было и привести къ себѣ.

Посланные пришли къ отшельнику и всѣхъ троихъ привели къ хагану, который съ торжествомъ принялъ ихъ. Наранъ-Гэрэла хаганъ посадилъ на тронъ, украшенный разными драгоцѣнностями и потомъ сказалъ ему: „Ты, мальчикъ, сотворилъ чудо. Сынъ ты этого отшельника?“ — „Нѣтъ, отвѣчалъ тотъ, я сынъ одного могущественнаго хагана. Моя мачиха хотѣла умертвить меня; я оставилъ отцовскій домъ и пріютился вотъ у этого старика. А этотъ мальчикъ — мой братъ“. — „Я отдамъ за тебя мою дочь, сказалъ хаганъ, и подѣлюсь своимъ богатствомъ. А потомъ вамъ лучше отправиться домой; я дамъ вамъ провожатыхъ“.

Недолго спустя Наранъ-Гэрэлъ съ молодой женой, братомъ и отшельникомъ отправился домой въ сопровожденіи четырехъ отрядовъ войска. Онъ послалъ нарочнаго къ отцу своему сказать, что онъ съ женой и братомъ находятся вблизи и скоро будутъ къ нему. Старый хаганъ чрезвычайно обрадовался и послалъ встрѣтить ихъ. А у хаганши, какъ только они вошли во дворецъ, изъ горла пошла кровь, и она тотчасъ же умерла.

Изъ **Шидди-Куръ** (*калмыцкій варіантъ* *).

---

*) Этн. Сб. (изд. И. Р. Г. Общ.) В. VI. С.-Пб., 1864.

СИБИРСКІЕ ТАТАРЫ.

Подъ общимъ названіемъ сибирскихъ татаръ принято объединять нѣсколько народностей, разбросанныхъ въ западной и отчасти въ восточной Сибири, какъ-то: телеутовъ, телесовъ, кумандинцевъ, сойотовъ, сагайцевъ, карагассовъ. По языку они принадлежатъ къ тюркской группѣ племенъ. Къ нимъ относится какъ осѣдлое, такъ и кочевое и полукочевое населеніе тюркскаго происхожденія въ губерніяхъ Тобольской, Томской и Енисейской. Всѣ эти народцы очень немногочисленны: вмѣстѣ взятые они составляютъ населеніе приблизительно въ 50,000 душъ. Каждый изъ нихъ имѣетъ свое названіе; но ихъ обыкновенно принято называть по мѣстности, въ которой они живутъ: такъ, напримѣръ, тюрки, живущіе по р. Тоболу, носятъ названіе тобольскихъ татаръ; живущихъ по Иртышу называютъ иртышскими татарами, въ Барабинской степи—барабинскими; тюрковъ, населяющихъ Алтай и дѣлящихся на нѣсколько народностей, обыкновенно объединяютъ подъ общимъ именемъ алтайскихъ тюрковъ; населяющихъ Минусинскій и Абаканскій округъ называютъ минусинскими и абаканскими татарами и пр.

Между тѣмъ какъ значительная часть осѣдлыхъ татаръ Тобольской и Томской губерній занимаются земледѣліемъ и различными промыслами—неосѣдлое населеніе на Алтаѣ и въ Енисейской губерніи (Минусинскій округъ, Абаканская степь) продолжаютъ жить еще въ бродячемъ или кочевомъ бытѣ и занимаются преимущественно звѣроловствомъ, рыбной ловлей и скотоводствомъ. Мѣстами они воздѣлываютъ землю подъ пашни, но за неимѣніемъ земледѣльческихъ орудій они до сихъ поръ разрыхляютъ землю просто киркой.

Сибирскіе татары средняго роста; лица у нихъ плоскія; волосы жесткіе, черные; бороды у мужчинъ плохо растутъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мужчины заплетаютъ волосы въ косу. Женщины носятъ длинныя косы; если собственныя волосы у нихъ недостаточно длинны, онѣ вплетаютъ въ нихъ шнурки изъ конскаго волоса или шерсти. Косы свои онѣ украшаютъ пуговицами, бисеромъ, раковинами, а иногда и колокольчиками. Мужчины также въ нѣкоторыхъ мѣстахъ заплетаютъ косы и въ конецъ ея

Алтайскіе татары.

вплетаютъ какой-нибудь блестящій предметъ. Костюмъ сибирскихъ татаръ отличается по различнымъ мѣстностямъ; на нихъ отразилось вліяніе русскихъ и татаръ Европейской Россіи. Мѣстами, однако, одежды ихъ не утратили еще свой первобытный характеръ. Такъ, напримѣръ, южные алтайцы не дѣлаютъ существеннаго различія между мужской и женской одеждой; только мужчины носятъ рубаху съ косымъ воротомъ изъ дабы или русскаго ситца, а женщины— замѣняютъ ее такъ называемымъ *чэгэдэкомъ,* одеждой, похожей на фракъ съ длинной таліей. Чэгэдэкъ шьется изъ

дабы; онъ обшитъ лентой яркаго цвѣта и застегивается подъ шеей двумя красными пуговицами; кромѣ рукавовъ въ чэгэдэкѣ дѣлаются еще отверстія для рукъ, такъ что рукава болтаются по спинѣ. Зимой чэгэдэкъ надѣвается поверхъ шубы. На ногахъ носятъ короткіе штаны и сапоги, иногда съ красными отворотами, которые завязываются ниже колѣнъ шерстянымъ шнуркомъ съ кисточками. Лѣтомъ поверхъ рубахи или чэгэдэка надѣваются халаты; ихъ иногда украшаютъ вышивками и нашивками. Зимой

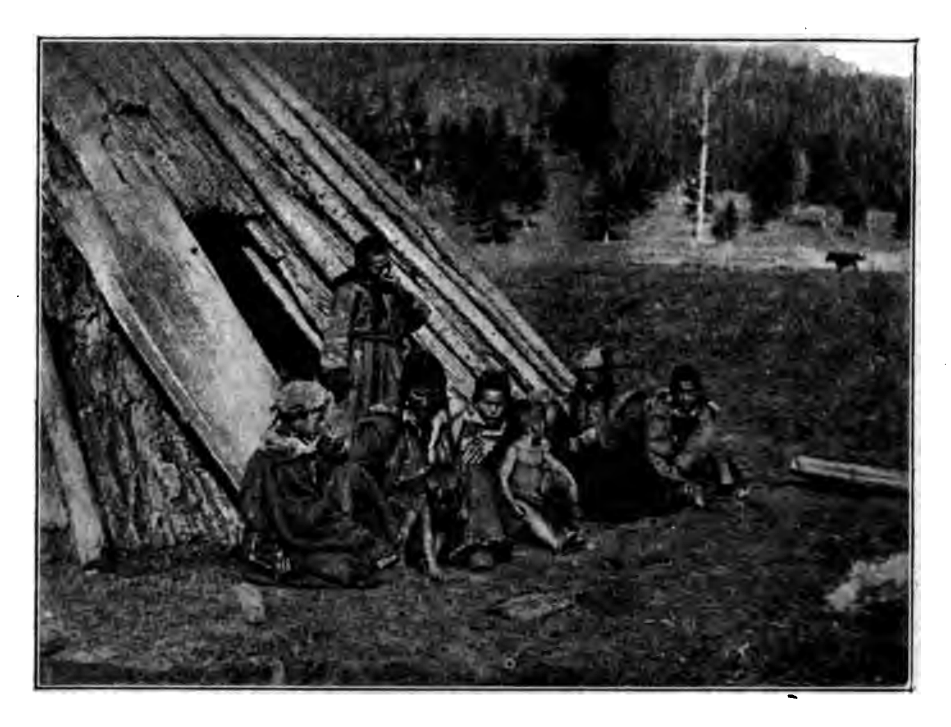
Алтайская лѣтняя юрта.

надѣваютъ шубы и дохи. На голову надѣваютъ шапки, суженыя къ затылку, съ желтой, зеленой или красной тульей, съ разноцвѣтнымъ кружкомъ на срединѣ и двумя лентами позади.

Часть сибирскихъ татаръ живетъ осѣдло, деревнями; жилищемъ имъ служатъ прочно поставленныя избы. Кочевые же и полукочевые народы, входящіе въ составъ сибирскихъ татаръ, живутъ въ коническихъ шалашахъ, состоящихъ изъ наклонно поставленныхъ жердей, покрытыхъ лѣтомъ берестой и войлокомъ, а зимой звѣриными шкурами. Нѣкоторые на зиму переходятъ жить въ землянки, мазанки, многогранные срубы, небольшія избушки съ

плоскими крышами, которыя отапливаются или посредствомъ очага или же чуваломъ, сложеннымъ въ углу изъ камня, съ трубой изъ плетня, обмазанной глиной.

Сибирскіе татары исповѣдують магометанство; часть ихъ—православные; но среди нихъ много еще язычниковъ-шаманистовъ. Хорошее начало олицетворяется у нихъ въ лицѣ бога *Ульгеня*, злое—въ *Эрликѣ*. Какъ у Ульгеня, такъ и у Эрлика въ подчиненіи



Группа алтайцевъ у шалаша.

находятся много духовъ: у перваго—добрыхъ и чистыхъ; у второго—нечистыхъ и злыхъ. Какъ и другіе малокультурные народы, сибирскіе татары-язычники приносятъ чаще жертвы злому Эрлику, желая его умилостивить, чѣмъ доброму Ульгеню. Посредникомъ между богами и людьми является шаманъ—*камъ*. При камланьѣ шаманъ облекается въ особый костюмъ и беретъ свой волшебный бубенъ. Отъ звука бубна, пѣній, прыжковъ и пляски камъ впадаетъ въ экстазъ: онъ прорицаетъ, указываетъ, какую жертву надо принести и т. п.

Вотъ образцы двухъ молитвъ, въ которыхъ ясно видно, какъ рисуютъ себѣ алтайцы своихъ двухъ главныхъ божествъ. „О, ве-

ликій отецъ Ульгень! Ты имѣешь на своей таинственной шапкѣ три разныхъ цвѣтовъ ленты; къ твоему престолу ведутъ три лѣстницы. Ты, Ульгень, создалъ лошадь для ѣзды; ты создалъ много скота; ты создалъ женщину съ длинными косами; ты наполнилъ землю миромъ; ты возвратилъ ее изъ бездны, откуда не долетитъ

Камъ (шаманъ), готовый къ камланію.

никогда пуля, не долетитъ ни одинъ звукъ. Ты утвердилъ землю на безопасномъ мѣстѣ. Ты создалъ прекрасную душу человѣка. Великій Отецъ, украшенный таинственной шапкой съ тремя лентами, мы надѣемся на тебя, жертвуемъ земными страстями, умомъ возвышаемся!". —„Свирѣпый духъ, улавливающій своей удою людей! Ты любишь опрокинуть наполненную чашу; твое лицо черно, какъ сажа; твои черные волосы всклокочены; твой ростъ громаденъ. Ты держишь свой страшный путь только при свѣтѣ мѣсяца.

Никто не можетъ выдержать руки твоей; самый сильный не могъ бы сдвинуть ноги твоей. Твои глаза наводятъ тѣнь на міръ; твои зубы торчатъ, какъ гребни; твоими костями можно было бы мять кожу; изъ щекъ твоихъ можно было бы извлечь громовую музыку. Ты все видишь, ты все знаешь!".

Алтайцы, собравшіеся на камланье.

Народная поэзія сибирскихъ татаръ богата образами и силою выраженія. Пѣвцы пользуются большимъ почетомъ. На празднествахъ нерѣдко устраиваютъ состязанія пѣвцовъ. Два пѣвца изъ двухъ различныхъ родовъ садятся другъ противъ друга и поочереди въ импровизаціяхъ славятъ свой родъ, осыпая чужой родъ насмѣшками. Побѣдившій пѣвецъ становится знаменитостью. Мѣткія слова его расходятся въ народѣ и запоминаются въ видѣ пословицъ. Теленгиты стараются подарками залучить такого извѣстнаго пѣвца, когда ѣдутъ на судъ (свой—инородческій), потому что пѣвецъ обыкновенно хорошо сумѣетъ защитить ихъ, говоря все время въ рифму.

Богатырь Бѣлый Сокольчикъ *).

Сказка минусинскихъ татаръ.

Жилъ-былъ на свѣтѣ Бѣлый ханъ **) съ женой и сыномъ. Сына звали Бѣлый Сокольчикъ на бѣло-голубомъ конѣ. Вотъ минуло Сокольчику семь лѣтъ—и говоритъ Бѣлый ханъ своей женѣ: „Хочу я показать моему сыну разныя земли, пока я еще въ силахъ". „Молодъ нашъ сынъ, отвѣтила ханша:" Погоди возить его далеко".—„Я поѣду не одинъ; я возьму съ собой пятьдесятъ лучшихъ богатырей, такъ что бояться намъ нечего". И не послушавъ своей жены, Бѣлый ханъ всталъ утромъ, взялъ пятьдесятъ лучшихъ богатырей и поѣхалъ съ сыномъ въ чужую сторону.

Ѣхали они семь лѣтъ, оглянулись назадъ и видятъ: изъ пятидесяти богатырей остались только двое. Сталъ тогда Бѣлый Со-

*) Сказанія о богатыряхъ и ихъ подвигахъ поются алтайцами подъ однообразные унылые звуки двухструнной балалайки (*кайлачан кабус* или *шертпе комус*). Пѣвецъ, какъ выражаются татары, „поетъ горломъ": звукъ вырывается изъ гортани хрипло и глухо. Усѣвшись на кошму или лоскутъ кожи передъ огнемъ, пѣвецъ прежде всего затягиваетъ, ударяя по струнамъ, однообразный припѣвъ, состоящій изъ односложныхъ словъ, не имѣющихъ смысла: гой, горъ, гуръ, джонъ, джоръ и др.; потомъ поетъ куплетъ своего сказанія; потомъ снова повторяетъ припѣвъ и т. д. Сказанія о богатыряхъ такъ длинны, что пѣвцу приходится иногда посвящать нѣсколько вечеровъ на пѣніе одного какого-нибудь повѣствованія.

**) Сибирскіе татары придаютъ каждой изъ странъ свѣта названіе одного изъ слѣдующихъ четырехъ цвѣтовъ: черный, красный, голубой и бѣлый. Сѣверъ считается чернымъ, югъ — краснымъ, востокъ — голубымъ, западъ — бѣлымъ. Вотъ почему и все, имѣющее отношеніе къ сѣверу, будетъ носить названіе чернаго, имѣющее отношеніе къ югу—краснымъ и т. д. Такъ, напр.: бѣлое море будетъ означать море, лежащее къ западу, черный ханъ—сѣверный властитель и т. д.

кольчикъ спрашивать у отца: „Сколько времени мы ѣдемъ, отецъ мой?“ — „Много мы времени ѣхали, отвѣчалъ отецъ: Много и проѣхали. Теперь осталось немного“.—„Кого же мы увидимъ тамъ, куда ѣдемъ, и что тамъ есть?“—„А вотъ что тамъ есть, сынъ: разные люди, звѣри и птицы“.—

Проѣхали они девять земель, поднялись на высокія горы и смотрятъ вдаль: вдали море, а за нимъ чернѣется желѣзная гора;

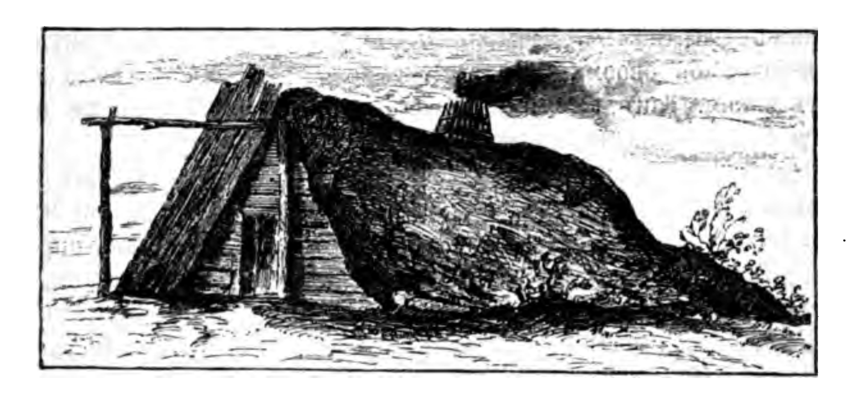
Р. Чарашъ (Алтай).

около моря стоитъ богатырская юрта; ни людей, ни скота не видать; только одинъ позолоченный столбъ стоитъ возлѣ юрты. И спрашиваетъ сынъ у отца: „Скажи, отецъ, что же это такое?“ — „Тутъ живетъ Мѣдный богатырь,—„отвѣчалъ отецъ:“ Прежде я водилъ съ нимъ дружбу. Заѣдемъ теперь, сынъ мой, къ нему. Повидаемся и поѣдемъ назадъ.“—„А гдѣ же, спрашиваетъ Сокольчикъ: „Разные звѣри и птицы, о которыхъ ты говорилъ?“—„Подъ желѣзной горой чернѣется тайга. Тамъ есть разные звѣри и птицы“.

Доѣхали они до юрты Мѣднаго богатыря, привязали своихъ богатырскихъ коней къ золоченому столбу и вошли въ юрту. Мѣдный богатырь лежалъ на кровати. У него были такіе большіе

глаза, что страшно было смотрѣть. Бѣлый ханъ, поздоровавшись съ нимъ, сказалъ ему: „Другъ, я обѣщалъ тебѣ отдать сына съ пятьюдесятью богатырями. Изъ пятидесяти у меня осталось только двое; возьми ихъ и моего сына“. Сказавъ это, Бѣлый ханъ повернулся и вышелъ изъ юрты. Бѣлый Сокольчикъ бросился за нимъ, но не могъ отворить двери юрты и горько заплакалъ. Тогда Мѣдный богатырь закричалъ на него: „Не плачь!“ Голосъ его загремѣлъ какъ громъ, земля затряслась, и море всколыхнулось.

А Бѣлый ханъ спокойно вернулся домой. Выскочила къ нему на встрѣчу ханша и спрашиваетъ: „Гдѣ же ты оставилъ сына на-



Землянка алтайскихъ татаръ.

шего, Бѣлаго Сокольчика?“—„Я отдалъ его Мѣдному богатырю съ двумя богатырями“.—„Зачѣмъ же ты отдалъ его?“—и горько заплакала ханша.

Много ли, мало ли прошло времени, видятъ вдругъ люди Бѣлаго хана, что ѣдутъ два богатыря. Вышелъ изъ юрты самъ Бѣлый ханъ, смотритъ на высокія горы — дѣйствительно, ѣдутъ два богатыря. „Дома ли богатырь Бѣлый Сокольчикъ?“ закричали они съ высокой горы: „И при немъ ли находится его богатырскій конь?“—„Нѣтъ, Сокольчика нѣтъ дома,“—отвѣтилъ Бѣлый ханъ. Тогда они прискакали съ горы и начали грабить юрту. Взмолилась къ нимъ ханша: „Оставьте насъ, ребята; не троньте насъ; у насъ съ вами до сихъ поръ не было ссоры“. Но они не слушали ее, забрали все ихъ имущество, весь скотъ, весь народъ ихъ и, прихвативъ самого Бѣлаго хана и ханшу, погнали ихъ въ свою землю. Прогнали ихъ черезъ три земли въ свою землю, плѣнный народъ прибавили къ своему народу, награбленный

скотъ къ своему скоту, а Бѣлаго хана съ женой посадили въ глубокую яму. Были же эти богатыри два брата: Мѣсяцъ-богатырь и Солнце-богатырь—оба на рыжихъ коняхъ.

Много ли, мало ли времени прошло,—пронесся вдругъ слухъ по землѣ, что скоро всему свѣту будетъ конецъ: что не останутся въ живыхъ ни люди, ни звѣри, ни птицы. Собрали два брата-богатыря свой народъ и начали всѣхъ разспрашивать, не слыхалъ ли кто чего-нибудь. „Правда, говорятъ имъ, есть такой слухъ въ народѣ. Слышно, что далеко, у самаго моря и желѣзной горы, живетъ Мѣдный богатырь. У Мѣднаго богатыря есть семь собакъ на желѣзныхъ цѣпяхъ. К гда онѣ вырвутся, завоютъ и залаютъ, тогда настанетъ смерть всѣмъ людямъ, всѣмъ звѣрямъ и птицамъ“. Крѣпко задумались богатыри. Говоритъ Мѣсяцъ-богатырь своему брату: „Вѣрно, такъ и будетъ, если молва идетъ такая. Такъ, вмѣсто того, чтобы лежать, поѣдемъ къ моему другу богатырю. Онъ живетъ отсюда за три земли“.

Встали они и поѣхали. Ѣхали много ли, мало ли — наконецъ, пріѣхали къ богатырю. Звали его Мухортый богатырь на мухортомъ конѣ. Накормилъ ихъ Мухортый богатырь и сталъ спрашивать: „Куда вы собрались?“—„Къ тебѣ, братъ“,—говорятъ тѣ: „Слышалъ ли ты, что скоро будетъ конецъ всѣмъ?“ — „Какъ же, отвѣчаетъ Мухортый богатырь:“ слышалъ—и у насъ народъ тоже говоритъ“. И заплакалъ Мухортый богатырь. Потомъ говоритъ двумъ братьямъ: „Что же, братцы, поѣдемъ мы черезъ двѣ земли. Тамъ живутъ два брата. Надо ихъ спросить“.—„Какъ же зовутъ этихъ братьевъ?“—„Старшаго зовутъ Саврасый богатырь на саврасомъ конѣ, а младшаго — Пламя - богатырь на сивомъ конѣ. Пламя-богатырь все знаетъ, что на свѣтѣ дѣлается“.

Богатыри снарядились въ путь и поѣхали. Проѣхали они двѣ земли и видятъ: стоитъ юрта Пламени-богатыря и рядомъ съ ней юрта его брата Саврасаго богатыря—а кругомъ много народа живетъ и много скота пасется. Они прямо вошли въ юрту Пламени-богатыря.

Пламя-богатырь посадилъ ихъ на кошму, накормилъ, напоилъ и сталъ спрашивать: „Куда же вы путь держите?“—„Мы къ тебѣ, братецъ, пріѣхали, говорятъ богатыри,—соскочили съ кошмы и поклонились ему въ ноги. „Ты“, — говорятъ: „Все знаешь, что дѣлается на свѣтѣ. Правда ли, что скоро будетъ всему конецъ: умрутъ люди, звѣри и птицы“. — „Можетъ ли это быть? говоритъ Пламя-богатырь“. Есть, дѣйствительно, на свѣтѣ Мѣдный богатырь; у него есть семь собакъ. Когда онѣ вырвутся, залаютъ и завоютъ,

тогда будетъ всему конецъ. Но какъ онѣ вырвутся, пока онъ живъ? Другое дѣло, когда его не станетъ. Но кто же можетъ погубить его? Онъ сильный, могучій богатырь и сильнѣе нѣтъ никого на свѣтѣ“. Сказавъ это, Пламя-богатырь вышелъ изъ юрты, чтобы посмотрѣть, что кругомъ дѣлается. Онъ зналъ языки всѣхъ звѣрей и всѣхъ птицъ. И видитъ онъ: и птицы, и звѣри плачутъ. Тогда повѣрилъ Пламя-богатырь словамъ богатырей и подумалъ: „Видно, въ самомъ дѣлѣ скоро будетъ всему конецъ“. Постоялъ и самъ заплакалъ.

Повернулся потомъ Пламя-богатырь, вбѣжалъ въ юрту, досталъ позолоченный ящикъ о шести замкахъ и о шести ключахъ и отперъ его. Выскочили оттуда два сокола и спрашиваютъ: „Что повелишь, Пламя-богатырь?“—„Подымайтесь къ небу; посмотрите, что тамъ дѣлается“, говоритъ Пламя-богатырь—и соколы поднялись прямо вверхъ, какъ изъ трубы, и стрѣлой взвились къ небу. Взялъ Пламя-богатырь черный сундукъ и открылъ его; изъ сундука выползли синій змѣй, щука и горностай и спрашиваютъ: „Что повелишь, Пламя-богатырь?“.—„Ты, змѣй, иди подъ землю; ты, щука, иди въ море; ты, горностай, ступай въ гору—узнайте, что тамъ дѣлается“. Змѣй тотчасъ исчезъ въ землю; щука уползла по сухому пути къ морю и уплыла; горностай убѣжалъ въ гору.

Поджидаетъ Пламя-богатырь своихъ звѣрей — ходитъ цѣлый день, ходитъ всю ночь въ печали. Ляжетъ спать, и не спится; опять встанетъ—ходитъ. На слѣдующій день, на разсвѣтѣ, прилетѣли назадъ его соколы. „Что же, соколы мои, вы узнали?“ спрашиваетъ Пламя-богатырь.—„Да что узнали?“ — говорятъ соколы: „Будетъ скоро всѣмъ конецъ: и людямъ, и звѣрямъ, и птицамъ. Мы долетѣли до самаго Кудая *), и онъ о насъ тужитъ.“—

Вернулись и синій змѣй, и щука, и горностай—всѣ они плачутъ и говорятъ то же самое.

Крѣпко затужилъ Пламя-богатырь—мѣста себѣ не найдетъ: ляжетъ—не спится ему; сядетъ—не сидится ему; вскочитъ на ноги, все ходитъ и смотритъ. А кругомъ плачутъ всѣ—и звѣри, и птицы, и люди. Вдругъ видитъ Пламя-богатырь—высоко-высоко летятъ два черныхъ ворона. Онъ крикнулъ имъ громкимъ голосомъ: „Спуститесь ко мнѣ, черные вороны!.“ Они услыхали его голосъ, спустились и сѣли оба на позолоченный столбъ возлѣ юрты. „Скажите мнѣ, черные вороны“—сказалъ Пламя-богатырь,

---

*) Кудай принадлежитъ къ сонму добрыхъ божествъ и пользуется большимъ почитаніемъ среди язычниковъ татаръ.

что вы знаете? куда полетѣли?"—„Да куда? отвѣчали вороны:—„Мы летаемъ повсюду повсему міру".—„А гдѣ вы живете?"—„Живемъ мы далеко отсюда, у широкаго моря. Тамъ стоитъ желѣзная гора; на желѣзной горѣ растутъ семь желѣзныхъ лиственницъ. Онѣ выросли подъ самое небо и уперлись въ него вершинами. На этихъ то лиственницахъ мы и свили себѣ гнѣздо; тамъ и живемъ".—„Если вы тамъ живете, сказалъ Пламя-богатырь:—„то вы навѣрное видѣли Мѣднаго богатыря, который живетъ у моря подъ желѣзной горой?"—„Какъ же не видать, какъ же не знать? Мы тамъ выросли и хорошо знаемъ его и его семь сѣрыхъ собакъ, которыя привязаны на желѣзныхъ цѣпяхъ".—„Скоро ли онѣ сорвутся съ цѣпей и побѣгутъ? Говорите, что вы знаете!"—„А вотъ что мы знаемъ: давнымъ давно былъ у Мѣднаго богатыря какой-то Бѣлый ханъ съ сыномъ своимъ Сокольчикомъ. Отецъ оставилъ сына у Мѣднаго богатыря, а самъ уѣхалъ. Сокольчикъ боролся съ Мѣднымъ богатыремъ тридцать лѣтъ—и наконецъ, убилъ его. Тогда-то собаки сорвались съ цѣпей и побѣжали. Но Сокольчикъ поймалъ ихъ всѣхъ сразу за ихъ желѣзныя цѣпи—поймалъ, надѣлъ на нихъ намордники, чтобы онѣ не лаяли, и привязалъ ихъ къ своимъ торокамъ *). Мы сами все это видѣли". Выслушавъ ихъ, Пламя-богатырь началъ смотрѣть кругомъ и слышитъ—люди, птицы и звѣри перестали плакать, и стало все тихо попрежнему, по старому. „Видно вороны сказали мнѣ правду", подумалъ онъ и пошелъ въ юрту къ остальнымъ богатырямъ. Тѣ начали его спрашивать, что онъ видѣлъ, что слышалъ. „Видѣлъ и слышалъ я много",—отвѣтилъ Пламя-богатырь:—„Но прежде всего помолитесь за богатыря Бѣлаго Сокольчика: онъ насъ всѣхъ выручилъ изъ бѣды". И онъ разсказалъ имъ все. Тогда Солнце-богатырь и Мѣсяцъ-богатырь начали горько плакать: „Избѣжали мы одной смерти, а теперь найдемъ другую смерть. Не оставитъ насъ въ живыхъ Бѣлый Сокольчикъ".—„О чемъ же вы плачете теперь?" спросилъ ихъ Пламя-богатырь. „Какъ же намъ не плакать? Мы взяли въ плѣнъ отца его, мать, весь народъ ихъ и весь скотъ и угнали къ себѣ. Какъ пріѣдетъ Сокольчикъ домой и увидитъ, что тамъ никого нѣтъ—неужели онъ проститъ намъ это?"—„Подождите плакать", сказалъ Пламя-богатырь: „Вотъ что вамъ надо сдѣлать. Найдите только добраго богатыря на добромъ конѣ и отправьте его сейчасъ къ себѣ домой, чтобы онъ взялъ отца и мать Сокольчика, народъ, скотъ и все имущество и поскорѣе все доставилъ на

*) Торока—мѣшокъ, который привязывается къ сѣдлу.

прежнее мѣсто. Сокольчикъ теперь далеко и раньше семи лѣтъ не вернется домой; а вы до тѣхъ поръ успѣете отдать все, что у него отняли. Сами же поѣзжайте навстрѣчу Сокольчику и возьмите съ собой разнаго кушанья. Тридцать лѣтъ онъ не ѣлъ и не пилъ и должно быть очень голоденъ". Тогда Мѣсяцъ и Солнце-богатыри начали упрашивать Пламя-богатыря ѣхать съ ними. „Мы такъ боимся Сокольчика", говорили они: „что передъ нимъ и рта не откроемъ. Ты же переговоришь съ нимъ".—„Хорошо, говоритъ Пламя-богатырь: „поѣдемте всѣ вмѣстѣ".—И поѣхали пять богатырей навстрѣчу Сокольчику; каждаго кушанья навьючили на пять лошадей.

Ѣхали они—годъ ли, полтора или больше; все смотрѣли съ высокихъ хребтовъ, что видно впереди. Въѣхали они на одну высокую гору и видятъ: лежитъ за этой горой гладкая и широкая степь, а по степи ѣдетъ богатырь Бѣлый Сокольчикъ. Они спустились съ горы, соскочили съ коней и пошли пѣшкомъ встрѣчать его. Идутъ и все кланяются ему. Увидалъ ихъ Бѣлый Сокольчикъ и вскричалъ громкимъ голосомъ: „Думалъ я, что уже не увижу бѣлаго свѣта; и вотъ, я остался живъ и васъ вижу". И заплакалъ Сокольчикъ, и слезы, какъ ключъ, потекли изъ глазъ у него. Онъ слѣзъ съ коня и подошелъ къ нимъ пѣшкомъ; плача обнялъ каждаго изъ нихъ и проплакался хорошенько. Тогда они стали его угощать разными кушаньями, а потомъ уже разговорились. „Откуда вы ѣдете, братцы, и какъ узнали обо мнѣ?" спросилъ Сокольчикъ. „Слышали мы про тебя не отъ людей, а отъ черныхъ вороновъ", отвѣчалъ Пламя-богатырь. Сокольчикъ началъ спрашивать по-очереди всѣхъ богатырей, какъ ихъ зовутъ. „Меня зовутъ Пламя-богатырь на сивомъ конѣ".—„А я—Саврасый богатырь, братъ его, на саврасомъ конѣ".—„А я—Мухортый богатырь на мухортомъ конѣ."—„А я—Мѣсяцъ-богатырь, на рыжемъ конѣ."—„А я—Солнце-богатырь, братъ его, тоже на рыжемъ конѣ". —„А знаете ли, какъ меня зовутъ? Я—Бѣлый Сокольчикъ на бѣло-голубомъ конѣ".—„Какъ же!" говорятъ богатыри: „Мы знаемъ тебя и отца твоего".—„А живы ли мои отецъ и мать?" спросилъ Сокольчикъ. Пламя-богатырь выступилъ впередъ и отвѣчалъ: „Какъ же! они живы. Безъ тебя вотъ эти два брата, Мѣсяцъ и Солнце-богатыри взяли ихъ къ себѣ со всѣмъ народомъ ихъ и скотомъ, чтобы другіе не угнали ихъ къ себѣ. Они сохранили тебѣ всѣхъ въ цѣлости и, какъ только узнали, что ты остался живъ, отправили ихъ обратно. А теперь ты скажи намъ, Сокольчикъ, зачѣмъ ты ведешь съ собой семь сѣрыхъ собакъ Мѣднаго Богатыря?"—„А вотъ за-

чѣмъ", отвѣтилъ Сокольчикъ: „У кого эти собаки, тотъ не старится и не умираетъ. Вотъ почему я ихъ не убилъ, а повелъ съ собой. Но такъ какъ вы встрѣтили меня и угостили, то я хочу также вамъ сдѣлать добро: каждому изъ васъ я подарю по собакѣ—и будемте жить какъ семь братьевъ—не состаримся мы и не умремъ".— Сокольчикъ привязалъ къ торокамъ каждаго богатыря по одной собакѣ, а остальныхъ оставилъ у себя. „Смотрите же, сказалъ онъ имъ: „держите ихъ крѣпко на привязи, чтобы онѣ не убѣжали. Если же онѣ убѣгутъ, дойдутъ до того мѣста, откуда я ихъ взялъ, снимутъ намордникъ, разъ взлаютъ и разъ взвоютъ—тогда всему свѣту будетъ конецъ". Послѣ этого Сокольчикъ простился со своими новыми товарищами — и богатыри разъѣхались въ разныя стороны.

Семь лѣтъ ѣхалъ Сокольчикъ до своего дома. Посмотрѣлъ онъ съ высокой горы—видитъ: живутъ всѣ какъ прежде. Народъ увидалъ его на горѣ и со слезами всѣ сбѣжались къ его юртѣ. Отецъ и мать выбѣжали на улицу встрѣчать сына. Оба они были такъ стары, что едва передвигали ноги. Всѣ обрадовались Сокольчику. Своего богатырскаго коня онъ пустилъ на волю, а народу своему велѣлъ гулять. „Гуляйте, сказалъ онъ, семь дней и радуйтесь, что остались живы!"

Самъ же онъ легъ спать. Семь сутокъ радовался и веселился народъ, а онъ спалъ семь сутокъ. Потомъ онъ всталъ, вышелъ изъ юрты, свистнулъ своему коню, осѣдлалъ его и поѣхалъ на звѣря въ горы и долины. Много убилъ онъ сохатыхъ и разнаго звѣря, привезъ все домой и раздѣлилъ всѣмъ. „У кого, говоритъ, нечего ѣсть—берите и ѣшьте. У кого лошади нѣтъ—ловите коней изъ моихъ табуновъ; пѣшкомъ же не ходите. У кого одежи нѣтъ— берите у меня и носите; босикомъ же и не одѣтыми не ходите".

Много ли, мало ли онъ жилъ со своимъ народомъ—вдругъ онъ услыхалъ, что пять собакъ, подаренныхъ имъ богатырямъ, вырвались и убѣжали. Бѣлый Сокольчикъ сейчасъ же снарядился въ путь и поѣхалъ. Какъ стрѣла, летѣлъ его бѣло-голубой конь — такъ что глазами его не было видно, ушами не слышно. Проѣхалъ Сокольчикъ всѣ девять земель, какъ будто въ люлькѣ качался. По пути его всѣ моря колебались. Доѣхалъ онъ до того мѣста, гдѣ жилъ Мѣдный богатырь—тамъ все было попрежнему: разрушенная юрта стоитъ и никого нѣтъ. Обернулся въ другую сторону— а пять собакъ уже бѣгутъ съ горы, добѣгаютъ до мѣста. Сокольчикъ поскакалъ къ нимъ навстрѣчу и схватилъ ихъ всѣхъ заразъ за цѣпи. Намордники оказались цѣлыми у всѣхъ.

Сокольчикъ привязалъ собакъ къ своимъ торокамъ и поскакалъ къ богатырямъ. Прискакалъ и смотритъ съ горы. Пять богатырей ходятъ опять вмѣстѣ—Пламя-богатырь впереди всѣхъ. Увидавъ Сокольчика, они подошли къ нему съ поклономъ: „Прости насъ, Сокольчикъ, мы не сумѣли привязать собакъ; со страху мы и не помнимъ, какъ онѣ убѣжали".—„Можетъ быть"—отвѣчалъ Сокольчикъ:—„онѣ, дѣйствительно, страшны для васъ. Поѣдемте со мной: я привяжу вамъ ихъ. Есть Золотая гора; въ ней подъ утесомъ, есть двери".—Они поѣхали всѣ вмѣстѣ къ Золотой горѣ. Сокольчикъ нашелъ золотыя двери подъ утесомъ, открылъ ихъ и пустилъ собакъ въ гору. „Теперь", сказалъ онъ богатырямъ: „пріѣзжайте сюда поочереди и стерегите двери. Какъ бы собаки не процарапали дверей и не вырвались; вѣдь, у нихъ языки мѣдные, а когти желѣзные".—„Гдѣ имъ процарапать двери?" говорятъ богатыри: „Мы можемъ не только камнями завалить входъ; мы можемъ цѣлый утесъ привалить къ дверямъ—и тогда намъ будетъ легко смотрѣть за ними".—Простился съ ними Сокольчикъ и поѣхалъ домой. Богатыри звали его къ себѣ отдохнуть, поѣсть чего нибудь, но онъ сказалъ: „Нѣтъ, мнѣ теперь не до ѣды. Дома никого у меня нѣтъ; сберечь мое добро некому. Пріѣдетъ кто-нибудь и угонитъ всѣхъ людей и скотъ, а взыскать не съ кого. Я доѣду и не поѣвши". Прискакалъ онъ домой черезъ нѣсколько лѣтъ—все у него было благополучно. Онъ пришелъ въ юрту, поѣлъ и легъ спать.

Черезъ нѣсколько лѣтъ Сокольчикъ услыхалъ опять, что собаки вырвались у богатырей. Разсердился онъ, сѣлъ на своего бѣло-голубого коня и поскакалъ скорѣе прежняго. Пріѣхалъ онъ на то мѣсто, гдѣ жилъ Мѣдный богатырь—видитъ, что собаки уже бѣгутъ съ горы. Онъ выхватилъ свое копье и саблю и разомъ отсѣкъ головы всѣмъ пятерымъ собакамъ. „И безъ васъ, говоритъ,—проживу, если Кудай продлитъ мой вѣкъ".

Послѣ того онъ поскакалъ къ Золотой горѣ—и видитъ: ни одного богатырскаго слѣда къ ней не было. Богатыри и не думали ѣздить туда и стеречь собакъ. Собаки процарапали отверстіе въ дверяхъ и убѣжали.

Разсердился Сокольчикъ на богатырей и поскакалъ къ нимъ. А они сидятъ вчетверомъ въ юртѣ, пьютъ себѣ айранъ *). Увидали они Сокольчика, вскочили, кланяются ему—и не знаютъ, что ему сказать. Выхватилъ Сокольчикъ свою саблю и однимъ уда-

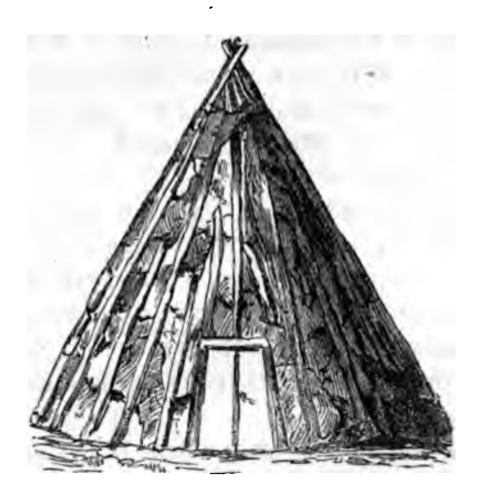
*) Айранъ—хмѣльный напитокъ.

ромъ отсѣкъ имъ головы. „И безъ васъ,—говоритъ,—можно жить на свѣтѣ“.

Послѣ этого онъ поѣхалъ къ себѣ домой. Долго ли, коротко ли онъ ѣхалъ—но доѣхалъ благополучно — и остальнымъ собакамъ отсѣкъ головы. „И безъ васъ,—говоритъ,—я проживу, если Кудай сохранитъ мой вѣкъ“.

И сталъ Сокольчикъ жить и поживать. Отецъ и мать его тоже жили себѣ помаленьку. Народъ и скотъ у него все умножался.

Богатырскія поэмы минусинскихъ татаръ *).



Ю р т а.

*) Этн. Сб. Вып IV. С.-Пб. 1858.

Богатырь Ай-Моко.

Сказка абаканскихъ татаръ.

Жили-были на свѣтѣ братъ и сестра. У нихъ не было ни отца, ни матери. Жили они очень бѣдно: нечего имъ было ѣсть и пить; не во что было одѣться. Они питались только саранами да марьинымъ корнемъ *).

Говоритъ разъ сестрица братцу: „Братецъ, до сихъ поръ я тебя кормила-поила. Я выкопала всѣ сараны и весь марьинъ корень, который росъ вблизи. А далеко я боюсь ходить. Теперь тебѣ уже три года. Корми ты меня. Иди въ горы за дичью; поставь сѣти и силки—можетъ быть, и поймаешь что-нибудь". Мальчикъ пошелъ въ горы, поставилъ сѣти. На слѣдующее утро онъ пошелъ посмотрѣть ихъ. Оказалось, что въ силокъ попалась лисица. Онъ схватилъ дубинку и хотѣлъ убить ее. Но лисица начала просить его: „Не убивай меня, мальчикъ. Мясо мое не вкусно—его не ѣстъ ни одинъ человѣкъ. А мѣхъ мой носятъ на воротникахъ и на шапкахъ только богатые. Надъ тобой будутъ смѣяться люди — скажутъ: самому нечего ѣсть, не во что одѣться, а носитъ лисій мѣхъ". Мальчикъ отвѣчалъ: „У меня есть сестра. Что она скажетъ, то я и сдѣлаю". Онъ пошелъ къ сестрицѣ и разсказалъ ей все. Она сказала: „Лисица права — не зачѣмъ убивать ее". Тогда мальчикъ выпустилъ лису. Въ благодарность лиса сказала ему: „Послушайся моего совѣта: взойдите на эту высокую гору и идите дальше. Пройдете семь дней и увидите большую юрту. Тамъ живетъ ханъ Алтынъ-Эргакъ. Онъ приметъ васъ къ себѣ".

---

*) Саранъ—принадлежитъ къ семейству Лилейныхъ (Lileaceae); его корень—луковица, которая очень вкусна. Ее ѣдятъ въ сыромъ видѣ, вареной и печеной. Марьинъ корень—дикій піонъ (изъ сем. Лютиковыхъ—Ranunculaceae). Его корень также употребляютъ въ пищу.

Сестрица съ братцемъ такъ и сдѣлали. Они пошли на гору, но на полпути сестра остановилась: она такъ ослабла отъ голода, что не могла дальше идти. Мальчикъ пошелъ одинъ, взобрался на гору и видитъ—дѣйствительно, вдали стоитъ большая юрта; много народу живетъ вокругъ, много скота пасется. Онъ спустился опять съ горы за сестрой, взялъ ее за руку и началъ упрашивать идти дальше. Кое-какъ, съ трудомъ, добрели они, наконецъ, до юрты. Народъ, при видѣ ихъ, испугался. „Посмотрите, говорили вокругъ, откуда эти люди? Они истощены отъ голода. Такихъ худыхъ мы еще никогда не видали“.

Дошли они до большой юрты хана Алтынъ-Эргака и еле живые прислонились къ дверямъ. Вышелъ изъ юрты самъ хозяинъ, ханъ Алтынъ-Эргакъ, ввелъ ихъ за руки въ юрту, посадилъ и началъ спрашивать, какъ ихъ зовутъ. Но братецъ съ сестрицей ничего не могли отвѣчать отъ слабости. Хозяинъ, ханъ Алтынъ-Эргакъ, велѣлъ принести молока, влилъ имъ молоко въ ротъ—тогда только они заговорили.

Они все разсказали про себя—какъ они жили одни въ степи, какъ голодали. Алтынъ-Эргакъ сжалился надъ ними и сказалъ: „Останьтесь жить у меня. Вы будете у меня за мѣсто сестрицы и братца“. И устроилъ Алтынъ-Эргакъ большой пиръ всему народу. Надо было дать имя и брату, и сестрѣ, потому что они не знали, какъ ихъ зовутъ. Никто изъ народа не рѣшался дать имъ имя; наконецъ, выступилъ впередъ старикъ и сказалъ: „Пусть мальчикъ зовется Ай-Моко—Мѣсяцъ-богатырь, а сестра его—Алтынъ-Арыгъ—Чистое Золото.

На томъ и порѣшили. И остались Ай-Моко и Алтынъ-Арыгъ жить у хана Алтынъ-Эргака.

Разъ Ай-Моко отпросился у своего старшаго брата на охоту. Алтынъ-Эргакъ далъ ему чуднаго бѣлаго коня. Мальчикъ сѣлъ на коня и поѣхалъ охотиться въ горы. Не нашелъ онъ дичи—всю дичь перестрѣлялъ до него другой богатырь, который тоже ѣздилъ по горамъ. Разсердился Ай-Моко, нагналъ богатыря и крикнулъ ему громкимъ голосомъ: „Что ты стрѣляешь дичь на моей землѣ?“. Обернулся богатырь и говоритъ: „Землю эту создалъ Богъ; подъ стать ли мнѣ, богатырю, у тебя выпрашивать ее?“ Мальчикъ сказалъ ему: „У каждаго оленя свои особыя примѣты, у каждаго человѣка есть имя; скажи же мнѣ, какъ тебя зовутъ.“ Богатырь отвѣчалъ ему: „Зовутъ меня Каргалакъ-ханъ на кроваво-красномъ конѣ. Большихъ богатырей я убиваю въ единоборствѣ, а маленькихъ богатырей убиваю нагайкой“.

Разогналъ Кайгалакъ-ханъ своего кроваво-краснаго коня и наѣхалъ съ нагайкой на Ай-Моко. Схватились богатыри. Три дня боролись они—и началъ одолѣвать Кайгалакъ-ханъ. Вдругъ, откуда ни возьмись—летитъ стрѣла. Она пролетѣла насквозь черезъ Кайгалакъ-хана и вонзилась въ утесъ. Тутъ и испустилъ духъ Кайгалакъ-ханъ.

Изумился Ай-Моко: „Кто бы могъ спустить стрѣлу, чтобы спасти меня? Вѣдь, у меня на свѣтѣ нѣтъ родныхъ“. Подошелъ онъ ближе къ стрѣлѣ и видитъ на ней надпись: „Я, Чесъ-Моко, великій богатырь, спустилъ эту стрѣлу. Не бери ее въ руки: она полетитъ дальше. Къ хану Акырангъ-Тасъ на голубомъ конѣ полетитъ моя стрѣла и вонзится въ косякъ его двери. Когда мнѣ было девять лѣтъ, я боролся съ Акырангъ-Тасомъ, но никто изъ насъ не побѣдилъ, потому что силы у насъ были равны. Когда мнѣ было тридцать лѣтъ, я опять боролся съ нимъ, но силы у насъ опять были равны. Теперь мнѣ семьдесятъ лѣтъ, и я снова ѣду на единоборство съ нимъ. Не уѣзжай домой — скоро ты въ горахъ найдешь своего отца“. Только что Ай - Моко прочелъ эту надпись, стрѣла уже полетѣла дальше. Ай - Моко не вернулся домой, но продолжалъ свою богатырскую поѣздку по горамъ.

Долго ли, коротко ли онъ ѣхалъ—только повстрѣчался ему сѣдой старичекъ, который пасъ большіе табуны. Спросилъ его Ай-Моко, какъ его зовутъ. Старикъ отвѣтилъ: „Меня зовутъ Алтынъ-Айры. А твое имя какъ?“ Тогда мальчикъ все разсказалъ ему, какъ онъ жилъ въ степи съ сестрой и какъ ихъ взялъ къ себѣ ханъ Алтынъ-Эргакъ вмѣсто младшаго брата и младшей сестры и далъ имъ имена. Заплакалъ старикъ и сказалъ: „Сынъ мой, у меня остались въ степи двое дѣтей—мальчикъ и дѣвочка. Взяли меня въ плѣнъ два брата — Алтынъ-Пергень и Кюмюсъ-Пергень и угнали съ собой меня, весь народъ и весь скотъ мой. Теперь они заставляютъ меня пасти мои же табуны. Но дѣтей своихъ я тогда спряталъ. А теперь я ничего про нихъ не знаю. Не слыхалъ ли ты, мальчикъ, чего - нибудь про нихъ?“. Ай-Моко спросилъ его: „А ты могъ бы узнать мальчика?“—„Какъ же? говоритъ старикъ. У него на плечѣ родимое пятно“. Соскочилъ Ай-Моко съ коня, сорвалъ съ себя одежду, показалъ ему на своемъ плечѣ родимое пятно. Вскрикнулъ отъ радости старикъ: „Ай-Моко, ты мой сынъ!“—и заплакали они оба.

Недолго раздумывалъ Ай-Моко; вскочилъ онъ на своего богатырскаго коня и поскакалъ въ юрту къ двумъ братьямъ богатырямъ Алтынъ-Пергень и Кюмюсъ-Пергень. Въ юртѣ у нихъ сидѣлъ

и старый богатырь Чесъ-Моко. Закричалъ двумъ братьямъ Ай-Моко: „Вы угнали къ себѣ моего отца, мой народъ и мой скотъ. Отдайте назадъ все мое добро!“. Но они начали смѣяться надъ нимъ. Сталъ ихъ уговаривать Чесъ-Моко, но они и его не послушались. Тогда Ай-Моко выбѣжалъ изъ юрты съ старшимъ братомъ богатыремъ Алтынъ-Пергень, и начали они бороться. Три дня боролись они; земля подъ ними тряслась. Наконецъ, Ай-Моко бросилъ на землю Алтынъ-Пергеня, да такъ сильно, что онъ тутъ же испустилъ духъ.

Увидалъ это Кюмюсъ-Пергень и бросился на Ай-Моко. Семь дней боролись они—ни одинъ не упалъ. Еще девять дней боролись они—ни одинъ не упалъ. Наконецъ, Ай-Моко схватилъ Кюмюсъ-Пергеня и со всего розмаху бросилъ его на землю. Испустилъ духъ и Кюмюсъ-Пергень.

Взялъ Ай-Моко отца своего, взялъ весь народъ—отцовскій и двухъ братьевъ богатырей и поѣхалъ домой къ хану Алтынъ-Эргаку. А Чесъ-Моко, сѣдой богатырь, пожелавъ ему счастья, поѣхалъ своей дорогой, къ богатырю Акырангъ-Тасу, на единоборство съ нимъ.

Ѣдетъ Чесъ-Моко и тужитъ. Чуетъ его сердце, что смерть его близка. „Нѣтъ у меня сына, думаетъ онъ, который бы поѣхалъ со мной. Нѣтъ у меня брата, который закрылъ бы мнѣ глаза. Черный воронъ выклюетъ теперь у меня мои свѣтлыя очи“. Ѣдетъ Чесъ-Моко и плачетъ. Слезы льются у него изъ глазъ, текутъ по сѣдой бородѣ.

А богатырь Акырангъ-Тасъ уже поджидалъ его. Какъ только пріѣхалъ Чесъ-Моко къ нему, они сейчасъ же начали бороться. Долго продолжался ихъ бой. Наконецъ, Акырангъ-Тасъ бросилъ на землю Чесъ-Моко. Задрожала земля, загремѣло небо—и чистая душа Чесъ-Моко отлетѣла. Акырангъ-Тасъ велѣлъ шестидесяти богатырямъ съ почетомъ взять тѣло Чесъ-Моко и положить на бѣлый войлокъ.

Между тѣмъ Ай-Моко стало жалко, что онъ оставилъ Чесъ-Моко ѣхать одного. Не доѣхавъ до Алтынъ-Эргака, онъ вернулся назадъ и поспѣшилъ за нимъ. Увидавъ, что Чесъ-Моко уже нѣтъ въ живыхъ, онъ сейчасъ же вступилъ въ единоборство съ Акырангъ-Тасомъ. Они боролись долго; наконецъ, Ай-Моко одолѣлъ—и убилъ Акырангъ-Таса.

Послѣ этого Ай-Моко вернулся къ Алтынъ-Эргаку. Ханъ такъ обрадовался ему, что устроилъ народу большой пиръ. Скоро дошелъ до Алтынъ-Эргака и старикъ отецъ Ай-Моко со своимъ

народомъ и стадами. Алтынъ-Эргакъ просилъ ихъ остаться жить съ нимъ, но старикъ отецъ сказалъ: „Хоть и не высока моя гора, но все же у меня есть своя гора; хоть и не глубока моя вода, но у меня есть своя вода“, и онъ перекочевалъ съ сыномъ и дочерью на свое прежнее мѣсто. Жили они въ мирѣ до конца своей жизни.

Radloff: *Aus Sibirien. B. 1.*

Многогранный срубъ (Алтайскіе татары).

БУРЯТЫ.

Вокругъ озера Байкала, въ Забайкальской области и въ Иркутской губ., въ сосѣдствѣ съ русскими и якутами, тунгусами, монголами живутъ буряты. Они принадлежатъ къ монгольскому племени. Лица у нихъ широкія и плоскія, носы небольшіе и приплюснутые, глаза маленькіе и раскосые, борода рѣдкая. Они невысокаго роста и крѣпкаго сложенія. Буряты честны, правдивы (хотя съ чужими и скрытны), кротки и миролюбивы; но они умѣютъ быть злыми и мстительными, если ихъ оскорбятъ.

Главное занятіе бурятъ заключается въ охотѣ и скотоводствѣ. За послѣднее время, однако, они все больше и больше начинаютъ заниматься земледѣліемъ. Сообразно съ родомъ занятій буряты ведутъ или кочевую, или осѣдлую жизнь. Буряты живутъ улусами,—т. е. деревнями. Жилища въ улусахъ далеко стоятъ другъ отъ друга, такъ что улусъ часто тянется на нѣсколько верстъ. Каждая семья строитъ себѣ юрту и вокругъ нея отгораживаетъ какъ можно больше земли. Когда женятся сыновья хозяина юрты, имъ строятъ каждому отдѣльную юрту—въ предѣлахъ отгороженнаго мѣста. Всѣ живущіе въ одной загороди работаютъ вмѣстѣ и сообща владѣютъ скотомъ, пашнями и покосами. Живущіе въ одномъ улусѣ считаются родственниками и обязаны въ случаѣ нужды помогать другъ другу. Юрты (бурятскія юрты осьмигранныя) у кочевниковъ дѣлаются изъ жердей; жерди эти воткнуты въ землю, а концы ихъ сходятся вверху и образуютъ остроконечную крышу, въ которой оставляется отверстіе для дыма. Съ внутренней стороны юрта обтянута войлокомъ. Такая юрта легко разбирается и переносится съ мѣста на мѣсто. Осѣдлые буряты строятъ себѣ такой же формы, но только бревенчатыя

юрты, а иногда и русскія избы. Въ юртахъ огонь разводится на полу, на очагѣ; по стѣнамъ устроены возвышенія, на которыхъ спятъ хозяева жилища. Часто въ юртѣ бурята можно видѣть жерт-

Буряты изъ Забайкалья.

венный столикъ, на который ставятъ изображенія божествъ, жертвенные сосуды и т. д.

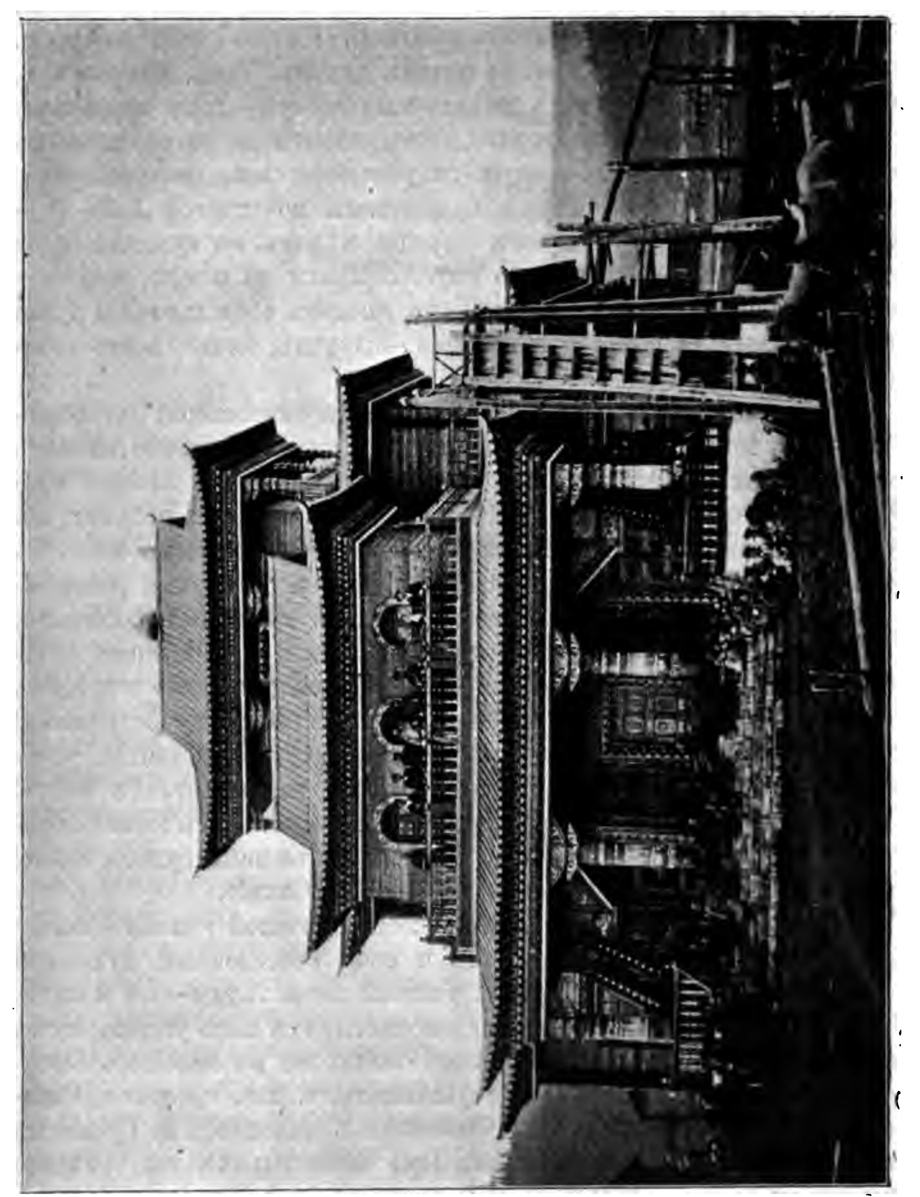
Нижняя одежда бурятъ—рубаха и штаны—заимствованы у русскихъ. Верхняя же одежда у нихъ сохранилась національная: и мужчины, и женщины носятъ такъ называемый терлыкъ—родъ ха-

лата, который стягивается по таліи кожанымъ или тканымъ поясомъ. Женщины украшаютъ свои терлыки цвѣтной оторочкой и красными вставками вшитыми на спинѣ. Иногда мужчины надѣваютъ

Бурятка изъ Забайкалья.

сверхъ халата кофту съ рукавами, а женщины—безрукавку. Шапки бурятъ почти одинаковы у мужчинъ и у женщинъ; онѣ дѣлаются съ острой тульей и съ расширеннымъ кверху околышемъ; сверху къ нимъ пришивается пунцовая шелковая кисточка. Волосы буряты брѣютъ спереди, а сзади заплетаютъ въ косы; бурятки же

носятъ косы, въ которыя иногда вплетаютъ монеты. Головной уборъ состоитъ изъ повязки, шитой жемчугомъ, бусами, кораллами и серебряными бляхами; къ головному убору иногда прикрѣпляются



Дацанъ (кумирни) близъ китайской границы въ Забайкальѣ.

бархатные узенькіе чехлы, въ которые прячутъ косы. Обувью, какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ, служатъ сапоги—высокіе, плисовые или черные юфтевые съ вышитыми узорами.

Сравнительно, очень немного бурятъ крещены въ православную вѣру. Остальные исповѣдуютъ частью древнюю шаманскую вѣру, частью—буддизмъ. По воззрѣніямъ бурятовъ-шаманистовъ весь міръ населенъ духами; посредниками между ними и людьми служатъ шаманы—*бо* (шаманокъ называютъ: *одегонъ* или *утыганъ*). Буряты различаютъ нѣсколько родовъ духовъ. Такъ, напримѣръ, ими очень почитаются такъ называемые *тэнгри*—духи представители различныхъ небесъ (буряты насчитываютъ до 99 различныхъ небесъ, напримѣръ: *Хуху-тэнгри*—голубое небо; *Окторгоинъ-тэнгри*—ночное небо и др.). Главнымъ божествомъ почитается *Ханъ-Тюрмасъ-Тэнгери.* Кромѣ тэнгріевъ буряты вѣрятъ въ существованіе *хатовъ*—духовъ небесныхъ, но спускающихся на землю, *заяновъ*—духовъ-творцовъ и покровителей (въ заяновъ обращаются и души шамановъ послѣ смерти) и *онгоновъ* — духовъ, ближе всего стоящихъ къ людямъ.

Вотъ примѣръ шаманской молитвы, произносимой на общественномъ моленіи: „Сэкъ! Горные духи наши! смотрите на насъ теплѣе; сдѣлайте, чтобы наши начальники смотрѣли на насъ благосклонно; годовалую овечку съ двадцатью восемью ребрами, съ шестнадцатью мозговыми костями мы за это приносимъ вамъ въ жертву. За это дайте, духи наши, скота съ большими развилистыми рогами, безошибочно дайте скота съ крупными копытами. Лошадей нашихъ сдѣлайте неспотыкающимися. О, хозяева (подразумѣваются духи) бушующихъ рѣкъ! О, хозяева бурно текущихъ рѣкъ! О, хозяева мысовыхъ рѣкъ! О, вы, дѣлающіе ручьи рѣками! О, вы, дѣлающіе скотъ жирнымъ! О, вы, утуги (пастбища, удобряемыя навозомъ) наши растящіе! О, вы, юртъ нашихъ опора! О, вы, мысовъ нашихъ и родины нашей счастье! Всѣ вмѣстѣ благоволите принять нашу жертву. Пусть счастье наше будетъ полно! Ковшъ нашъ пусть не виляетъ черенкомъ! Сэкъ!“.

Буряты буддисты признаютъ своей духовной главой—далайламу тибетскаго; но у нихъ есть и свой собственный духовный руководитель—*хамбо лама,* т. е. ученый лама. Ламы—это монахи. Большинство изъ нихъ живетъ въ монастыряхъ подъ управленіемъ настоятеля—*ширетуя.* Кромѣ ламъ-монаховъ въ каждомъ монастырѣ живетъ еще много послушниковъ, т. наз. *хувараки.* Главный буддійскій монастырь въ Забайкальѣ находится на Гусиномъ островѣ, близъ г. Селенгинска. При монастыряхъ обыкновенно построены *дацаны*—кумирни, наполненныя буддійскими изображеніями боговъ, статуями и картинами.

Агу-ногонъ-абаха.

Бурятская сказка.

Въ прежнее счастливое время жили были братъ и сестра. Брата звали Гарьюлай-моргонъ, а сестру — Агу-ногонъ-абаха. Они жили очень счастливо и богато; у нихъ былъ красивый четыреугольный дворецъ вышиной до неба; ихъ многочисленныя стада *) паслись на вѣчно зеленѣющихъ неистощимыхъ пастбищахъ, и богатство ихъ увеличивалось съ каждымъ днемъ.

Однажды Гарьюлай-моргонъ говоритъ своей сестрѣ: „Надоѣло мнѣ ѣсть мясо домашнихъ животныхъ и захотѣлось поѣсть мяса дикихъ звѣрей. Поѣду на охоту!“ Онъ затрубилъ въ рогъ, призывая своего тоненькаго рыжаго коня. Услыхавъ зовъ хозяина, тоненькій рыжій конь прибѣжалъ, остановился около серебрянаго столба, къ которому привязываютъ поводья, и заржалъ серебристо-звонкимъ голосомъ, вызывая хозяина. Гарьюлай-моргонъ вышелъ изъ дворца, вынесъ серебряную узду, поймалъ ею тоненькаго рыжаго коня и привязалъ его за красныя шелковыя поводья къ серебряному столбу. Потомъ вынесъ изъ дворца шелковый потникъ и серебряное сѣдло и осѣдлалъ своего коня. Послѣ этого онъ опять пошелъ во дворецъ, чтобы одѣться. Онъ надѣлъ на себя колчанъ изъ чистаго серебра, взялъ лукъ и стрѣлы и сказалъ: „Я совершенно готовъ!“ Тогда сестра его Агу-ногонъ-абаха поставила столъ, а на него вкусныя кушанья. Гарьюлай-моргонъ наѣлся до-сыта, распростился съ сестрой и вышелъ къ своему коню. Быстрыми шагами подошелъ онъ къ серебряному столбу,

*) Прежде, когда буряты занимались почти исключительно скотоводствомъ, они владѣли огромными стадами. Бывали богачи, у которыхъ было по нѣскольку тысячъ головъ скота. Теперь среди бурятъ почти нѣтъ такихъ богачей.

отвязалъ красныя шелковыя поводья, вскочилъ на коня и уѣхалъ охотиться въ горы.

Два дня онъ ѣздилъ и не встрѣтилъ ни одного звѣря. На третій день ему попался навстрѣчу огромный семиголовый мангатхай *). Мангатхай спросилъ его: „Кто это сзади тебя? Твоя душа или душа твоего коня?“ Гарьюлай-моргонъ оглянулся, а мангатхай тотчасъ взялъ и проглотилъ его; остались только одежда его, колчанъ со стрѣлами да лукъ. Тогда тоненькій рыжій конь Гарьюлай-моргона поспѣшно схватилъ его одежду, колчанъ и лукъ— и пустился бѣжать. Мангатхай погнался за нимъ, но не могъ догнать.

Прибѣжавъ домой, конь заржалъ серебристо-тонкимъ голосомъ, вызывая дѣвицу Агу-ногонъ-абаха. Она услыхала его, выбѣжала къ нему на улицу и начала разспрашивать, что случилось съ братомъ. Тоненькій рыжій конь разсказалъ ей все. Агу-ногонъ-абаха ушла во дворецъ и долго плакала тамъ. Потомъ она переодѣлась въ одежду брата, опоясалась его ремнемъ съ колчаномъ, стрѣлами и лукомъ, сѣла на тоненькаго рыжаго коня и поѣхала въ горы отыскивать мангатхая.

Мангатхай все еще ѣздилъ въ горахъ и охотился тамъ на звѣрей. Встрѣтившись съ нимъ, Агу-ногонъ-абаха крикнула ему: „Кто это сзади тебя, посмотри! Твоя ли душа или душа твоего коня?“ Мангатхай оглянулся, а она взяла поскорѣе стрѣлу изъ серебрянаго колчана и пустила ее въ мангатхая. Онъ тотчасъ же упалъ съ лошади и умеръ. Конь его хотѣлъ убѣжать, но она схватила его за поводья и удержала. Тогда тоненькій рыжій конь ея сказалъ ей: „Разрѣжь большой палецъ правой руки у мангатхая — ты тамъ найдешь кости твоего брата“. Агу-ногонъ-абаха дала своему коню поводья лошади мангатхая, чтобы онъ держалъ ихъ въ своихъ зубахъ, а сама разрѣзала большой палецъ на правой рукѣ чудовища. Тамъ она нашла кости Гарьюлай - моргона. Она завернула ихъ въ черный шелковый платокъ, потомъ убила коня мангатхая и сожгла мангатхая и его коня на кострѣ, а пепелъ развѣяла по сторонамъ, чтобы они не воскресли и не дѣлали больше зла людямъ.

Послѣ этого Агу-ногонъ-абаха поѣхала домой. Тутъ она положила кости брата на столъ, а сама опять уѣхала. Она начерпала

---

*) Этимъ именемъ буряты называютъ миѳическихъ чудовищъ громадныхъ и прожорливыхъ, съ нѣсколькими головами (отъ 7 до 58 и т. д.), которыя проглатываютъ людей и даже цѣлыя царства.

воды изъ трехъ ключей, въ десяти тайгахъ нарвала вереску, а въ шестидесяти тайгахъ набрала пихтовой коры *). Верескъ и пихтовую кору она положила въ воду изъ трехъ ключей и этой водою она, вернувшись къ себѣ, обмыла кости брата. Потомъ она съѣздила въ то мѣсто, гдѣ паслись ея многочисленные табуны. Тамъ она поймала кобылицу съ золотисто-желтой шерстью. Она привела ее домой, взяла кости своего брата, обернутыя въ четырехцвѣтный шелкъ, и поѣхала къ горѣ Ангай **), ведя за собой кобылицу. Подъѣхавъ къ горѣ Ангай, она принесла ей въ жертву золотисто-желтую кобылицу ***) и начала молить гору, чтобы она раскрылась и приняла кости Гарьюлай-моргона. Гора приняла жертву и раскрылась. Агу-ногонъ-абаха положила въ нее кости брата—и гора закрылась снова. Агу-ногонъ-абаха вернулась домой, отпустила тоненькаго рыжаго коня и начала оплакивать Гарьюлай-моргона. „Осталась я одна! рыдаетъ Агу-ногонъ-абаха. Нѣтъ у меня единственнаго моего брата; некому теперь защитить меня отъ враговъ! Теперь всякій прохожій можетъ меня обидѣть и похитить мои стада! Или поклюютъ ихъ сорока и ворона!“.

Долго плакала она, наконецъ, надумала ѣхать, въ опасный путь. Она слышала, что есть у Эсэгэ-малана ****) три дочери, которыя могутъ воскрешать мертвыхъ. Она рѣшилась обманомъ высватать за себя трехъ дочерей Эсэгэ-малана *****).

Агу-ногонъ-абаха вышла на улицу и затрубила въ рогъ. На этотъ зовъ прибѣжалъ тоненькій рыжій конь и остановился у серебрянаго столба. Агу-ногонъ-абаха взнуздала его серебряной уздой, осѣдлала его серебрянымъ сѣдломъ и привязала къ серебряному столбу за красныя шелковыя поводья. Потомъ она вошла во дво-

---

*) Пихта и верескъ, а также и богородская трава употребляются обыкновенно у бурятъ во время священнодѣйствій шамана; ихъ бросаютъ на огонь для куренія.

**) У бурятъ очень распространено поклоненіе горамъ, къ которымъ они относятся не какъ къ неодушевленнымъ предметамъ, но какъ къ существамъ живымъ и обладающимъ всѣми человѣческими чертами.

***) Въ прежнее время буряты сжигали своихъ покойниковъ; теперь, подъ вліяніемъ сосѣдей своихъ—русскихъ, ихъ хоронятъ. Особенно почитаемыхъ людей, какъ, напримѣръ, шамановъ, клали въ гробъ, а гробъ устанавливали на деревьяхъ. Лошадь, на которой привозили покойника, обыкновенно закалывали на мѣстѣ сожженія или погребенія.

****) Эсэгэ-маланъ—одно изъ небесныхъ божествъ у бурятъ.

*****) Многоженство дозволено у бурятъ; впрочемъ, оно встрѣчается довольно рѣдко, такъ какъ для того, чтобы жениться, нужно внести большой калымъ за жену, а не всякій въ силахъ заплатить два или больше калыма.

рецъ, одѣлась въ лучшія одежды Гарьюлай-моргона, а сверху надѣла на себя черные желѣзные доспѣхи, которые надѣвалъ ея братъ во время в йны, опоясалась ремнемъ съ серебрянымъ колчаномъ, взяла лукъ, стрѣлы, серебряную трубку и кисетъ — и стала совершенно похожа на Гарьюлай - моргона; никто бы не сказалъ, что это дѣвушка, а не мужчина. Вышла она на улицу, сѣла на коня и поѣхала—и стало сердце у нея, какъ кремень, передъ опасностью.

Долго ли, коротко ли она ѣхала—вдругъ видитъ: сидитъ женщина, варитъ чай*) и переливаетъ его изъ одного котла въ другой. Тоненькій рыжій конь говоритъ Агу-ногонъ-абаха: „Женщина эта будетъ тебя угощать чаемъ, но ты не пей: иначе она отравитъ тебя!“ Они подъѣхали къ женщинѣ, и та, дѣйствительно, начала угощать Агу-ногонъ-абаха чаемъ: „Ты ѣдешь, говоритъ она, въ далекую, неизвѣстную сторону, гдѣ будешь терпѣть голодъ; выпей хоть одну чашку чаю“. Агу-ногонъ-абаха взяла чашку, но не выпила чай, а выплеснула его на женщину. Та тотчасъ же умерла. Агу-ногонъ-абаха поѣхала дальше и видитъ вдругъ, медвѣдь раскапываетъ муравейникъ. Конь говоритъ ей: „Неужели мы будемъ объѣзжать его? Лучше возьми его за уши и отбрось въ сторону!“ Она такъ и сдѣлала: она такъ сильно бросила медвѣдя въ сторону, что онъ сразу умеръ. Ѣдутъ они дальше и слышатъ вдругъ, за ними гонится кто-то. Агу-ногонъ-абаха обернулась и увидала, что ихъ догоняетъ муравьиный царь. Она остановила коня и подождала его. Муравьиный царь догналъ ее, началъ ее благодарить и говоритъ: „Ты побѣдила моего злѣйшаго врага, который поѣдалъ моихъ подданныхъ и разорялъ ихъ города. Если будетъ у тебя какая-нибудь опасность или затрудненіе, позови меня, и я тебѣ помогу“. Сказавъ это, онъ повернулъ назадъ, а Агу-ногонъ-абаха поѣхала дальше.

Скоро она подъѣхала къ высокой горѣ, вершина которой была выше облаковъ. У подошвы горы лежало множество человѣческихъ и конскихъ костей. Она соскочила на землю и начала сравнивать эти кости со своими и съ костями своего коня. Всѣ онѣ оказались длиннѣе и шире. Тогда она горько заплакала и сказала: „Здѣсь умирали люди, которые были больше и сильнѣе меня. Придется и мнѣ умереть тутъ, должно быть, и оставить здѣсь мои кости“. Тоненькій рыжій конь говоритъ ей: „Я попробую вскочить на верши-

---

*) Буряты варятъ кирпичный чай въ котлахъ. подправляя его мукой и масломъ.

ну этой горы. Ты только сумѣй удержаться на мнѣ и не упади“. Они отъѣхали назадъ на разстояніе трехдневнаго пути и побѣжали. Конь скакнулъ и поднялся на вершину горы.

Здѣсь, наверху, они нашли ключъ съ живой водой. Агу-ногонъ-абаха сошла съ коня, напилась живой воды и стала въ три раза сильнѣе и красивѣе прежняго. Она напоила коня, и онъ сдѣлался въ три раза сильнѣе и быстрѣе на бѣгу. Затѣмъ она взяла живой воды и брызнула ею внизъ подъ гору, гдѣ лежали кости. Тогда люди и кони ожили. Они начали громко благодарить Агу-ногонъ-абаха и съ крикомъ и шумомъ уѣхали въ разныя стороны, по домамъ.

Набравъ живой воды, Агу-ногонъ-абаха поѣхала дальше и на дорогѣ увидала трехъ умиравшихъ отъ голода и усталости юношей. Она брызнула на нихъ живой водой, и юноши тотчасъ почувствовали себя сильными и бодрыми. Они начали благодарить ее и сказали: „Когда будетъ тебѣ нужна наша помощь, позови насъ, трехъ сильныхъ юношей—и мы поможемъ тебѣ, хоть видимо, хоть невидимо“.

Агу-ногонъ-абаха поѣхала дальше и видитъ—на дорогѣ лежитъ умирающая желтая собака. Она спросила ее, отчего она умираетъ, и собака отвѣчала: „Когда я шла сюда, на дорогѣ сидѣла женщина, которая варила чай и переливала его изъ одного котла въ другой. Она мнѣ дала выпить чаю, и я отравилась“. Агу-ногонъ-абаха брызнула на нее живой водой; собака выздоровѣла и съ благодарностью сказала ей; „Когда тебѣ нужна будетъ моя помощь, крикни: Гунирь-шара-нохой! я сейчасъ же прибѣгу и помогу тебѣ—хоть видимо, хоть невидимо!“.

Поѣхала Агу-ногонъ-абаха дальше и послѣ долгаго и утомительнаго переѣзда, наконецъ, пріѣхала къ высокому дворцу Эсэгэ-малана. Она привязала коня за красныя шелковыя поводья къ серебряному столбу, у котораго стояли уже привязанными двѣ лошади, и вошла во дворецъ. Поздоровавшись съ Эсэгэ-маланомъ, она объявила, что пріѣхала сватать его дочерей. У хозяина въ это время уже сидѣли двое юношей, которые тоже пріѣхали за его дочерьми. Эсэгэ-маланъ спросилъ Агу-ногонъ-абаха, какъ ее зовутъ и съ какой она стороны. Она отвѣчала, что пріѣхала съ сѣверной стороны, а зовутъ ее Гарьюлай-моргономъ. Эсэгэ-маланъ угостилъ всѣхъ трехъ жениховъ, и они остались у него ночевать въ ожиданіи, кого изъ нихъ онъ выберетъ себѣ въ зятья.

Вотъ на утро Эсэгэ-маланъ и говоритъ женихамъ: „Надо позабавиться и попробовать, кто изъ васъ сильнѣе, за того и выдамъ

своихъ дочерей“ *). Женихи вышли на улицу и начали бороться. Испугалась Агу-ногонъ-абаха: боялась она бороться, чтобы во время борьбы не узнали какъ-нибудь, что она женщина. А тоненькій рыжій конь говоритъ ей: „Позови на помощь одного изъ трехъ сильныхъ юношей“. Она такъ и сдѣлала. Тотчасъ невидимо явились юноши и помогли ей побѣдить въ борьбѣ. Тогда Эсэгэ-маланъ рѣшилъ, что ей отдастъ своихъ дочерей. Но раньше онъ захотѣлъ посовѣтоваться съ шаманкой **). Шаманка погадала и говоритъ: „Ты по ошибкѣ хочешь отдать своихъ дочерей не мужчинѣ, но женщинѣ“. Удивился Эсэгэ-маланъ и захотѣлъ испытать Агу-ногонъ-абаха. Онъ велѣлъ женихамъ стрѣлять въ цѣль. Снова Агу-ногонъ-абаха призвала на помощь юношей, и они помогли ей невидимо. Она выстрѣлила и попала, а двое другихъ жениховъ промахнулись. Потомъ Эсэгэ-маланъ устроилъ бѣгъ. „Если это женщина, а не мужчина, подумалъ онъ, ея конь придетъ послѣднимъ“. Агу-ногонъ-абаха пошла къ тоненькому рыжему коню и говоритъ: „Что мы теперь будемъ дѣлать?“ Онъ сказалъ ей: „Призови желтую собаку Гунир-шара; она мнѣ невидимо поможетъ: будетъ мѣшать другимъ конямъ бѣжать“. Собака Гунир-шара явилась на зовъ и дѣйствительно помогла тоненькому рыжему коню выбѣжать первымъ. Тогда всѣ начали говорить: „Гарьюлай-моргонъ мужчина, а не женщина“. Но шаманка снова погадала и говоритъ: „Это женщина, а не мужчина“. Эсэгэ-маланъ рѣшилъ сдѣлать новое испытаніе. Онъ сказалъ: „У меня есть три амбара; въ каждомъ изъ нихъ сидитъ по медвѣдю. Запремъ всѣхъ трехъ жениховъ въ эти амбары. Если Гарьюлай-моргонъ женщина, то, конечно, медвѣдь задавитъ ее“. Посадили всѣхъ трехъ жениховъ въ амбары съ медвѣдями. Агу-ногонъ-абаха призвала на помощь третьяго изъ трехъ сильныхъ юношей. Онъ тотчасъ явился, поднялъ уголъ сарая и сунулъ подъ него медвѣдя, который тутъ же и умеръ. Агу-ногонъ-абаха вышла изъ амбара невредимой, а двухъ другихъ жениховъ вынули мертвыми. Тогда старшая дочь Эсэгэ-малана плюнула на нихъ и пе-

---

*) Любимыми удовольствіями бурятъ служатъ борьба, стрѣльба изъ лука и конскіе бѣга. Старики сидятъ обыкновенно на войлокахъ и пьютъ араку (водку); молодые же стараются отличиться передъ ними и передъ дѣвушками.

**) Шаманы у бурятъ, такъ же, какъ и у другихъ народовъ, не составляютъ отдѣльнаго сословія, потому что шаманомъ можетъ сдѣлаться не всякій, но только тотъ, кто избранъ на это служеніе духами. Чаще всего способность къ шаманству переходитъ по наслѣдству. Вотъ почему не одни только мужчины могутъ сдѣлаться шаманами, но и женщины. Среди бурятъ сохраняется память о многихъ знаменитыхъ шаманкахъ.

решагнула черезъ нихъ; средняя дочь плюнула и перешагнула; младшая плюнула и перешагнула—и оба жениха воскресли. А шаманка все твердитъ свое: „Эсэгэ-маланъ хочетъ выдать дочерей своихъ за женщину“.

Придумалъ Эсэгэ-маланъ еще новое испытаніе. Онъ далъ женихамъ по посудинѣ, въ которыхъ было смѣшано красное и бѣлое просо, и сказалъ: „Раздѣлите бѣлое и красное просо такъ, чтобъ въ одной кучкѣ было одно бѣлое, а въ другой одно красное просо“. Тоненькій рыжій конь сказалъ Агу-ногонъ-абаха: „Позови на помощь муравьинаго царя, онъ поможетъ тебѣ“. Выслушавъ совѣтъ, Агу-ногонъ-абаха пошла во дворецъ и сѣла рядомъ съ женихами. Эсэгэ-маланъ велѣлъ принести три посудины съ смѣшаннымъ просомъ и поставить передъ ними. Тогда Агу-ногонъ-абаха позвала на помощь муравьинаго царя. Онъ тотчасъ явился съ множествомъ муравьевъ, и они невидимо раздѣлили все ея просо на двѣ кучки. А двое другихъ жениховъ не могли раздѣлить просо и уѣхали домой.

Тогда Эсэгэ-маланъ рѣшилъ отдать своихъ дочерей Агу-ногонъ-абаха. Дочери согласились. Отецъ предложилъ имъ взять съ собой половину его имущества; но онѣ попросили у него только одинъ серебряный ковшикъ, съ помощью котораго можно было достать какое угодно кушанье и напитки.

Сыграли свадьбу. Долго и много пировали, — еле на девятый день разъѣхались гости. Стала и Агу-ногонъ-абаха собираться домой. „Я давно выѣхалъ изъ дому, говоритъ она Эсэгэ-малану; не знаю, что тамъ дѣлается: не угналъ ли кто мой скотъ. Кто имѣетъ родину, тотъ долженъ торопиться къ родинѣ; кто имѣетъ домъ, тотъ заботится о домашнихъ“. Эсэгэ-маланъ три дня провожалъ зятя и дочерей; потомъ распростился съ ними и уѣхалъ домой.

Агу-ногонъ-абаха продолжаетъ путь свой съ тремя своими женами. Днемъ онѣ ѣдутъ впередъ, а вечеромъ останавливаются ночевать. Дочери Эсэгэ-малана при помощи серебрянаго ковша приготовятъ вкусное кушанье; онѣ поѣдятъ и улягутся спать.

Дочери Эсэгэ-малана начали говорить между собой: „Давайте, испытаемте еще разъ Гарьюлай-моргона. Положемте ему на грудь огонь, когда онъ будетъ спать. Если это женщина, она вскрикнетъ отъ боли; если же мужчина, то онъ сброситъ огонь и снова заснетъ“. Онѣ положили огонь на грудь Агу-ногонъ-абаха; но она только сбросила его и опять заснула. Тогда дочери Эсэгэ-малана говорятъ: „Онъ мужчина, а не женщина. Но отчего у него голосъ похожъ на женскій?“.

На другую ночь онѣ снова рѣшились испытать мужа. Онѣ поймали змѣю и положили ее на шею Агу-ногонъ-абаха. Но она только сбросила ее съ себя и снова заснула. „Это мужчина, а не женщина“, сказали дочери Эсэгэ-малана.

Доѣхали онѣ такимъ образомъ до живой воды, сами напились и коней своихъ напоили—и стали онѣ красивѣе прежняго, а кони ихъ сильнѣе и быстрѣе. Съ большимъ трудомъ спустились онѣ съ высокой, крутой горы и поѣхали дальше.

Агу-ногонъ-абаха говоритъ тутъ тремъ дочерямъ Эсэгэ-малана: „Я поѣду впередъ, чтобы домъ привести въ порядокъ и встрѣтить васъ. А вы поѣзжайте по моимъ слѣдамъ. Гдѣ я сдѣлаю кругъ, тамъ ночуйте; гдѣ сдѣлаю черточку по дорогѣ, тамъ проѣзжайте по этой черточкѣ“. Агу-ногонъ-абаха уѣхала домой впередъ. Дворецъ ея стоялъ благополучно на прежнемъ мѣстѣ. Она тотчасъ же поскакала къ своимъ многочисленнымъ табунамъ, поймала совершенно бѣлую кобылу и, ведя ее за собой, поѣхала къ горѣ Ангай. Она принесла бѣлую кобылу въ жертву горѣ Ангай и просила ее раскрыться, чтобы ей можно было взять кости своего брата Гарьюлай-моргона. Гора раскрылась; Агу-ногонъ-абаха взяла кости своего брата, и гора закрылась снова. Агу-ногонъ-абаха вернулась домой, привязала тоненькаго рыжаго коня къ серебряному столбу и сняла съ него сѣдло и потникъ. Сѣдло и потникъ она положила во дворцѣ, по правую сторону очага: шелковый потникъ она постелила, а серебряное сѣдло поставила въ изголовье—и на эту постель она положила кости Гарьюлай-моргона.

Потомъ она взяла и написала на бумагѣ все, что она сдѣлала. Эту бумагу она привязала къ гривѣ тоненькаго рыжаго коня, а сама убѣжала въ лѣсъ, чтобы скрыться отъ гнѣва дочерей Эсэгэ-малана. Она обратилась въ зайца, чтобы прятаться въ дуплахъ.

Пріѣхали три дочери Эсэгэ-малана ко дворцу Гарьюлай-моргона и ждутъ, скоро ли выйдетъ встрѣчать ихъ мужъ. Долго ждали онѣ напрасно—и наконецъ, рѣшили войти во дворецъ. Видятъ онѣ: на правой сторонѣ очага лежатъ человѣческія кости—и ни души во всемъ дворцѣ нѣтъ. Три дочери Эсэгэ-малана говорятъ: „Насъ обманула хитрая женщина и привезла къ умершему человѣку, кости котораго лежатъ тутъ, возлѣ очага“. Тогда двѣ старшія дочери сказали: „Поѣдемте домой! Что мы будемъ тутъ дѣлать?“ А младшая говоритъ: „Какъ мы поѣдемъ домой изъ такой далекой страны? Что скажемъ родителямъ? Не лучше ли намъ воскресить этого человѣка, разъ мы можемъ воскрешать мертвыхъ? Воскресимъ и увидимъ тогда, что намъ дѣлать“.

Тогда старшая сестра три раза перешагнула черезъ кости Гарьюлай-моргона и три раза ударила его чернымъ шелковымъ платкомъ. Кости соединились между собой и покрылись жилами. Потомъ средняя сестра сдѣлала тоже—Гарьюлай-моргонъ сдѣлался какъ спящій человѣкъ. Три дочери Эсэгэ-малана залюбовались на его красоту. Тогда младшая сестра три раза перешагнула черезъ него и три раза ударила его чернымъ шелковымъ платкомъ. Гарьюлай-моргонъ ожилъ и приподнялся. Поглаживая волосы, онъ сказалъ: „Какъ я долго и крѣпко спалъ!“ Потомъ онъ всталъ, поздоровался съ сестрами и спросилъ ихъ, откуда онѣ и какъ ихъ зовутъ. Онѣ и говорятъ ему: „Мы три дочери Эсэгэ-малана и недавно пріѣхали. Ты былъ мертвый, и мы оживили тебя“. Но онъ не повѣрилъ имъ. Онъ вышелъ изъ дворца и видитъ, у столба стоитъ его конь. Тоненькій рыжій конь, увидѣвъ своего хозяина, заржалъ тонкимъ серебристымъ голосомъ. Гарьюлай-моргонъ подошелъ къ нему, началъ его гладить — и вдругъ нашелъ въ гривѣ привязанную къ ней бумагу. Онъ прочелъ ее и узналъ все, что сдѣлала Агу-ногонъ-абаха. Онъ спросилъ своего коня: „Гдѣ моя сестра, Агу-ногонъ-абаха?“ Тоненькій рыжій конь отвѣтилъ: „Твоя сестра обратилась въ зайца и убѣжала въ лѣсъ, чтобы спрятаться отъ дочерей Эсэгэ-малана“. Гарьюлай-моргонъ говоритъ: „Поѣдемъ поскорѣе отыскивать Агу-ногонъ-абаха“.—„Подожди немного, говоритъ конь. Поживи три дня съ дочерьми Эсэгэ-малана—иначе онѣ могутъ обидиться и вернуться домой. Черезъ три дня поѣдемъ отыскивать твою сестру. Теперь я очень усталъ, и сестра твоя спряталась очень далеко“.

Три дня прожилъ Гарьюлай-моргонъ съ дочерьми Эсэгэ-малана, а тоненькій рыжій конь отдыхалъ на волѣ. На четвертый день они отправились искать Агу-ногонъ-абаха. Они проѣздили цѣлый день —и не нашли ее. Грустнымъ вернулся домой Гарьюлай-моргонъ; дочери Эсэгэ-малана стали его разспрашивать; онъ отвѣчалъ имъ, что ѣздилъ на охоту и ничего не поймалъ. На другой день онъ снова поѣхалъ въ лѣсъ. Опять ѣздилъ онъ цѣлый день — и не нашелъ Агу - ногонъ - абаха. Грустнымъ вернулся онъ домой, а на разспросы дочерей Эсэгэ - малана отвѣчалъ, что снова не нашелъ дичи.

На третій день Гарьюлай-моргонъ рано утромъ выѣхалъ въ лѣсъ. Вдругъ видитъ онъ, подъ деревомъ лежитъ зайчикъ и, лежа, дремлетъ. Тоненькій рыжій конь говоритъ: „Эта сестра твоя Агу-ногонъ-абаха“. Гарьюлай-моргонъ слѣзъ съ коня, подкрался къ зайчику и схватилъ его. Зайчикъ сначала вырывался у него изъ рукъ;

наконецъ, обернулся въ дѣвицу Агу-ногонъ-абаха. Долго разговаривали братъ съ сестрой; все разсказала Агу-ногонъ-абаха.

Ѣхать домой она не соглашалась, потому что боялась трехъ дочерей Эсэгэ-малана; но Гарьюлай-моргонъ уговорилъ ее. Когда они вернулись во дворецъ, дочери Эсэгэ-малана тотчасъ узнали Агу-ногонъ-абаха и сказали: „Правду говорила шаманка, что отецъ нашъ выдаетъ насъ за женщину“. Узнавъ все, какъ было, онѣ помирились съ Агу-ногонъ-абаха. Гарьюлай-моргонъ женился на трехъ дочеряхъ Эсэгэ-малана, а для сестры выстроилъ новый дворецъ, рядомъ со своимъ. Три молодыя жены его подарили Агу-ногонъ-абаха серебряный ковшикъ, съ помощью котораго можно было изготовить какое угодно кушанье. И зажили они всѣ мирно и счастливо.

Хангаловъ: *Бурятскія сказки и повѣрья* *).

*) Зап. Вост.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О. Отд. Этн. Т. I, вып. I.

ЯКУТЫ.

Якуты живутъ на сѣверо-востокѣ Сибири, по среднему и нижнему теченію рѣки Лены и ея притокамъ, по побережью Ледовитаго Океана, а также и кое-гдѣ по Енисею въ Туруханскомъ краѣ. Общее число ихъ немногимъ больше 200 тысячъ душъ. Они принадлежатъ къ тюркскому племени. Якуты по большей части средняго роста; глаза у нихъ малые, узкіе, черные или каріе; носы широкіе и сплюснутые; волосы черные и жесткіе. Мужчины стригутъ волосы, но иногда оставляютъ небольшія косы на затылкѣ; бороду же они выщипываютъ щипцами. У женщинъ—волосы длинные, заплетенные въ косы. Якуты мстительны, скрытны и необходительны, хитры и ловки; въ то же время имъ нельзя отказать и въ гостепріимствѣ. Способность къ разнаго рода мастерствамъ проявляется въ искусной выдѣлкѣ ножей и ковровъ, работахъ изъ мамонтовой кости и т. п. Главныя занятія якутовъ заключаются въ скотоводствѣ (у нихъ большія стада

Якутка-дѣвушка.

Якутка.

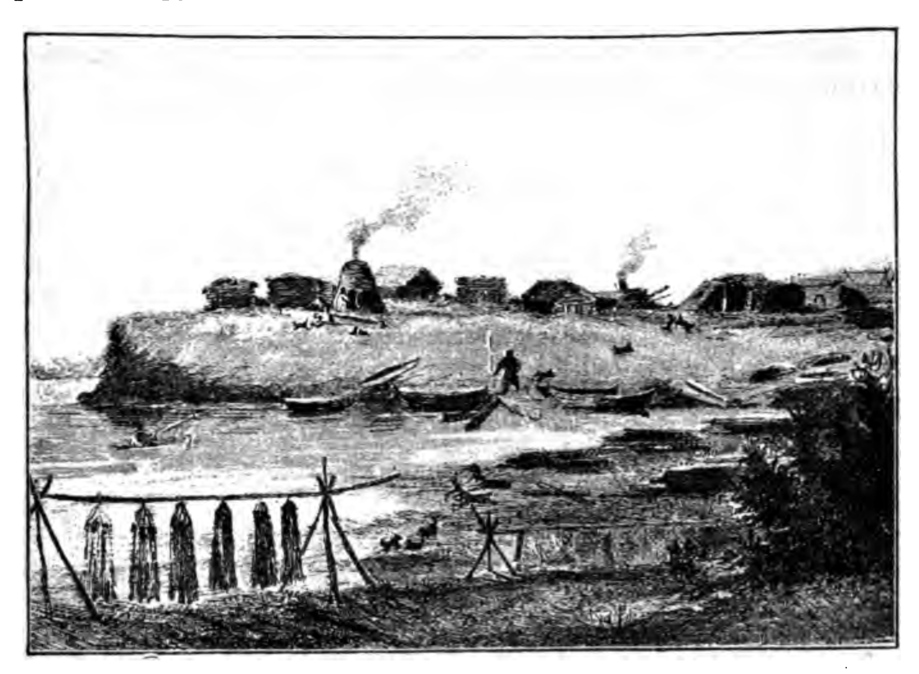
рогатаго скота и табуны лошадей *), а также и въ рыбной ловлѣ и въ звѣриномъ промыслѣ. Часть ихъ переходитъ къ земледѣлію.

Лѣтомъ якуты живутъ въ т. наз. *уросахъ*. Это—коническіе шатры, построенные изъ жердей и обтянутые вываренной берестой. Зимнее же жилище ихъ—юрта—имѣетъ форму срѣзанной четырехгранной пирамиды; она строится изъ тонкихъ бревенъ и покрывается снаружи толстымъ слоемъ травы, глины и дерна. Окна — небольшія отверстія — затягиваются или рыбьимъ пузыремъ или закрываются льдиной. Вдоль стѣнъ устраиваютъ широкія лавки; онѣ служатъ также и кроватями. Посреди юрты ставится чувалъ; это—родъ камина, въ которомъ постоянно поддерживается огонь.

Національная одежда якутовъ и якутокъ почти одинакова. Они носятъ нижнее платье изъ замши — очень короткое, и узкіе кожаные штаны, доходящіе до пятъ. На ноги надѣваютъ обувь, называемую торбасами, изъ оленьей или лошадиной кожи.

*) Якутскія лошади въ высшей степени выносливы. Онѣ остаются на воздухѣ при сильнѣйшихъ морозахъ; кормятся зимою, разрывая снѣгъ копытами и добывая изъ-подъ него высохшую и мерзлую траву. Служатъ около 30 л. Лошадь употребляется якутами для верховой ѣзды, а также при дальнихъ переѣздахъ.

Обувь эта перевязывается ремнями подъ колѣномъ и выше лодыжки. Верхнее платье походитъ на охабни; оно застегивается въ одинъ или въ два ряда гладкими мѣдными пуговицами. На головахъ мужчины и женщины носятъ одинаковыя мѣховыя шапки съ широкими отводами на затылкѣ и на ушахъ; только у женщинъ верхъ шапокъ вышивается серебромъ. Якутки носятъ большія серебряныя или мѣдныя серьги, а также и серебряныя ожерелья и зарукавья. Въ праздники онѣ надѣваютъ подъ шапку



Якутское селеніе Усть-Янскъ.

повязку, отъ которой по спинѣ или по груди идутъ два ремня, покрытые серебряными пластинками. Серебряные же узоры съ бисеромъ украшаютъ торбасы; вмѣсто шелковыхъ кушаковъ, нѣкоторые имѣютъ серебряные пояса. Охабни дѣлаютъ изъ толстаго бѣлаго сукна съ красными суконными или черными плисовыми прошивами на полахъ и на подолахъ, на рукавахъ и воротникахъ; иногда ихъ дѣлаютъ темнозеленаго или синяго цвѣта и подбиваютъ мѣхомъ. Охабни шьютъ длиною немного ниже колѣнъ; сзади дѣлаютъ прорѣзъ почти до пояса, чтобы удобнѣе было ѣздить верхомъ; рукава очень широкіе у плечъ и узкіе у кисти. Зимой сверхъ шубы и зипуна надѣваютъ еще другую шубу, сшитую изъ шкуръ сурка шерстью вверхъ: на шею надѣваютъ галс-

туки изъ бѣличьихъ хвостовъ, а на руки рукавицы изъ лисьихъ лапъ, шерстью вверхъ.

Якуты крещены въ православную вѣру. Они почитаютъ православныхъ священниковъ, но въ сущности еще придерживаются древней языческой вѣры. Многіе изъ нихъ еще не оставили многоженства. Большимъ уваженіемъ и вѣрой пользуются у нихъ шаманы, такъ называемые *оюны*. У нихъ до сихъ поръ существуютъ домашніе идолы, которыхъ они обмазываютъ жиромъ во время своей трапезы.

Любимымъ удовольствіемъ якутовъ служатъ борьба, пляска и слушаніе разныхъ басенъ и богатырскихъ разсказовъ.

Юрюнгъ-Уоланъ *).

Якутская богатырская сказка.

Выше неколеблющейся широкой бездны, ниже семислойнаго неба, въ срединномъ мѣстѣ **)—въ самой тихой части земли, тамъ, гдѣ никогда не убываетъ луна, не заходитъ солнце и никогда не умолкаетъ кукушка—жилъ Юрюнгъ-Уоланъ.

„Если бъ я съ неба свалился, на мнѣ былъ бы виденъ снѣгъ; если бы я пришелъ съ юга-сѣвера, съ востока-запада срединнаго мѣста—на мнѣ были бы части деревьевъ и травъ; если бы я вынырнулъ изъ преисподней, на мнѣ была бы пыль-земля"—такъ думалъ Юрюнгъ-Уоланъ, и не зналъ онъ, откуда онъ родомъ и съ какой стороны онъ явился сюда. Не зналъ онъ, что отецъ его—великій свѣтлый богъ — Юрюнгъ-Аи-Тоенъ ***) — навелъ на него глубокій сонъ и спустилъ его во время сна на срединное мѣсто.

---

*) Повѣствованія о богатыряхъ называются у якутовъ *олонго*. Они соотвѣтствуютъ нашимъ былинамъ. Олонго выучиваются молодежью со словъ стариковъ и такимъ образомъ передаются изъ поколѣнія въ поколѣніе. Заучиваніе олонго требуетъ большой памяти. Они обыкновенно такъ длинны, что разсказщикъ передаетъ ихъ слушателямъ въ теченіе нѣсколькихъ вечеровъ. Олонго поется иногда не однимъ пѣвцомъ, но нѣсколькими. При этомъ одинъ изъ нихъ описываетъ мѣстность и ходъ дѣйствія; другой выступаетъ, когда надо передать слова богатыря; третій поетъ за отца его; другіе поютъ за его жену, за шамана, за богатырскаго коня и т. д. Настоящая сказка есть только часть олонго объ Юрюнгъ-Уоланѣ.

**) Якуты называютъ небо—верхнимъ мѣстомъ; землю—срединнымъ мѣстомъ; преисподнюю—въ которой, по ихъ вѣрованіямъ, живутъ подземныя, злыя божества—нижнимъ мѣстомъ.

***) Юрюнгъ-Аи-Тоенъ—значитъ *бѣлый святой господинъ*. Это главный богъ у якутовъ. Онъ живетъ на небѣ съ огромной семьей и безчисленнымъ скотомъ. Сидитъ онъ на сидѣніи изъ бѣломочнаго камня и озираетъ землю. Онъ владѣетъ громомъ и молніею и, кромѣ того, *„атарой"*—родъ трезубца или остроги, которою убиваетъ нечистую силу. Ему подвластны другіе небожители.

Началъ онъ осматриваться кругомъ: „Какое такое у меня жилище?"—сказалъ онъ.

Съ восточной стороны покато подымалась долина, на которой кучками росли купы березокъ. Онѣ были похожи на толпу дѣвушекъ, на какомъ-нибудь праздникѣ, которыя, держась за руки и идучи, говорили межъ собой: „Тотъ человѣкъ хорошъ, этотъ хорошъ; тотъ лучше, этотъ лучше"—и вдругъ, сказавши: „ой, дѣвушки, ужъ не подслушалъ ли насъ кто"... выпустили руки другъ у друга и, какъ ни въ чемъ не бывало, разбрелись въ разныя стороны. Ближе, на срединѣ обширной бѣлой равнины, стоялъ большой священный курганъ, точно опрокинутая деревянная чашка якута. На этомъ курганѣ росло священное дерево съ прозрачной душистой смолой, несохнущей и нетрескающейся корой, серебряной мязгой, съ узорчатой, никогда не блекнущей листвой, съ шишками, какъ ряды опрокинутыхъ чороновъ *) у якутовъ. Вершина этого дерева вросла въ небо, и листьями своими оно вело бесѣду съ небесами, крылатыми птицами и по волѣ летающими вѣтрами.

Повернулся Юрюнгъ-Уоланъ на югъ и сталъ смотрѣть. За обширными полями-выгонами, лугами-покосами, на срединѣ широкаго зеленаго поля лежало спокойное, не волнуемое вѣтромъ молочное озеро, а вокругъ него залегли творожныя болота.

Повернулся онъ на сѣверъ. Черный лѣсъ шумѣлъ тамъ день и ночь, а въ лѣсу этомъ водились всякаго рода звѣри. По краю лѣса были разбросаны пни и вывороченные корни—точно побывало здѣсь сборище медвѣдей, выворачивающихъ камни, чтобы достать изъ-подъ нихъ муравьевъ. За лѣсомъ стояли высокія горы въ бѣлыхъ заячьихъ шапкахъ; онѣ уперлись въ небеса и защищали это мѣсто отъ холоднаго дыханія вѣтровъ.

Повернулся Юрюнгъ-Уоланъ къ западу. Тамъ росли мелкіе кусты ерника, похожіе на расходившихся шамановъ **) или на бабъ, съ растрепанными волосами, рассорившихся изъ-за подойника. За ними росли высокія ели, ощетинившія свои иглы—точно разсердившіеся и готовые броситься на врага медвѣди. За лѣсомъ поднимались горы съ тупыми верхушками; онѣ стояли особнякомъ и похожи были на быковъ, готовыхъ броситься другъ на друга.

---

*) *Чоронъ*—жбанъ, изъ котораго якуты пьютъ кумысъ.

**) *Шаманъ*—у якутовъ—такъ же, какъ и у другихъ сѣверныхъ инородцевъ, исполняетъ роль колдуна, знахаря и жреца. Сказка, упоминая о расходившихся шаманахъ, имѣетъ въ виду изступленное состояніе, въ которое впадаютъ они во время своихъ священнодѣйствій.

„Птица имѣетъ гнѣздо, звѣрь—логово и нору, а у меня нѣтъ жилища", сказалъ Юрюнгъ - Уоланъ. Выбѣжалъ Юрюнгъ-Уоланъ въ темный шумящій лѣсъ, срубилъ тамъ четыре огромныхъ дерева, обтесалъ, обрубилъ ихъ и притащилъ на средину поля. Въ четырехъ мѣстахъ въ землѣ онъ продавилъ ступней четыре глубокія ямы и воткнулъ въ нихъ четыре столба. „То будутъ четыре угла моего дома", сказалъ онъ. Изъ того же лѣса срубилъ, обтесалъ, обрубилъ онъ четыре балки, положилъ ихъ на столбы, а на нихъ двѣ матицы. Выбѣжалъ Юрюнгъ-Уоланъ въ свой мелкій молодой лѣсъ и, какъ быстрая рѣка въ весенній разливъ сноситъ мелкій хворостъ, онъ срубилъ и притащилъ къ столбамъ кучу лѣса. Онъ покрылъ потолокъ—„чтобъ дождемъ не мочило, снѣгомъ не завалило", поставилъ стѣны—„чтобъ проходящій вольный вѣтеръ не продувалъ" и настлалъ полъ—на немъ не могъ бы держаться и семилѣтній мальчикъ, до того онъ былъ гладокъ.

„Весеннее мое солнце, кажется, восходитъ съ этой стороны", сказалъ Юрюнгъ-Уоланъ—и въ той изъ четырехъ стѣнъ своего дома, которая выходила на востокъ, сдѣлалъ входную дверь. „Пусть солнце не обдѣляетъ меня своимъ свѣтомъ, когда ходитъ по небу", сказалъ Юрюнгъ - Уоланъ и пробилъ въ стѣнѣ нѣсколько окошекъ. „Пусть вѣтеръ, дождь и снѣгъ, лѣтняя жара и зимній морозъ не проходятъ въ домъ", сказалъ Юрюнгъ-Уоланъ и настлалъ на потолокъ и стѣны слой сѣна, а сверху насыпалъ сыпучаго бѣлаго песку въ сажень толщиной.

По срединѣ избы Юрюнгъ-Уоланъ поставилъ остовъ комелька изъ неотесанныхъ жердей,—„чтобы глина лучше держалась"—и обмазалъ его сверху до низу толстымъ слоемъ бѣлой горшечной глины. Выбѣжалъ онъ въ свой сухой лѣсъ, притащилъ оттуда девять сухихъ еловыхъ деревьевъ и затопилъ ими комелекъ, „чтобы обмазка высохла". Бросилъ онъ также въ огонь ложку масла, кусокъ сала и брызнулъ туда кумысу *).

Хранилъ его огонь Уотъ-иччите **), духъ огня, который ѣстъ сырое дерево, у котораго дыханіе—дымъ, постель—пепелъ, подушки—раскаленный уголь, мелкій уголь—одѣяло, у котораго шапка изъ заячьихъ головокъ, рукавицы—изъ переднихъ лапокъ зайца,

*) Всякій новый комелекъ у якутовъ топится непремѣнно съ чѣмъ-нибудь съѣдобнымъ. Это жертва духу-покровителю домашняго очага.

**) Якуты вѣрятъ, что у каждаго предмета есть своя душа—*иччите*. Такъ, въ каждомъ предметѣ—въ оружіи, въ инструментѣ, камнѣ, въ каждомъ кустѣ, деревѣ, ручьѣ — живетъ его иччите. *Уотъ-иччите*—духъ огня. Онъ представляется якутамъ сѣдобородымъ, говорливымъ и вѣчно прыгающимъ старикомъ.

торбасы—изъ заднихъ заячьихъ лапокъ, шуба и доха—изъ заячьихъ шкурокъ.

Тепло отъ огня Юрюнгъ-Уолана прошло черезъ семислойное небо и стало на верхнемъ мѣстѣ такая теплая и тихая погода, что Юрюнгъ-Аи-Тоёнъ и всѣ его родичи сказали себѣ: „Коль съ средняго мѣста идетъ такое тепло—значитъ огонь у нихъ топится“— и перестали обращать вниманіе на землю.

Кругомъ у стѣнъ избы Юрюнгъ - Уоланъ сдѣлалъ нары, а по стѣнамъ, для вѣшанья платья, воткнулъ онъ колышки, похожіе на перелетныхъ птицъ съ выгнутыми шеями.

„Какой у меня скотъ?“ подумалъ Юрюнгъ-Уоланъ и сталъ смотрѣть. Было у него скота безъ числа—и кони, и коровы, и быки. А конь его собственный, въ переѣздъ длиной, въ переходъ толщиной, съ гривой и хвостомъ въ семь переѣздовъ *) длиной, бѣгалъ по полю, на волѣ.

„Кто у меня въ домѣ — семья?“— подумалъ Юрюнгъ-Уоланъ и сталъ смотрѣть. Была у него въ домѣ младшая сестра, съ трехсаженной косой, вѣщая бѣлолицая Нурулланъ-ко, да еще старуха коровница. Больше никого не было.

„Если задуютъ вѣтры-морозы съ юга-сѣвера, съ востока-запада — заслоню спиной“, сказалъ Юрюнгъ - Уоланъ, и сшилъ себѣ доху изъ тридцати волчьихъ шкуръ и повѣсилъ ее на колышекъ.

„Если съ нижняго мѣста, гдѣ небо ни свѣтло, ни мрачно, а мутно, какъ карасья уха, гдѣ еле свѣтитъ только полъ-солнца и полъ-мѣсяца—поднимется бѣдой невзгодой вонючій родъ, восьминогіе абагы **)—я ихъ покрою ступней“, сказалъ себѣ Юрюнгъ-Уоланъ и сшилъ себѣ торбасы изъ тридцати волчьихъ лапъ, которыя онъ также повѣсилъ на колышекъ. И сталъ Юрюнгъ-Уоланъ жить въ своемъ домѣ съ сестрой своей Нурулланъ-ко.

Только шаманъ, да малый ребенокъ, который еще не научился понимать человѣческую рѣчь, понимаютъ его немолчный говоръ. Духу огня часто приносятъ жертву, бросая въ комелекъ куски жира, масла и т. п, Оскорблять огонь—плевать на него, бранить его—считается большимъ грѣхомъ, который можетъ навлечь на виновнаго большую кару.

*) Переѣздъ и переходъ—мѣра разстоянія. Переѣздъ—употребляется въ смыслѣ дневного переѣзда; переходъ—считается 10-верстное разстояніе.

**) *Абагы* или *абасы*—злые духи. Они рисуются воображенію якутовъ необычайной величины, страшной наружности—четырех-шести и осьмигранными или одноручкими, одноногими и одноглазыми — злыми, хитрыми, алчными и жестокими. Въ разсказахъ о богатыряхъ абагы являются обыкновенно врагами героя, хотя иногда абагы послѣ долгаго боя и заключаетъ миръ съ богатыремъ.

Разъ утромъ Юрюнгъ-Уоланъ слышитъ сквозь тонкій сонъ какъ будто отдаленное пѣніе пташекъ: „Именитый, славный Юрюнгъ-Уоланъ! посмотри вокругъ себя: всѣ бѣгающія четвероногія, всѣ летающія по поднебесью крылатыя живутъ парами; плавающія въ водѣ рыбы, роющіе и ползающіе по землѣ и въ землѣ черви и гады водятся съ подобными себѣ. Только ты живешь одинокимъ. А тебѣ ли не найти себѣ пару? Дѣвушекъ на среднемъ мѣстѣ больше, чѣмъ рыбы кыкынай *)“. Пѣніе смолкло. Проснулся Юрюнгъ-Уоланъ и страшно разсердился. „Кто смѣетъ безпокоить меня въ моемъ домѣ, у моего огня, указывать мнѣ, что дѣлать?“ Но онъ тотчасъ же одумался и началъ собираться въ дорогу. Цѣлый мѣсяцъ готовилъ онъ себѣ оружіе. Лукъ онъ себѣ сдѣлалъ такой, что его не могли бы согнуть тридцать сытыхъ парней-молодцовъ; наконечники стрѣлъ были по три пуда вѣсомъ. Онъ зарѣзалъ кобылу и мясо ея свернулъ въ маленькій кусокъ, который могъ помѣститься въ сумку съ дорожнымъ котелкомъ. Изъ семи бадей сметаны онъ сдѣлалъ себѣ на дорогу небольшой кусокъ масла. Потомъ онъ поймалъ своего по волѣ бѣгавшаго коня, осѣдлалъ его и перетянулъ его четырьмя подпругами.

Окончивъ всѣ приготовленія, онъ пошелъ къ священному дереву, которое вело бесѣду съ небесами и вѣтрами, поднялъ уши своей шапки, опустился на одно колѣно и началъ такъ пѣть-говорить: „Почтенная и священная госпожа, духъ-хозяйка моего дерева и жилья! Все живое имѣетъ пару и производитъ себѣ подобныхъ — только я одинокъ. Хочу я ѣхать и отыскать себѣ подходящую дѣвушку, хочу помѣряться силой съ себѣ подобными, хочу посмотрѣть на людей, хочу жить, какъ слѣдуетъ человѣку жить. Не откажи мнѣ въ своемъ благословеніи, умоляю тебя съ наклоненной покорной головой и преклоненнымъ колѣномъ“. Дерево зашелестило своими листьями и съ нихъ свѣжій мелкій молочный дождикъ оросилъ Юрюнгъ-Уолана. Подулъ теплый вѣтеръ и дерево заскрипѣло. Поскрипѣло, поскрипѣло дерево—и у корня его, изъ подъ земли, вышла до пояса хозяйка—духъ дерева и мѣста. „Пусть огонь не жжетъ тебя, широкая вода не беретъ, камень не тупитъ, оружіе съ острымъ лезвеемъ не колетъ, не рѣжетъ. Побѣди ты всѣхъ своихъ враговъ и супротивныхъ. Да будетъ у дома твоего хозяйка, у дѣтей твоихъ гнѣздо, у скота твоего хлѣвы, а почтенный огонь въ комелькѣ горитъ, не угасая“. Сказала—и исчезла подъ землей.

---

*) Кыкынай—мелкая рыба изъ породы форелей.

Какъ черная тетерька вскочилъ Юрюнгъ-Уоланъ на коня, схватилъ поводья и повернулъ коня на лѣтній восходъ солнца. Въ это время сестра его, Нурулланъ-ко бросилась къ нему, схватилась за поводья коня и стала со слезами говорить такія рѣчи:

„Не уѣзжай, голубчикъ, родной мой! Если безъ тебя вздумаетъ обидѣть меня кто-нибудь—летающій, бѣгающій, видимый или невидимый—кто защититъ меня? Кто приведетъ за ноздрю сохатаго *), привяжетъ къ ногамъ своимъ дикаго оленя, накормитъ меня дичью? Кто промыслитъ соболей, рысей и одѣнетъ меня? Кто будетъ смотрѣть за нашимъ скотомъ, станетъ поить, кормить его? Сердце мое предчувствуетъ, что тебя ждетъ много горя и несчастія. Не ѣзди, не ѣзди—не пущу я тебя, пока жива!“

Юрюнгъ-Уоланъ хлестнулъ свою лошадь плетью, и конь, взвившись на дыбы, полетѣлъ. Нурулланъ-ко повисла на поводьяхъ и нѣкоторое время не отставала. Кожа съ ея десяти пальцевъ снялась съ рукъ и повисла на поводьяхъ, и она осталась на мѣстѣ. Юрюнгъ-Уоланъ, увидавъ на поводьяхъ кожу съ бѣлыхъ рукъ Нурулланъ-ко, снялъ ее и спряталъ.

Ѣдетъ Юрюнгъ-Уоланъ. Конь его дѣлаетъ по одному переходу за каждый прыжокъ; задѣнетъ онъ за кустъ, за траву, за дерево—все это начинаетъ пѣть, завывать, причитать на разные голоса; стопчетъ конь гнилушку, сдвинетъ камень — и они поютъ, хохочутъ и плачутъ. Ѣдетъ онъ день и ночь,—долго ли, коротко ли, угадывая лѣто по зною, зиму по морозу, осень по инею, весну по сырости. Доѣхалъ онъ наконецъ до такого мѣста, что ни вправо, ни влѣво, ни впередъ нельзя проѣхать: высокія скалы стоятъ кругомъ стѣной, такія высокія, что ни птицѣ, летающей по поднебесью, черезъ нихъ не перелетѣть, ни когтистому четвероногому звѣрю, бѣгающему по землѣ, черезъ нихъ не перебраться. Юрюнгъ-Уоланъ вырвалъ изъ гривы коня три волоса и бросилъ передъ собой. „Пусть это будетъ моимъ гостинцемъ - подаркомъ духу-хозяину камня-горы!“ Три волоса тотчасъ превратились въ трехъ кобылъ, и откуда ни возьмись—выскочили три волка и растерзали ихъ. А горы раздались и открыли ему дорогу.

Ѣдетъ Юрюнгъ-Уоланъ дальше—долго ли, коротко ли—вдругъ конь его останавливается, какъ вкопанный и говоритъ ему человѣчьимъ голосомъ: „Хозяинъ мой, свыше назначенный мнѣ! Скоро мы доѣдемъ до одной избушки; тамъ три дѣвушки будутъ зазы-

*) Сохатый—олень, у котораго уже выросли рога. Иногда этимъ именемъ обозначается и лось.

вать тебя. Но ты, если дорогъ тебѣ солнца свѣтъ, не соглашайся заѣхать къ нимъ, и даже краемъ глазъ не гляди на нихъ. Проѣзжай скорѣе мимо—иначе мы пропадемъ съ тобой съ бѣла свѣта".

Ѣдетъ Юрюнгъ-Уоланъ дальше—вдругъ видитъ: стоитъ на дорогѣ серебряная избушка. Вышли изъ нея три дѣвушки красоты невиданной, неописанной и, красиво выступая, начали пѣть-говорить: „Путникъ! съ долгой дороги, съ труднаго пути, ты, навѣрное, утомился, проголодался, пить захотѣлъ, продрогъ, оборвался. Остановись, зайди къ намъ! У насъ, у дѣвушекъ, избушка тепла—отогрѣемъ тебя; кумысъ вкусный и прохладный—напоимъ тебя; сварить жирное мясо сумѣемъ — накормимъ тебя; шить умѣемъ—зашьемъ, заплатаемъ оборваное; у насъ, у дѣвушекъ, постель мягка—ты отдохнешь отъ пути; сами мы ласковыя—приласкаемъ тебя. Заходи!"—„Какія онѣ ласковыя!" подумалъ Юрюнгъ-Уоланъ и остановилъ коня. Одна изъ дѣвушекъ приняла его коня, а двѣ другія повели его подъ руки къ избушкѣ. Онъ не замѣтилъ, что лошадь его привязывали къ сухому, сучковатому дереву такъ, какъ дѣлаютъ это, собираясь рѣзать животное. Подвели его дѣвушки къ избушкѣ, распахнули передъ нимъ двери. Но какъ только Юрюнгъ-Уоланъ перешагнулъ черезъ порогъ—онъ тотчасъ провалился въ бездну. А сзади послышались хохотъ и рукоплесканія дѣвушекъ, которыя были ни кѣмъ инымъ, какъ нечистой, преисподней силой: „Еще одного бѣлолицаго залучили мы въ свою бездну!"

Долго летѣлъ Юрюнгъ-Уоланъ внизъ головой и наконецъ грохнулся на дно. Было тутъ темнѣе осенней ночи въ междолуніе. Юрюнгъ-Уоланъ снялъ съ себя доху, подостлалъ ее, положилъ подъ голову шубу и легъ, накрываясь половиной дохи.

Между тѣмъ вѣщая Нурулланъ-ко во снѣ увидала, по примѣтамъ угадала, что съ братомъ ея, Юрюнгъ-Уоланомъ случилась бѣда. Она взяла бубенъ *), ударила по немъ, сѣла на него и прилетѣла на то мѣсто, гдѣ провалился Юрюнгъ-Уоланъ. Ни избушки, ни дѣвушекъ тамъ уже не было, а стоялъ только конь Юрюнгъ-Уолана: онъ иступилъ до мяса свои каменныя копыта, подрывая дьявольское желѣзное дерево; онъ потерялъ всѣ зубы, перегрызая его — весь онъ былъ опаленъ нечистой силой, которая хотѣла

*) Нурулланъ-ко названа въ сказкѣ вѣщей: она умѣла колдовать и отгадывать будущее, т. е. была шаманкой. Искусство шаманить доступно одинаково какъ мужчинамъ, такъ и женщинамъ. При ворожбѣ шаманы якуты употребляютъ обыкновенно священные бубны.

сжечь его своимъ дыханіемъ. Нурулланъ-ко узнала все отъ коня, отвязала его и пустила на волю. Самъ же она сѣла на бубенъ, ударила по немъ три раза и сказала: „Если бы ты вознесъ меня къ отцу-матери!“ И бубенъ понесъ ее сквозь семислойное небо, къ отцу ея, Юрюнгъ-Аи-Тоёну.

Старый Юрюнгъ-Аи-Тоёнъ сидѣлъ у себя дома, рядомъ со своей старухой Кюбяй-маганъ-хатынъ. Упала передъ ними на колѣни Нурулланъ-ко и начала причитать: „Ты спустилъ на землю старшаго брата моего, Юрюнгъ-Уолана, и меня и сказалъ намъ: размножайтесь на срединномъ мѣстѣ, выращивайте скотъ; пусть огонь вашъ не угасаетъ, да будутъ у дѣтей вашихъ гнѣзда, у коровъ и кобылъ вашихъ хлѣва и стойла.—Чтобы исполнить твое повелѣніе и благословеніе, Юрюнгъ - Уоланъ поѣхалъ искать себѣ равную и попалъ въ бѣду. Дѣвушки - абагы хитростью заманили его къ себѣ и бросили въ бездну. Вытащить его оттуда можно только на тетивѣ, сплетенной изъ твоихъ серебряныхъ волосъ. Не дай погибнуть моему брату, твоему дѣтищу, не дай твоей плоти и крови на посмѣяніе абагы, на съѣденіе червямъ и гадамъ! Дай два-три волоса съ твоей головы!“

Страшно разсердился старый Юрюнгъ-Аи-Тоенъ, застучалъ по полу своей серебряной съ побрякушками тростью и закричалъ на Нурулланъ-ко: „Развѣ для того я поселилъ его на срединномъ мѣстѣ, чтобы онъ слушалъ всякую пустую болтовню и проваливался въ какія-то ямки? Пусть выпутывается самъ, какъ знаетъ, а я не дамъ рвать своихъ волосъ! Убирайся съ моихъ глазъ долой!“ Заплакала старая Кюбяй-маганъ-хатынъ, жена Юрюнгъ-Аи-Тоена и сказала своимъ небеснымъ дочерямъ: „Давайте мнѣ, дѣвушки, одѣваться. Я пойду!“—„Куда же ты?“—спросилъ Юрюнгъ-Аи-Тоенъ. „А туда, гдѣ погибаютъ мои дѣти! Тебѣ жаль для спасенія своего дѣтища дать три волоса съ своей головы, а мнѣ жаль моихъ дѣтей. Ты не родилъ, не кормилъ ихъ, не отогрѣвалъ ихъ на твоей теплой груди, не поддерживалъ ихъ, когда они еще не умѣли ходить. Ишь ты какой! Спустилъ дѣтей ни вѣсть въ какое-то срединное мѣсто, гдѣ люди живутъ вмѣстѣ съ нечистой силой—и горя тебѣ мало! Ужъ лучше спущусь я на срединное мѣсто и тамъ умру со своими дѣтьми — по крайней мѣрѣ не буду знать, что дѣти мои умерли, что жизнь ихъ не продолжается въ жизни дѣтей!“—„Стой, старуха, сказалъ Юрюнгъ-Аи-Тоенъ и поймалъ ее за полу; куда тебѣ, старой, идти въ пыльное и холодное мѣсто. Ужъ нечего дѣлать, бери три волоса съ моей головы“.

Выдернула Нурулланъ-ко три волоса, сѣла на свой бубенъ и

слетѣла на землю, къ тому мѣсту, гдѣ провалился Юрюнгъ-Уоланъ.

Свила она тетиву изъ волосъ, привязала на конецъ ея камешекъ и спустила въ бездну. Камешекъ стукнулъ прямо въ лобъ Юрюнгъ-Уолана и разбудилъ его отъ сна. Схватился онъ за тетиву и собрался подниматься по ней. Вдругъ слышитъ, кто-то говоритъ ему: „Я тоже двуногій и меня тоже хитростью завлекли и бросили сюда осьминогіе. Будь милостивъ, возьми меня съ собой—я отплачу тебѣ въ трудное время“. Юрюнгъ-Уоланъ согласился, и они вмѣстѣ поднялись на тетивѣ. Первымъ вышелъ на свѣтъ Юрюнгъ-Уоланъ, оглянулся—а передъ нимъ вертится волчкомъ трехгранный каменный человѣкъ. „Соболь между якутами, конь между людьми, Юрюнгъ-Уоланъ, съ свѣтлымъ сердцемъ и чистыми думами, благодарю тебя за твою помощь, сказалъ онъ. Но и я когда-нибудь пригожусь тебѣ. Если будетъ нужна тебѣ помощь, скажи только: „гдѣ бы ни былъ ты, Кытыграсъ-бараччи—быстрый ходокъ, летаешь ли по поднебесью, спустился ли подъ землю, плаваешь ли въ водахъ съ рыбами—будь здѣсь во мгновеніе ока: насталъ мой смертный часъ“—и я тутъ же буду. А пока прощай“. Промолвивъ это, Кытыграсъ-бараччи обернулся въ огромнаго трехголоваго орла и улетѣлъ, скрылся съ глазъ въ густыхъ облакахъ.

Между тѣмъ конь Юрюнгъ-Уолана успѣлъ уже оправиться: зубы, копыта и шерсть снова отросли у него. Сѣлъ Юрюнгъ-Уоланъ на своего вѣрнаго коня и поѣхалъ дальше.

Ѣдетъ Юрюнгъ-Уоланъ день и ночь, зиму и лѣто и, наконецъ. подъѣзжаетъ къ большому богатому жилищу. За три дневныхъ переѣзда засверкала передъ нимъ серебряная изба. Ѣдетъ онъ и видитъ: ни травки не помято; на пыльныхъ тропинкахъ и дорогахъ не видно ни слѣда. Все тихо, точно все вымерло. Подъѣхалъ онъ къ избѣ—никто не вышелъ взять его лошадь. Постучалъ онъ рукояткой хлыста по навѣсу надъ дверью — никто не вышелъ. Спустился онъ съ коня, привязалъ его къ столбу и сталъ ждать, не выйдетъ ли кто—а то ему, какъ жениху, не пристало самому себѣ отворять дверь. Прождалъ онъ цѣлыхъ тридцать дней и ночей и, никого не дождавшись, наконецъ, вошелъ въ домъ.

Въ домѣ также все было тихо; огонь въ комелькѣ давно потухъ; никого не было видно: ни слугъ, ни домочадцевъ. Только на переднемъ мѣстѣ сидѣли старикъ со старухой; сидѣли они, опершись сѣдыми головами на поставленныя передъ собой серебряныя трости, и не поднимали головы.

Постоялъ, постоялъ Юрюнгъ-Уоланъ и сѣлъ, ожидая, что хозя-

ева заговорятъ съ нимъ *). Подождалъ онъ три дня и три ночи и началъ самъ: „Сказывайте!“ Старики ему ни слова въ отвѣтъ. „Сказывайте!“ громче повторилъ Юрюнгъ-Уоланъ. Старики все молчатъ. Страшно разсердился Юрюнгъ-Уоланъ. Мускулы его напряглись, жилы натянулись, какъ тетива лука; затрещала нара, на которой онъ сидѣлъ. „Сказывайте, говорю я вамъ, если живы, закричалъ онъ. Не то разрублю васъ на нѣсколько частей“. Опять ни слова. Вскочилъ Юрюнгъ-Уоланъ съ мѣста. Но вдругъ звякнула дверца съ побрякушками **) и появилась дѣвушка красоты невиданной, неописанной. „Не лѣтнее ли солнце, сорвавшись съ небесъ, вошло въ избу?“ подумалъ Юрюнгъ-Уоланъ—такъ хороша она была собой. И заговорила такъ дѣвушка: „Это ли ты, славный, именитый Юрюнгъ-Уоланъ? А поглядѣть на тебя—ни на ложку у тебя мозга въ головѣ, ни на ковшикъ крови въ твоей тучной спинѣ, ни крошечки въ тебѣ толку! Или ты не видишь, что старики совершенно потеряли смыслъ и память отъ горя? И ты еще хочешь убивать стариковъ—надъ ними показывать свою богатырскую силу и удаль! Можетъ быть ты и со мной пустишься въ драку—не посмотришь на то, что я дѣвушка? А я то звала тебя на помощь, надѣялась на тебя, ждала тебя, какъ избавителя отъ абагы. Нѣтъ, видно съѣстъ абагы отца моего и мать, какъ съѣлъ онъ весь нашъ народъ и весь нашъ скотъ. Разными хитростями заставила я его прождать девять лѣтъ, и за это время онъ съѣлъ все живое, что насъ окружало—а въ полнолуніе этого мѣсяца онъ съѣстъ отца моего и мать и возьметъ меня“. Тутъ она заплакала и скрылась за той дверью, изъ которой вышла.

Стыдно стало Юрюнгъ-Уолану. Выбѣжалъ онъ въ поле и началъ его оглядывать, нѣтъ ли тутъ по близости врага, страшнаго абагы, который долженъ былъ съѣсть отца съ матерью дѣвушки и взять ее саму. У опушки лѣса увидалъ онъ холмъ. Подошелъ Юрюнгъ-Уоланъ ближе и видитъ—не холмъ это, а абагы - страшное чудовище: весь онъ былъ изъ желѣза и глазъ у него былъ одинъ, среди лба.

Юрюнгъ-Уоланъ выхватилъ свой сюллюгясь ***), вѣсомъ въ сто

*) По якутскому обычаю гость долженъ начать разговоръ и привѣтствовать хозяевъ, но такъ какъ Юрюнгъ-Уоланъ пріѣхалъ въ качествѣ жениха, то разговоръ должны были начать хозяева.

**) Нара дѣвушки-невѣсты отдѣляется обыкновенно отъ остального помѣщенія. Она образуетъ родъ алькова съ заборкой и дверью, которую, въ старину, украшали разнаго рода привѣсками и побрякушками.

***) Оружіе на подобіе шестопера.

пудовъ и ударилъ имъ изо всѣхъ силъ по лбу абагы. Отъ удара раздалось эхо, какъ отдаленный раскатъ грома; лобъ абагы вдался, но тотчасъ же выпрямился со звономъ, словно дно желѣзнаго котла. Проснулся абагы: „О ба батъ, лѣниво сказалъ онъ, больно же кусаются здѣшніе мухи-комары“—и началъ скрести лобъ своими кривыми пальцами.

Устремилъ абагы на Юрюнгъ-Уолана свой единственный, величиной со слюдяное окно у русскаго человѣка *) глазъ, мутный, какъ карасья уха, оскалилъ зубы и началъ говорить: „Вотъ и отлично, что ты пришелъ. Можетъ быть, ты и угодишь моей невѣстѣ—будешь подходящій эння-кулумъ **). Приходили, вѣдь, многіе—все ей не нравились, да я и съѣдалъ ихъ. Такъ и живу здѣсь цѣлыхъ девять лѣтъ—все жду, чтобъ явился подходящій рабъ моей невѣстѣ. Безъ него она не хочетъ выходить за меня. И живу-то тутъ впроголодь — даромъ, что по тридцати штукъ скота съѣдаю за-разъ. Весь ихъ скотъ и народъ ихъ прiѣлъ такимъ образомъ. Скоро вонъ и стариковъ съѣмъ, хоть и не больно жирный они кусокъ. А дома меня тоже ждутъ: женить мнѣ надо моихъ семь плѣшивыхъ сыновей, моихъ семь плѣшивыхъ дочерей выдать замужъ надо. Сваты и сватьи ждутъ меня дома—сколько добра-то поди прiѣли — тоже есть между ними ѣдоки не хуже меня. Ну, я радъ тебѣ. Будь только хорошимъ рабомъ“. Страшно разсердился Юрюнгъ-Уоланъ. „Ахъ ты, черный, сажей вымазанный, осьминогій абагы! Ишь, вѣдь, какія досадныя рѣчи говоритъ! А вотъ я разрублю твое темя на четыре части—тебя самого на пять частей!“ И бросился Юрюнгъ-Уоланъ на абагы съ своимъ длиннымъ батасомъ ***). Какъ о камень, сломался батасъ, а абагы бросился на Юрюнгъ-Уолана. Началась у нихъ рукопашная. Отъ шума ихъ борьбы поднялась буря; перекатывались камни величиной съ лежачаго быка; сухопутныя животныя полѣзли въ воду; водныхъ выбросило на сушу.

Долго они боролись, и никто изъ нихъ не уступалъ; наконецъ, абагы сталъ одолѣвать. Началъ Юрюнгъ-Уоланъ спотыкаться, падать на колѣни. Видитъ онъ, что дѣло плохо, превратился въ расплавленное олово и провалился сквозь землю. Абагы пока-

*) Т. е. величиной въ окно русской избы.

**) *Эння — кулумъ* — рабъ, который дается дѣвушкѣ, какъ часть приданаго. при ея замужествѣ.

***) Батасъ—родъ огромнаго ножа около 10 вершк. длиной и въ вершокъ шириной; лезвіе съ одной стороны; рукоятка около двухъ арш. длины. Батасъ употребляется современными якутами при охотѣ на медвѣдей.

залось, что онъ спрятался въ дупло пня—и началъ онъ грызть всѣ пни, взрывать когтями всѣ кочки. Перегрызъ онъ и переѣлъ множество пней и кочекъ, и обломалъ всѣ свои зубы и когти. А тѣмъ временемъ Юрюнгъ-Уоланъ отдохнулъ, вылѣзъ изъ земли и снова бросился на врага. Но у Юрюнгъ-Уолана тѣло было изъ мяса и крови, а абагы былъ весь желѣзный; скоро абагы снова началъ одолѣвать его. Вспомнилъ тогда Юрюнгъ-Уоланъ, что лежитъ у него въ карманѣ кожица съ десяти пальцевъ Нурулланъ-ко; онъ вынулъ ее и бросилъ на врага, а самъ сказалъ: „Будьте десятью медвѣдями!“ и тотчасъ явились десять злыхъ бѣлыхъ медвѣдей и кинулись на абагы. Долго боролся онъ съ ними, но все же съѣлъ ихъ всѣхъ до одного. Зато онъ такъ усталъ, что упалъ на землю, рядомъ съ Юрюнгъ-Уоланомъ, который тоже безъ силъ лежалъ на землѣ. Лежатъ они рядомъ и глядятъ другъ на друга мутными глазами.

Говоритъ ему наконецъ абагы: „Силы у насъ равныя—а вотъ попробуй разорвать эту веревочку. Если ты перервешь ее, то ты будешь побѣдителемъ и господиномъ надо мной“. И онъ бросилъ къ Юрюнгъ-Уолану саженную, толщиной съ мизинецъ, черную веревочку. Юрюнгъ-Уоланъ сталъ тянуть веревочку и наступилъ на одинъ конецъ ея. Тянулъ, тянулъ—вдругъ, веревочка выхлестнулась изъ подъ ноги у него, захлестнула его кругомъ и обмотала, затянула его такъ, что не могъ Юрюнгъ-Уоланъ ни пошевельнуться, ни вздохнуть. А абагы загрохоталъ: „Теперь ты мой. Не уйдешь отъ меня!“ Почувствовалъ Юрюнгъ-Уоланъ, что солнечный свѣтъ меркнетъ у него въ очахъ; собралъ онъ послѣднія силы и крикнулъ: „Эй, Кытыграсъ-Бараччи! насталъ день моей гибели! Гдѣ бы ни былъ ты: летаешь ли по поднебесью, ныряешь ли подъ водой, спустился ли подъ землю, поспѣши ко мнѣ!“ Не успѣлъ онъ сказать,—летитъ огромная птица, затемняетъ собой полъ-неба и кричитъ: „Эй, абагы! Насталъ твой чередъ, твоя мѣра переполнилась—довольно тебѣ дѣлать бѣдъ!“ И въ одно мгновенье птица растерзала на четыре части абагы.

„Прощай, товарищъ,—сказалъ Кытыграсъ-Бараччи, принявъ свой обыкновенный видъ трехграннаго каменнаго человѣка — теперь расплатился я съ тобой за твою услугу“. Промолвилъ это и сгинулъ съ глазъ.

Измученный Юрюнгъ-Уоланъ вышелъ на опушку лѣса, развелъ костеръ, положилъ подъ голову шубу, и легъ, прикрывшись дохой.

Долго ли, коротко ли онъ спалъ, только проснувшись, увидалъ, что снова все мѣсто ожило: табуны коней ржали, коровы мычали,

пастухи и прочій рабочій людъ ѣздили и бѣгали туда и сюда— точно никакой бѣды здѣсь и не случалось.

Юрюнгъ-Уоланъ позвалъ свистомъ своего коня и, сѣвъ на него подъѣхалъ къ серебряной избушкѣ. Двѣнадцать молодыхъ парней отодвинули передъ нимъ прясла у воротъ изгороди; три почетныхъ мужа встрѣтили его во дворѣ; одинъ изъ нихъ принялъ поводъ его коня, а двое поддерживали ему стремена. До дверей избы была настлана зеленая трава. Дверь растворили передъ нимъ и онъ вошелъ въ избу.

Девять сытыхъ парней поднесли ему на большой доскѣ жирное кобылье мясо. Девять дѣвушекъ поднесли цѣлый холлогосъ *) кумыса, держа его за девять серебряныхъ серегъ. Не успѣли они повернуться, какъ Юрюнгъ-Уоланъ сказалъ: „Убирайте!" Все поѣлъ, все выпилъ до суха Юрюнгъ-Уоланъ. Напившись и наѣвшись, Юрюнгъ-Уоланъ обратился къ старикамъ-хозяевамъ съ просьбой отдать за него ихъ дочь. „За кого же намъ и отдать ее, какъ не за тебя?" сказали старики.

Послали звать гостей на свадебный пиръ. Собралось много народу, набили много скота. Борцы здѣсь боролись, бѣгуны бѣгали взапуски, дѣвушки и парни играли въ жмурки; устраивали конскіе бѣга, прыганье съ ноги, съ двухъ ногъ, на одной ногѣ; мѣрялись силами, тянулись на палкахъ. Сказочники сказывали сказки, прибауточники говорили прибаутки, пѣвцы слагали пѣсни и воспѣвали все собраніе. Три дня и три ночи играли, веселились и смѣялись.

А когда сыграли свадьбу, взялъ Юрюнгъ-Уоланъ свою молодую хозяйку, взялъ съ собою несмѣтное число ея приданаго скота и поѣхалъ къ себѣ домой.

П. Гороховъ: *Юрюнгъ-Уоланъ. Якутская сказка Ч. I **).*

---

*) Холлогосъ—большой круглый чанъ въ видѣ цилиндра для кумыса. Онъ дѣлается или изъ бересты или изъ кобыльей кожи, которую не мнутъ, но только очищаютъ отъ волосъ, пропитываютъ масломъ или кобыльемъ жиромъ и сильно коптятъ въ дыму, отчего она дѣлается непромокаемой. Холлогосъ вмѣщаетъ нѣсколько ведеръ кумыса.

**) Изв. Вост.-Сиб. отд. И. Р. Г. О. т. XV, № 5—6 Иркутскъ, 1885 г.

Пріемышъ-богатырь.

Якутская богатырская сказка.

Жили-были въ дремучемъ лѣсу старикъ со старухой. Обоимъ имъ было по сту лѣтъ отъ роду, такъ что они отъ старости едва ходили. Случалось, что отъ слабости они не могли даже сварить себѣ обѣда. Они были очень богаты; у нихъ было всего вдосталь: и скота, и одежды, и мѣховъ. Не было у нихъ только дѣтей. Некому было послѣ смерти ихъ воспользоваться тѣмъ добромъ, которое они нажили за всю свою долгую жизнь.

Случилось разъ, что они оба заболѣли. Они лежали въ своей юртѣ голодные, потому что некому было ни накормить, ни напоить ихъ. Стали они жаловаться на свою участь горькую и совѣтъ держать между собой, какъ имъ быть и что съ ними будетъ, если они долго будутъ хворать. Но сколько они ни думали, сколько ни говорили — ничего не могли придумать, чѣмъ бы облегчить свою участь. Такъ и уснули они въ этотъ день голодные. На другой день старику стало легче. Онъ одѣлся, обулся, взялъ палку и пошелъ на поляну, гдѣ росла береза—такая высокая, что вершиной она уходила подъ самое небо. Эта береза была не простая. Въ ней жилъ духъ покровитель старика и старухи. Звали ее поэтому Анъ-дой-ду-ичытэ, что значитъ по-русски: *мѣдныя двери земного покровителя*. Она давала старику со старухой всякую пищу: молоко, тару *), сору **), мясо и рыбу. Старикъ подошелъ къ березѣ, началъ

---

*) Тара приготовляется изъ молока. Его вливаютъ въ сосудъ, похожій формой на ванну, который врываютъ въ снѣгъ, а сверху закрываютъ коровьемъ пометомъ. Молоко въ этомъ сосудѣ прокисаетъ и промерзаетъ. Оно остается во льду около мѣсяца.

**) Сора—квашеное молоко.

ударять по ней палкой и пѣть: „Мы со старухой стали стары. Вчера мы лежали голодные и холодные, и некому было накормить и напоить насъ—такъ что мы едва не умерли, хотя пища у насъ была подъ руками. У насъ много разныхъ мѣховъ, разнаго скота. Мы скоро умремъ. На что намъ все наше богатство, когда послѣ смерти все оно пойдетъ прахомъ? У другихъ людей, которыхъ мы знаемъ, есть дѣти, а у насъ ихъ нѣтъ. Мы поэтому самые несчастные люди, какихъ рѣдко можно встрѣтить на свѣтѣ. Дай намъ, Анъ-дой-ду-ичытэ, сына, который бы закрылъ намъ глаза, поилъ и кормилъ насъ до смерти. За что ты разсердилась на насъ и не дала намъ ребенка? Дай! Вѣдь ты можешь дать! Мы, кажется, ничѣмъ не обижали тебя, жили съ тобой въ дружбѣ—поэтому слѣдуетъ тебѣ дать". Долго старикъ пѣлъ, плакалъ и умолялъ Анъ-дай-ду-ичытэ. Вдругъ береза съ шумомъ раскололась и изъ нея вышла женщина—такая красавица, что старикъ стоялъ какъ вкопанный — забылъ даже, что плакалъ. Женщина подошла къ нему и сказала: „Старикъ, твои слезы дошли до неба; стоны твои и крикъ слышны очень далеко подъ землей; глядя на тебя, стонутъ и плачутъ лѣсъ и горы; даже небо нахмурилось—плачетъ и льетъ неисчислимое количество слезъ. Перестань плакать и печалиться; выслушай, что я скажу тебѣ: черезъ три дня ты утромъ выйдешь изъ юрты и услышишь страшный шумъ, похожій на громъ; послѣ этого пойдетъ сильный дождь и градъ. Ты со старухой запрись въ юртѣ и не выходи, потому что въ это время всѣ плохія юрты, всѣ плохія деревья, скотъ, звѣри, трава, нездоровые и злые люди погибнутъ—останутся въ живыхъ только здоровые. На четвертый день, когда буря стихнетъ, приходи сюда на полянку; ты увидишь, на ней будетъ лежать черный камень; онъ будетъ вдавленъ въ землю на семь сажень. Собери людей, изъ оставшихся въ живыхъ, запряги тридцать быковъ *), привези его домой, положи его на соболій мѣхъ. Черезъ три дня камень начнетъ трещать—и трещать онъ будетъ также три дня. Послѣ этого онъ растрескается — вы всѣ упадете въ обморокъ, и лежать вы будете три дня. Когда же вы очнетесь, вы увидите у себя въ юртѣ мальчика, играющаго на полу—такого красиваго, что во всемъ мірѣ не найдешь такого красавца: волосы у него будутъ золотые, а тѣло серебряное".

Сказала это женщина и скрылась въ березу; а старикъ пошелъ домой и все разсказалъ старухѣ. Старуха ему не повѣрила: „За-

*) Рогатый скотъ у якутовъ служитъ для ѣзды и для перевозки тяжестей.

чѣмъ ты врешь? сказала она. Можетъ ли быть, чтобы случилось такъ, какъ ты говоришь? Никогда не повѣрю тебѣ".

Но черезъ три дня дѣйствительно началась гроза съ дождемъ и градомъ. Тогда старуха начала бранить старика: „Видишь, глупый, что ты надѣлалъ! Зачѣмъ просилъ, злодѣй, чтобы скотъ и люди всѣ умерли, деревья и трава погибли? Не могъ ты развѣ выпросить чего-нибудь лучшаго у земного покровителя? Ума ты лишился, что ли?" Наконецъ, буря кончилась, солнце выглянуло— и все просвѣтлѣло. Старикъ опомнился первый, вышелъ изъ юрты и пошелъ на поляну къ березѣ. Смотритъ—и глазамъ своимъ не вѣритъ: камень дѣйствительно лежитъ. Онъ вернулся домой, собралъ на другой день много народу, запрягъ въ сани тридцать быковъ и перевезъ камень къ себѣ въ юрту. Черезъ три дня камень растрескался. Старикъ и старуха упали въ обморокъ и пролежали такъ три дня. Когда же очнулись, они увидали сидящаго на полу юрты и играющаго мальчика—такого красиваго, какого они никогда еще въ жизни не видали. Волосы у него были золотые, а тѣло серебряное. Старикъ и старуха пришли въ неописанный восторгъ: каждый изъ нихъ тянулъ мальчика къ себѣ— такъ что они отъ радости чуть было его не разорвали. Они спорили другъ съ другомъ, кому долженъ принадлежать мальчикъ. Старикъ говорилъ: „Вѣдь ты смѣялась и бранилась, когда я тебѣ разсказалъ о моемъ разговорѣ съ ичытэ; а я вѣрилъ, что сбудется все, что ичытэ говорилъ. Ты не просила его, чтобъ онъ намъ далъ сына, а я просилъ; значитъ, сынъ и долженъ больше принадлежать мнѣ, чѣмъ тебѣ". Старуха спорила съ нимъ, но порѣшили всетаки на томъ, что старикъ имѣетъ на мальчика больше правъ, чѣмъ старуха.

Мальчикъ росъ не по днямъ и годамъ—онъ росъ, какъ растетъ пожаръ лѣсной. Въ пять лѣтъ онъ былъ какъ двадцатипятилѣтній мужчина. Онъ былъ такой разумный и понятливый, что сразу началъ ходить за скотомъ, рубить дрова, юрту топить, старика со старухой кормить. Когда ему исполнилось пять лѣтъ, не было никого въ округѣ умнѣе и сильнѣе его.

Разъ утромъ мальчикъ всталъ, умылся, одѣлся, коровъ накормилъ-напоилъ—и стало ему вдругъ почему-то тяжело на сердцѣ: сердце у него заболѣло, тоска начала давить его. „Вотъ, — подумалъ онъ,—всего у насъ довольно, одного не достаетъ—хорошаго коня". Вошелъ онъ въ юрту и началъ жаловаться своимъ названнымъ родителямъ: „Зачѣмъ вы потребовали меня у Ирюнь-Ани-Тоена, велѣли ему спустить меня съ неба къ вамъ для стра-

даній? Дайте мнѣ коня, который могъ бы скакать черезъ самыя высокія горы и лѣсъ дремучій, который былъ бы выше самаго высокаго лѣса и былъ бы такой же сильный, какъ я. Дайте мнѣ плеть въ девяносто пудовъ съ наконечникомъ, похожимъ на кузнечный молотъ".—„Нѣтъ у насъ такого коня, какого тебѣ нужно, сказала старуха; но горю твоему все же можно помочь. Возьми золотую узду, висящую на стѣнѣ и плеть, о которой ты просилъ. Иди на поляну, гдѣ стоитъ береза. Это не простая береза, это— Анъ-дой-ду-ичытэ. Попроси у нея, и она дастъ тебѣ коня". Мальчикъ взялъ узду и плеть и пошелъ на поляну.

Пришелъ мальчикъ къ березѣ, постучалъ по ней концомъ плети и сказалъ: „Ичытэ! ты виновата передо мной: ты согнала меня съ неба отъ Ирюнь-Ани-Тоена на землю, чтобы я мучился, живя на ней. Дай мнѣ коня, какого мнѣ надо. Если же ты не дашь, то я уничтожу тебя—не будешь ты рада, что явилась на свѣтъ". Раскололась береза, и вышла изъ нея та же красавица женщина, которая являлась и старику. Она начала бранить мальчика: „Должно быть вкусно ты ѣлъ и пилъ у старика, что пришелъ сюда грозить мнѣ и бранить меня! сказала она. Если тебя спустили съ неба, то, значитъ, спустили тоже и твоего коня. Ищи на землѣ и найдешь" — и она въ одно мгновеніе скрылась въ березу.

Обращеніе ичытэ показалось мальчику очень обиднымъ. Онъ началъ со злости кричать, свистать, бѣгать и кружиться. Отъ шума и вѣтра, поднятаго имъ, стали умирать люди и скотъ, трава и деревья пріостановились расти. Мальчикъ же все кружился—и въ одно мгновеніе онъ очутился за семьдесятъ верстъ, на другой полянѣ. Тутъ паслись лошади. „Нѣтъ ли здѣсь моего коня? подумалъ мальчикъ. Брошу я свою узду; если конь мой тутъ, узда моя попадетъ на него". Онъ бросилъ свою узду и сказалъ: „Лети, моя узда, какъ стрѣла; найди моего коня, спущеннаго для меня съ неба богомъ Ирюнь-Ани-Тоеномъ". Смотритъ онъ, и глазамъ не вѣритъ: узда его попала на самаго худого, заморённаго жеребца, который вотъ-вотъ издохнетъ. Онъ подбѣжалъ къ нему и снялъ свою узду. „Не можетъ быть, подумалъ онъ, чтобы такой конь былъ спущенъ для меня съ неба". Опять началъ онъ кружиться, свистать и кричать. Кружился онъ трое сутокъ, а потомъ бросилъ опять узду. Смотритъ и видитъ: попалъ онъ опять въ тотъ же табунъ и въ того же жеребенка. Разсердился мальчикъ-богатырь. „Такого ли мнѣ надо коня, говоритъ, который вотъ-вотъ издохнетъ". Взялъ онъ жеребенка за голову и по

тащилъ его къ озеру, чтобы утопить его. Вдругъ жеребенокъ заговорилъ человѣчьимъ голосомъ: „Безсовѣстный! глупый ты, неужели не понимаешь, что я твой конь, что я спущенъ съ неба въ одно время съ тобой? Тебѣ хорошо было у богатаго старика ѣсть мясо, тару, сору и все, что душѣ угодно; а я въ это время зимой нерѣдко ѣлъ только тальникъ да осиновую кору; какъ заяцъ, спалъ я на снѣгу, зябнулъ, травы не ѣлъ ни одной горсточки. Какъ же я могъ раздобрѣть? Развѣ ты заботился обо мнѣ? Нѣтъ, ты и не думалъ. Ахъ ты, безсовѣстный, безсовѣстный! Вотъ погоди, я покажу тебѣ, мальчишка, когда оправлюсь. Сведи-ка меня теперь на такое озеро, которое зимой и въ самыя сильныя стужи не замерзаетъ. Въ этомъ озерѣ вода живая. Оставь меня тамъ на нѣсколько дней, а потомъ приходи ко мнѣ. Увидишь тогда, какой я буду". Подумалъ немного богатырь и сказалъ: „Не сердись на меня, будущій вѣрный мой помощникъ! Виноватъ я передъ тобой, что раньше не вспомнилъ о тебѣ. Ну, пойдемъ со мной—я отведу тебя къ озеру, которое и въ лютые морозы не замерзаетъ, въ которомъ вода живая. Иди и пей эту воду".

Отвелъ богатырь жеребенка къ озеру, оставилъ его тамъ, а самъ вернулся къ своимъ названнымъ родителямъ. Обрадовались они сыну, начали съ нимъ разговаривать, а богатырь ничего не отвѣчаетъ; сидитъ и только пыхтитъ, да краснѣетъ со злости. Лицо его было красно, какъ огонь, волосы свѣтились въ темнотѣ и изъ нихъ сыпались искры, какъ отъ удара стали по кремню—вотъ какъ онъ былъ сердитъ. Черезъ три дня онъ пошелъ къ озеру съ живой водой и видитъ—стоитъ высокій, здоровый конь, бѣлый, какъ морская пѣна. Задумался богатырь и говоритъ: „Гдѣ же тотъ жеребенокъ, котораго я оставилъ тутъ? Стоитъ здѣсь конь, но это не мой жеребенокъ". А конь между тѣмъ подошелъ къ богатырю; онъ фыркалъ и рылъ копытами землю. „Не узналъ ты меня, мальчишка, сказалъ онъ. Я тотъ жеребенокъ, котораго ты хотѣлъ утопить въ озерѣ. Вотъ теперь попробуй-ка сѣсть на меня. Посмотримъ, можешь ли ты еще владѣть мной". Богатырь надѣлъ на коня свою золотую узду, но сѣсть на него не могъ. Конь, громко смѣясь, сказалъ: „Вотъ видишь теперь, кто изъ насъ сильнѣе—ты или я. А ты еще по своей глупости хотѣлъ убить меня".—„Прости меня, отвѣчалъ богатырь, будущій мой товарищъ; забудь, что я обидѣлъ тебя".—„Прощаю, все прощаю!" сказалъ конь и опустился на колѣни, чтобы богатырю легче было бы сѣсть на него. Но и теперь богатырь только съ трудомъ могъ сѣсть на коня—вотъ какъ тотъ былъ высокъ. Конь взвился на дыбы, прыгнулъ разъ, прыгнулъ во

второй—и они въ одинъ мигъ очутились дома. Богатырь соскочилъ съ коня—ходитъ веселый—ногъ подъ собой не слышитъ отъ радости. Вошелъ въ юрту—говоритъ родителямъ: „Я нашелъ себѣ коня; дайте мнѣ теперь имя, родители". Начали старикъ со старухой придумывать имя сыну; наконецъ старуха придумала. „Ты, сказала она, будешь такой человѣкъ, котораго никто не обидитъ и никто не пересилитъ. Имя твое пусть будетъ: Эрбяхъ-юрдюгеръ-сеттэте-эртѣ-ербэхтэй-бергэнъ, что значитъ: семь разъ вращается вокругъ пальца". Прежде, бывало, старики не услышатъ слово отъ сына—а теперь онъ сталъ такой веселый, что даже скоту кормъ давалъ съ пѣснями. Отъ этого и старикамъ стало веселѣе жить.

Разъ старуха пошла къ молочному озеру, близъ котораго они жили—и видитъ: по озеру плаваетъ золотая люлька, а въ ней лежитъ серебряная дѣвочка съ золотыми волосами—красоты неописанной. Старуха поймала дѣвочку и принесла ее домой. Три дня она скрывала ее, не говоря никому ни слова. На четвертый она сказала сыну, что у нея есть для него подруга. „Покажи-ка ее", сказалъ богатырь. Старуха вынесла дѣвочку изъ чулана, гдѣ она была у нея спрятана и показала ее сыну. Нахмурился богатырь, увидавъ дѣвочку и говоритъ: „Отнеси ее скорѣе туда, откуда ты взяла ее. Эта дѣвочка не человѣкъ, но абага *). Она погубитъ насъ всѣхъ, спалитъ всю землю огнемъ, если ей не помѣшать". Старуха не повѣрила сыну; какъ ни просилъ онъ мать отнести дѣвочку въ озеро, она не соглашалась разстаться съ ней—и дѣвочка осталась жить у стариковъ.

Она росла быстро—такъ быстро, какъ тѣсто киснетъ на опарѣ. На другой день послѣ разговора съ матерью богатырь пошелъ давать коровамъ сѣно. Вдругъ слышитъ позади будто кто-то ледъ колетъ. Онъ оглянулся и видитъ, что бѣжитъ къ нему ихъ дѣвочка—сама она одноногая, однорукая, одноглазая, а шуба на ней восьмигранная и желѣзная **). Бѣжитъ она и кричитъ ему: „Вотъ, братецъ родимый, я пришла помогать тебѣ скотъ кормить".—„Пошла прочь, абага! закричалъ на нее богатырь. Не подходи ко мнѣ—я тебя убью!" Онъ размахнулся и ударилъ по ней изо всей силы своей плетью; но онъ не убилъ дѣвочки-абага, а только ранилъ ее въ ухо. „Погоди, мальчишка! закричала, убѣгая, абага—я скажу твоему отцу и матери; они зададутъ тебѣ, когда ты при-

*) Абага—злой духъ.

**) Это признаки, по которымъ легко узнать нечистую силу, по вѣрованіямъ якутовъ. Эти же примѣты приписываютъ темной силѣ и другія народности.

дешь домой!“ Когда богатырь вернулся вечеромъ въ юрту, старики начали бранить его: „Видишь ты, говорили они, сестра твоя, когда выростетъ, будетъ первая невѣста у насъ въ улусѣ, первая красавица по всему свѣту; первый тоенъ *) будетъ у нея женихомъ—а ты уродуешь ее. Нѣтъ у тебя ни стыда, ни совѣсти. Развѣ добрый братъ будетъ бить свою сестру? Нѣтъ, это ты только уродился такой дурной и можешь обижать сестру“. Богатырь молча выслушивалъ выговоръ родителей. На слѣдующій день богатырь только что вышелъ дать сѣно скотинѣ—а дѣвочка уже опять бѣжитъ за нимъ. Опять абага явилась ему въ настоящемъ своемъ видѣ—одноногая, однорукая и одноглазая. Богатырь снова ударилъ ее своей плетью—онъ надѣялся, что убьетъ ее; но опять ему не удалось ее погубить: онъ ей повредилъ только палецъ правой руки. Дѣвочка перекувырнулась—и сдѣлалась снова той же красавицей, какой являлась въ юртѣ стариковъ; потомъ она побѣжала домой, подпрыгивая. Вечеромъ, когда богатырь вернулся домой, родители начали жестоко бить его за сестру. Онъ молчалъ и только пыхтѣлъ. Онъ былъ такъ силенъ, что могъ воспротивиться старикамъ; но онъ помнилъ, что родителей трогать нельзя. Жестоко прибивъ его, родители выгнали его вонъ изъ юрты. Эту ночь богатырь ночевалъ не въ юртѣ, но подъ открытымъ небомъ, вмѣстѣ съ коровами и телятами. Утромъ, на слѣдующій день, богатырь задалъ корму скоту, но не зашелъ, по обыкновенію, въ юрту, а пошелъ къ березѣ на поляну. „Я пришелъ проститься съ тобой, сказалъ онъ ей; нѣтъ у меня больше мочи жить у отца. Онъ вмѣстѣ съ матерью бьетъ меня за нечистаго абага, который поселился у нихъ въ образѣ дѣвочки. Прошу тебя, когда я уйду, оберегай ихъ вмѣсто меня. Неужели я не найду себѣ пропитанія на свѣтѣ, не найду человѣка, который взялъ бы меня къ себѣ работать?“ Изъ березы вышла опять женщина и сказала богатырю: „Останься жить у родителей; не покидай ихъ. Не только они, но и мы всѣ погибнемъ безъ тебя. Только тобой и держимся мы. Какъ только ты уйдешь, абага всѣхъ насъ спалитъ огнемъ“. Но богатырь не хотѣлъ слушать увѣщаній ичытэ. Ему было жаль стариковъ, но онъ не могъ забыть той обиды, которую они ему нанесли. Онъ вернулся къ юртѣ, но не вошелъ въ нее, а сталъ за дверьми звать отца и мать: „Выйдите ко мнѣ; я ухожу и хочу въ послѣдній разъ проститься съ вами. Помните мои слова: когда я уйду отъ васъ, дочь ваша, которую вы любите больше меня, спалитъ васъ

*) Тоенъ, значитъ господинъ, хозяинъ.

огнемъ и пепелъ отъ пожара развѣетъ на всѣ стороны“. Старики разсердились и отвѣчали изъ юрты: „Убирайся, куда хочешь, отъ насъ; мы тебя не держимъ. Лжешь ты на нашу дочку — она никогда не сдѣлаетъ этого: она не такая нехорошая, какъ ты!“— „Будете же вы помнить меня, вашего сына! Прощайте, я ухожу“— и, не говоря ни слова больше, богатырь сѣлъ на своего коня и поѣхалъ. Поѣхалъ онъ въ полуденную сторону. Онъ отъѣхалъ семь верстъ, оглянулся и увидалъ, что тамъ, гдѣ стояла юрта стариковъ, было огненное море. Онъ остановился и подумалъ, не вернуться ли ему спасать родителей, но сердце у него зачерствѣло, злоба овладѣла имъ—и онъ не вернулся. „Пускай горятъ, сказалъ онъ, если не хотѣли слушать меня. Неси меня скорѣе отсюда, конь!“

Ѣхалъ онъ лѣто, ѣхалъ зиму—прошло семь лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ оставилъ своихъ названныхъ родителей—и, наконецъ, ему захотѣлось ѣсть. Онъ вспомнилъ тогда, что за все это время онъ ничего не ѣлъ. Вдругъ онъ увидалъ недалеко отъ себя скалу, похожую на урасу. Изъ нея шелъ дымъ; но богатырь никакъ не могъ разсмотрѣть, изъ какого мѣста онъ шелъ. Ему, наконецъ, надоѣло стоять и смотрѣть. Онъ сошелъ съ коня и ногой ударилъ въ скалу. Она разбилась до половины, и верхняя часть ея опрокинулась въ сторону. Нижняя часть скалы, оказалось, была пустая; въ ней было углубленіе на подобіе круглой ямы. На днѣ этой ямы богатырь увидалъ старика и старуху; они въ испугѣ прижались другъ къ другу. Наконецъ, старикъ спросилъ: „Откуда ты явился къ намъ, добрый человѣкъ?“ Богатырь отвѣчалъ: „Поѣхалъ я разыскивать скотъ, который заблудился у моего отца; я заблудился и вотъ пріѣхалъ къ вамъ“.—„Давно ли ты изъ дому?“— „Семь лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ я отлучился изъ дому“.— „А гдѣ же живетъ твой отецъ?“—„На сѣверѣ отсюда. Тамъ есть поляна, а на ней береза, въ которой живетъ ичытэ. Дайте мнѣ скорѣе ѣсть. Съ тѣхъ поръ, какъ я выѣхалъ изъ дому, я ничего не ѣлъ“.—„Какъ намъ не накормить, не напоить такого хорошаго красиваго молодца, какъ ты? сказалъ старикъ. Старуха! дай же скорѣе ѣсть дорогому гостю“.—Старуха отвѣчала: „Хорошо, сейчасъ даю. Если гость нашъ сильный богатырь, онъ съѣстъ все, что я ему поставлю на столъ; если онъ плохой богатырь, онъ съѣстъ половину“. Старуха поставила передъ гостемъ маленькую чашечку, въ которой повидимому былъ всего одинъ глотокъ для хорошаго богатыря и два для плохого. Богатырь разсердился. „Смѣешься ты что ли надъ мной, старуха, что даешь мнѣ кушанье въ ча-

шечкѣ, какъ малому ребенку? Не забудь, что я семь лѣтъ ничего не ѣлъ".—„Ты сперва съѣшь, сказала старуха, а потомъ скажи что мало. Тогда мы дадимъ тебѣ еще. Но по нашему, если ты съѣшь все, что есть въ чашечкѣ, то, значитъ, ты хорошій богатырь; если съѣшь половину—то, значитъ, плохой".—Богатырь съ усмѣшкой началъ ѣсть то, что было въ чашечкѣ. Ѣлъ онъ два дня безъ отдыха—и, наконецъ, все съѣлъ. Старикъ со старухой очень обрадовались, когда онъ наконецъ опрокинулъ чашечку вверхъ дномъ. „Ну, сказали они, теперь видимъ, что ты настоящій богатырь. Недаромъ ты пріѣхалъ къ намъ — преодолѣлъ всѣ трудности, которыя по силамъ только могучему богатырю. Мы дожили здѣсь до глубокой старости и къ намъ съ вашей стороны не только саха *) не пріѣзжалъ, но и птицы даже не прилетали. Значитъ, ты хорошій богатырь". Переглянулись старикъ со старухой—старикъ и говоритъ богатырю: „Ты заблудился и потерялъ отца и мать. Мы стали стары. Останься жить у насъ. Когда мы умремъ, ты насъ похоронишь и возьмешь себѣ все наше добро".—„Хорошо, отвѣтилъ богатырь, я согласенъ остаться жить у васъ".

Сталъ богатырь жить у старика со старухой. Но скоро ему наскучила мирная однообразная жизнь у нихъ. Разъ онъ и говоритъ имъ: „Не знаете ли вы, нѣтъ ли здѣсь кого-нибудь, съ кѣмъ мнѣ можно бы было побороться?" Старики, услыхавъ это, заплакали. „Если у тебя явилось такое желаніе, сказали они, значитъ наскучило тебѣ жить у насъ, и ты хочешь насъ покинуть. Не лучше ли тебѣ будетъ, однако, остаться у насъ: мы тебя женимъ, будутъ у тебя дѣти—у насъ уже есть невѣста хорошая для тебя на примѣтѣ". Богатырь не прочь былъ жениться и рѣшилъ остаться у стариковъ.

Послѣ этого разговора старики, какъ только лягутъ спать, все о чемъ-то шепчутся; часто даже они не спали всю ночь на-пролетъ. Захотѣлось богатырю узнать, о чемъ они шепчутся; разъ ночью онъ нарочно притворился спящимъ, чтобы подслушать. Вотъ онъ лежитъ и слышитъ, что старикъ говоритъ: „Зачѣмъ мы обманули его—сказали, что у насъ есть невѣста на примѣтѣ для него? Мы живемъ тутъ одни, никого не знаемъ—какъ же мы найдемъ ему невѣсту? Онъ разсердится на насъ, когда узнаетъ, что мы его обманули и уйдетъ отъ насъ. Не лучше ли сказать ему всю правду?"—„Дѣлай, какъ знаешь, отвѣчала старуха, я на все согласна".—Разсердился богатырь, услыхавъ такія рѣчи. „Зачѣмъ

*) Саха—такъ называютъ самихъ себя якуты.

они обманывали меня? сказалъ онъ себѣ. Если они не знаютъ, гдѣ найти мнѣ невѣсту—зачѣмъ удерживаютъ меня обѣщаніями? Я убью ихъ; тогда и завладѣю всѣмъ ихъ имуществомъ". Но потомъ онъ подумалъ: „Зачѣмъ ихъ убивать? вѣдь они обо мнѣ же заботятся, цѣлыя ночи не спятъ, все думаютъ обо мнѣ". Но онъ рѣшилъ все-таки испытать ихъ.

Дня черезъ три онъ заболѣлъ. Онъ лежалъ на полу; все тѣло его было красно, какъ потухающее солнце. Вотъ онъ собрался съ силами и говоритъ: „Я умираю. Похороните меня хорошенько. Сдѣлайте мнѣ серебряную могилу, посадите на ней серебряныхъ и золотыхъ цвѣтовъ и деревьевъ—такъ мнѣ будетъ легче и веселѣе лежать. На коня моего надѣньте золотую узду и отпустите его на волю". Сказалъ это богатырь и умеръ. Горе стариковъ было велико; они плакали и рыдали надъ богатыремъ. Глядя на нихъ, плакали деревья, тихо покачиваясь изъ стороны въ сторону; земля стонала и вѣтеръ жалобно завывалъ. Все плакало и стонало; только соколъ, прилетѣвшій неизвѣстно откуда, кружился надъ могилой богатыря и утѣшалъ стариковъ; но они не обращали вниманія на его утѣшенія — такъ велика была ихъ печаль. Похоронили они богатыря такъ, какъ онъ того желалъ. А потомъ они каждый день ходили на могилу, подметали и обчищали ее. Они никакъ не могли утѣшиться. Ничто не развлекало ихъ: ни лѣсъ, съ которымъ они умѣли разговаривать, ни горы, понимавшія ихъ горе и радость, ни красное солнце, весело ходившее по небу, ни улыбавшіяся звѣзды. Встанутъ они утромъ, посмотрятъ другъ на друга и заплачутъ, глядя на то мѣсто, гдѣ лежалъ богатырь — и слезы ихъ льются потокомъ. Печаль ихъ была такъ велика, что ее не въ состояніи былъ бы описать Халланъ-суруксутъ*), живущій на небѣ у Ирюнь-Ани-Тоёна.

Но богатырь хотѣлъ только испытать стариковъ, любятъ ли они его дѣйствительно или нѣтъ. Онъ не умеръ, а только притворился мертвымъ. Изъ своей могилы онъ началъ дѣлать подземный ходъ къ сѣверу. Онъ копалъ и рылъ его семь лѣтъ. Наконецъ, онъ вышелъ изъ-подъ земли. Попалъ онъ въ такое мѣсто, гдѣ солнце и мѣсяцъ были заслонены чѣмъ-то и потому свѣтили наполовину; лѣсъ и трава были желѣзные. „Нужно идти куда-нибудь, подумалъ богатырь, надо выйти изъ этого лѣса". Онъ шелъ семь лѣтъ по лѣсу и, наконецъ, вышелъ на поляну. Поляна была обнесена оградой—не изъ кольевъ, а изъ одноногихъ, одноруких

*) Халланъ-суруксутъ—небесный писарь.

и одноглазыхъ абага, поставленныхъ лицомъ къ лицу другъ къ другу. Одноглазый, однорогій и двуногій скотъ безшумно ходилъ въ оградѣ и щипалъ желѣзную траву. Все было тихо, какъ въ мертвомъ царствѣ—даже желѣзные комары и мухи не жужжали, кружась вокругъ скота. Богатырь постоялъ немного въ раздумьѣ, потомъ размахнулся плетью на абага; два абага съ шумомъ упали на землю, и богатырь перешагнулъ ограду. Долго ходилъ онъ по полянѣ, отыскивая жилья и хозяина, но не могъ примѣтить и слѣда живого человѣка. Вдругъ онъ видитъ сѣрую скалу, похожую на урасу, гладкую, какъ яйцо. Онъ попробовалъ было влѣзть на нее, но никакъ не могъ: влѣзетъ до половины, а тамъ не удержится и скатится внизъ. Тогда онъ обернулся бѣлкой и быстро взбѣжалъ на вершину скалы. Тутъ было отверстіе, изъ котораго шелъ дымъ. Богатырь заглянулъ въ отверстіе и видитъ: на днѣ скалы сидитъ женщина красоты неописанной. Она горько плакала и говорила съ самой собой: „Всѣ-то пользуются свободой: звѣри, птицы, люди и черви; а я, женщина, томлюсь въ неволѣ. Не съ кѣмъ мнѣ не только попѣть и поиграть, какъ я играла и пѣла у своего отца, но и слова сказать. Сегодня я видѣла во снѣ: будто пришелъ сюда сильный богатырь, сразился съ Хара Бекердянь, моимъ злодѣемъ, убилъ его и освободилъ меня. Нѣтъ, все это неправда. Кто можетъ сюда прійти и кто можетъ сразиться съ Хара Бекердянь? Вѣдь онъ не простой богатырь; онъ—абага. Даже мой отецъ, Ирюнь-Ани-Тоенъ—и тотъ не могъ воспротивиться ему. А что значитъ простой богатырь въ сравненіи съ нимъ? Ничто“. Богатырю стало жаль женщины. Онъ обратился снова въ человѣка и бросился внутрь скалы черезъ отверстіе. „Что ты говоришь? закричалъ онъ на женщину. Ты думаешь, что я не могу справиться съ твоимъ врагомъ? Могу. Я вижу—ты настоящій человѣкъ; разскажи же мнѣ, гдѣ тебя взялъ абага“.—„Я, Ирюнь-ани-тоенъ-ныгэ, отвѣтила женщина, младшая дочь бѣлаго безгрѣшнаго бога. Хара Бекердянь сражался съ моимъ отцомъ; воспользовавшись его замѣшательствомъ, онъ похитилъ меня. Съ тѣхъ поръ я живу у него въ неволѣ — а сколько лѣтъ уже, я забыла“.—„Скажи мнѣ, спросилъ богатырь, каковъ изъ себя Хара Бекердянь?“—„Онъ четырехгранный, ростомъ выше лѣса, головой упирается въ облака; самъ онъ черный, одноглазый, однорукій и одноногій. Ему никто не можетъ противиться. Онъ съѣдаетъ за-разъ трехъ быковъ, а на закуску съѣдаетъ человѣка. Вотъ уже седьмой годъ, какъ онъ находится въ отлучкѣ. Черезъ три дня онъ вернется и пригонитъ такого же скота, какого ты видѣлъ на полянѣ: двуногаго, одно-

глазаго и однорогаго. Я тогда должна буду подвязать къ спинѣ одну руку и одну ногу и одѣться въ шкуру, чтобы скотъ не слышалъ запаха человѣческаго, выйти навстрѣчу къ Хара Бекердянь и помочь ему загнать скотъ въ ограду".

Черезъ три дня дѣйствительно поднялся вихрь и пошелъ дождь; высокій желѣзный лѣсъ зашумѣлъ; деревья, сильно раскачиваясь изъ стороны въ сторону, стукались верхушками, скрипѣли, какъ немазанныя телѣги, и съ шумомъ и трескомъ валились на землю. Скотъ въ оградѣ заметался и забѣгалъ. Женщина испугалась, задрожала, какъ листъ осины, засуетилась и начала поспѣшно подвязывать себѣ за спину руку и ногу. „Абага, абага идетъ!" кричала она въ испугѣ. Богатырь вскипѣлъ гнѣвомъ, глядя на женщину; онъ старался ее ободрить, но, когда слова его не подѣйствовали на нее, онъ схватилъ ее за косу—и она мигомъ обратилась въ золотое кольцо. Богатырь спряталъ кольцо въ карманъ, схватилъ свою девяностопудовую плеть, разбилъ въ дребезги скалу и пошелъ на встрѣчу абага. Хара Бекердянь ѣхалъ на двуногомъ и одноглазомъ желѣзномъ конѣ. Лицо у него было злое; глаза, налитые кровью, смотрѣли изп длобья и метали искры. На немъ была четырехгранная желѣзная шуба; въ рукахъ онъ держалъ восьмиконечную восьмисаженную плеть, которой онъ загонялъ разбѣгавшійся скотъ. Богатырь подбѣжалъ къ коню абага и ударилъ его своей девяностопудовой плетью въ лобъ. Конь не упалъ, но попятился назадъ и остановился какъ вкопанный. Скотъ между тѣмъ началъ разбѣгаться. Какъ ни бился Хара Бекердянь, конь его не шелъ впередъ. „Что это значитъ? закричалъ Хара Бекердянь, не видя еще богатыря. Конь у меня не идетъ!" И онъ началъ звать женщину и бранить ее. Голосъ его среди свиста вѣтра и топота убѣгавшаго скота, раздавался какъ раскатъ подземнаго грома. Богатырь между тѣмъ подскочилъ къ нему, схватилъ его за его восьмисаженную косу, сбросилъ съ коня и ударилъ по немъ плетью. Абага вскочилъ на ноги, и они начали бороться. Боролись они шестьдесятъ дней безъ отдыха. Лѣсъ и ограда разлетѣлись въ мелкіе кусочки, а на наконечникѣ богатырской плети не было между тѣмъ ни одной зазубрины отъ ударовъ. Земля была вся изрыта ногами и ударами плетей; но ни богатырь, ни Хара Бекердянь и не думали уставать. Наконецъ абага сказалъ: „Откуда ты взялся, мальчишка? Вижу, что ты еще не укрѣпился силами: кости твои еще мягки какъ глина. Благодарю тебя за то, что ты пришелъ: я убью тебя, зажарю и съѣмъ. А должно быть мясо твое вкусно".—„Ты привыкъ, отвѣчалъ богатырь, ѣсть лю-

дей; но не думай, чтобы я такъ легко достался тебѣ. Неизвѣстно, кто еще кого побѣдитъ. Если бы твои глаза не были похожи на половину скалы, лицо—на обвалившуюся гору, носъ—на большой разбитый камень, ноги—на деревянную песть отъ ступы; если бы ты не помѣщался на тропинкѣ, на которой ты стоишь, если бы не заслонялъ солнца и мѣсяца и самъ не былъ бы закопченаго цвѣта—ты, можетъ быть, и убилъ бы меня. Скажи-ка мнѣ лучше, какъ ты смѣлъ украсть младшую дочь Ирюнь-ани-тоена?“ Вмѣсто отвѣта Хара Бекердянь только засмѣялся злобно и ударилъ богатыря дубиной. Борьба возобновилась.

Боролись они девять лѣтъ. Наконецъ Хара Бекердянь началъ уставать, а богатырь между тѣмъ не усталъ нисколько. Хара Бекердянь и говоритъ: „Вижу, что ты богатырь, потому что я потерялъ всю свою силу. Неужели я долженъ умереть отъ руки мальчишки? Почему не могу сломать костей твоихъ и пролить твою кровь? Много разъ боролся я въ теченіе своей жизни, много побилъ я людей—но такого, какъ ты, я еще не встрѣчалъ. Въ первый разъ я вижу такого сильнаго богатыря. Хотя я и усталъ, но мы все же будемъ бороться еще. Пойдемъ къ огненному морю—ты сдѣлаешься золотой рыбой, а я желѣзной. Если ты согласенъ на это, говори!“ Богатырь отвѣчалъ: „Согласенъ“. Они пришли къ огненному морю, обернулись рыбами и начали бороться. Боролись они семь лѣтъ; всѣхъ рыбъ выгнали изъ моря, даже огненная вода уничтожилась. Хара Бекердянь, повидимому, усталъ, но не сознавался въ этомъ. А богатырь сказалъ: „Чувствую, что я начинаю еще больше крѣпнуть. Кости мои совсѣмъ окрѣпли; я нисколько не усталъ, только потъ выступилъ у меня на лбу. Надоѣло мнѣ бороться съ тобой; пора домой итти“. Собравъ всю свою силу, онъ бросился на противника; но лукавый абага, видя, что дѣло плохо, сказалъ ему: „Остановись и выслушай меня! Если ты честный человѣкъ, выйдемъ изъ моря и отдохнемъ на берегу. Мнѣ не хочется такъ умирать. Я предложу тебѣ еще одно условіе; согласись на него, если ты честный человѣкъ. Обернемся птицами: ты моксоголомъ-соколомъ съ золотыми и серебряными перьями, съ одной головой и четырехграннымъ клювомъ, а я буду доллаки оксёкё—желѣзнымъ орломъ съ восьмью головами и четырехгранными клювами—и будемъ бороться. А теперь выйдемъ на берегъ моря—полежимъ, отдохнемъ“.

Богатырь согласился. Они вышли на берегъ и легли. Лежали они три года, такъ что ихъ совсѣмъ занесло снѣгомъ. „Видишь, какой ты хитрый, сказалъ, наконецъ, богатырь. Я послушался тебя

какъ добраго человѣка, легъ отдохнуть, не зная твоей хитрости— а теперь встать не могу. Пока мы боролись, я не чувствовалъ никакой усталости, а теперь всѣ кости у меня болятъ, и я едва могу пошевельнуться". Говоря это, богатырь хотѣлъ приподняться съ земли, но не могъ, потому что онъ весь ушелъ въ снѣгъ; одна голова его была наружу. „Не кольцо ли, которое у меня въ карманѣ, такое тяжелое? не оно ли такъ давитъ меня? Такъ, это оно гнетъ меня къ землѣ". Онъ засунулъ руку въ карманъ, отыскалъ кольцо и бросилъ его на землю. Кольцо вмигъ обернулось женщиной. Она со слезами подбѣжала къ богатырю и начала его обчищать отъ снѣга. Обчищала она и отрывала его три года. Хара Бекердянь все время злобно смѣялся и издѣвался надъ женщиной. „Зачѣмъ очищаешь его, говорилъ онъ, младшая дочь Ирюнь-Ани-Тоена? Ты моя раба; лучше иди, помогай мнѣ; я могу пригодиться тебѣ, когда я убью его". Наконецъ женщина откопала богатыря. Онъ всталъ, пошелъ, отыскалъ рѣку съ живой водой и вымылся въ ней. Потомъ, помня объ уговорѣ, онъ вернулся къ Хара Бекердянь, который никакъ не могъ встать, вытащилъ его за голову изъ-подъ снѣга и вымылъ его въ такой же водѣ, въ какой вымылся самъ. Послѣ этого они обернулись птицами: богатырь—соколомъ съ золотыми и серебряными перьями и четырехграннымъ клювомъ, а Хара Бекердянь—желѣзнымъ орломъ съ восемью головами. И снова началась борьба.

Они бились три года. Земля вся покрылась перьями; перья носились и въ воздухѣ. Наконецъ соколъ клюнулъ орла въ грудь такъ сильно, что тотъ упалъ на землю полуживой. Орелъ попросилъ дать ему семь дней сроку, чтобы слетать къ рѣкѣ съ живой водой. Богатырь согласился. Орелъ вернулся, подкрѣпивъ себя новыми силами—но бой на этотъ разъ продолжался недолго. Соколъ со всего размаха ударилъ клювомъ по головѣ орла — и Хара Бекердянь упалъ мертвымъ.

Младшую дочь Ирюнь-Ани-Тоена, избавленную отъ рабства, богатырь взялъ себѣ въ жены, а потомъ началъ подумывать о томъ, какъ бы вернуться къ тому мѣсту, гдѣ жили старики, похоронившіе его. Ѣхать ему было не на чемъ. Тогда онъ началъ кричать, свистать и звать своего коня. Зоветъ онъ его день, другой, третій; на четвертый видитъ вдругъ, что онъ спускается къ нему съ неба. Богатырь тотчасъ сѣлъ на него, посадилъ свою жену—и конь поскакалъ. Въ дорогѣ у нихъ родился сынъ; весь онъ былъ серебряный, а волосы у него были золотые. Когда мальчикъ явился на свѣтъ, солнце и звѣзды улыбались, все доброе, живущее на землѣ и на

небѣ, веселилось, а злое пришло въ уныніе. Богатырь и жена его не знали, какъ уберечь въ дорогѣ ребенка; но конь сказалъ своему хозяину: „Пусть жена твоя съ сыномъ войдетъ въ мое лѣвое ухо; тамъ есть теплая комната; въ ней она найдетъ тазъ и полотенце. Пусть она вымоетъ тамъ себя и ребенка, вымажетъ его масломъ, а потомъ перейдетъ въ правое мое ухо. Тамъ есть, гдѣ лечь, чѣмъ прикрыться, что ѣсть и пить—даже игрушки для ребенка есть. Пусть они и остаются тамъ, а ты поѣдешь на мнѣ". Такъ они и сдѣлали.

Ѣхали они семь лѣтъ и, наконецъ, доѣхали до того мѣста, гдѣ жили старикъ со старухой. Старики сидѣли у могилы и очищали ее. Они не узнали богатыря. Но онъ разсказалъ имъ все, какъ было—и радость ихъ была безмѣрна. Старуха взяла сына богатыря, закутала его въ соболиный мѣхъ; она нянчилась съ нимъ, поила и кормила его. Богатырь остался жить у стариковъ и началъ хозяйничать.

Прошло три года, и говоритъ разъ богатырь старику и старухѣ: „Были у меня отецъ и мать. Какъ-то они живутъ? живы ли они, здоровы? Надо бы съѣздить къ нимъ и провѣдать ихъ".— „Это доброе дѣло, отвѣтилъ старикъ; поѣзжай, узнай, какъ они живутъ—я не удерживаю тебя".—„Ты, старикъ, не сердись на меня за то, что я хочу ѣхать; но лучше благослови меня въ добрый путь: вѣдь дорога не близкая".

Со слезами провожали старики богатыря, его жену и сына. Ѣхалъ богатырь семь лѣтъ; по дорогѣ ему не встрѣтился не только ни одинъ человѣкъ, но даже птица. Наконецъ, онъ пріѣхалъ на старое мѣсто—и едва узналъ его по примѣтамъ. Даже слѣда не было, что тутъ когда-то жили люди. Богатырь оставилъ жену и сына на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде стояла юрта его родителей, а самъ пошелъ на поляну къ березѣ. Онъ насилу узналъ ее: прежде она была высокая, съ красивыми вѣтвями, а теперь она стояла со сломанной вершиной, съ обгорѣлыми сучьями. Богатырь постучалъ о стволъ и послышался глухой, дребезжащій звукъ, какъ будто средина дерева была пустая, а края его гнилые. На стукъ вышла дряхлая старуха, вся сѣдая, съ морщинистымъ лицомъ. „Ты звалъ меня?" спросила она.—„Я", отвѣтилъ богатырь. „Что надо?"— „Скажи мнѣ, не знаешь ли ты, гдѣ мой отецъ и мать, которые жили здѣсь?"—„Да ты развѣ сынъ ихъ?"—„Да", отвѣтилъ богатырь.—„Зачѣмъ ты тогда не остался жить у нихъ? сказала старуха. Вѣдь я говорила тебѣ тогда, что надо остаться. Какъ только ты уѣхалъ, дѣвушка абага всѣхъ насъ спалила. Гдѣ твои отецъ

и мать, я не знаю. Слышала я только, что, когда все у насъ горѣло, быкъ твой и жеребецъ ушли въ землю. Больше я ничего не знаю и не спрашивай меня ни о чемъ. Сама я теперь состарилась, никуда не хожу, еле ноги двигаю“. Сказавъ это, она тихо скрылась въ березу.

Грустнымъ вернулся богатырь къ женѣ и сыну. Вдругъ слышитъ, будто громъ гремитъ; онъ оглянулся и видитъ: съ сѣвера идетъ къ нему быкъ съ четырьмя коровами и конь съ четырьмя кобылами; шерсть на нихъ была опалена огнемъ. Они подошли къ нему и начали его обнюхивать. „Откуда это посланъ намъ хозяинъ? сказалъ, наконецъ, конь. Мы безъ тебя едва не пропали всѣ. Абага, которая поселась здѣсь подъ видомъ дѣвочки, хотѣла огнемъ спалить насъ всѣхъ; но мы кое-какъ спаслись, ушли подъ землю; только, видишь, остались безъ шерсти“.—„Гдѣ же отецъ и мать?“ спросилъ богатырь. Конь отвѣчалъ: „Абага опустила ихъ въ семисаженную яму, недалеко отсюда. Они и до сихъ поръ сидятъ въ ней“.—„Скажите мнѣ, какъ же абага жгла васъ?“—„Абага вышла изъ юрты, дунула разъ — изъ рта ея пошло пламя, какъ огненная рѣка. Куда она поварачивала лицо, тамъ и начинался пожаръ. Она дунула во второй разъ—и выскочила изо рта у нея коза. Она обернулась въ нее и убѣжала въ западную сторону“. Богатырь велѣлъ коню вести его къ ямѣ, гдѣ сидѣли старики. Ему жаль было стариковъ; но, когда онъ увидалъ ихъ, злоба и обида снова закипѣли въ немъ: онъ не могъ простить имъ того, что они тогда были такъ несправедливы къ нему. „Что, сказалъ онъ, не послушали вы меня тогда? говорилъ я вамъ, что дѣвочка та—абага, а вы только били меня, бранили и мучили. Оставайтесь теперь тутъ“—и онъ въ злобѣ вскочилъ на коня и уѣхалъ отъ нихъ. Когда онъ разсказалъ все это женѣ, она начала ему выговаривать: „Нехорошо ты сдѣлалъ, что не простилъ родителямъ обиды. Они, бѣдные, и безъ того вынесли много мученій, лежа въ сырой ямѣ“. Богатырь молча выслушалъ жену, но за родителями не поѣхалъ. Онъ началъ обзаводиться хозяйствомъ, строить юрту. Злоба въ его сердцѣ боролась съ жалостью. А жена неотступно просила его за стариковъ. Наконецъ, богатырь уступилъ просьбамъ и слезамъ жены и поѣхалъ за стариками. Отъ холода и голода они были еле живы, когда онъ привезъ ихъ домой; но жена богатыря вымыла ихъ, накормила, напоила, одѣла въ хорошее, чистое платье — и они ожили. Она ласково обходилась съ ними и старалась всячески угождать имъ.

Богатырь между тѣмъ все думалъ, какъ бы ему отомстить дѣ-

вушкѣ-абага за то, что она сдѣлала съ его родителями. Разъ утромъ онъ собрался въ путь отыскивать абага. Сынъ его началъ проситься ѣхать вмѣсто него на бой съ злой силой. Но богатырь отвѣтилъ: „Гдѣ тебѣ, мальчишкѣ, ѣхать? Выкинь это изъ головы и сиди себѣ дома. Ты думаешь, шутка бороться съ абага?“ Сынъ сказалъ на это: „Отецъ, ты уѣзжаешь и, можетъ быть, вернешься не скоро. Я сталъ уже большой, но у меня до сихъ поръ нѣтъ имени. Дай мнѣ имя!“—„Хорошо, сказалъ богатырь, я дамъ тебѣ имя: ты будешь называться: Младшій сынъ бѣлаго бога“.

Простился богатырь со своей семьей и отправился въ далекій путь. Ѣхалъ онъ лѣсомъ, спаленнымъ послѣ пожара. Сучья цѣпляли и рвали богатырскую одежду и царапали его коня. Долго ѣхалъ богатырь—вдругъ видитъ, на деревѣ сидятъ двѣ вороны, черная и пестрая. Онъ взялъ лукъ и стрѣлы, прицѣлился въ нихъ, но никакъ не могъ спустить тетиву. Удивился богатырь, началъ ходить вокругъ дерева, цѣлиться въ птицъ. Ходилъ онъ вокругъ дерева семь лѣтъ — даже яму кольцомъ вытопталъ, но не могъ застрѣлить воронъ. „Вижу, сказалъ онъ наконецъ, что вы не простыя вороны, что въ васъ живетъ духъ силы. Скажите мнѣ, гдѣ живетъ дѣвушка абага, Нэгэй-тугутъ“. Вороны отвѣчали: „Поѣзжай на сѣверъ, не по дорогѣ, а прямо лѣсомъ. Ты доѣдешь до такого мѣста, гдѣ половина солнца и мѣсяца заслонены чѣмъ-то; небо тамъ всегда покрыто тучами и плачетъ горькими слезами, земля стонетъ, вѣтеръ то жалобно воетъ, то шумитъ, будто сердится на что-то. Онъ никакъ не можетъ разорвать тучи; только на твое счастье онѣ разорвутся, когда ты будешь сражаться съ Нэгэй-тугутъ или съ ея мужемъ, чтобы тебѣ было удобнѣе бороться. Еще далеко отъ жилища Нэгэй-тугутъ, ты услышишь страшный лай собакъ, вой волковъ, ревъ медвѣдей и другихъ звѣрей; они сторожатъ жилище абага и, услышавъ твое приближеніе, заревутъ и будутъ стараться разорвать желѣзныя веревки, на которыхъ они привязаны. Но ты не бойся этого рева и иди смѣло впередъ. Юрта Нэгэй-тугутъ обнесена оградой; вмѣсто столбовъ стоятъ чудовища съ головой человѣческой, съ туловищемъ конскимъ; стоятъ они попарно, лицомъ другъ къ другу; одинъ плачетъ, другой смѣется надъ его слезами. Въ оградѣ стоитъ юрта Нэгэй-тугутъ—высокая, круглая, гладкая скала. На ней будетъ надпись; прошиби своей плетью то мѣсто, на которомъ увидишь надпись и войди въ юрту—ты увидишь тамъ красавицу женщину. Она похищена мужемъ Нэгэй-тугутъ. Едва ли ты побѣдишь Нэгэй-тугутъ и ея мужа; оба они очень сильны. Они вдвоемъ на-

вѣрное осилять тебя. Если тебѣ придется плохо, крикни погромче: „Явитесь ко мнѣ, черная и пестрая ворона!“ Мы прилетимъ тогда и поможемъ тебѣ“. Проговоривъ это, вороны сѣли въ свои гнѣзда.

Богатырь поѣхалъ дальше. Долго ли, коротко ли онъ ѣхалъ—онъ не зналъ, потому что имъ овладѣла тоска и безпокойство. Все произошло такъ, какъ сказали вороны. Издали послышался лай собакъ и ревъ звѣрей, рвавшихъ желѣзныя веревки. Юрта Нэгэйтугутъ была обнесена оградой изъ чудовищъ. Богатырь повалилъ двухъ изъ нихъ, проникъ въ ограду, прошибъ плетью отверстіе въ стѣнѣ юрты и вошелъ въ нее. Въ юртѣ сидѣла дѣвушка красоты неописанной. На лицѣ у дѣвушки горѣли три солнца, на затылкѣ свѣтили три мѣсяца; лицо у нея было бѣлое—серебряное, брови черныя, какъ сажа или какъ перья ворона; глаза небеснаго цвѣта; изъ нихъ сыпались искры. Тѣло было прозрачно, такъ что видны были всѣ кости.

Дѣвушка подошла къ золотому столбу, стоявшему посрединѣ жилища, обвила его восьмисаженными волосами и начала чесать себѣ голову бѣлымъ гребнемъ. Когда она поворачивалась, темные углы юрты освѣщались попеременно солнцемъ или мѣсяцемъ. Она кончила наконецъ чесать себѣ волосы, остановилась у очага, задумалась, потомъ сказала: „Видѣла я сегодня ночью сонъ, будто пришелъ богатырь и началъ бороться съ абага, моими мучителями. Но я проснулась и не знаю, чѣмъ кончилась битва. Да кто, въ самомъ дѣлѣ, можетъ прійти и сразиться съ абага? кто можетъ имъ противиться? Никто“. Богатырь все это время стоялъ въ одномъ углу юрты; теперь онъ выступилъ впередъ и сказалъ: „Я избавлю тебя отъ абага и возьму тебя въ невѣсты моему сыну. Мнѣ жаль тебя, что ты—такая красавица и пропадаешь въ плѣну у абага“. Дѣвушка проговорила: „Много лѣтъ живу я здѣсь и ни разу еще я не видала человѣческаго лица. Кто ты и откуда ты пришелъ?“—„Я пришелъ, отвѣтилъ богатырь, наказать твою хозяйку за то зло, которое она сдѣлала моимъ родителямъ“—и онъ разсказалъ ей все, что сдѣлала со стариками Нэгэй-тугутъ.

Дѣвушка накормила, напоила богатыря и уложила его спать. Богатырь проснулся на слѣдующій день совершенно бодрымъ. Онъ прогостилъ у дѣвушки нѣсколько дней. Вдругъ, однажды утромъ, онъ слышитъ странный шумъ: съ неба падаетъ дождь, деревья пошатываются и валятся на землю. Дѣвушка въ испугѣ заметалась по юртѣ. „Нэгэй-тугутъ ѣдетъ! кричала она. Бѣда будетъ мнѣ! Я забыла сказать тебѣ, богатырь, что она должна пріѣхать сегодня отъ своего мужа. Онъ живетъ на берегу моря, со дна ко-

тораго бьютъ дегтярные ключи—такъ что само море дегтярное. Спасайся, богатырь, спасайся! Спрячься куда-нибудь!"—„Зачѣмъ мнѣ прятаться? спокойно отвѣчалъ богатырь. Сиди здѣсь, а я выйду навстрѣчу твоей хозяйкѣ"—и онъ взялъ лукъ, стрѣлы и плеть и приготовился выйти изъ юрты; но дѣвушка удержала его. „Постой, сказала она; ты не убьешь ее, не зная ея слабаго мѣста: вѣдь она вся желѣзная, и шуба на ней желѣзная. Не повредятъ ей ни стрѣлы твои, ни плеть. Но у нея подъ правой рукой есть небольшое живое мѣсто—стрѣляй въ него; если ты удачно попадешь, ты можешь ее убить".

Вышелъ богатырь за ограду и видитъ—ѣдетъ четырехгранная Нэгэй-тугутъ въ саняхъ о восьми копыльяхъ, въ которыя впряженъ двуногій, одноглазый и однорогій быкъ. Богатырь размахнулся своей плетью и ударилъ быка по лбу; тотъ попятился и остановился. Нэгэй-тугутъ начала его бить, но онъ не двигался съ мѣста. Тогда Нэгэй-тугутъ отпрягла быка, сломала сани и начала нюхать воздухъ. „Слышу какой-то вкусный запахъ, сказала она; вотъ хорошо будетъ поѣсть". Въ это время богатырь выстрѣлилъ въ нее изъ лука; онъ попалъ ей подъ правую руку, но не убилъ ее. Тогда онъ бросился на нее съ крикомъ: „Зачѣмъ ты разорила моихъ родителей? Нѣтъ у тебя ни души, ни сердца—не пожалѣла ты стариковъ, бросила ихъ въ яму и все имущество ихъ сожгла!"—„Да это братецъ мой! сказала Нэгэй-тугутъ—и она засмѣялась такъ злобно, что лѣсъ содрогнулся и даже у богатыря мурашки побѣжали по спинѣ. Ты ли это? Давно не видались! Какъ это ты пришелъ навѣстить свою сестру?" Начали они бороться и боролись три года. Наконецъ Нэгэй-тугутъ стала ослабѣвать. Тогда она начала звать къ себѣ на помощь своего мужа: „Развѣ ты не слышишь, что мнѣ плохо? Злой человѣкъ хочетъ меня убить. Явись немедленно! Если ты не явишься, злой человѣкъ меня убьетъ". На зовъ ея, съ шумомъ, вѣтромъ и дождемъ, явился ея мужъ—абага—такой большой, что заслонилъ собой солнце и мѣсяцъ. Онъ набросился на богатыря вмѣстѣ со своей женой. Богатырь боролся одинъ противъ двухъ цѣлыхъ два года. Онъ началъ ослабѣвать, но все же ему удалось схватить Нэгэй-тугутъ и отбросить ее за семь верстъ. Въ это время къ нему съ неба спустился его конь, который оставилъ его, когда онъ перешагнулъ за ограду Нэгэй-тугутъ. Конь началъ бить копытами абага, чтобы помочь хозяину. Богатырь обрадовался коню и говоритъ ему: „Бѣги скорѣе къ черной и пестрой воронѣ. Пусть извѣстятъ онѣ скорѣе моего сына, чтобы онъ спѣшилъ мнѣ на помощь. Я усталъ и, если онъ замед-

литъ, абага покончатъ со мной". У коня тотчасъ выросли золотыя крылья; онъ поднялся на воздухъ и полетѣлъ быстрѣе молніи. Отправивъ воронъ къ сыну богатыря, онъ самъ вернулся къ своему хозяину. Между тѣмъ и Нэгэй-тугутъ оправилась и пришла опять помогать мужу.

Вороны прилетѣли къ сыну богатыря и сказали ему· „Иди скорѣй выручать отца: абага хотятъ убить его. Садись скорѣе къ намъ на крылья и полетимъ". Они летѣли такъ быстро, что лоскутокъ, брошенный въ огонь, не успѣлъ сгорѣть—какъ они были уже на мѣстѣ. Сынъ богатыря крикнулъ абага: „Ты думаешь, у моего отца нѣтъ сына! Думаешь, что онъ безродный! Ошибаешься!"—и онъ кинулся на враговъ. Бились они четыре года; наконецъ, сынъ богатыря, видя, что абага приходитъ конецъ, говоритъ ему: „Скажи мнѣ тайное слово; ты можетъ быть печалишься, что я тебя скоро убью, а у тебя есть неоконченныя дѣла. Скажи мнѣ—я, какъ честный человѣкъ, выполню ихъ, если они хорошія". Но абага ничего не сказалъ. Чувствуя свою погибель, онъ вздумалъ было уйти подъ землю. Но тутъ-то сынъ богатыря и покончилъ съ нимъ.

Оглянулся потомъ сынъ богатыря и видитъ—отецъ все еще не можетъ справиться съ Нэгэй-тугутъ. Онъ подбѣжалъ, отстранилъ отца, схватился съ Нэгэй-тугутъ и скоро покончилъ и съ ней.

Послѣ этого молодой богатырь взялъ себѣ въ жены красавицу дѣвушку, жившую въ плѣну у абага и вмѣстѣ съ ней и отцомъ отправился домой.

М. Овчинниковъ: *Изъ матеріаловъ по этнографіи якутовъ* *)

———⁂———

*) Этнограф. Обозр. Кн. XXXIV. 1897 г.

ГИЛЯКИ.

Гиляки живутъ на островѣ Сахалинѣ и на материкѣ, въ Приморской области, на низовьяхъ Амура. Ихъ насчитываютъ около 5,000 чел. Гиляки почти всѣ небольшого роста; плечи у нихъ широкія, грудь хорошо развита, ноги и руки маленькія; голова большая, покрытая густыми черными волосами; глаза узкіе, скулы выдающіяся, носъ небольшой, вдавленный, губы толстыя; цвѣтъ кожи смуглый. Гиляки отличаются смѣлостью, стойкостью въ перенесеніи физическихъ страданій и честностью; они миролюбивы, гостепріимны, всегда готовы помогать своимъ и чужимъ. Живутъ они преимущественно возлѣ рѣкъ или морскаго берега небольшими деревнями, избъ въ три — шесть, рѣдко больше двѣнадцати. Гиляцкіе дома напоминаютъ русскія избы; но они ниже, хотя и помѣстительнѣе русскихъ. Крыша покрывается берестой, или высушенной травой; чтобы вѣтеръ не снесъ ее, на нее накладываютъ камни. Дверь избы низенькая, досчатая; полъ—изъ битой глины; окна затянуты рыбьею кожей. Очагъ дѣлается изъ глины; труба для отвода дыма идетъ, нагрѣвая воздухъ, подъ нарами, тянущимися вдоль стѣнъ, и выходитъ наружу, оканчиваясь высокой отдѣльно стоящей деревянной трубой. Полъ въ этихъ юртахъ углубленъ, такъ что при входѣ приходится спускаться на нѣсколько ступеней. Но въ нихъ, такъ же, какъ и въ избахъ, гиляки живутъ только въ зимніе мѣсяцы; на лѣто они переселяются въ амбары, служащіе имъ и для храненія запасовъ. Эти амбары ставятся на столбикахъ, чтобы предохранить запасы отъ крысъ.

Главныя занятія гиляковъ—охота и рыболовство — требуютъ иногда значительныхъ передвиженій—или въ лодкахъ, или въ

нартахъ (саняхъ), запряженныхъ собаками. На пути гилякъ часто ставитъ себѣ походный шалашъ изъ березовой коры.

Гиляки.

Одежда гиляка состоитъ изъ холщевой или бумажной рубахи, нижнихъ штановъ и верхнихъ, такъ называемыхъ *гаръ*, которые шьются или изъ мѣха, или изъ китайской матеріи на ватѣ; сверху надѣваютъ короткій армякъ, сшитый изъ синей китайской матеріи и кафтанъ, который дѣлается изъ собачьей шкуры,

мѣхомъ наружу. Иногда кафтанъ до таліи шьютъ изъ грубаго сѣраго сукна, а юбку его изъ нерпичьей шкуры. Кафтанъ стягиваютъ поясомъ, къ которому привѣшенъ ножъ, огниво, игольникъ и др. Гиляки ходятъ босикомъ или надѣваютъ обувь, сдѣланную изъ рыбьей или нерпичьей шкуры. На головѣ носятъ лѣтомъ берестяныя шляпы, пирамидальной формы, а зимой шапки изъ собачьей шкуры. На руки въ сильные морозы надѣваютъ

Гиляцкій амбаръ.

мѣховыя рукавицы мѣхомъ внутрь; наружныя же стороны ихъ обшиты рыбьей шкурой. Изъ рыбьей же шкуры шьются иногда и нижнія рубахи. Костюмъ гилячекъ мало отличается отъ мужскаго. Рубашки и кафтаны женщинъ дѣлаются длиннѣе и украшаются суконными выпушками и побрякушками. Рукавицы ихъ сплошь покрыты узорами. Въ ушахъ они носятъ огромныя серьги-кольца, а на рукахъ аляповатые мѣдные браслеты; и то, и другое туземнаго изготовленія.

Немногіе изъ гиляковъ крещены. Большинство же ихъ исповѣдуютъ языческую религію. Гиляки вѣрятъ въ существованіе высшаго божества—*Кушъ* или *Куръ*, создавшаго все и живущаго на небѣ, а также и множество духовъ, добрыхъ и злыхъ, которые населяютъ

всю вселенную. Посредниками между людьми и духами являются шаманы, которые при помощи волшебнаго бубна вступаютъ въ сношеніе съ духами, узнаютъ, какую жертву они требуютъ, лѣчатъ болѣзни, а также и посылаютъ ихъ на людей, призываютъ по желанію дождь и грозу и пр. Есть у гиляковъ и идолы, которымъ они приписываютъ силу посылать счастье на охотѣ, охранять домъ и т. п. Они бываютъ различнаго вида: одни имѣютъ человѣческую фигуру, другіе — медвѣдя и обшиваются даже его шкурой; третьи обшиты перьями на подобіе птицъ; наконецъ есть идолы—конусы, на которыхъ сбоку сдѣланы углубленія и т. д.

Счастье младшаго брата.

Гиляцкая сказка.

Въ одной деревнѣ, которая состояла изъ пятнадцати избъ, жилъ богатый гилякъ. У него было двѣ жены *) и три сына: двое отъ первой жены, и одинъ отъ второй. Старшіе братья били пушного звѣря и соболей, ловили рыбу и нерпей и вели торговлю съ манджурами, для чего ѣздили въ лодкахъ въ манджурскіе города **). Младшій же братъ былъ у нихъ въ работникахъ, и они обходились съ нимъ худо и часто обижали его.

Въ одну зиму всѣ трое братьевъ отправились въ лѣсъ ловить соболей ***). Жили они въ балаганѣ. Старшимъ братьямъ привалило счастье: въ два мѣсяца они поймали полтораста хорошихъ соболей; а младшему не было удачи: онъ убилъ всего трехъ соболей, да и то бѣлыхъ, худыхъ. Братья смѣялись надъ нимъ и бранили его.

Разъ, въ полночь, самый старшій братъ хотѣлъ выйти изъ балагана, но дверь не отворялась. Онъ посмотрѣлъ и видитъ, передъ

*) У гиляковъ встрѣчается многоженство, хотя чаще у гиляка бываетъ только одна жена. Это зависитъ отъ того, что за невѣсту приходится выплачивать обыкновенно очень большой калымъ.

**) Гиляки ведутъ торговлю со своими сосѣдями; они продаютъ имъ добычу отъ своихъ промысловъ: охоты и рыбной ловли. Въ торговлѣ они обладаютъ большой смѣтливостью и ловкостью. Часто ѣздятъ они также къ манджурамъ, живущимъ по р. Сунгари (впадающей въ Амуръ) и ея притокамъ. Ѣздятъ они въ этотъ далекій путь не на нартахъ, а въ лодкахъ, и не въ одиночку, а соединившись нѣсколько человѣкъ вмѣстѣ подъ началомъ опытнаго, уже бывалаго человѣка. Торговля съ манджурами считается наиболѣе выгодной.

***) Соболиный промыселъ — одна изъ самыхъ важныхъ статей дохода для гиляка. Время года для этого промысла—осень и зима. Гиляки или стрѣляютъ соболя дробью изъ ружья или же ловятъ его петлями изъ конскаго волоса, которыя разставляются по рѣчкамъ, между тальникомъ. Иногда петлю кладутъ на жердь или бревно, которое нарочно перебрасываютъ черезъ быстро текущія рѣчки; соболь, перебѣгая по такимъ жердямъ, попадаетъ въ петлю.

дверью лежитъ учхарушъ, похожій на огромнаго тигра *). Разбудилъ онъ тихонько второго брата—такъ, чтобы младшій не слыхалъ, и говоритъ: „Что намъ дѣлать? Учхарушъ съѣстъ насъ". Думали они, думали и наконецъ говорятъ черезъ дверь: „Зачѣмъ ты пришелъ сюда? Мы тебѣ ничего дурного не сдѣлали. Если же ты нашелъ за нами что-нибудь худое—то возьми вмѣсто выкупа нашего младшаго брата. Что хочешь, то и дѣлай съ нимъ — но посторонись и выпусти насъ изъ балагана". Учхарушъ отошелъ, а братья забрали всѣхъ своихъ соболей и убѣжали. Въ балаганѣ они оставили только двѣ юколы **) для младшаго брата.

Долго спалъ младшій братъ. Наконецъ онъ проснулся и видитъ, старшихъ нѣтъ въ балаганѣ. Онъ подумалъ, что они ушли уже на работу и хотѣлъ идти за ними; но передъ дверьми сидѣлъ учхарушъ. Заплакалъ горько младшій братъ; видитъ, что братья оставили его вмѣсто выкупа и что смерти ему не миновать. Потомъ онъ началъ думать, какъ бы ему перехитрить учхаруша и убѣжать. Онъ началъ говорить въ дверь: „Выпусти меня. Я отъ тебя не убѣгу, потому что у меня двѣ ноги, а у тебя четыре. Дай мнѣ только посмотрѣть на солнце и проститься съ нимъ — а потомъ и ѣшь меня!" Учхарушъ согласился и выпустилъ его. У младшаго брата не было ни ножа, ни копья ***), чтобы убить врага. Онъ увидалъ около балагана высокую березу и полѣзъ на нее. Учхарушъ кинулся за нимъ; но береза была съ развилиной, и онъ застрялъ въ ней. Бился онъ, бился, чтобы выбраться — но еще больше застрялъ. А молодой гилякъ взлѣзъ на самую верхушку. Прошло три дня и три ночи—учхарушъ и говоритъ гиляку: „Если хочешь быть богатымъ, освободи меня; не то я пропаду". Гилякъ не повѣрилъ этимъ словамъ и остался еще одну ночь ночевать на деревѣ. Учхарушъ опять взмолился къ нему: „Отпусти меня,

---

*) Учхаруши — злые духи. Они живутъ въ морѣ и особенно опасны гилякамъ во время ловли нерпи. Они разъѣзжаютъ по морю въ лодкахъ и когда завидятъ лодку съ гиляками, бьющими нерпь, кричатъ имъ: „что вы дѣлаете?" Если гиляки отвѣтятъ, что бьютъ нерпь, учхаруши топятъ лодку. Но если гиляки догадаются вмѣсто отвѣта показать заячій хвостъ, учхаруши удаляются.

**) Юкола — рыба, приготовленная впрокъ слѣдующимъ образомъ: рыбу распластываютъ и подвѣшиваютъ на нѣсколько аршинъ отъ земли; отъ тока воздуха она превращается въ сухую, негніющую массу. Для юколы употребляется преимущественно рыба кета—изъ породы лосося (Salmo lagocephalus).

***) Первобытное оружіе гиляка состоитъ изъ копья, лука и стрѣлъ; въ настоящее время гиляки покупаютъ себѣ ружья для охоты у русскихъ.

я уйду и исполню свое слово“. Тогда гилякъ послушался и высвободилъ его. Учхарушъ сейчасъ же убѣжалъ.

А младшій братъ пошелъ въ свой балаганъ, съѣлъ половину одной изъ юколъ, оставленныхъ братьями, и легъ спать. Во снѣ къ нему пришелъ какой-то человѣкъ и сказалъ ему: „Ты меня освободилъ. Что тебѣ сдѣлать за это?“ Гилякъ сказалъ: „Самъ знаешь; что хочешь, то и дѣлай“.—„У меня есть дочь; возьми ее за себя замужъ“.—„Хорошо, возьму. Но теперь я ѣсть хочу“.—„Поставь самострѣлъ *)—и будетъ мясо“. Младшій братъ проснулся и сейчасъ же поставилъ три самострѣла. Не успѣлъ онъ еще выкурить своей трубки, какъ въ нимъ уже попались три прекрасныхъ соболя. Онъ поѣлъ мяса и опять легъ спать.

Проснулся онъ, глядитъ кругомъ — и не знаетъ, гдѣ онъ. Балаганъ его весь убранъ парчей; добра всякаго—сразу и не сосчитаешь, и сидитъ возлѣ него красавица дѣвушка. Испугался младшій братъ; но красавица говоритъ: „Не бойся, я твоя жена!“—„Но я бѣденъ, а ты богата, и мнѣ стыдно“.—„Не стыдись! я твоя жена. Домой теперь не ходи; живи здѣсь, лови соболей“. Сталъ гилякъ жить въ балаганѣ съ своею женою и охотиться на соболей. Жена всегда показывала ему мѣсто, гдѣ ему ловить—и охота всегда была удачная. Въ одинъ мѣсяцъ онъ поймалъ двѣсти соболей и между ними двухъ со длинной шерстью.

Прошелъ мѣсяцъ, и гилякъ говоритъ своей женѣ: „Пойду домой“.—„Иди, говоритъ жена; я провожу тебя до деревни“.—Сдѣлали они нарты **), сложили соболей на нихъ и отправились. До деревни надо было ѣхать пятнадцать дней. Когда они останавливались ночевать, передъ ними тотчасъ являлся готовый, роскошно убранный балаганъ, въ которомъ они находили готовую пищу. Стали

---

*) Самострѣлъ употребляется гиляками для охоты на соболя, а иногда и на лисицу и на выдру. Устройство самострѣла очень хитрое. Его ставятъ съ натянутой стрѣлой перпендикулярно направленію соболиныхъ слѣдовъ. Стоитъ соболю, пробѣгая, задѣть за веревочку, какъ тетива соскальзываетъ, и стрѣла поражаетъ соболя. Стрѣла привязана къ длинной веревкѣ, которая не даетъ раненому звѣрю уйти далеко.

**) Гиляцкія нарты или сани—очень узкія и длинныя (въ сажень или полторы длиной); онѣ закруглены съ обѣихъ концовъ; сидѣнья совсѣмъ нѣтъ. Гилякъ сидитъ на нартѣ верхомъ; онъ правитъ санями и въ то же время сохраняетъ ихъ въ равновѣсіи, упираясь въ землю ногами и длинными палками, такъ наз. *кауръ*. Гиляки ѣздятъ на собакахъ; въ нарту запрягаютъ иногда до 15 собакъ; управляютъ ими кауромъ и крикомъ: „тахъ-тахъ“ (прямо!), „чуй“ (тише), „най“ (поверни). Хорошая передовая собака, которая ведетъ всю свору, очень цѣнится гиляками; за нее иногда даютъ 100 рублей.

они уже приближаться къ деревнѣ; жена заслышала лай собакъ и говоритъ мужу: „Теперь я не пойду съ тобой въ деревню; а ты послушай, что тебѣ надо дѣлать. Напротивъ вашей деревни, по ту сторону рѣки, стоитъ деревня изъ десяти юртъ. Тамъ живетъ одинъ богатый гилякъ, который все знаетъ, что дѣлается на свѣтѣ. Онъ знаетъ, сколько ты убилъ соболей, знаетъ, что я сейчасъ съ тобой говорю. Завтра утромъ придетъ къ тебѣ этотъ гилякъ и станетъ просить, чтобы ты уступилъ ему одного хорошаго соболя; за него онъ будетъ отдавать тебѣ въ жены свою дочь. Дѣлай тогда, какъ знаешь. Братьямъ же своимъ ничего не говори и спрячь соболей до весны въ своемъ амбарѣ. Нарты сломай и сожги на этомъ мѣстѣ. Теперь иди. Лѣтомъ ты меня увидишь, зимой приходи на старое мѣсто“.

Воротился гилякъ домой. Братья начали его разспрашивать, какъ онъ спасся. Но онъ сказалъ имъ, что вовсе и онъ не видалъ учхаруша. На утро пришелъ къ нему и богатый гилякъ, о которомъ говорила ему жена. Онъ началъ просить его продать ему одного хорошаго соболя. Молодой гилякъ сказалъ: „Хорошо; зато ты лѣтомъ возьми меня съ собой въ китайскій городъ“. Богатый гилякъ согласился и позвалъ его къ себѣ въ гости. Когда они пришли въ юрту, хозяинъ для дорогого гостя разостлалъ по полу матеріи, угощалъ его всѣмъ, что было лучшаго, и наконецъ предложилъ отдать ему въ жены свою дочь. „Иди теперь къ братьямъ, сказалъ онъ, провожая его домой, лѣтомъ отправимся въ китайскій городъ, купимъ товару, построимъ тебѣ хорошую юрту, и, когда ты будешь жить отдѣльно отъ братьевъ, возьмешь къ себѣ и жену“.

Лѣтомъ они дѣйствительно плавали на лодкахъ въ китайскій городъ, продали соболей и накупили много товару, построили хорошую юрту—и сталъ гилякъ жить отдѣльно отъ братьевъ съ своей второй женой.

Пришла зима, и гилякъ пошелъ въ лѣсъ на старое мѣсто, гдѣ онъ ловилъ соболей. Здѣсь онъ нашелъ свою первую жену, которая уже поймала ему триста соболей. Онъ взялъ ее, вернулся къ себѣ и зажилъ въ своей юртѣ съ двумя женами. Послѣ этого онъ такъ разбогатѣлъ, что богаче его не было никого между гиляками. Старшіе братья ему завидовали; отъ зависти они стали сохнуть и скоро умерли.

Кирилловъ: *Гиляцкія сказки* *).

---

*) Сибирь, 1885. № 40.

ГОЛЬДЫ.

Небольшое племя гольдовъ живетъ въ восточной Сибири, преимущественно по нижнему теченію Амура и его притокамъ Уссури и Сунгари. Оно приходится сродни тунгузскимъ племенамъ. Въ лицахъ гольдовъ очень замѣтны тунгузскія черты: выдающіяся скулы, узкіе раскосые глаза, широкій плоскій носъ. Гольды—добродушны, кротки, честны. Они искусные рыболовы и отважные охотники. Одежда гольдовъ какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ этимъ занятіямъ, которыя требуютъ отъ нихъ частыхъ и длинныхъ переѣздовъ и переходовъ. Гольды носятъ короткія шаровары, доходящіе до колѣнъ и очень короткія куртки изъ лосинаго, оленьяго и другаго мѣха или же изъ рыбьей шкуры, искусно сшитыя и украшенныя узорами, съ неширокими рукавами, суживающимися къ кистямъ рукъ. Въ костюмѣ ихъ сильно сказывается вліяніе близкихъ ихъ сосѣдей китайцевъ. Они часто носятъ китайскую одежду, а также и китайскія широкія соломенныя шляпы вмѣсто обычныхъ гольдскихъ шляпъ изъ бересты. Волосы гольды брѣютъ спереди, а остальные заплетаютъ въ косу. Женщины заплетаютъ волосы въ косы и потомъ скручиваютъ ихъ въ высокую прическу, которая поддерживается длинными, серебряными или костяными шпильками, украшенными рѣзьбой.

Гольды, такъ же, какъ и гиляки, селятся обыкновенно въ мѣстахъ, удобныхъ для промысловъ — а именно преимущественно возлѣ рѣкъ. У нихъ, такъ же какъ и у гиляковъ, есть зимнія и лѣтнія жилища. Нѣкоторые изъ нихъ живутъ въ зимнихъ жилищахъ—фанзахъ—круглый годъ, предпринимая недалекія только путешествія за ловлей. Другіе же покидаютъ зимники и, найдя выгодное для промысла мѣсто, строятъ себѣ лѣтнее жилище. Гольдское зимнее жилье похоже на гиляцкій домъ; но въ немъ гораздо больше, чѣмъ у гиляковъ, сказывается вліяніе китайцевъ: у гольдовъ, на-

примѣръ, оконъ больше, чѣмъ у гиляковъ; во внутреннемъ убранствѣ они также стараются подражать китайцамъ. Лѣтнее свое жилище гольды строятъ изъ вѣтвей тальника. Они сгибаютъ длин-

Гольды.

ныя и толстыя вѣтки, втыкая въ землю оба конца ихъ; скрѣпляютъ же ихъ, вплетая между ними болѣе тонкія прутья. Получившійся такимъ образомъ остовъ покрываютъ берестой. Дверь дѣлается изъ одного куска бересты, которая при помощи веревочки можетъ свертываться и подниматься кверху. Входить въ лѣтнее

жилье гольдовъ можно только нагнувшись. Гольды, живущіе на р. Сунгари строятъ себѣ также коническіе шалаши, крытые соломой.

Гольды — шаманисты. Шаманы, такъ называемые *сяма*, пользуются среди нихъ большимъ значеніемъ и почетомъ. Они лѣчатъ больныхъ, занимаются гаданьемъ, играютъ первенствующую роль при жертвоприношеніяхъ. Во время священнодѣйствія шаманъ надѣваетъ особый костюмъ; гадаетъ онъ при помощи священнаго бубна.

Лѣтнее жилище гольдовъ.

Шаманы являются посредниками между людьми и безчисленными духами, населяющими по понятію гольдовъ вселенную и приносящими людямъ счастье или несчастье. Этихъ духовъ гольды изображаютъ во многихъ идолахъ-бурханахъ. Бурханы у гольдовъ имѣютъ разнообразную форму: они изображаются иногда въ видѣ людей, иногда въ видѣ звѣрей, птицъ, гадовъ и т. п. Ихъ изготовляютъ изъ разныхъ матеріаловъ: изъ дерева, металла, бумаги, рыбьей шкуры, травы и т. п. Главный бурханъ называется *аями*; другіе бурханы также имѣютъ каждый свое названіе: напримѣръ, *ярга*—пантера, *сео*—тигръ, *доонта*—медвѣдь и др. Бурханы изготовляются по указанію шамана. Шаманъ посредствомъ гаданья узнаетъ, какой именно бурханъ нужно сдѣлать въ извѣстномъ случаѣ и при извѣстной болѣзни. Если сдѣланный бурханъ не принесетъ пользы, его уничтожаютъ и замѣняютъ другимъ.

Одинокій.

Гольдская сказка.

Жилъ на свѣтѣ одинъ человѣкъ; родныхъ у него не было; онъ былъ совершенно одинокъ. Каждый день онъ ходилъ на охоту, а въ фанзу свою возвращался только къ ночлегу.

Разъ онъ не пошелъ на охоту. Послѣ полудня къ нему пришелъ богатырь, огромнаго роста. Звали его Джиренту - мафа. Одинокій накормилъ гостя и предложилъ ему переночевать.

Богатырь сказалъ своему хозяину: „Я слышалъ, что, если идти вверхъ по Амуру, то, на разстояніи мѣсяца пути, есть большая деревня Ирга и что тамъ живетъ гольдъ, по имени Хайланъ-Томуха; у него есть дочь, Хамза-Хатала—она считается первой красавицей на Амурѣ. Въ жены ее возьметъ только тотъ, кто одной стрѣлой прострѣлитъ девять желѣзныхъ лопатъ, девять иголокъ и девять досокъ — а по исполненіи этого испытанія подниметъ и отброситъ въ сторону тяжелый камень. Много тысячъ народа перебывало тамъ, но никто не могъ выполнить эту задачу. Лукъ, изъ котораго надо стрѣлять—желѣзный и такой тяжелый, что его едва можно поднять, а натянуть тетиву могли только нѣсколько человѣкъ и то не до конца. Вотъ и иду я, говоритъ богатырь, посмотрѣть на состязаніе. Старъ я, правда, и силы у меня уже не молодыя, но я все-таки пойду. Пойдемъ и ты со мной; ты—парень молодой, попробуй свое счастье“. —„Какъ же я уйду? отвѣтилъ одинокій; у меня всѣ амбары полны мясомъ, а караульщика нѣтъ“.— „Ничего, сказалъ старикъ; забьемъ всѣ двери—никто не тронетъ“.

На слѣдующій день они заколотили всѣ амбары, а потомъ сѣли поужинать. Они съѣли шесть кабаньихъ головъ, пять сохатиныхъ, тридцать головъ маленькихъ медвѣдей и семь головъ большихъ медвѣдей. Поужинавъ, легли спать. На слѣдующее утро, одинок

собралъ свои пожитки, взялъ лыжи *) и спрашиваетъ у богатыря: „Джиренту-мафа, а твои лыжи гдѣ?“—„Я хожу безъ лыжъ; иди впередъ, а я тебя догоню“, говоритъ старикъ.

Пошелъ одинокій впередъ и видитъ, что старикъ нагналъ его и свернулъ въ сторону. Повернулъ за нимъ одинокій и пошелъ по его слѣдамъ. Но какъ онъ ни торопился, онъ не могъ догнать богатыря, который скоро и совсѣмъ скрылся изъ виду. Наконецъ одинокій увидалъ, что и слѣдъ его совершенно затвердѣлъ—значитъ старикъ прошелъ уже давно.

Долго шелъ одинокій человѣкъ, и пришлось ему наконецъ проходить мимо высокаго утеса. Сверху его окликнулъ кто-то. Онъ взглянулъ наверхъ и увидалъ, что на утесѣ стоитъ какая-то женщина, очень маленькаго роста. Она сказала одинокому: „Не торопись, ты не догонишь старика: онъ великій шаманъ и обманулъ тебя, будто бы идетъ тихо. Если ты раньше его не придешь въ деревню, то онъ возьметъ тебя въ работники къ своей дочери—а она у него великая шаманка; если же ты обгонишь его, то дочь его будетъ твоей женой. Я тебѣ помогу; лови—я бросаю тебѣ пару желѣзныхъ бурхановъ секка; они упадутъ къ тебѣ на лыжи, одинъ на правую, а другой на лѣвую. Лови еще—вотъ тебѣ пара серебряныхъ аджеховъ **); надѣнь ихъ себѣ на грудь и тогда полетишь, какъ вѣтеръ и перегонишь старика“. Женщина сказала еще одинокому; „Старикъ этотъ поочередно одинъ мѣсяцъ ѣстъ все, что ѣдятъ другіе люди, а другой мѣсяцъ питается человѣческимъ мясомъ“.

Простился одинокій съ женщиной и полетѣлъ какъ вихрь. Скоро онъ перегналъ старика. Около полудня онъ пробѣжалъ черезъ небольшую деревню; посрединѣ ея онъ увидалъ фанзу, передъ которой сидѣла дѣвушка вся въ красномъ. Одинокій успѣлъ крикнуть ей: „За мной идетъ богатырь Джиренту-мафа; въ настоящій мѣсяцъ онъ питается человѣческимъ мясомъ. Скажи ему, что ты

---

*) Лыжи у гольдовъ длиннѣе, шире и легче гиляцкихъ лыжъ—и потому удобнѣе. Обыкновенно длина лыжъ должна равняться высотѣ ихъ владѣтеля. Низъ обшивается лосиной или оленьей шкурой. При частыхъ и длинныхъ переходахъ охотника-гольда лыжи положительно незамѣнимы.

**) Бурханъ *секка* изображается въ видѣ безрукаго человѣка; онъ считается покровителемъ младенцевъ; его дѣлаютъ и хранятъ въ тѣхъ семьяхъ, гдѣ дѣти умираютъ въ раннемъ возрастѣ. Бурханъ *аджеха* по вѣрованіямъ гольдовъ живетъ на небѣ; онъ помогаетъ гольдамъ въ промыслахъ; онъ исцѣляетъ также отъ сердечныхъ припадковъ. Всѣ гольды носятъ этотъ бурханъ въ видѣ амулета; ни одинъ шаманъ не можетъ обойтись безъ него.

жена его сына, и онъ не тронетъ тебя". Дѣйствительно, скоро показался старый богатырь. Но дѣвушка въ красномъ сказала ему, что она жена его сына, и онъ ее не тронулъ.

Между тѣмъ одинокій летѣлъ дальше. Трое сутокъ бѣжалъ онъ и, наконецъ, увидалъ передъ собой большую доревню. Онъ добѣжалъ до дома Хайланъ-Томуха, поставилъ свои лыжи къ стѣнѣ и вошелъ въ фанзу. Хозяева накормили его, угостили табакомъ и пригласили остаться ночевать.

Ночью, когда всѣ спали, дочь хозяина, Хамза-Хатала, вдругъ стала кричать: „Мать, зажги огонь! кто-то подошелъ ко мнѣ—хочетъ взять меня! Я поймала его за руку и держу!" Зажгли огонь, смотрятъ—около дѣвушки нѣтъ никого. Но Хамза-Хатала все кричала и говорила, что навѣрное тотъ, кто подходилъ къ ней, спрятанъ въ фанзѣ. Стали всѣ искать кругомъ, но никого не было. Наконецъ одинокій подошелъ къ дверямъ и приподнялъ крышку съ деревянной кадки; вдругъ оттуда выскочилъ гагданчу-марга *). Всталъ гагданчу посреди фанзы и говоритъ дѣвушкѣ: „Чего ты кричала? къ чему выдала меня? я никого не боюсь: ни васъ всѣхъ, ни одинокаго человѣка!" Послѣ этого гагданчу ударилъ себя—и тотчасъ же всѣ упали навзничь и заснули—только дѣвушка и одинокій устояли. Гагданчу ударилъ себя второй разъ, и одинокій вдругъ почувствовалъ головокруженіе. Гагданчу ударилъ себя въ третій разъ, и одинокій свалился на полъ. Дѣвушка подхватила его, обняла и начала горько плакать. Одинокій едва успѣлъ сказать ей: „Приподними меня, посади къ стѣнѣ—мнѣ будетъ легче". Хамза-Хатала такъ и сдѣлала—и ему стало легче.

Послѣ этого одинокій сказалъ дѣвушкѣ: „Неужели я погибну? У меня дома есть бурханъ джули **): онъ сдѣланъ изъ мягкаго камня; на груди у него виситъ половина толи ***). Я прошу тебя

---

*) Гагданчу или гагданчу-марга—полъ-человѣка; это сверхъестественное существо, имѣющее только одну руку, одну ногу, одинъ глазъ и одно ухо.

**) Бурхана *джули* изображаютъ въ видѣ безрукаго человѣка съ подогнутыми колѣнями. Онъ похожъ на бурханъ секка. Джули считается хранителемъ семейнаго очага и жилища. Уходя на промыселъ, гольдъ вручаетъ свою фанзу покровительству бурхана джули. Его выставляютъ на нары и кладутъ передъ нимъ земные поклоны, прося его охранять домъ, семью и все имущество. Если во время отсутствія хозяина не случилось никакого несчастія, бурхана угощаютъ пищей и питьемъ. Джули, по мнѣнію гольдовъ, исцѣляетъ также отъ боли въ поясницѣ.

***) *Толи* составляетъ необходимую принадлежность священнаго костюма шамана. Это хорошо отполированный мѣдный кругъ; его шаманъ надѣваетъ на грудь. Въ толи будто бы отражаются дѣянія людей, добрыя и дурныя; бла-

желѣзное кольцо. Онъ тутъ же и умеръ. Въ это время на берегу появился гагданчу. Онъ крикнулъ женщинамъ: „Ну, что? на этотъ разъ одинокій, кажется, умеръ. Готовьтесь къ отъѣзду; черезъ трое сутокъ я пришлю за вами работниковъ". Съ этими словами онъ исчезъ.

Жены перенесли своего мужа въ фанзу и положили его на доски около наръ; но сколько онѣ ни старались вынуть стрѣлу, онѣ не могли ничего съ ней сдѣлать. Тогда онѣ начали шаманить и звать своихъ родителей на помощь. На зовъ ихъ явились Джиренту-Мафа и мать Хунчунка-Фуди. Они шаманили всю ночь и наконецъ вынули стрѣлу и воскресили одинокаго.

На слѣдующее же утро одинокій отправился искать своего врага. Старики посовѣтовали ему отыскать душу гагданчу. Хунчунка-Фуди, ея мать и дочь Джиренту-Мафа, великая шаманка, обернулись птицами и полетѣли за нимъ, чтобы помочь ему въ случаѣ нужды. Джиренту-Мафа пошелъ также съ ними.

Солнце стояло еще высоко на небѣ, когда они дошли до деревни гагданчу. Хозяина не было дома, но жены его приняли гостей ласково, накормили ихъ и угостили табакомъ. Къ вечеру въ фанзу вошла старая мать Хунчунка-Фуди, которая между тѣмъ сумѣла добыть душу гагданчу *). Самъ гагданчу вернулся поздно вечеромъ; онъ поѣлъ, закурилъ трубку и спросилъ своихъ женъ: „Угощали ли вы гостей давали ли имъ ханшины?" **) Онъ велѣлъ разогрѣть еще кувшинчикъ съ ханшиной, взялъ его въ руки и началъ кланяться гостямъ въ ноги и просить, чтобы ему отдали его душу. Одинокій отказался отъ ханшины и сказалъ: „Проси у старухи; душа твоя у нея". Гагданчу до полуночи молилъ вернуть ему его душу. „Я первый не стрѣлялъ въ одинокаго, говорилъ онъ въ оправданіе себѣ, я только мстилъ ему за его выстрѣлъ".

---

*) По представленію гольдовъ, душой—*ерга* извѣстнаго человѣка можно завладѣть, тѣмъ болѣе, что она иногда находится не въ самомъ человѣкѣ, часто даже не въ одномъ мѣстѣ съ нимъ. Это вѣрованье встрѣчается у многихъ некультурныхъ народовъ; оно отразилось и въ нашей русской сказкѣ о Кащеѣ. Если гольдъ заболѣетъ, то, по вѣрованію его, это значитъ, что бурханъ ***аями*** взялъ его душу и унесъ ее куда-нибудь—къдругому бурхану. Плѣненная душа подвергается пыткамъ, и всѣ ея мученія отражаются на тѣлѣ, отчего и страдаетъ больной. Вотъ почему, если и простому человѣку удалось бы захватить душу своего врага, онъ могъ бы заставить его мучиться или даже совсѣмъ погубить его.

**) Ханшина—манджурская водка. Ее пьютъ всегда теплой; металлическій кувшинъ съ ханшиной разогрѣваютъ, опуская его въ горячую воду или ставя на горячія уголья.

Наконецъ, старуха мать Хунчунка-Фуди согласилась не губить души гагданчу; но подъ условіемъ, что душа останется все же у нея, и что гагданчу сестру свою выдастъ за одинокаго, а самъ, со своими женами, переселится къ нимъ въ деревню.

Такъ и сдѣлали. Черезъ нѣсколько дней гагданчу перекочевалъ. Сестра его была хорошей женой одинокому, а самъ гагданчу хорошимъ работникомъ. Душа же его осталась у старухи.

Сказкѣ конецъ—дальше идти некуда *).

П. Шимкевичъ: *Матеріалы для изученія шаманства у гольдовъ* **).

---

*) Этими словами обыкновенно заканчивается всякая гольдская сказка.

**) Зап. Приамурск. отд. И. Р. Г. О. Т. II. В. 1. Хабаровскъ. 1896.

О двухъ братьяхъ.

Гольдская сказка.

Жили нѣкогда два брата. Они не знали, кто ихъ отецъ и никогда не видали другихъ людей, кромѣ другъ-друга.

Разъ старшій братъ, бродя по лѣсу, напалъ на слѣдъ сохатаго и погнался за нимъ. Гналъ онъ звѣря до заката солнца и наконецъ положилъ его на мѣстѣ удачнымъ выстрѣломъ. Когда онъ началъ сдирать съ него кожу, къ его стоянкѣ вдругъ подъѣхала на конѣ красивая дѣвушка. Охотникъ предложилъ дѣвушкѣ отдохнуть у его костра. Она согласилась и помогла ему освѣжевать звѣря и сварить ужинъ. Послѣ ужина, старшій братъ разрѣзалъ шкуру сохатаго по-поламъ; одну половину постелилъ для дѣвушки по одну сторону костра, другую—по другую сторону, для себя.

На слѣдующее утро они двинулись вмѣстѣ въ дальнѣйшій путь—дѣвушка на конѣ, охотникъ же на лыжахъ. Охотникъ началъ приставать къ своей спутницѣ съ разспросами, кто она и откуда. Дѣвушка долго отмалчивалась и наконецъ сказала: „Пришла я къ тебѣ издалека. За моремъ живутъ мои два брата Ньямо и Ніалто; меня же зовутъ Ньямони-фуджи. Видишь ли ты—въ концѣ этой пади чернѣетъ лѣсъ? Онъ подходитъ къ самому Амуру. На берегу его стоитъ деревня, въ которой прежде жилъ старикъ съ женой старухой и дочерью Кэккуни-фуджи. Мать съ дочерью еще живы, и Кэккуни для меня все равно, что родная сестра. Теперь въ деревнѣ справляются поминки *) по старикѣ. Хочешь,

*) Поминки по покойникамъ совершаются у гольдовъ съ особенной торжественностью. На нихъ главнымъ священнодѣйствующимъ лицомъ является шаманъ. Поминки бываютъ малые и большіе. На малыхъ шаманъ, по вѣрованью гольдовъ, посредствомъ различныхъ волхвованій, при помощи добрыхъ духовъ

давай состязаться: если ты добѣжишь до деревни скорѣе меня то я стану твоей женой; если же я доѣду раньше тебя, то, когда я выйду замужъ, ты долженъ будешь служить въ работникахъ у моего мужа“. Охотникъ согласился. Онъ срѣзалъ себѣ двѣ палки и, опираясь на нихъ, полетѣлъ какъ вихрь. Въ одинъ мигъ онъ очутился въ деревнѣ, оставивъ дѣвушку далеко позади себя. Онъ вошелъ въ первую фанзу, закурилъ трубку изъ мелкаго табаку и сталъ ждать дѣвушку. Онъ выкурилъ одну трубку и высыпалъ пепелъ кучкой на столъ; онъ выкурилъ вторую и опять сбросилъ пепелъ на столъ рядомъ съ первой кучкой; онъ выкурилъ и третью и четвертую трубку — и закурилъ уже пятую, когда дѣвушка наконецъ пріѣхала въ деревню. Конь ея былъ весь въ мылѣ. Увидавъ по кучкамъ пепла, что охотникъ уже успѣлъ выкурить четыре трубки и началъ курить пятую, Ньямони-фуджи согласилась безпрекословно сдѣлаться женой охотника.

Ньямони сказала своему мужу: „Сходи въ сосѣднюю деревню; въ ней нѣтъ хозяина; спроси, можешь ли ты и твой братъ завѣдывать поминками“. Охотникъ послушался жены и отправился въ сосѣднюю деревню. Тамъ онъ встрѣтился съ дѣвушкой, шедшей по воду. Онъ остановилъ ее, поздоровался съ ней и спросилъ: „Какъ вы будете праздновать поминки безъ хозяина? Хочешь, я пошлю вамъ своего брата?“ Дѣвушка согласилась. Тогда старшій братъ отдалъ ей часть добытаго имъ мяса, а самъ вернулся къ своей женѣ. Остальную часть мяса, бывшаго у него, онъ отдалъ ей, а потомъ простился съ ней на время и пошелъ назадъ домой, къ своему брату. Вернувшись въ свою фанзу, онъ разсказалъ младшему брату всѣ свои приключенія: какъ онъ нашелъ себѣ жену, и какъ брата звали завѣдывать поминками въ деревнѣ, гдѣ не было хозяина. Младшій братъ выслушалъ его и началъ потихоньку собираться. Онъ умылся, одѣлся въ новое чистое платье и легъ спать. На разсвѣтѣ онъ всталъ, спросилъ старшаго брата, довольно ли хорошо онъ одѣтъ, и, узнавъ отъ него дорогу, ушелъ.

Прошло десять дней; младшій братъ не возвращался. Старшій

разыскиваютъ душу умершаго, скитающуюся по вселенной и нашедши, вкладываетъ ее въ такъ-называемую *фаню*—четырехугольную подушку, на которую складываютъ платье покойника и которая должна изображать его самого. Послѣ малыхъ поминокъ фаню сохраняютъ въ жилищѣ; отъ времени до времени ее снимаютъ съ полки и кладутъ на нары, когда семья въ сборѣ. Семейные вѣрятъ, что покойникъ въ фанѣ присутствуетъ тутъ же, и ему откладываютъ пищу въ отдѣльные сосуды. На большихъ поминкахъ шаманъ, по вѣрованьямъ гольдовъ, провожаетъ душу покойнаго въ загробный міръ.

началъ тревожиться. Поджидая брата, онъ пересталъ даже ходить на охоту. Наконецъ, однажды, въ полдень младшій братъ возвратился, исхудалый, весь въ лохмотьяхъ. Онъ началъ разсказывать про свои приключенія: „Я былъ тамъ, куда ты меня посылалъ. Дошелъ я до деревни, присѣлъ около одной изъ фанзъ и сталъ выжидать хозяйку; но никто не откликался на мой зовъ. Тогда я вошелъ въ фанзу. Тамъ сидѣло много дѣвушекъ. Я закурилъ трубку и началъ высматривать самую красивую изъ нихъ. Долго я сидѣлъ такимъ образомъ и наконецъ спросилъ дѣвушекъ: „Которая изъ васъ вызвала меня?“ Три раза спрашивалъ я ихъ; но онѣ не отвѣчали мнѣ. Наконецъ съ улицы раздался чей-то женскій голосъ: „Глупый! Никто тебѣ здѣсь не готовилъ жены! Если же ты хочешь взять въ жены меня, Кэккуни-фуджи, то выходи на шаманское состязаніе. Кто изъ насъ окажется хитрѣе и сильнѣе, тотъ тому и будетъ принадлежать“ *). Я согласился и вышелъ на зовъ. Долго мы состязались съ ней: и птицами летали, и звѣрями бѣгали. Но побѣдительницей осталась Кэккуни-фуджи. Она испортила меня. Я ушелъ и долго бродилъ по свѣту—но гдѣ я былъ, теперь не помню. Посмотри на меня, какъ я измученъ, какъ я обносился“. Кончилъ свой разсказъ младшій братъ и тотчасъ же ушелъ, даже не присѣлъ отдохнуть.

Сталъ съ этихъ поръ тосковать старшій братъ; все думаетъ, какъ бы помочь брату. Разъ онъ взялъ лучекъ и стрѣлы и пошелъ въ лѣсъ. Вдругъ видитъ онъ, бѣжитъ козуля, покрытая золотой шерстью. Онъ пошелъ по ея слѣду и видитъ, что слѣдъ ея о трехъ ногахъ **). Къ вечеру слѣдъ исчезъ. Охотникъ совсѣмъ измучился и окоченѣлъ, а между тѣмъ у него не было даже огнива, чтобы развести огонь и обогрѣться. Только видитъ онъ, немного погодя, вдали огонь. Онъ пошелъ туда—оказалось, стоитъ фанза. Онъ подошелъ къ двери, хотѣлъ снять лыжи, но пальцы у него закоченѣли, и онъ не могъ справиться съ лыжами; онъ попробовалъ было航 приналечь на дверь, чтобъ открыть ее, но силъ у него уже

---

*) Очевидно, что приглашеніе прійти и завѣдывать поминками равнялось приглашенію сдѣлаться хозяиномъ деревни, въ которой не было мужчинъ, чтобы справить поминки. Приглашенный могъ сдѣлаться хозяиномъ деревни, посредствомъ брака съ дочерью умершаго главы селенія. Но Кэккуни-фуджи, очевидно, не хотѣла выходить замужъ, не испытавъ сначала силы будущаго мужа.

**) По представленіямъ гольдовъ сверхестественная сила можетъ воплощаться въ различныхъ животныхъ—между прочимъ и въ козулю. Различіе между такой козулею и обыкновенной заключается въ томъ, что у первой всего три ноги.

не было. Онъ прислонился къ стѣнѣ и застылъ. Въ фанзѣ жили двѣ дѣвушки, хозяйки фанзы. Онѣ услыхали шумъ и хотѣли отворить дверь, чтобы посмотрѣть, что тамъ такое; но дверь оказалась припертой чѣмъ-то снаружи. Тогда онѣ вылѣзли въ окошко—и видятъ—стоитъ закоченѣлый человѣкъ. Дѣвушки тотчасъ же захлопотали: онѣ срѣзали ремни на лыжахъ, внесли охотника въ фанзу, раздѣли его, крѣпко растерли и покрыли мѣховыми шкурами. Охотникъ пришелъ въ себя и заснулъ крѣпкимъ сномъ.

На слѣдующее утро охотникъ проснулся совершенно здоровымъ и спросилъ дѣвушекъ, кто его внесъ въ фанзу. Онѣ смущенно отвѣтили, что онъ самъ вошелъ къ нимъ и легъ спать. Охотникъ взялъ обѣихъ дѣвушекъ за себя замужъ и остался жить у нихъ.

Жили они втроемъ мирно и согласно. Вдругъ, однажды, на улицѣ послышался шумъ. То возвращались съ охоты братья обѣихъ дѣвушекъ; они жили неподалеку, въ сосѣдней фанзѣ. Когда они узнали, что сестры ихъ вышли замужъ безъ ихъ согласія, за неизвѣстнаго человѣка, они разсердились и тотчасъ же вернулись къ себѣ домой. Оттуда они послали своего работника, чтобы онъ позвалъ охотника къ нимъ. Тотъ пошелъ. Братья сказали ему: „Мы пойдемъ съ тобой на охоту, по тремъ разнымъ дорогамъ. Если ты принесешь домой звѣря, больше чѣмъ мы *), то сестры наши останутся твоими женами; если же мы убьемъ звѣря больше чѣмъ ты, то ты будешь нашимъ работникомъ на всю жизнь“. Охотникъ согласился, и братья отпустили его.

На слѣдующее утро братья отправились въ лѣсъ и зашли къ сестрамъ въ фанзу, чтобы напомнить зятю о заключенномъ условіи. Охотникъ, казалось, совсѣмъ забылъ о предстоящемъ состязаніи: онъ и не думалъ собираться на охоту. Братья ушли, а жены начали торопить охотника, чтобы онъ не отставалъ отъ нихъ. Но онъ собрался только послѣ полудня — и то неохотно. Скоро онъ напалъ на слѣдъ братьевъ и къ вечеру дошелъ до ихъ стоянки они расположились у костра, на перекресткѣ трехъ дорогъ.

На утро они всѣ разошлись: братья пошли по боковымъ тропамъ, охотникъ же по средней. Охотнику такъ повезло, что къ полудню уже онъ собралъ нѣсколько сотъ звѣриныхъ ноздрей. Къ вечеру онъ вернулся домой и спряталъ свою добычу въ амбаръ. Жены начали его разспрашивать, почему онъ вернулся такъ рано; онъ имъ сказалъ, что ему не удалось догнать братьевъ. „Все равно,

---

*) Количество убитаго на охотѣ звѣря исчисляется по количеству звѣриныхъ ноздрей, которыя охотники отрѣзаютъ у своей добычи и приносятъ домой.

продолжалъ онъ нарочно, завтра я отъ васъ уйду совсѣмъ и вы мнѣ больше не нужны".

Ночью вернулся одинъ братъ, а въ полдень слѣдующаго дня другой; они послали тотчасъ работника за своимъ зятемъ. Тотъ сказалъ женамъ: „Принесите-ка за мной вслѣдъ того несчастнаго зайца, котораго я вчера бросилъ въ амбаръ"—а самъ отправился къ братьямъ. Въ фанзѣ у нихъ онъ увидалъ на полу около трехсотъ звѣриныхъ ноздрей—но всѣ они принадлежали малымъ звѣрямъ: большинство изъ нихъ были крысы. Онъ сказалъ имъ: „Я ничего не убилъ". Братья обрадовались; но въ эту минуту въ фанзу вошли ихъ сестры и бросили на полъ большую связку ноздрей крупныхъ звѣрей: въ связкѣ было нѣсколько сотъ ноздрей. Начали тутъ сестры упрекать братьевъ, что они хвастаются, а сами убили только крысъ. „Мой мужъ лучшій охотникъ на Амурѣ", съ гордостью сказала младшая изъ женъ.

Прошло нѣсколько дней. Вотъ разъ братья послали за младшей женой и говорятъ ей: „Твой мужъ лучшій охотникъ на Амурѣ; пошли его къ морю — пускай сходитъ туда и обратно въ однѣ сутки и принесетъ съ берега моря раковину чоекта". Когда жена сказала мужу о предложеніи братьевъ, охотникъ ничего не отвѣтилъ. Но на слѣдующее утро онъ всталъ раньше обыкновеннаго, одѣлся, взялъ трубку, свернулъ изъ листа табаку длинную сигару и закурилъ ее. Потомъ онъ отдалъ женѣ трубку и сказалъ: „Сиди и кури цѣлый день, безъ передышки". Самъ онъ тотчасъ пошелъ къ морю. Онъ дошелъ до моря, собралъ десять раковинъ — пять плоскихъ—кае и пять винтообразныхъ—чоекта—и такъ же быстро вернулся домой, тогда какъ жена его не успѣла еще выкурить и половины трубки.

Жена тотчасъ же отнесла раковины братьямъ; но они не повѣрили, что охотникъ могъ такъ быстро дойти до моря и вернуться обратно. Чтобы уличить его, они пошли по его слѣду. Но они достигли моря только на шестыя сутки. Вернувшись домой, они объявили охотнику, что признаютъ себя побѣжденными и потому со всѣмъ своимъ селеніемъ поступаютъ къ нему въ работники.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Разъ охотникъ сидѣлъ у себя въ фанзѣ и о чемъ-то задумался. Вдругъ около него раздался чей-то кашель. Онъ обернулся и увидалъ, что рядомъ съ нимъ сидитъ неизвѣстный ему человѣкъ. Онъ спросилъ, кто онъ такой, откуда и куда идетъ. Неизвѣстный отвѣчалъ: „Зовутъ меня Ньямо-нье; я братъ твоей первой жены Ньямони-фуджи. Вышла она за тебя безъ моего согласія. Вотъ я и пришелъ звать тебя на состязаніе: кто

скорѣе догонитъ звѣря, тотъ и останется побѣдителемъ. Если побѣдишь ты, Ньямони-фуджи останется твоей женою, и я поступлю къ тебѣ въ работники; если же побѣдителемъ буду я, ты будешь моимъ работникомъ". Охотникъ сказалъ: „Хорошо".

На слѣдующее утро, съ разсвѣтомъ, они отправились на лыжахъ въ лѣсъ. Скоро они напали на слѣдъ сохатаго; но Ньямо объявилъ, что не стоитъ гнаться за такимъ звѣремъ, потому что сохатый бѣгаетъ слишкомъ медленно. Они пошли дальше и скоро увидали слѣдъ козули. Слѣдъ этотъ былъ опять о трехъ ногахъ. Они погнались за козулей. Они оба бѣжали очень быстро; то охотникъ обгонялъ Ньямо, то Ньямо шелъ впереди его. Вдругъ охотникъ почувствовалъ сильную боль въ сердцѣ; голова у него закружилась, и онъ упалъ. А Ньямо убѣжалъ далеко впередъ.

Въ это время поднялся сильный вихрь. Въ тучѣ прилетѣлъ на лыжахъ братъ охотника, съ лукомъ и стрѣлами въ рукахъ. Онъ поздоровался съ охотникомъ и сказалъ ему: „Видишь, братъ мой, когда я ушелъ отъ тебя въ послѣдній разъ, я былъ испорченъ. Ты помнишь, меня испортила великая шаманка Кэккуни-фуджи, побѣдивъ меня въ состязаніи. Но я состязался съ ней вторично, побѣдилъ ее и сдѣлался большимъ шаманомъ. Послѣ этого Кэккуни-фуджи согласилась быть моей женой. Едва я успѣлъ построить себѣ фанзу *) и сѣсть съ женой обѣдать, какъ узналъ, что тебѣ плохо. Я тотчасъ же помчался къ тебѣ на помощь. Слѣдуй за мной, и ты перегонишь Ньямо". Сказавъ это, братъ помчался впередъ и скоро скрылся изъ виду.

Охотникъ быстро двинулся за нимъ. Скоро онъ увидалъ Ньямо. Ньямо лежалъ на землѣ, придавленный огромнымъ деревомъ. Братъ охотника, оказывается, догналъ его, повалилъ и опрокинулъ на него дерево. Ньямо началъ просить охотника освободить его. Охотникъ его высвободилъ, и они пошли вмѣстѣ. Ньямо впрочемъ скоро отсталъ; охотникъ между тѣмъ быстро несся по слѣду козули. Слѣдъ трехногой козули шелъ къ морю и потерялся на морскомъ берегу. Охотникъ домчался туда поздно вечеромъ. Тамъ, гдѣ терялся слѣдъ козули, стояла большая деревня. Въ средней фанзѣ охотникъ засталъ своего брата. Онъ сидѣлъ въ гостяхъ у Ніалто, брата Ньямо. Ніалто разспросилъ объ условіи состязанія и призналъ, что Ньямо побѣжденъ. Послѣ этого онъ объявилъ, что онъ самъ и Ньямо и вся ихъ деревня построитъ большіе баркасы и

---

*) По вѣрованьямъ гольдовъ, шаману стоитъ только хлопнуть въ ладоши три раза, и для него вмигъ построится фанза.

перекочуетъ съ моря на Амуръ, и что Ньямони-фуджи, ихъ сестра, будетъ женой охотника.

Охотникъ и братъ его скоро возвратились домой, захвативъ по дорогѣ своихъ женъ. Они поселились на лѣвомъ берегу Амура. Вскорѣ прибыли къ нимъ со всей деревней оба брата Ньямонифуджи—Ньямо-нье и Ніалто. Они поселились на правомъ берегу Амура. И стали жить обѣ деревни тихо и спокойно.

П. Шимкевичъ: *Матеріалы для изученія шаманства у гольдовъ* *).

---

*) Зап. Пріамур. отд. И. Р. Г. О. Т. II. В. I. Хабаровскъ. 1896.

САРТЫ.

Сарты живутъ въ Семирѣченской и въ Сыръ-Дарьинской областяхъ. Ихъ насчитываютъ около 200000 душъ. Это осѣдлое населеніе области, рѣзко противоположное по образу жизни населенію

Поселокъ Сартовъ.

кочевому, которое состоитъ изъ киргизовъ. Сарты—средняго роста, обыкновенно склонны къ полнотѣ; цвѣтъ лица у нихъ смуглый, волосы черные, глаза темно-каріе, носъ прямой, скулы слегка выдающіяся, руки и ноги малы и изящны. Отличительными чертами

ихъ служатъ мягкость характера, миролюбіе, удаль, радушіе; они веселы и безпечны; но есть въ нихъ и дурныя черты: трусливость, лицемѣріе, раболѣпство а также и жестокость, которая чаще всего сопровождаетъ эти послѣднія качества.

Сарты занимаются отчасти земледѣліемъ; но главное ихъ занятіе—торговля. Вся мѣстная торговля находится исключительно въ

Сартскій базаръ.

ихъ рукахъ. Изъ нихъ же выбираются по большей части муллы, обучающіе народъ грамотности и религіи. Они вообще оказываютъ сильное вліяніе на киргизовъ.

Живутъ сарты преимущественно въ городѣ. Ихъ дома носятъ общій характеръ средне-азіатскихъ построекъ. Крыши у нихъ плоскія, оконъ нѣтъ; они окружены стѣнами изъ битой глины; женская половина отдѣлена отъ мужской.

Костюмъ сартовъ, какъ мужской, такъ и женскій, состоитъ изъ нижней рубашки, шароваръ, халатовъ съ длиннѣйшими рукавами и сапоговъ съ приподнятыми кверху носками и высокими тонкими каблуками; сверхъ сапоговъ надѣваютъ *ичиги*—калоши. Халаты шьютъ обыкновенно на ватѣ изъ бумажныхъ или полушелковыхъ матерій. Шелковыя матеріи могутъ носить только женщины. Рукава во время работъ собираются кверху; но когда сартъ отправ-

ляется въ гости, или къ начальству, онъ спускаетъ ихъ такъ, чтобы не было видно его рукъ. Сверхъ одного халата сартъ надѣваетъ другой, третій и т. д., смотря по температурѣ. На головѣ сарты носятъ тюбетейки, поверхъ которыхъ наматывается чалма. Женщины чалмы не носятъ; онѣ на голову накидываютъ халатъ, рукава котораго связаны внизу у самыхъ пятъ. Руки онѣ прячутъ, придерживая полы халата. Замужнія женщины покрываютъ лицо черной сѣткой изъ конскаго волоса; дѣвушки же бѣлой кисеей.

Сарты исповѣдуютъ мусульманскую религію.

Гордый ханъ.

Сартская сказка.

Жилъ-былъ на свѣтѣ ханъ. Онъ отличался необычайной гордостью и высокомѣріемъ. Разъ онъ сидѣлъ въ своемъ дворцѣ и увидалъ, что надъ его головой пролетаетъ стая журавлей. Это показалось хану оскорбительнымъ для его достоинства; онъ разсердился, схватилъ лукъ и началъ стрѣлять въ журавлей. Онъ положилъ на мѣстѣ семь журавлей, велѣлъ зажарить ихъ на угольяхъ и подать на столъ. За столомъ ханъ обратился къ ханшѣ и сказалъ: „Вотъ, если бы ты вышла замужъ не за хана, тебѣ не пришлось бы испытать такого счастья и удовольствія—ѣсть журавлей, убитыхъ самимъ ханомъ". Ханша отвѣтила: „Если бы мнѣ пришлось ѣсть журавлей, то это доставило бы мнѣ удовольствіе — и въ томъ случаѣ, если бы я была женой бѣдняка. Такая гордость, какъ у тебя, государь, не приличествуетъ твоему сану". Ханъ разсердился на слова своей жены и велѣлъ отвести ее въ лѣсъ. „Не хочу я больше жить съ ней, сказалъ онъ, пусть выходитъ за бѣдняка".

Приближенные хана отвели ханшу въ лѣсъ и оставили ее тамъ. Она пошла по лѣсу, куда глаза глядятъ, но къ счастью своему скоро встрѣтила дровосѣка. Онъ шелъ съ топоромъ въ рукахъ, и одѣтъ онъ былъ въ рубище. Ханша подошла къ нему и ласково спросила: „Куда ведетъ эта дорога?" Дровосѣкъ отвѣтилъ ей: „Женщина, дальше нѣтъ дороги—дальше лѣсъ и камышовыя заросли, гдѣ нѣтъ прохода. Ты вѣрно заблудилась". Ханша спросила его еще: „Гдѣ же твой домъ и много ли ты выручаешь своей работой?" Дровосѣкъ показалъ ей, въ какомъ направленіи его домъ и сказалъ: „Въ день я зарабатываю всего десять копѣекъ и этимъ

я пропитываю жену и двухъ дѣтей".—„Я сегодня приду раздѣлить твою бѣдную трапезу, сказала ханша; постарайся поскорѣе продать твои дрова".

Простившись съ дровосѣкомъ, ханша пошла къ нему въ домъ. Въ углу бѣдной и грязной комнаты сидѣла уныло жена дровосѣка. Она была въ рубищѣ, и волосы у нея, очевидно, уже давно были не мыты и не чесаны. Ханша спросила: „Гдѣ твои дѣти?"—„Они ушли въ школу", отвѣтила жена дровосѣка. Ханша сейчасъ же

Сарты.

принялась за дѣло: она вымыла волосы хозяйкѣ, заплела ихъ въ косички; потомъ, съ ея помощью вычистила дворъ, который никогда не чистился. Когда же дѣти вернулись изъ школы, ханша обмыла также ихъ и починила имъ платье.

Когда дровосѣкъ вернулся, онъ не узналъ своего двора и хотѣлъ было пройти мимо; но ханша велѣла дѣтямъ бѣжать за нимъ и позвать его. Домой дровосѣкъ принесъ съ собой муки. Ханша раздѣлила эту муку на четыре части; три части оставила на слѣдующій день, а изъ четвертой она сварила саламату и накормила все семейство.

На слѣдующій день ханша предложила дровосѣку купить на вырученныя имъ деньги мяса и сала. Дровосѣкъ послушался ея.

Ханша оставила сало на другой день, а изъ мяса сварила имъ супъ. Никогда еще въ семьѣ дровосѣка такъ вкусно не обѣдали.

На третій день ханша просила купить мяса и крупы и сварила палау. Такого вкуснаго кушанья дровосѣкъ никогда и не пробовалъ. Онъ возблагодарилъ Аллаха за то, что онъ послалъ имъ такую прекрасную женщину, при которой жизнь ихъ такъ улучшилась.

Разъ ханша сказала дровосѣку, чтобы онъ купилъ курицу. Дровосѣкъ купилъ курицу и принесъ ее домой. Къ удивленію и радости хозяина, курица каждый мѣсяцъ несла по брилліантовому яйцу. Ханша продала нѣсколько яицъ и, выручивъ огромныя деньги, купила землю около дома дровосѣка и стала строить на ней точь въ точь такой же дворецъ, какой она имѣла раньше. Вокругъ дворца она велѣла разбить такой же садъ, какъ у хана.

Между тѣмъ дѣти дровосѣка уже выросли и пора было ихъ женить. Приготовивъ все къ свадебному пиршеству, ханша, отъ имени дровосѣка, написала хану такое прошеніе: „Великій и могущественный ханъ! Дѣти мои выросли, и я намѣреваюсь исполнить свой долгъ и женить ихъ. Осмѣливаюсь просить тебя и твоихъ подданныхъ пожаловать ко мнѣ на пиръ и ничего съѣстного съ собой не брать. Пиръ мой будетъ продолжаться сорокъ дней и сорокъ ночей, въ теченіе которыхъ я приготовился угощать всѣхъ твоихъ подданныхъ“.

Ханъ, прочитавъ прошеніе, очень обрадовался, что въ его государствѣ есть такой богатый человѣкъ — и немедленно отдалъ приказъ, чтобы его подданные явились на пиръ къ дровосѣку. Самъ онъ отправился къ нему съ огромной свитой.

Удивился ханъ, когда увидалъ, что дворецъ у дровосѣка точь въ точь какъ его собственный. А дровосѣкъ встрѣтилъ его съ большимъ почетомъ и во время пира попросилъ его принять отъ него подарки. Дары изумили хана своимъ великолѣпіемъ. Хозяинъ одѣлилъ подарками и всю ханскую свиту.

Послѣ угощенія дровосѣкъ сталъ просить хана осмотрѣть его дворецъ. Ханъ согласился и отправился осматривать дворецъ въ сопровожденіи одного хозяина. Когда онъ любовался роскошнымъ убранствомъ внутреннихъ покоевъ, изъ-за двери вдругъ вышла ханша и поклонилась ему. Изумился ханъ и воскликнулъ: „Не моя ли ты супруга?“ Ханша кивнула головой въ знакъ согласія и сказала: „Да, я—супруга твоя. Аллахъ, чтобы раскрыть тебѣ глаза и показать, что ты поступилъ со мной несправедливо, сдѣлалъ богачемъ дровосѣка. Я посовѣтовала ему пригласить тебя на пиръ,

чтобы тебѣ напомнить о себѣ. Хвала Аллаху, что онъ далъ мнѣ возможность встрѣтить тебя здѣсь. Смотри же, не гордись больше: гордость большое зло въ человѣкѣ. Если будетъ угодно Аллаху, онъ можетъ сдѣлать богача бѣднымъ, а бѣдняка богатымъ".

Услыхавъ эти мудрыя рѣчи, ханъ почувствовалъ сильное раскаяніе. Онъ сейчасъ же помирился съ женой и просилъ ее вернуться къ нему. Въ то же время онъ далъ обѣтъ отправиться въ Мекку на поклоненіе святынямъ, чтобы загладить свои грѣхи.

Н. Остроумовъ: *Сарты* *).

*) Этногр. Матеріалы. вып. 2. Народн. сказки сартовъ. Ташкентъ. 1893.

Ханъ и воръ.

Сартская сказка.

У одного хана была большая казна. Чтобы хранить ее, онъ велѣлъ построить большое зданіе, которое тщательно стерегли воины.

Разъ утромъ хану донесли, что ночью въ его казнохранилищѣ побывалъ воръ; многія вещи были перестановлены, но ни одна изъ нихъ не была украдена. Ханъ удивился и пошелъ самъ въ свою сокровищницу. Дѣйствительно, подъ стѣну зданія былъ сдѣланъ подкопъ, на землѣ были видны слѣды человѣческихъ ногъ, и мѣшки съ деньгами и драгоцѣнными камнями были сдвинуты съ своихъ мѣстъ — очевидно, что въ казнохранилищѣ былъ воръ — и, однако, всѣ сокровища хана были цѣлы. Хану очень хотѣлось узнать, отчего воръ ничего не взялъ съ собой—и онъ велѣлъ объявить по всему государству, что онъ помилуетъ вора, лишь бы только онъ самъ явился и чистосердечно признался во всемъ.

Черезъ нѣсколько времени къ дворцу пришелъ человѣкъ, который просилъ позволенія повидать самого хана. Это и былъ воръ. На вопросъ хана, почему онъ ничего не взялъ изъ его казны, воръ разсказалъ ему слѣдующее: „Когда я черезъ подкопъ никѣмъ не замѣченный проникъ въ твою сокровищницу, я началъ собирать поподавшіеся мнѣ въ темнотѣ подъ руку мѣшечки съ деньгами и драгоцѣнностями, чтобы унести ихъ съ собой. Я набралъ ихъ столько, сколько могъ унести — и уже собрался уходить, какъ вдругъ мнѣ попался подъ ноги какой-то твердый комокъ. Я поднялъ этотъ комокъ и, чтобы узнать, что̀ это такое, лизнулъ его. Оказалось, что это была соль. Тогда, ханъ,

я вспомнилъ поговорку: сорокъ дней мира тому мѣсту, въ которомъ одинъ день поѣлъ соли *). Люди, не помнящіе соли, достойны осужденія. Вотъ почему и я счелъ себя обязаннымъ не причинять убытка хозяину казнохранилища и ушелъ съ пустыми руками".

Ханъ остался доволенъ воромъ и наградилъ его, а сказанная воромъ поговорка о соли распространилась въ сартскомъ народѣ и до сихъ поръ держится среди сартовъ.

Н. Остроумовъ. *Сарты* **).

---

*) Эта поговорка имѣетъ слѣдующее значеніе: воспользовавшись чьимъ-нибудь гостепріимствомъ, надо быть благодарнымъ хозяину и не дѣлать ему зла.

**) Этногр. Мат. вып. 2. Народн. сказки сартовъ. Ташкентъ, 1893.

КАБАРДИНЦЫ.

Обширное племя черкесовъ или адиге раздѣляется на нѣсколько вѣтвей; одной изъ нихъ и притомъ многочисленной въ настоящее время являются кабардинцы: ихъ насчитываютъ слишкомъ 70000. Кабардинцы живутъ по сосѣдству съ осетинами и чеченцами, преимущественно въ Предкавказьѣ между рр. Малкою и Терекомъ (область называемая Большой Кабардой) и между Терекомъ и Сунжей (такъ называемая Малая Кабарда). Занятіемъ ихъ служитъ преимущественно земледѣліе и коневодство. Они держатъ также много крупнаго и мелкаго скота.

Живутъ они въ сакляхъ; маленькія окна саклей прикрываются или просто ставней, или брюшиной. Около одной изъ стѣнъ устраивается очагъ-каминъ съ высокой плетневой, обмазанной глиной трубой, прикрѣпленной надъ очагомъ. Одѣваются они въ черкеску, бурку, папаху.

Кабарда, какъ раньше, такъ и въ настоящее время является для остальныхъ сосѣднихъ племенъ разсадникомъ хорошаго тона и манеръ: отъ нихъ заимствовали не только горцы, но и казаки, одежду и правила этикета, очень развитого среди горцевъ. Несмотря на богатство страны кабардинцы въ большинствѣ случаевъ живутъ бѣдно: они непредпріимчивы и въ этомъ отношеніи стоятъ ниже своихъ сосѣдей. Но они прославились своей воинственностью: до замиренія Кавказа они принадлежали къ числу самыхъ воинственныхъ народностей его: война, набѣги, грабежи наполняли значительную часть ихъ жизни, въ особенности людей болѣе молодыхъ. Выдающіяся своими подвигами лица воспѣвались пѣвцами, и стремленіе увѣковѣчить свое имя въ пѣснѣ заставляло многихъ кабардинцевъ вести постоянно тревожную, военную жизнь; „его гроб-

ница разрушится, а пѣсня до разрушенія міра не исчезнетъ“, говорится въ одной пѣснѣ, и молодежь старалась оставить память о себѣ въ богатырской пѣснѣ. Прекрасный наѣздникъ, смѣлый,

Кабардинка.

хитрый въ своихъ нападеніяхъ кабардинецъ шелъ на войну, ночью нападалъ на стада; и до настоящаго времени ружье и кинжалъ сопровождаютъ его всюду въ его переѣздахъ. Дома кабардинецъ отличается широкимъ гостепріимствомъ; онъ радушенъ, двери его

сакли всегда открыты для гостей, и ни въ одной просьбѣ хозяинъ не отказываетъ гостю: обидѣть послѣдняго значитъ навлечь позоръ на весь свой домъ.

Въ прежнее время кабардинцы дѣлились на цѣлый рядъ сословій, и воспоминанія объ этомъ до настоящаго времени еще живы въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, хотя съ подчиненіемъ ихъ рус-

Гора Эльбрусъ па Кавказѣ.

скимъ сословный строй и утратилъ свое значеніе. Во главѣ ихъ стояли нѣсколько семействъ княжескихъ *(пши)*. Большая Кабарда находилась подъ управленіемъ четырехъ, Малая Кабарда—подъ управленіемъ двухъ княжескихъ фамилій. Вокругъ каждаго князя группировались *уздени* или *уорки*, которые раздѣлялись на нѣсколько степеней. Каждая степень образовала особое сословіе, имѣла особыя права и обязанности въ отношеніи къ князю. Уздени составляли дружину князя, были его неизмѣнными спутниками на войнѣ. Далѣе шло нѣсколько полусвободныхъ и несвободныхъ сословій: крестьянъ, дворовыхъ и пр.

Въ настоящее время кабардинцы мусульмане: они приняли мусульманство только въ XVIII в., благодаря заботамъ крымскихъ

хановъ, съ которыми кабардинцы, какъ и другія черкесскія народности, стояли въ тѣсныхъ отношеніяхъ. Въ болѣе отдаленномъ прошломъ они были христіанами. Христіанство пришло къ нимъ изъ Византіи еще со временъ Юстиніана (VI в.). Они отличались благочестіемъ и даже тогда, когда Византія не могла больше поддерживать въ нихъ православія, они долго сохраняли древнія свя-

Черкесы, джигиты Закубанской области.

тыни и соблюдали нѣкоторые обряды. Впослѣдствіи, не имѣя возможности получать священниковъ, они выбирали изъ своей среды старика, надѣвали на него кусокъ войлочной матеріи: онъ считался священникомъ и совершалъ нѣкоторые церковные обряды, сохранившіеся еще въ воспоминаніи кабардинцевъ отъ прежняго времени. Язычество постепенно все болѣе затемняло христіанское ученіе, и, когда крымскіе ханы начали обращать ихъ въ мусульманство, они застали кабардинцевъ почти совершенно язычниками, вѣрующими во многихъ боговъ.

Айдемирканъ.

Кабардинская сказка.

Айдемирканъ былъ изъ рода князей *) Мударовыхъ. Теперь они всѣ вымерли, а былъ это славный, сильный родъ. Вотъ разъ собрались всѣмъ ауломъ въ набѣгъ, и Айдемирканъ сталъ просить, чтобы и его взяли—а ему тогда было всего пятнадцать лѣтъ. Айдемирканъ во все время похода точно позабылъ, что онъ князь и что ему слѣдуютъ почести, какъ княжескому сыну. Онъ исполнялъ всѣ обязанности прислужниковъ: чистилъ, купалъ, сѣдлалъ лошадей; днемъ и ночью, во время приваловъ, караулилъ ихъ. А караулилъ онъ, стоя всегда на одномъ мѣстѣ, даже въ сильные морозы, хотя на ногахъ у него были только чевяки изъ сыромятной лошадиной кожи, да сафьянные носки.

Набѣгъ удался: горцы награбили лошадей и разнаго товара и собрались назадъ, въ свой аулъ. Дошли до послѣдняго ночлега. На слѣдующій день должны были уже дѣлить добычу. Въ эту ночь караулить коней досталось Айдемиркану съ нѣкоторыми товарищами. Айдемирканъ велѣлъ товарищамъ лечь спать, а самъ остался караулить. Между награбленными лошадьми попалась одна клячонка, худая—еле душа держится. Около полуночи она ожеребилась. Ночь была морозная, и снѣгъ былъ большой. Айдемир-

*) Князья у кабардинцевъ, какъ и у другихъ кавказскихъ народностей, считаются главой своего народа. Народъ обязанъ уважать князя, какъ высшаго по происхожденію, какъ старшаго между владѣтельными дворянами. Иногда подвластные ему платятъ ему дань хлѣбомъ, медомъ, дровами и частью добычи, взятой во время набѣговъ. Князя всегда окружаетъ своего рода дворъ, члены котораго живутъ близъ княжескаго аула. Народъ обыкновенно любитъ своего князя, но только въ томъ случаѣ, если видитъ въ немъ доблесть и справедливость.

канъ подумалъ, что жеребеночекъ не выживетъ. Вдругъ смотритъ онъ—жеребенокъ встряхнулся и перепрыгнулъ черезъ свою мать въ одну сторону и назадъ въ другую. Удивился, глядя на это, Айдемирканъ.

На другой день начали дѣлить добычу. Досталась кобылица съ жеребенкомъ одному прислужнику. Айдемирканъ пошелъ къ нему и сказалъ: „Уступи мнѣ эту кобылицу съ жеребенкомъ. Взамѣнъ ея я дамъ тебѣ пару теплыхъ полотняныхъ чулокъ и чевяки. Кромѣ того, я дамъ тебѣ изъ своей доли коня. Жеребенокъ родился въ первый мой выѣздъ въ набѣгъ — мнѣ хочется выростить его“. Прислужникъ съ радостью согласился. Айдемирканъ назвалъ жеребеночка Жаманъ - шарыкъ, что значитъ по татарски—изношенный чевякъ, въ память того, что онъ вымѣнилъ его на старые чевяки.

Вернулся домой Айдемирканъ и тотчасъ отдалъ жеребеночка своимъ аталыкамъ *). Всю зиму, до первыхъ травъ, они кормили его буйволовымъ молокомъ, а потомъ онъ пасся все лѣто до поздней осени. Айдемирканъ нарочно для него устроилъ подъ землей конюшню и строго наказалъ аталыкамъ никому не говорить о Жаманъ - шарыкѣ. На водопой его выводили ночью, такъ что ни одинъ глазъ человѣческій не взглянулъ на него. И сталъ Жаманъ-шарыкъ красивымъ конемъ на рѣдкость. Глаза у него были круглые и выпуклые, какъ чаша, и блестѣли они какъ огонь. Скоро онъ сталъ до того силенъ и горячъ, что на водопой его можно было водить только въ желѣзныхъ путахъ. Айдемирканъ сталъ ѣздить на немъ въ набѣги, но избѣгалъ показывать его товарищамъ.

Разъ въ аулѣ пировали старики; начали толковать о томъ, у кого хорошая лошадь. Тогда вышелъ одинъ изъ аталыковъ Айдемиркана и сказалъ: „Что ваши лошади? Вотъ у Айдемиркана

---

*) Аталыкъ — воспитатель. У нѣкоторыхъ кавказскихъ народностей существуетъ обычай не воспитывать своихъ дѣтей дома. Новорожденнаго сына князя или уорка (дворяне—высшее сословіе) отдаютъ на воспитаніе въ другую семью. Аталыкъ обязанъ вскормить ребенка, выучить его наѣздничеству, стрѣльбѣ, перенесенію голода, труда и опасности, а также познакомить его съ народными обычаями. При наступленіи совершеннолѣтія воспитанника, аталыкъ, подаривъ ему коня, одежду и вооруженіе, торжественно возвращаютъ его въ родительскій домъ. Все семейство аталыка считается родственнымъ воспитаннику. Чѣмъ значительнѣе семья ребенка, тѣмъ болѣе лицъ изъявляютъ желаніе породниться съ ней посредствомъ аталычества; поэтому случается, что ребенокъ пробудетъ нѣсколько лѣтъ въ одной семьѣ, потомъ переходитъ въ другую и, наконецъ, въ третью.

есть конь — такъ это дѣйствительно конь!“—„Откуда же у него могла взяться лошадь, которой бы мы не знали?“ — и начали всѣ смѣяться надъ аталыкомъ, что онъ нескладно совралъ. Аталыкъ разсердился и сказалъ: „Я говорю правду; а если кто хочетъ посмотрѣть, тотъ пусть идетъ со мной въ подземелье, гдѣ стоитъ Жаманъ-шарыкъ“. Такъ и узнали въ аулѣ про лошадь Айдемиркана.

Услыхалъ про Жаманъ-шарыка и отецъ Айдемиркана. Онъ послалъ своихъ узденей къ сыну и велѣлъ имъ взять коня. Айдемирканъ удивился, откуда отецъ узналъ про его лошадь, но сказалъ узденямъ, что у него нѣтъ лошади, достойной отца. Такъ и вернулись ни съ чѣмъ уздени. Отецъ разсердился на Айдемиркана и снова послалъ своихъ узденей привести во чтобы то ни стало коня. Они выломали дверь у конюшни и увели Жаманъ-шарыка.

Айдемиркана въ то время не было; когда же онъ вернулся и узналъ, что Жаманъ-шарыкъ у отца, онъ рѣшилъ снова добыть его. Онъ нѣсколько разъ посылалъ къ отцу, прося вернуть коня, но отецъ не удостаивалъ его отвѣта. Айдемирканъ выбралъ удобное время, пробрался тихонько къ конюшнямъ отца и увелъ назадъ свою лошадь.

Разсердился на него отецъ, но ничего не сказалъ, а затаилъ злобу въ сердцѣ.

Вотъ, черезъ нѣсколько времени, отецъ посылаетъ къ сыну письмо съ наказомъ: отвезти это письмо какъ можно скорѣе къ другу его старинному Шамхалу. А въ письмѣ было написано, чтобы подателя письма немедля убить, коня же его прислать назадъ. Живо собрался Айдемирканъ, не зная, что ѣдетъ на смерть. Пріѣхалъ онъ къ Шамхалу рано утромъ, привязалъ Жаманъ-шарыка къ коновязи, а самъ пошелъ въ кунацкую *), и легъ на диванѣ, прикрывшись буркой.

Раньше всѣхъ въ домѣ встала дочь Шамхала. Она увидала у коновязи Жаманъ-шарыка и бросилась домой: „У нашей коновязи, говоритъ, стоитъ осѣдланный конь, какого я никогда не видала. Навѣрно, и хозяинъ его такой же рѣдкостный и пріѣхалъ издали“. Одна изъ служанокъ вошла тихонько въ кунацкую, тихонько приподняла конецъ бурки, посмотрѣла на Айдемиркана, вернулась и говоритъ: „Точно, рѣдкій гость спитъ у насъ въ

*) Въ каждой горской саклѣ есть отдѣльная комната, предназначенная для пріема гостей. Эту комнату называютъ кунацкой.

кунацкой, покрытый буркой: такого красавца я еще никогда не видала".

Всталъ, наконецъ, и самъ Шамхалъ и пришелъ въ кунацкую къ гостю; передалъ ему Айдемирканъ письмо отца. Шамхалъ прочелъ письмо и сказалъ: „Хорошо, я пошлю отвѣтъ съ тобой же; только прежде поживи у меня немного и отдохни". Ему жаль было красиваго, храбраго Айдемиркана и онъ подумалъ: „Недостойно изъ-за лошади, какъ-бы хороша она ни была, убивать такого юношу". А оставилъ онъ Айдемиркана, чтобы приглядѣться къ нему.

Въ то время, въ сосѣднихъ камышахъ завелся олень. Олень этотъ былъ необыкновенно красивъ, масти такой рѣдкой желтизны, что на солнцѣ она блестѣла, какъ золото. Всѣ охотники и наѣздники аула и самъ Шамхалъ охотились за нимъ, но не могли его убить; не было въ аулѣ ни такихъ собакъ, ни такихъ коней, которые могли бы догнать его. Разъ какъ то зашла рѣчь объ этомъ оленѣ при Айдемирканѣ. Юноша сказалъ: „Если вздумаете снова пойти на охоту за оленемъ, возьмите и меня съ собой". Шамхалъ на это отвѣтилъ: „Поѣдемте завтра". На слѣдующій день всѣмъ ауломъ пошли въ камыши облавой. Выгоняли нѣсколько оленей, но то были все обыкновенные олени, и Айдемирканъ оставался спокойно на своемъ мѣстѣ. Наконецъ выскочилъ и золотой олень. Тогда Айдемирканъ кинулся за нимъ на своемъ Жаманъ-шарыкѣ и погналъ его передъ собою въ степь. Вскорѣ они пропали изъ виду. Айдемирканъ обогналъ оленя и погналъ его назадъ — мимо охотниковъ, и прямо къ кунацкой Шамхала. Не успѣлъ народъ и ахнуть, какъ юноша вынулъ арканъ, накинулъ его на оленя и повалилъ его прямо противъ кунацкой Шамхала. Всѣ кинулись поздравлять Айдемиркана; старики говорили, что это навѣки останется въ народной памяти; а Шамхалъ не зналъ, какъ благодарить юношу. „Ты мнѣ доставилъ такую радость, какой я уже давно не знавалъ", сказалъ онъ.

Сталъ, наконецъ, Айдемирканъ собираться домой. Шамхалъ далъ ему письмо къ отцу — и въ письмѣ писалъ, что если онъ сдѣлаетъ что нибудь съ сыномъ, то онъ, Шамхалъ, со всѣмъ своимъ ауломъ пойдетъ на него войной, что недостойно было даже подумать лишить свой народъ такого мужа. Прочелъ отецъ письмо — и уже не поминалъ больше сыну о конѣ.

Славный былъ наѣздникъ Айдемирканъ. Не было ни одного кабардинца во всей округѣ, который бы ѣздилъ быстрѣе его, который совершалъ бы такіе безстрашные набѣги. А какъ бы опа-

сенъ и далекъ ни былъ набѣгъ, Айдемирканъ ѣздилъ всегда одинъ.

Вотъ разъ поѣхалъ онъ въ степи. Въѣхалъ онъ на одинъ пригорокъ у береговъ Терека, стреножилъ коня, а самъ тутъ же легъ на землю высматривать добычу—да скоро взялъ и заснулъ. Вдругъ раздался страшный шумъ, точно ударилъ громъ, и вся земля затряслась. Айдемирканъ проснулся, вскочилъ и увидалъ, что прямо на него идетъ огромный змѣй, высоко поднявъ голову. „Какъ могъ я испугаться какого-то червяка?“ подумалъ Айдемирканъ и снова легъ на землю. А змѣй все приближался и приближался. Лошадь вся дрожала и стояла не двигаясь, словно прикованная. Змѣй подползъ къ Айдемиркану и обвился вокругъ его ногъ. Онъ сдавилъ ихъ такъ сильно, что, казалось, кости сейчасъ сломаются. Потомъ онъ освободилъ ноги, просунулъ голову подъ рубашку около пояса и сталъ ползти вверхъ къ шеѣ Айдемиркана. Добравшись до шеи, онъ обвился вокругъ нея и сталъ душить юношу. Айдемирканъ едва дышалъ и уже прощался съ свѣтомъ, какъ вдругъ змѣй началъ мало-по-малу ослаблять кольца; затѣмъ, освободивъ шею, онъ поползъ назадъ тѣмъ же путемъ, между тѣломъ и рубашкой, и наконецъ скрылся совсѣмъ. Айдемирканъ пришелъ въ себя, сѣлъ на своего коня и уѣхалъ съ того мѣста, но далъ себѣ слово не пренебрегать безразсудно опасностью, отъ кого бы она ни исходила.

Скоро послѣ этого онъ снова поѣхалъ въ набѣгъ. Въ горахъ ему встрѣтился пѣшій человѣкъ, который остановилъ его и попросилъ взять его съ собой. Айдемирканъ отвѣтилъ: „Какой же ты товарищъ мнѣ? Ты пѣшій, а я верхомъ—какъ же ты поспѣешь за мной?“—„Это ужъ мое дѣло“, отвѣтилъ пѣшій. Айдемирканъ, не слушая его, поѣхалъ дальше; но пѣшій пошелъ за нимъ. Айдемирканъ пустилъ вскачь Жаманъ-шарыка—пѣшій все идетъ сзади, не отставая ни на шагъ. Скоро встрѣтился табунъ. Они тотчасъ взяли и угнали его. Айдемирканъ попросилъ товарища выбрать себѣ коня и сѣсть на него, но пѣшій не согласился, и все время, пока они не пришли къ тому мѣсту, гдѣ встрѣтились, онъ подгонялъ табунъ такъ же усердно, не отдыхая и не отставая, какъ и Айдемирканъ на своемъ Жаманъ-шарыкѣ. Айдемирканъ предложилъ тогда раздѣлить добычу поровну; пѣшій отказался. „У насъ не держатъ лошадей, сказалъ онъ; да я не изъ-за добычи напросился тебѣ въ товарищи: мнѣ хотѣлось узнать тебя“. И, пожелавъ юношѣ счастливаго пути, пѣшій повернулся и пошелъ въ горы. Тутъ Айдемирканъ вдругъ вспомнилъ, что товарищъ его ни

разу не назвалъ себя по имени; онъ догналъ его и остановилъ. „Я только теперь вспомнилъ, сказалъ онъ, что ты не назвалъ мнѣ своего имени. Ты знаешь меня, а я тебя не знаю. Мы съ тобой вмѣстѣ сдѣлали набѣгъ, и ты, кромѣ того, отдалъ мнѣ свою долю добычи. Но я не могу принять отъ тебя подарка и вести съ тобой дружбу, не зная, кто ты и гдѣ я тебя могу найти въ случаѣ надобности". Пѣшій отвѣчалъ на это: „Не допытывайся узнать мое имя. Ты не можешь найти меня, когда пожелаешь, а если ты будешь мнѣ нуженъ, то я найду тебя, гдѣ бы ты ни былъ".—„Нѣтъ, я тебя не пущу, пока не узнаю, кто ты!" вскричалъ Айдемирканъ и заступилъ ему дорогу. „Ну, такъ узнай же, кто я!" сказалъ пѣшій и вдругъ обернулся въ громаднаго змѣя, который сталъ прямо противъ Айдемиркана съ открытой пастью и далеко высунутымъ жаломъ. Черезъ минуту змѣй исчезъ—и Айдемирканъ понялъ, что оба раза это былъ джинъ *), который хотѣлъ испытать его мужество.

Въ то время въ Большой Кабардѣ жилъ князь Бесланъ Тучный. Его прозвали такъ, потому что онъ былъ очень толстъ. Разъ Бесланъ собрался сдѣлать большой набѣгъ. Онъ разослалъ повсюду гонцовъ пригласить въ товарищи лучшихъ кабардинскихъ наѣздниковъ. Пріѣхалъ къ Беслану и Айдемирканъ. Бесланъ Тучный захотѣлъ попробовать, каковъ лукъ у хваленаго Айдемиркана; онъ взялъ его лукъ, натянулъ его и сказалъ: „Лукъ твой хорошо сдѣланъ, только слабоватъ немного". Айдемиркану это не понравилось, но онъ промолчалъ.

Когда набралось у Беслана много наѣздниковъ, всѣ отправились въ походъ. Самъ Бесланъ не могъ ѣхать верхомъ—до того онъ былъ толстъ; его поэтому везли въ арбѣ. Пришлось проѣзжать мимо камышей. Изъ камышей выскочилъ олень. Айдемирканъ бросился за нимъ, погонялъ его по степи, а потомъ пригналъ къ арбѣ Беслана и пустилъ въ него стрѣлу. Олень упалъ тутъ же на мѣстѣ, а стрѣла, пронзивъ его насквозь, попала въ колесо и пригвоздила его къ оси, такъ что оно перестало вертеться. „Какъ тебѣ нравятся теперь мой лукъ и мои стрѣлы, тучный Бесланъ"? спросилъ юноша. На этотъ разъ промолчалъ Бесланъ.

Наконецъ доѣхали до большой рѣки. Нужно было переправиться черезъ нее, а брода въ томъ мѣстѣ не было. Айдемирканъ, не долго думая, бросился на своемъ Жаманъ-шарыкѣ прямо въ воду и переплылъ рѣку. Тамъ онъ нашелъ нужное число лодокъ

*) Джинъ—духъ.

и переправилъ ихъ на эту сторону. Отрядъ размѣстился въ этихъ лодкахъ и переѣхалъ такимъ образомъ на другой берегъ. Набѣгъ вышелъ очень удачный; добычи награбили несмѣтное количество. Бесланъ все время оставался на берегу, и каждый изъ наѣздниковъ, возвращавшійся съ того берега, подходилъ къ его арбѣ и поздравлялъ его, говоря: „Да дастъ тебѣ Богъ еще бо̀льшаго счастья". Подъѣхалъ и Айдемирканъ къ арбѣ; но онъ сказалъ Беслану: „Да здраствуешь ты на долгія лѣта, госпожа!" Бесланъ не могъ забыть этой насмѣшки. „Въ первый разъ, подумалъ онъ, я могъ простить ему, потому что я первый посмѣялся надъ его лукомъ; но теперь онъ издѣвается надо мной безъ повода. Не буду я рожденъ своей матерью мужемъ, если не заставлю раскаяться его въ этихъ словахъ!" И задумалъ съ этихъ поръ Бесланъ погубить Айдемиркана.

Разъ Айдемирканъ поѣхалъ погостить къ своему пріятелю Канболату. Они переломили стрѣлу въ вѣчной вѣрности другъ другу. Бесланъ узналъ, что Айдемирканъ гоститъ у Канболата, и тихонько отъ всѣхъ тоже поѣхалъ туда. Онъ пріѣхалъ въ аулъ ночью и до утра спрятался возлѣ дома Канболата. Утромъ же, когда Канболатъ былъ еще въ постели, онъ быстро вошелъ къ нему въ спальню, снялъ шапку и ударилъ челомъ. Удивился Канболатъ неожиданному появленію гостя, а Бесланъ тотчасъ заговорилъ: „Я пришелъ просить тебя и отъ себя, и отъ всѣхъ кабардинскихъ князей: помоги намъ убить Айдемиркана". Канболатъ отвѣтилъ: „Айдемирканъ мой другъ; я переломилъ съ нимъ стрѣлу на вѣчную вѣрность". Но Бесланъ началъ уговаривать его: „Мы всѣ, кабардинскіе князья, твои родственники; ты живешь между нами, и мы можемъ во всякое время быть тебѣ полезнѣе, чѣмъ одинъ Айдемирканъ. При томъ не ты самъ убьешь его: мы просимъ только, чтобы ты помогъ намъ завлечь его въ засаду". Канболатъ крѣпко задумался. „Не долженъ бы я первый нарушать клятву, сказалъ онъ; но ваша вражда страшнѣе для меня нарушенія клятвы, и я, видитъ Богъ, только по необходимости исполняю ваше желаніе". Тогда Бесланъ сказалъ: „Поклянись, что ты не измѣнишь своего слова и поможешь намъ". Канболатъ поклялся, и Бесланъ тихонько отъ всѣхъ уѣхалъ.

Онъ собралъ своихъ друзей и повезъ ихъ въ одно ущелье; тамъ они вырыли окопъ и засѣли въ засадѣ. А Канболатъ въ это время позвалъ Айдемиркана поѣхать съ нимъ вмѣстѣ въ степь, поохотиться на зайцевъ и лисицъ. Онъ посовѣтовалъ ему одѣться по-домашнему, въ длинную шубу и далъ ему свой мечъ, говоря,

что мечъ Айдемиркана слишкомъ хорошъ и что онъ его можетъ попортить на охотѣ. Айдемирканъ хотѣлъ сѣсть на Жаманъ-шарыка, но Канболатъ посовѣтовалъ ему оставить его дома, чтобы даромъ не мучить хорошаго коня, и далъ ему свою лошадь. Потомъ повезъ его въ ущелье. Тотчасъ же враги выскочили изъ засады и напали на Айдемиркана. Трудно было сражаться Айдемиркану: плохая лошадь не знала, куда повернуться и гнулась подъ нимъ, какъ прутъ; длинная шуба мѣшала ему. Но онъ все-таки не дешево продалъ свою жизнь и палъ, какъ приличествуетъ мужу.

А Жаманъ-шарыка въ это время заперли въ конюшнѣ, подъ крѣпкимъ замкомъ и привязали нѣсколькими арканами—все боялись, что онъ подоспѣетъ на помощь своему господину. Но Жаманъ-шарыкъ все же вырвался и прискакалъ въ ущелье. Онъ опоздалъ: Айдемирканъ уже лежалъ на землѣ и умиралъ. Жаманъ-шарыкъ съ жалобнымъ ржаньемъ наклонился надъ нимъ. Айдемирканъ увидалъ его, махнулъ рукой и сказалъ: „А, Жаманъ-шарыкъ, не гожусь я больше въ товарищи тебѣ!"—и умеръ. Жаманъ-шарыкъ ускакалъ домой. Жена Айдемиркана увидала его въ окно и сказала окружавшимъ ее дѣвушкамъ: „Нашъ конь вернулся безъ всадника; вѣрно, его нѣтъ уже въ живыхъ". Жаманъ-шарыкъ подошелъ къ окну, грустно положилъ свою голову на подоконникъ, и слезы потекли по его щекамъ.

Потомъ онъ повернулся и ускакалъ. И никто больше не видалъ Жаманъ-шарыка *).

---

*) Сбор. свѣдѣній о Кавказск. горцахъ. В. VI. Тифлисъ 1872.

ЧЕЧЕНЦЫ, ЛЕЗГИНЫ, ОСЕТИНЫ.

Мальчикъ лезгинъ.

На сѣверномъ склонѣ Кавказскихъ горъ, распространяясь отчасти на Предкавказскую плоскость, живутъ, кромѣ многихъ другихъ народностей, чуждыхъ другъ другу по языку и происхожденію, также и чеченцы, родственные имъ ингуши, лезгины и осетины. Чеченцы и лезгины принадлежатъ по языку къ восточно-горской группѣ, а осетины къ иранскому племени. Общее число чеченцевъ, количествомъ около 165 тысячъ душъ обоего пола, живетъ отчасти по склону кавказскаго хребта до Андійскаго водораздѣла, отчасти по плоскости до рѣки Сунжи; на западѣ границей ихъ жительства можно считать Военную Грузинскую дорогу, соединяющую Владикавказъ съ Тифлисомъ, а на востокѣ они доходятъ до Дагестана, въ которомъ живутъ народности аварскаго племени, преимущественно извѣстные подъ неточнымъ именемъ лезгинъ. Эти послѣдніе (въ числѣ до 100,000 душъ) населяютъ горный

Дагестанъ. Часть плоскости, населенной чеченцами, орошается множествомъ рѣкъ, отличается богатою растительностью: горныя части Чечни покрыты или дремучими лѣсами, или альпійскими, изобилующими травами, пастбищами: въ этомъ отношеніи Чечня является

Лезгины.

полной противоположностью горному Дагестану, безплодному и каменистому. Осетины (ихъ всего около 10,000 душъ) живутъ на западъ отъ Чечни по склонамъ и долинамъ главнаго Кавказскаго хребта, почти посрединѣ Кавказскаго перешейка, но распространяются и по плоскости вдоль по среднему теченію Терека до Моздока. Несмотря на то, что всѣ эти народности чужды другъ другу по языку и происхожденію, онѣ имѣютъ много общихъ чертъ въ характерѣ и въ образѣ жизни. Они всѣ прекрасно ѣздятъ верхомъ, смѣло взбираются по еле

замѣтнымъ горнымъ тропинкамъ на конѣ или пѣшкомъ. Отличительными чертами ихъ являются гордость, смѣлость и воинственность, при чемъ послѣднее качество не исчезло и теперь, когда войны на Кавказѣ прекратились, и съ завоеваніемъ Кавказа русскими населеніе считается замиреннымъ. Въ прежнее время, кромѣ войнъ съ сосѣдями, происходили постоянныя войны и внутри каж-

Аулъ въ Чечнѣ.

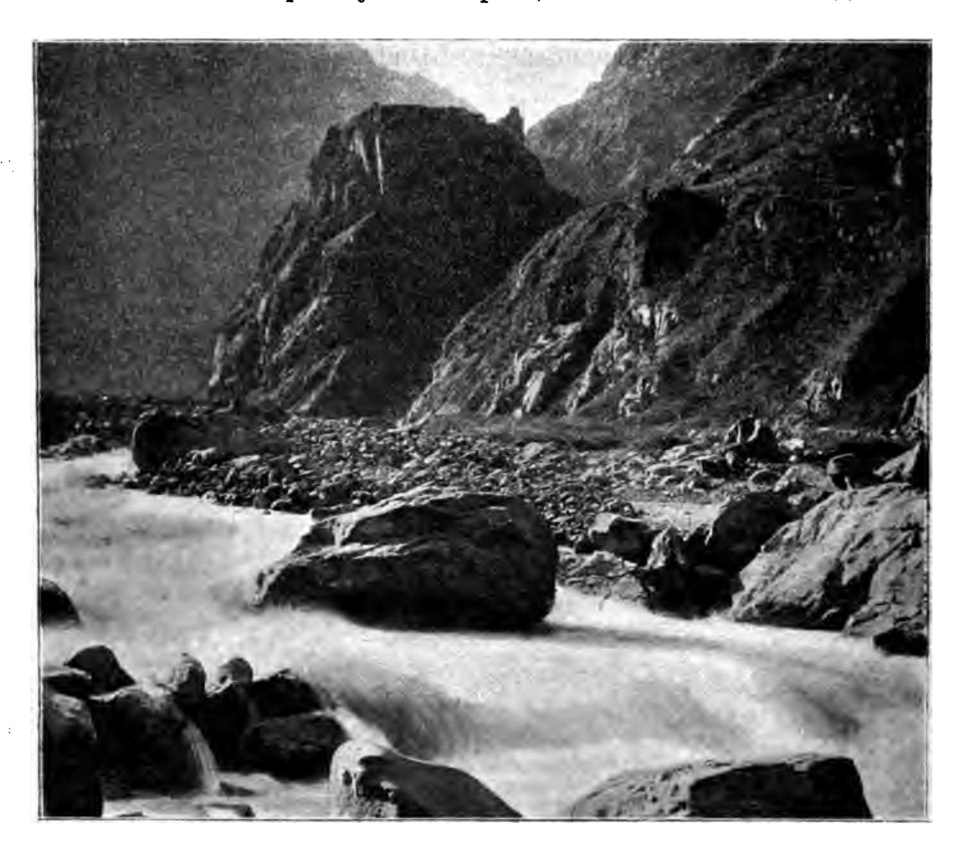
дой народности между отдѣльными родами или обществами, кончавшіяся взаимнымъ грабежомъ и убійствами. Родъ нападалъ на родъ, грабилъ домашній скотъ и вытаптывалъ поля, убивалъ нѣсколько лицъ, а пострадавшій родъ долженъ былъ мстить за убійство такимъ же нападеніемъ; эти войны длились иногда по нѣсколько десятковъ лѣтъ. Они были всегда готовы къ войнѣ, не выходили никогда не вооруженными, а селеніямъ своимъ они старались придать видъ крѣпостей, которыя могли бы оборонить ихъ отъ неожиданныхъ нападеній враговъ. Ихъ селенія и до настоящаго времени похожи на крѣпости. Аулы чеченцевъ и осетинъ имѣютъ высокія башни, которыя и служатъ жилищемъ одной или нѣсколькимъ семьямъ; лезгины окружаютъ свои селенія стѣнами съ бойницами и башнями. Чтобы сдѣлать

ихъ недоступными непріятелю, они строятъ дома и башни на крутизнахъ, окруженныхъ обрывами, такъ что къ селенію ведетъ часто лишь узенькая тропа, на которой два верховыхъ не всегда могутъ разъѣхаться. Съ замиреніемъ Кавказа, съ уменьшеніемъ вражды родовъ, новыхъ башенъ больше не строится: онѣ сохраняются лишь какъ воспоминаніе о прошломъ, когда война погло-

Развалины башни и церкви въ Осетіи.

щала все вниманіе населенія. Съ каждымъ годомъ въ горныхъ мѣстностяхъ строятъ все больше и больше домовъ — саклей, а на плоскостяхъ онѣ почти совсѣмъ вытѣснили башни. Сакли возводятся изъ дерева, а тамъ, гдѣ его нѣтъ—изъ камня. Это обыкновенно низкое одноэтажное зданіе съ плоской крышей, покрытой землей; окна закрываются ставнями, такъ какъ стеколъ не употребляютъ; передъ саклей строится балкончикъ съ навѣсомъ, на которомъ семья проводитъ свободное время. Главной комнатой считается та, въ которой находится очагъ, надъ которымъ виситъ цѣпь для котла; цѣпь эта считается священной. Кромѣ того при каждомъ домѣ есть особое помѣщеніе для гостей—кунацкая. Въ горахъ сакли лѣпятся по крутому склону, такъ что селеніе идетъ уступами; улицы кривыя и узкія.

Въ одеждѣ также существуетъ сходство между этими народностями: лезгины-мужчины носятъ обыкновенно короткую рубаху нанковую или ситцевую, такіе же или суконные штаны, нанковый бешметъ и черкеску изъ сѣраго, бѣлаго или темнаго домаш-



Терекъ и Дарьяльское ущелье.

няго сукна, съ патронами на груди. Черкеска туго перетягивается кожанымъ поясомъ съ металлическими украшеніями, а у богатыхъ и съ серебрянымъ наборомъ. На поясѣ спереди виситъ кинжалъ, съ которымъ лезгинъ, такъ же, какъ чеченецъ и осетинъ, никогда не разстается; отправляясь въ дорогу, онъ затыкаетъ за поясъ пистолетъ и беретъ съ собой винтовку. На голову онъ надѣваетъ папахъ—большую шапку изъ овчины, съ покрытымъ сукномъ верхомъ. Женщины - лезгинки носятъ нанковую, ситцевую или канаусовую длинную рубаху, широкія шаровары изъ той - же матеріи, а сверху надѣваютъ архалукъ или бешметъ—въ будни изъ свѣт-

лаго ситца, а въ праздничные дни изъ шелковой матеріи яркаго цвѣта. Бешметъ шьется съ открытою грудью и прорѣзами на обоихъ бокахъ; поверхъ таліи надѣваютъ поясъ, часто сплошь убранный серебряными украшеніями; у богатыхъ грудь украшается се-

Башни въ аулѣ Хани.

ребряными и золотыми монетами, застежками и проч. Въ нѣкоторыхъ обществахъ женщины надѣваютъ нѣчто въ родѣ кожанаго чепца, украшеннаго часто металлическими пластинками или стеклярусомъ. У чеченцевъ и осетинъ приблизительно тотъ же костюмъ; за поясомъ верхней одежды также виситъ кинжалъ, папахи разнятся отъ лезгинскихъ формой и размѣрами; осетины часто надѣваютъ бѣлую войлочную низкую шляпу съ широкими полями. Къ кинжалу, ружью и пистолету осетины часто прибавляютъ еще шашку; еще не такъ давно они носили и небольшіе кожаные щиты, окованные вокругъ желѣзомъ и съ металлической

бляхою посрединѣ. Женщины у чеченцевъ и осетинъ носятъ также шапочки, часто богато убранныя металлическими украшеніями. Чеченки особенно любятъ яркіе цвѣта, и бешметы онѣ часто шьютъ изъ шелка малиноваго цвѣта.

Въ настоящее время лезгины и чеченцы—мусульмане; осетины частью мусульмане, частью христіане. Въ болѣе отдаленныя времена и чеченцы были христіанами; они приняли христіанство отъ грузинъ. Въ ихъ странѣ встрѣчаются развалины бывшихъ христіанскихъ церквей, которыя въ настоящее время служатъ или служили недавно еще мѣстами, гдѣ въ опредѣленные дни совершались общественныя жертвоприношенія, сохранившіяся отъ временъ язычества. Еще сильнѣе слѣды язычества среди осетинъ, хотя они и считаютъ себя христіанами или магометанами: главнымъ богомъ они считаютъ *Хцау*; вокругъ него группируется сонмъ болѣе или менѣе чтимыхъ боговъ, въ именахъ которыхъ можно узнать имена и христіанскихъ святыхъ: св. Георгія, пр. Илію и т. д. Этимъ-то языческимъ божествамъ, воспринявшимъ лишь христіанскія имена, приносятся жертвы: имъ рѣжутъ барановъ, быковъ. Охотники приносятъ имъ въ жертву рога убитыхъ ими туровъ, оленей и пр. Мѣстами для жертвоприношеній служатъ забытыя въ настоящее время древнія христіанскія церкви, вокругъ которыхъ обыкновенно сложены груды роговъ, принесенныхъ охотниками.

Вообще, несмотря на давнишнее господство христіанства и мусульманства среди указанныхъ народностей, въ ихъ обрядахъ, суевѣріяхъ и сказкахъ чувствуются живые слѣды древняго языческаго міровоззрѣнія.

Умная сноха.

Чеченская сказка.

Одинъ богатый князь задумалъ построить себѣ башню. Онъ разыскалъ старика-каменьщика, опытнаго и искуснаго, и подрядилъ его за хорошую плату. Но старикъ долго не рѣшался итти на работу; ужъ очень дурные слухи ходили про князя: говорили, что люди, работавшіе на него, пропадали безъ вѣсти.

У старика былъ единственный сынъ. Онъ сосваталъ его на дочери сосѣда, прежде чѣмъ идти къ князю. На третій день послѣ свадьбы онъ взялъ сына и пошелъ на работу. Путь былъ не близкій. Старикъ усталъ и говоритъ сыну: „Дай мнѣ коня или сократи дорогу“. Удивился сынъ и отвѣчалъ: „Отецъ, какъ я могу тебѣ дать коня, когда его у меня нѣтъ, и какъ я могу сократить дорогу, которую создалъ Богъ?“ Старикъ разсердился и вернулся домой, не сказавъ ни слова. Сынъ разсказалъ обо всемъ молодой женѣ, а та говоритъ: „Отецъ твой, навѣрное, поглупѣлъ на старости лѣтъ“.

На слѣдующее утро старикъ спросилъ у сына, кого изъ нихъ жена считаетъ правымъ. Сынъ передалъ ему отвѣтъ жены. Тогда старикъ разсердился еще больше и прогналъ сноху изъ дому, а сыну велѣлъ жениться на другой.

Снова прошло три дня послѣ свадьбы, и старикъ опять пустился въ путь съ сыномъ. На дорогѣ повторилось то же, и старикъ, разсердившись на сына, вернулся опять домой. Вторая сноха, узнавъ, что произошло на дорогѣ, сказала: „Совсѣмъ старикъ рехнулся отъ старости“. Разсердился старикъ, прогналъ и ее изъ дому и женилъ сына на третьей.

Черезъ три дня послѣ третьей свадьбы старикъ опять пошелъ съ сыномъ къ князю. Опять старикъ попросилъ сына сократить дорогу или дать ему коня, и, когда сынъ отвѣчалъ, что не мо-

жетъ сдѣлать ни того, ни другого, онъ разсердился и вернулся домой. Огорченный сынъ все разсказалъ женѣ. Она отвѣчала ему: „Какой же ты недогадливый! Вмѣсто коня ты бы предложилъ отцу палку, а дорогу сократилъ бы занимательнымъ разсказомъ". Старикъ остался очень доволенъ отвѣтомъ снохи, расхвалилъ ее, оставилъ ее хозяйкой въ саклѣ, а самъ ушелъ ужъ окончательно къ князю вмѣстѣ съ сыномъ.

Усердно принялись они за работу, и скоро башня на половину была готова. У князя была одна работница. Разъ она услыхала, что князь говоритъ кому-то изъ своихъ приближенныхъ, что, какъ только башня будетъ совсѣмъ готова, онъ убьетъ старика и его сына, чтобы не платить имъ денегъ за трудъ. Работницѣ стало жаль каменьщиковъ, и она разсказала имъ про намѣреніе князя. Старикъ промолчалъ и продолжалъ усердно работать; но со второй половины башня начала выходить кривой.

Замѣтилъ это князь и сказалъ старику: „Башня можетъ разрушиться—стѣны у тебя сложены криво". Старикъ отвѣчалъ: „Это потому, что я забылъ гири у себя дома. Мнѣ надо будетъ сходить за ними". Но князь возразилъ: „Зачѣмъ же тебѣ ходить самому? Я дамъ тебѣ людей, которые тебѣ принесутъ гири изъ дому"—и онъ прислалъ старику своего собственнаго сына съ слугой.

Старикъ, отправляя княжескаго сына за гирями, сказалъ ему: „Прошу, передай моей снохѣ мое порученіе: пусть она изъ двухъ птицъ, которыя у нея на привязи, сокола привяжетъ покрѣпче, а галку—безполезную птицу—отпуститъ на волю".

Княжескій сынъ въ точности передалъ молодой снохѣ слова старика. Догадалась она, въ чемъ дѣло: велѣла слугамъ своимъ схватить княжескаго сына, а слугу отпустила къ князю, сказавъ ему: „Передай князю, что если онъ не отпуститъ сейчасъ же домой моего мужа и старика-отца, я велю убить молодого князя".

Князь испугался и въ тотъ же день отпустилъ старика-каменьщика и его сына домой.

„Вотъ для чего я выбиралъ тебѣ догадливую жену!" сказалъ старикъ сыну, вернувшись домой.

А. Россикова:—*Путешествіе по центр. части Горной Чечни* *).

---

*) Зап. Кавк. Отд. И. Р. Г. Общ. Кн. XVIII. Тифлисъ, 1896.

Смѣтливый работникъ.

Ингушская сказка. *)

Жили нѣкогда три брата. Оба старшіе женились, а младшій остался холостымъ. Братья прожили нѣкоторое время вмѣстѣ, а потомъ вздумали дѣлиться. Младшій взялъ свою часть и ушелъ въ далекіе края. Тамъ онъ нанялся въ работники къ одному князю. Князь велѣлъ ему пасти своихъ коней. Въ первую же ночь изъ княжескаго табуна пропало три лошади. Князь поручилъ своему работнику пасти рогатый скотъ; опять въ первую же ночь пропали изъ стада три штуки скота. На третій день князь послалъ работника стеречь овецъ. Ночью пропало изъ стада семь барановъ. Разсердился князь — онъ думалъ, что работникъ его воруетъ скотъ для себя: онъ приказалъ выкопать яму и посадить въ нее работника. А княжеской дочери стало жаль работника; она тихонько навѣщала его и каждый день приносила ему пищу.

Между тѣмъ случилось слѣдующее: къ князю вдругъ явились посланные отъ другого князя, жившаго на востокѣ отъ него; они сказали: „Нашъ князь присылаетъ тебѣ двухъ пѣтуховъ; если ты отгадаешь, который изъ нихъ старше, онъ выдастъ за тебя свою дочь; если же ты не дашь вѣрнаго отвѣта, то ты отдашь свою дочь ему". Пѣтухи, присланные восточнымъ княземъ, были совершенно одинаковы, и западный князь никакъ не могъ разгадать загадки. Когда княжеская дочь пришла къ заключенному, онъ спросилъ ее: „Что ты такъ поздно пришла сегодня?" Она отвѣчала: „Восточный князь прислалъ моему отцу двухъ совершенно одинаковыхъ пѣтуховъ, чтобы отгадать, который изъ нихъ старше. Если мой отецъ отга-

---

*) Ингуши живутъ рядомъ съ чеченцами; по образу жизни, языку и обрядамъ они почти не отличаются отъ нихъ.

даетъ загадку, восточный князь отдастъ за него свою дочь; если же онъ не отгадаетъ, то долженъ будетъ отдать меня восточному князю. Отецъ мой не можетъ отгадать; вотъ почему я такъ поздно пришла къ тебѣ“. Заключенный сказалъ: „Знаешь, что дѣлать? Скажи твоему отцу, чтобы онъ бросилъ зеренъ обоимъ пѣтухамъ. Тотъ, который старше, станетъ спиной къ вѣтру, а тотъ, который моложе, обернется лицомъ къ нему“. Княжна пошла къ отцу и передала ему слова заключеннаго въ ямѣ работника. Князь послушался совѣта и бросилъ пѣтухамъ зеренъ. Дѣйствительно, одинъ изъ нихъ сталъ спиной къ вѣтру; князь отмѣтилъ его и отослалъ назадъ восточному князю. Оказалось, что этотъ пѣтухъ на самомъ дѣлѣ былъ старше.

Вскорѣ послѣ этого восточный князь прислалъ западному князю два совершенно одинаковыхъ ножа и предложилъ ему на тѣхъ же условіяхъ отгадать, который изъ двухъ ножей принадлежитъ князю, который—холопу. Западный князь никакъ не могъ отгадать. И въ этотъ разъ княжна запоздала прійти къ заключенному. Онъ спросилъ ее, почему она такъ поздно пришла. Она отвѣчала: „Ты угадалъ тогда, какой пѣтухъ старше; не разгадаешь ли ты и теперь загадки?“—и она разсказала ему о присылкѣ ножей. „Отгадалъ твой отецъ?“ спросилъ заключенный. Княжна отвѣчала, что нѣтъ. „Вотъ что сдѣлайте, сказалъ работникъ. Положите оба ножа надъ огнемъ; на княжескомъ ножѣ ничего не будетъ видно, а съ ножа холопа потечетъ сало: вѣдь князь послѣ ѣды моетъ руки мыломъ и ножъ свой вытираетъ хорошо, а холопъ вытираетъ ножъ свой плохо“. Княжна передала совѣтъ отцу; онъ такъ и сдѣлалъ и послалъ отвѣтъ восточному князю. Тотъ прислалъ сказать ему: „Ты вѣрно отгадалъ. А вотъ теперь я повѣшу на цѣпь свой котелъ, ты же изъ своего дома стрѣляй въ него изъ лука. Если стрѣла попадетъ въ цѣпь, прострѣлитъ ее и опрокинетъ котелъ, пріѣзжай за моей дочерью“.

Опечалился западный князь и не зналъ, какъ ему быть. Княжна пошла къ заключенному и разсказала ему все. Тотъ отвѣчалъ ей: „Еслибы меня выпустили изъ ямы, я бы исполнилъ это“. Княжна передала его слова отцу, и тотъ велѣлъ выпустить изъ ямы работника. Работникъ взялъ лукъ, выстрѣлилъ—и прострѣлилъ цѣпь, такъ что котелъ опрокинулся. Тогда восточный князь прислалъ сказать западному князу: „Ты все исполнилъ; пріѣзжай теперь за моей дочерью“. Западный князь отвѣтилъ: „У меня нѣтъ родственниковъ, а самъ я за невѣстой ѣхать не могу“. Работникъ сказалъ князю: „Дай мнѣ коня, и я привезу тебѣ невѣсту“.

Работнику дали коня, одѣли его, и онъ поѣхалъ къ восточному князю. На дорогѣ ему встрѣтился пастухъ, который пасъ стадо зайцевъ; между тѣмъ у него была только одна нога. Посланецъ князя спросилъ его: „Какъ это ты съ одной ногой пасешь столькихъ зайцевъ?“ Пастухъ отвѣчалъ: „Это не удивительно, а удивительно вотъ что: восточный князь повѣсилъ свой котелъ на цѣпь, а западный князь отъ своего дома стрѣлой опрокинулъ этотъ котелъ“. Работникъ сказалъ: „Это я сдѣлалъ“—и разсказалъ ему все. Тогда пастухъ попросился къ нему въ товарищи и пошелъ вмѣстѣ съ нимъ.

Двинулись они дальше; вдругъ видятъ: стоитъ человѣкъ, вокругъ него вьются голуби, а онъ выдергиваетъ перья у однихъ голубей, и вкладываетъ ихъ другимъ такъ быстро, что голуби этого не замѣчали. Удивились путники, а человѣкъ этотъ говоритъ: „Нечему удивляться, а вотъ что удивительно“—и онъ разсказалъ имъ про удачный выстрѣлъ западнаго князя. Когда же онъ узналъ, что выстрѣлъ былъ сдѣланъ работникомъ, онъ напросился къ нему въ товарищи и пошелъ за нимъ.

Скоро путники увидали человѣка, лежащаго на землѣ и прислушивавшагося къ чему-то. Они спросили его, что онъ дѣлаетъ. Человѣкъ этотъ сказалъ: „За семью горами лежитъ змѣй; я слышу, когда онъ начинаетъ ѣсть“. Путники изумились, а человѣкъ, лежащій на землѣ, сказалъ: „Что же тутъ удивительнаго? Вотъ чему можно удивляться“—и онъ разсказалъ ему про выстрѣлъ западнаго князя. Ему сказали, кто выстрѣлилъ такъ удачно — и этотъ человѣкъ всталъ и пошелъ за ними.

Черезъ нѣсколько времени они приблизились къ селенію, и видятъ вдругъ—одинъ человѣкъ обвязалъ весь аулъ веревкой и тащитъ его за собою. Подивились товарищи на такую неимовѣрную силу — а человѣкъ этотъ и говоритъ: „Удивительнаго тутъ ничего нѣтъ; а вотъ послушайте-ка про выстрѣлъ западнаго князя“. Когда ему показали того, кто сдѣлалъ этотъ выстрѣлъ, онъ попросилъ взять и его въ товарищи.

Пріѣхали, наконецъ, товарищи къ восточному князю и сказали ему, что явились они отъ западнаго князя за его дочерью. Хозяинъ, повидимому, принялъ ихъ радушно, велѣлъ приготовить угощенье — но потихоньку отдалъ приказаніе подсыпать яду въ блюда, назначенныя для пріѣзжихъ. Тотъ изъ товарищей, который отличался тонкимъ слухомъ, услыхалъ приказаніе князя и предупредилъ своихъ друзей. Во время пира, когда гостямъ подали отравленныя блюда, человѣкъ, мѣнявшій перья у голубей,

также незамѣтно подмѣнилъ и блюда. Восточный князь смотрѣлъ на гостей, ожидая, что вотъ-вотъ начнетъ на нихъ дѣйствовать ядъ, а гости сидятъ и смѣются. Увидалъ князь, что хитрость его не удалась и сказалъ: „Устроимте бѣгъ; чья сторона побѣдитъ, за той пусть и останется невѣста“. Изъ товарищей вызвался бѣжать тотъ, кто на одной ногѣ пасъ стадо зайцевъ; а отъ себя князь выставилъ вѣдьму. Они оба ушли далеко въ лѣсъ; вѣдьма, думая хитростью обмануть противника, предложила ему лечь и заснуть немного передъ состязаніемъ. Тотъ согласился, а она, дождавшись, когда онъ заснулъ, побѣжала. Но человѣкъ, который могъ слышать, какъ змѣи ѣстъ за семью горами, услыхалъ все и сказалъ объ этомъ ловкому стрѣлку. Тотъ тотчасъ же схватилъ лукъ и пустилъ стрѣлу такъ, что она упала какъ разъ возлѣ заснувшаго товарища и осыпала его землей. Отъ этого онъ тотчасъ же проснулся; увидавъ, что онъ одинъ, онъ бросился бѣжать и обогналъ вѣдьму.

Видя, что и тутъ не удалась хитрость, восточный князь собралъ своихъ людей и хотѣлъ убить товарищей. Но тотъ изъ нихъ, который могъ на веревкѣ стащить весь аулъ, обвилъ канатомъ домъ князя и потащилъ его за собой. Тогда князь попросилъ пощады, отдалъ свою дочь и съ почетомъ отправилъ своихъ гостей*).

---

*) Сборн. Матер. по Этногр., издав. при Дашк. Музеѣ. В. III.

Баранъ и верблюдъ.

Лезгинская сказка.

Жилъ-былъ у одного лезгина баранъ. Онъ былъ очень худъ, да вдобавокъ еще хромъ. Вотъ пришло время гнать стадо въ горы на лѣто *)—а баранъ не можетъ идти за стадомъ. Хозяинъ подумалъ: „Что съ нимъ дѣлать? въ горы онъ не дойдетъ, а зарѣзать его не стоитъ—ужъ очень онъ худъ". И пустилъ его хозяинъ на всѣ четыре стороны. Баранъ нашелъ одну поляну и сталъ жить на ней.

Разъ по этой полянѣ проходилъ караванъ. Случилось, что у одного верблюда, самаго сильнаго во всемъ караванѣ, сломалась нога. Погонщику жаль было зарѣзать его, и онъ оставилъ его на этой полянѣ. Верблюдъ и баранъ скоро подружились. Они никогда не разлучались: днемъ паслись вмѣстѣ, а ночью баранъ ложился возлѣ верблюда и засыпалъ.

Наконецъ, нога у верблюда зажила, и баранъ поправился на хорошемъ кормѣ. Барану наскучило пастись все на одной полянѣ. Онъ вздумалъ перейти на другую сторону горы: тамъ былъ хорошій лугъ. Верблюдъ не пошелъ за нимъ.

Баранъ добрался до луга и началъ щипать траву. А неподалеку бродила голодная лиса. Она увидала жирнаго, сытаго барана и подумала: „Вотъ судьба посылаетъ мнѣ!" Она подскочила къ нему и говоритъ: „Какъ же это ты тутъ даромъ ѣшь траву? Развѣ ты не знаешь, что тутъ за пастьбу платятъ пошлину?" Баранъ спросилъ: „А какую пошлину берутъ?" Лиса отвѣтила: „Отдай свой курдюкъ. Онъ у тебя черезъ нѣсколько дней выростетъ

*) На лѣто горцы обыкновенно отпускаютъ свои стада, подъ присмотромъ пастуховъ, въ горы. Склоны ихъ на извѣстной высотѣ покрыты прекрасными пастбищами.

и будетъ такой же, какъ и теперь". Баранъ видитъ, что онъ попался и говоритъ: „Хорошо; только позволь мнѣ прежде пойти къ моему старшему брату, посовѣтоваться съ нимъ, а потомъ я вернусь и принесу пошлину".

Лиса отпустила барана, а сама побѣжала къ волку и говоритъ: „Мнѣ достался лакомый кусокъ; онъ теперь ушелъ, но скоро придетъ. Пойдемъ со мной—на насъ двоихъ хватитъ". А баранъ побѣжалъ къ верблюду и разсказалъ ему все. Верблюдъ пошелъ вмѣстѣ съ нимъ на другую сторону горы; тамъ уже стояла лиса съ волкомъ. Верблюдъ и говоритъ имъ: „Дѣти мои! вотъ этотъ баранъ жалуется на васъ, что вы его мучите здѣсь и безпокоите. Чего вы отъ него хотите?" Лисица испугалась и сказала волку: „Ты—старшій братъ; иди и отвѣчай". Волкъ смѣло вышелъ впередъ и спросилъ у верблюда: „Позволь узнать, прежде всего, кто ты и какъ тебя звать?"—„Я? отвѣчалъ верблюдъ; я — Маадинъ-бекъ".—„Поле это имѣетъ хозяина, сказалъ волкъ; оно не разгульное; поэтому здѣсь за пастьбу берутъ пошлину; а я сборщикъ податей". Верблюдъ сказалъ: „Я старъ и плохо слышу. Подойди поближе". Волкъ подошелъ совсѣмъ близко, а верблюдъ схватилъ его зубами за спину, поднялъ кверху и сталъ все сильнѣе сжимать зубы, такъ что, наконецъ, волкъ испустилъ духъ. Лиса, видя все это издали, сказала: „Судя по зубамъ Маадинъ-бека и стонамъ сборщика податей, я думаю, что намъ здѣсь не заплатятъ пошлины"—и она поскорѣй убѣжала*).

---

*) Сборн. Свѣд. о Кавказск. Горц. В. IV. Тифлисъ. 1870.

О нартахъ *) Хамыцѣ и Батразѣ

Осетинскія сказанія.

Славный и храбрый нартъ Хамыцъ отправился разъ въ богатырскую поѣздку. На дорогѣ ему встрѣтился мальчикъ. „Дозволь мнѣ поѣздить съ тобой дня три", сказалъ мальчикъ Хамыцу. Тотъ далъ свое согласіе.

Они проѣздили цѣлый день; когда же стемнѣло, мальчикъ сказалъ Хамыцу: „Не лечь же намъ голодными. Постереги ты коней, а я пойду, добуду чего-нибудь поѣсть".

Взбѣжалъ мальчикъ на гору и скоро нашелъ дичь. Лучшую изъ нея онъ убилъ и положилъ себѣ на спину, а другихъ звѣрей погналъ на Хамыца. Хамыцъ же въ это время заснулъ. Разсердился мальчикъ и сказалъ: „А я вѣдь думалъ, что ты болѣе доблестный мужъ". Въ эту ночь они пировали, и мальчикъ прислуживалъ Хамыцу; но на утро онъ сказалъ ему: „Вижу, что съ тобой я ничего не сдѣлаю"—и поѣхалъ отъ него.

Когда онъ уже отъѣхалъ довольно далеко, Хамыцъ подумалъ: „Отчего я не спросилъ мальчика, изъ какого онъ рода? Я бы высваталъ изъ этого рода себѣ дѣвушку". И онъ крикнулъ ему вслѣдъ: „Погоди, мальчикъ, мнѣ нужно съ тобой поговорить". Мальчикъ остановился; Хамыцъ подъѣхалъ къ нему и сказалъ:

---

*) Нарты-богатыри. Сказанія о нартахъ извѣстны не однимъ осетинамъ, но также и чеченцамъ, балкарцамъ и кабардинцамъ. Среди этихъ народностей существуетъ преданіе, что раньше нынѣшняго поколѣнія людей въ ихъ странахъ жили богатыри-нарты, которые совершали разные удивительные подвиги силы и храбрости. Сказанія о нартахъ большей частью извѣстны уже только старикамъ; молодежь начинаетъ ихъ забывать. Эти сказанія обыкновенно разсказываются прозой, но нараспѣвъ, подъ акомпаниментъ двухструнной балалайки—*фандырь*.

„Хочется мнѣ знать, изъ какого ты рода. Я бы высваталъ изъ твоего рода дѣвушку, чтобы потомство у меня было подобное тебѣ". Мальчикъ отвѣтилъ: „Я изъ роду Хадмастпселовыхъ. Есть у меня сестра—мы отдадимъ ее за тебя, если ты хочешь". Хамыцъ сейчасъ же поѣхалъ за мальчикомъ въ его аулъ и началъ сватовство. Родные мальчика отдали его сестру за пріѣзжаго богатыря, и Хамыцъ вернулся домой съ молодой женой. Онъ ей построилъ мѣдную башню, и она жила тамъ.

У Хамыца родился сынъ. Его назвали Батразомъ. Онъ скоро выросъ и сдѣлался величиной съ гору. Такъ силенъ былъ Батразъ, что его не могъ выдержать на себѣ богатырскій конь Хамыца. Едва Батразъ сѣлъ на него и сдавилъ его колѣнями, какъ бока коня проломились.

Разъ Батразъ подумалъ: „Не могу я съ людьми воевать, потому что я изъ мяса и костей. Закалю-ка я себя и стану стальнымъ". Онъ взялъ, положилъ себѣ въ карманы шестьдесятъ тумановъ и пошелъ къ небесному кузнецу Курдалагону *). „Да даруетъ намъ Богъ твою милость!" сказалъ онъ ему. „Закали меня, чтобы я сталъ стальнымъ". Курдалагонъ отвѣтилъ ему: „Я закалилъ бы тебя, но ты сгоришь въ огнѣ". Но Батразъ настаивалъ. Тогда Курдалагонъ принесъ камни, положилъ подъ нихъ Батраза въ плавильню и началъ раздувать мѣхи. Онъ дулъ цѣлую недѣлю и потомъ сказалъ: „Дай-ка я посмотрю, что сдѣлалось съ Батразомъ; онъ, навѣрное, уже совсѣмъ сгорѣлъ". Онъ посмотрѣлъ — а Батразъ сидитъ въ огнѣ цѣлъ и невредимъ. Тогда Курдалагонъ принесъ другіе камни и снова началъ его калить. Онъ калилъ его цѣлую недѣлю, потомъ посмотрѣлъ: „Навѣрное, подумалъ онъ, Батразъ теперь совсѣмъ закаленъ". Батразъ, увидавъ его, сказалъ: „Будь милостивъ, брось меня теперь въ море". Курдалагонъ такъ и сдѣлалъ. Цѣлую недѣлю лежалъ Батразъ въ морѣ. Вся вода высохла. Послѣ этого Батразъ сдѣлался стальнымъ. Онъ вышелъ изъ моря—и море снова наполнилось водой.

Въ городѣ Тынтѣ жилъ маликъ **). Хамыцъ подъѣхалъ къ воротамъ города и крикнулъ: „Я здѣсь царь. Кромѣ меня здѣсь нѣтъ царя!" Разсердился маликъ и приказалъ своимъ людямъ: „Приведите ко мнѣ сюда Хамыца! Онъ осмѣлился сказать: я одинъ

---

*) Курдалагонъ—миѳическій кузнецъ. Онъ, по понятію осетинъ, живетъ на небѣ или въ царствѣ мертвыхъ; онъ куетъ подковы для коней умершихъ, закаляетъ богатырей въ своей кузницѣ.

**) Маликъ—правитель.

тутъ царь." Но Хамыцъ убилъ всѣхъ посланныхъ за нимъ и самъ послалъ сказать малику: „Даю тебѣ одну недѣлю сроку, чтобы явиться ко мнѣ на кабардинское поле!"

Тогда маликъ испугался и подумалъ: „Нартъ Хамыцъ сильный мужъ. Спрошу-ка я у колдуньи, что бы мнѣ сдѣлать съ нимъ." Онъ пошелъ къ старухѣ-колдуньѣ и попросилъ ее научить его, какъ ему быть. Старуха сказала ему: „Хамыцевъ конь—порожденіе чорта. Найди волчью шкуру и повѣсь ее на шею твоему коню; тогда Хамыцевъ конь ни за что не повернется къ тебѣ передомъ".

Маликъ послушался совѣта старухи и смѣло поѣхалъ къ Хамыцу. Какъ увидалъ конь Хамыца волчью шкуру, онъ сейчасъ же повернулся назадъ и, какъ ни понуждалъ его нартъ, конь не могъ повернуться и понесъ его, наконецъ, назадъ. Маликъ бросился за Хамыцемъ и убилъ его. Послѣ этого онъ привязалъ мертваго Хамыца къ коню и пустилъ коня. Конь прискакалъ къ дверямъ хозяйскаго дома и заржалъ. Родные Хамыца сказали: „Это ржаніе нашего коня, а нашему путнику не время еще вернуться". Они вышли къ нему и увидали: у дверей ихъ стоитъ конь съ привязаннымъ на спинѣ тѣломъ хозяина. Тогда родные сказали: „Будь свѣтелъ! *) Спереди никто не осилилъ тебя. Видно, что тебя убили хитростью сзади". И сказали нарты: „Это сдѣлалъ маликъ города Тынта; намъ надо воевать съ нимъ. Но нашъ день еще не наступилъ: вѣдь Батраза нѣтъ съ нами". Батразъ же въ это время былъ у Курдалагона. Нарты послали вечерній вѣтеръ къ утреннему, чтобы утренній полетѣлъ къ Батразу и сказалъ ему: „Отца твоего Хамыца убилъ маликъ города Тынта, и мы, собравъ дружину, идемъ отомстить за смерть твоего отца **). Приходи и ты". Утренній вѣтеръ прилетѣлъ къ Батразу и сказалъ: „Твоего отца убилъ маликъ города Тынта. Если ты сидишь, то встань и иди; если стоишь, то больше не садись, а скорѣе иди!"

Услыхавъ эту вѣсть, Батразъ схватилъ свои доспѣхи, ружье, мечъ и щитъ и побѣжалъ. Когда онъ прибѣжалъ съ неба на землю,

*) Будь свѣтелъ! — обычное пожеланіе покойнику, какъ у насъ: дай ему Богъ царство небесное.

**) Среди кавказскихъ горцевъ и въ прежнее время существовалъ въ полной силѣ обычай кровной мести. Убійцѣ мстилъ не только ближайшій родственникъ убитаго; но обыкновенно родъ убитаго бралъ на себя мщеніе всему роду убійцы; аулъ мстилъ аулу. Чтобы избавиться отъ мести, убійца платилъ родственникамъ убитаго плату за кровь, которая иногда достигала большихъ размѣровъ. Поэтому случалось, что нѣкоторыя семейства обязывались другъ другу клятвой въ случаѣ необходимости общими силами уплачивать плату за кровь.

онъ весь горѣлъ. Чтобы простыть, онъ оторвалъ съ горы половину ледника и положилъ его себѣ на голову. Онъ прибылъ къ нартамъ и сказалъ: „Для чего я вамъ нуженъ? Шутите вы со мной, что ли? Какъ могъ кто-нибудь оказаться сильнѣе Хамыца?“ Тогда нарты сказали ему: „Зачѣмъ мы будемъ скрывать это отъ тебя? Отца твоего убилъ хитростью, сзади, маликъ города Тынта“. Батразъ сейчасъ же отправился мстить за смерть отца.

Дружины малика и нартовъ бились другъ съ другомъ и поодиночкѣ убивали то того, то другого. Тогда Батразъ сказалъ: „Приведите двѣнадцать паръ воловъ и притащите мою пушку. Тогда я самъ уже буду знать, что мнѣ надо сдѣлать“. Когда пушку притащили, Батразъ велѣлъ всыпать въ ея жерло двѣнадцать мѣрокъ пороха. Потомъ онъ самъ зарядилъ себя въ пушку и сказалъ наводчику: „Хорошенько прицѣлься въ городъ Тынтъ и выстрѣли“.

Такимъ образомъ онъ очутился въ городѣ Тынтѣ. Всѣ дома города онъ разрушилъ. Потомъ онъ началъ искать малика. Когда онъ нашелъ его, маликъ взмолился: „Да будетъ мнѣ твоя милость! не убивай меня! Я заплачу тебѣ, сколько ты самъ скажешь, за смерть твоего отца!“ Но Батразъ отвѣтилъ: „Помимо тебя я за кровь отца моего не возьму ни скота, ни денегъ“ — и отсѣкъ ему голову. Большую добычу онъ взялъ изъ города: мальчиковъ, дѣвушекъ и много хорошихъ вещей. Голову же малика онъ отнесъ на могилу отца. Потомъ онъ собралъ нартовъ и сдѣлалъ кувдъ *). „Я отомстилъ за кровь отца!“ сказалъ онъ. И пировали они на поминкахъ цѣлую недѣлю.

Вс. Миллеръ. *Осетинскіе этюды. Ч. I.*

---

*) *Кувдъ*—молитва, сопровождающая жертвоприношеніе. При кувдѣ необходимой принадлежностью являются три лепешки; при поминальной кувдѣ—употребляютъ четыре. Жертвенное животное избирается по желанію. Послѣ молитвы часть лепешки бросается въ огонь.

Два охотника.

Осетинская сказка.

Разъ, у одной балки, сошлись два охотника, балкарецъ *) и кабардинецъ. Одинъ стоялъ по одну сторону балки, другой—по другую, но такъ, что они не могли видѣть другъ друга.

Въ балкѣ внизу пасся олень. Оба охотника выстрѣлили въ него въ одно и то же время, такъ что гулъ выстрѣловъ слился въ одинъ звукъ. Олень упалъ, и оба подбѣжали къ нему. Тутъ они столкнулись лицомъ къ лицу. Они начали спорить, кто изъ нихъ въ правѣ зарѣзать оленя. По адату **), зарѣзать дичь долженъ тотъ, кто ее убилъ. Охотники начали осматривать оленя и увидали, что у него съ каждаго бока по ранѣ. Тогда они зарѣзали его вдвоемъ. По адату, голова звѣря, какъ почетная часть, принадлежитъ убившему его. Охотники опять начали спорить, кому взять голову оленя. Наконецъ, они рѣшили, что возьметъ ее тотъ, кто разскажетъ изъ своей жизни наиболѣе чудесное и опасное приключеніе. Первымъ сталъ разсказывать кабардинецъ.

„Однажды, началъ онъ, мнѣ пришлось на охотѣ заночевать въ лѣсу. Я повѣсилъ на дерево мясо убитаго звѣря, отрѣзавъ себѣ сначала кусокъ на шашлыкъ ***), развелъ костеръ, зажарилъ шашлыкъ, поужиналъ и легъ спать. Только что я укрылся буркой,

---

*) Балкарцы составляютъ одно изъ горскихъ обществъ Кабарды. Они живутъ по верховьямъ рѣки Малки и прежде были въ зависимости отъ кабардинцевъ. И по языку и по происхожденію они принадлежатъ къ тюркскому племени.

**) У кавказскихъ горцевъ существуетъ два рода законовъ, по которымъ они управляются: *шаріатъ*—писанные законы и *адатъ*—обычное право, которое передается изустно изъ поколѣнія въ поколѣніе.

***) Шашлыкъ — мясо, нарѣзанное небольшими кусочками и зажаренное на вертелѣ.

вдругъ слышу сзади шумъ шаговъ. Я вскочилъ, накинулъ бурку на свалившееся дерево, а самъ залѣзъ подъ него. Смотрю оттуда и вижу—подходитъ лѣсной человѣкъ*) съ топоромъ на груди. Замѣтивъ бурку, онъ бросился на нее и топоромъ разсѣкъ ее и дерево пополамъ. До меня лезвее топора не дошло, и я остался цѣлъ. Потомъ лѣсной человѣкъ снялъ съ дерева мясо, надѣлъ его на вертелъ, изжарилъ его и началъ ѣсть. Разсмотрѣвъ хорошенько лѣсного человѣка, я немного оправился отъ страха, зарядилъ потихоньку ружье и выстрѣлилъ ему прямо въ грудь. Онъ вскочилъ съ страшнымъ крикомъ и убѣжалъ. Когда разсвѣло, я замѣтилъ слѣды крови и пошелъ по нимъ. Скоро я дошелъ до большой пещеры въ самой чащѣ лѣса. Я рѣшился войти туда и вижу: лежитъ раненый лѣсной человѣкъ, а въ головахъ у него сидитъ красавица-дѣвушка. Замѣтивъ меня, она испуганно замахала руками, чтобы я не входилъ. Но я зарядилъ ружье двумя пулями и выстрѣлилъ прямо въ грудь лѣсному человѣку. Онъ закричалъ такъ громко, что гулъ пошелъ по всему лѣсу, и тутъ же испустилъ духъ. Дѣвушка начала благодарить меня, что я избавилъ ее. Оказалось, что она родомъ изъ нашего аула и была унесена лѣснымъ человѣкомъ. По просьбѣ дѣвушки я отвелъ ее въ нашъ аулъ. Она до сихъ поръ жива и можетъ сказать, что все, что я говорю, правда“.

Въ свою очередь началъ разсказывать балкарецъ. „Однажды, сказалъ онъ, я возвращался домой и несъ на спинѣ убитую дичину. Вдругъ спустился надо мной огромный орелъ, схватилъ когтями привязанную у меня на спинѣ дичь и, прежде чѣмъ я могъ опомниться, поднялъ меня на воздухъ и принесъ на вершину неприступной скалы. Здѣсь онъ сожралъ мою дичину и затѣмъ заснулъ. Утромъ орелъ улетѣлъ и вернулся скоро съ новой добычей. Когда онъ подлеталъ, то крыльями своими поднималъ страшный вихрь. Въ отсутствіи орла я осмотрѣлся въ его логовищѣ и замѣтилъ множество оружія и человѣческихъ костей. Это были останки людей, съѣденныхъ чудовищемъ. Когда орелъ снова улетѣлъ, я пересмотрѣлъ оружіе, выбралъ лучшее крымское ружье, зарядилъ его двумя пулями и сталъ поджидать птицу. Вотъ орелъ прилетѣлъ и сѣлъ на мѣстѣ. Я прицѣлился и выстрѣлилъ ему прямо въ грудь. Птица страшно закричала, взмахнула крыльями и околѣла. Долго я думалъ, какъ бы мнѣ спуститься со скалы, и, наконецъ, придумалъ. Я сдвинулъ трупъ прямо къ краю скалы,

*) Лѣсной человѣкъ—существо, имѣющее сходство съ нашимъ лѣшимъ.

распялилъ ему крылья, подвязалъ подъ нихъ ружья, нагрузилъ на орла лучшее оружіе, сѣлъ ему на спину, оттолкнулся отъ края скалы и благополучно спустился внизъ. Если не вѣришь моему разсказу, пойдемъ ко мнѣ: я покажу тебѣ оружіе, которое я принесъ изъ логовища орла—оно до сихъ поръ виситъ въ моей саклѣ".

„Кому же принадлежитъ голова оленя?" спросилъ кабардинецъ. „Тебѣ, сказалъ балкарецъ, потому что ты подвергался опасности изъ храбрости, а я подвергался ей противъ своей воли".

Вс. Миллеръ. *Осетинскіе этюды. Ч. I.*

- -✕—- -

ГРУЗИНЫ, ИМЕРЕТИНЫ, АРМЯНЕ.

Грузинъ.

На южномъ склонѣ Кавказскаго хребта и въ Закавказьѣ среди различныхъ народностей заслуживаютъ особеннаго вниманія, какъ по численности своей, такъ и значенію въ исторіи Закавказья—во-первыхъ, народности такъ называемой Картвельской группы, къ которой принадлежатъ, между прочимъ, грузины и имеретины, составлявшіе прежде преобладающее населеніе Грузинскаго и Имеретинскаго царствъ, и во-вторыхъ, армяне. Грузины населяютъ область по верхнему теченію Куры, начиная отъ Суральской долины внизъ черезъ Гори, Тифлисъ и по р. Алазани, почти до сліянія ея съ Курою. Армяне живутъ въ Эриванской губ., въ Карской области, въ Шемахинскомъ уѣздѣ Бакинской и въ Шушинскомъ уѣздѣ Елизаветпольской губ. Многіе изъ нихъ занимаются торговлей и живутъ въ Тифлисѣ, равно и въ другихъ городахъ Кавказа и Закавказья. Кромѣ торговли, армяне, живущіе не въ городахъ, занимаются земледѣліемъ и скотовод-

ствомъ. Земледѣліе и скотоводство составляютъ главное занятіе и грузинъ: во многихъ мѣстностяхъ развито винодѣліе, табаководство и т. п. Грузины и армяне непохожи другъ на друга ни по внѣшности, ни по характеру. Грузины и имеретины отличаются своей красотой: они стройны, красивы, веселы и безпечны. Отличительной чертой армянъ является плотное тѣлосложеніе, отличающее ихъ отъ грузинъ

Гурiецъ. Имеретины.

рѣзкія черты лица, орлиный съ горбомъ носъ. Насколько грузинъ веселъ и беззаботенъ, настолько же армянинъ терпѣливъ, смѣтливъ и часто хитеръ. Въ общемъ армяне, повидимому, болѣе способны къ образованію, чѣмъ грузины.

Жилища грузинъ и армянъ разнятся смотря по благосостоянію хозяевъ и мѣстности, гдѣ имъ приходится жить. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ для жилища выкапываютъ яму и покрываютъ ее крышей, въ другихъ устраиваются невысокіе домики изъ дерева, глины или камня съ плоской крышей. Болѣе богатые сельскіе жители имѣютъ хорошо построенные дома съ балконами и навѣ-

сами; хозяйственныя постройки отдѣлены отъ жилыхъ помѣщеній; стѣны увѣшиваются коврами; земляной полъ бѣдныхъ жилищъ замѣненъ кирпичнымъ; устраиваются прочные хорошіе ка-

Армянинъ.

мины, есть и шкафы для провизіи, и тахты для сидѣнья, покрытыя разноцвѣтными коврами. Однимъ словомъ, все въ этихъ домахъ, расположенныхъ въ живописно - лежащихъ селеніяхъ среди роскошной природы Закавказья, говоритъ о довольствѣ населенія.

Одежда грузинъ состоитъ изъ рубахи, сверхъ которой надѣваютъ короткій шерстяной бешметъ—*ахалухи*; на немъ нашивается нагрудникъ, часто краснаго цвѣта и иногда расшитый серебромъ и золотомъ. На бешметъ надѣваютъ шерстяной кафтанъ въ видѣ черкески—*чохъ*; грузины, живущіе въ городахъ, носятъ кафтаны—

Армянка.

каба съ прорѣзными рукавами, которые забрасываются за плечи. Чохъ, какъ и каба, затягиваются поясомъ, часто украшеннымъ серебромъ; на ноги грузины надѣваютъ широкія шаровары, имеретины, наоборотъ, узкіе штаны, доходящіе до обуви, которая дѣлается изъ кожи и очень разнообразна. Грузины носятъ на поясахъ кинжалы, пистолеты и пр. Головнымъ уборомъ служатъ бараньи папахи или войлочныя низкія шапки; часто вмѣсто шапокъ они обматываютъ голову разноцвѣтными башлыками. Грузинки

носятъ родъ кофтъ съ рукавами и платье; спереди нашивается нагрудникъ, часто вышитый золотомъ. Талія опоясывается поясомъ, отъ котораго спускаются до земли широкіе концы. Рукава платья двойные: узкіе, обыкновенно бѣлые, и широкіе, которые или застегиваются около кисти золочеными пуговицами, или разстегиваются и свѣшиваются съ плечъ; сверхъ платья надѣвается шубка съ рукавами, подбитыми нерѣдко красной подкладкой. На голову надѣваютъ особый уборъ, состоящій изъ обтянутаго бархатомъ или шелковой матеріей и часто вышитаго золотомъ ободка, на который кладутся валики лунообразной формы, служащіе для поддержки ободка. Головной уборъ покрывается вуалью, въ свою очередь расшитой шелкомъ или украшенной кружевами.

Что касается армянъ, то костюмъ ихъ значительно видоизмѣняется по мѣстностямъ; они живутъ среди разныхъ чуждыхъ имъ народностей и въ одеждѣ подражаютъ имъ. Въ зависимости отъ того, кто оказывается ихъ сосѣдями, одежда армянъ, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, то приближается къ грузинской, то къ татарской и т. п. Но вообще армяне, въ особенности женщины, любятъ рядиться. Женщины въ частности отдаютъ предпочтеніе яркимъ шелковымъ матеріямъ. Въ большинствѣ случаевъ онѣ носятъ головной уборъ, какъ и грузинки, спуская на лобъ нитку съ нанизанными на ней серебряными и золотыми монетами. Такую же нитку часто вплетаютъ и въ волосы. Эти уборы измѣняются по мѣстностямъ.

Грузины и армяне приняли христіанство въ первые вѣка христіанства. Грузины—православные, а армяне преимущественно грегоріане. У обоихъ народовъ христіанство укрѣпилось такимъ образомъ уже издавна, и никакія гоненія магометанъ (турокъ и персовъ), не разъ громившихъ Арменію и Грузію, не были въ состояніи заставить ихъ измѣнить своей вѣрѣ. Тѣмъ не менѣе въ ихъ сказаніяхъ и частью въ обрядахъ сохраняется довольно много слѣдовъ древняго язычества.

Амиранъ.

Грузинская *) сказка.

Амиранъ былъ младшій сынъ Сулкалмаха и Дарэджаны. Онъ родился, когда отецъ и мать его были уже въ преклонныхъ годахъ. Мать любила его больше двухъ другихъ своихъ сыновей Бадри и Усипа—поэтому ему и дали прозвище Дарэджанисдзэ. Крестнымъ отцомъ Амирана былъ самъ Господь. Онъ даровалъ своему крестнику быстроту бревна, катящагося съ горы, тягу горнаго снѣжнаго обвала, силу двѣнадцати паръ быковъ и буйволовъ и походку волка. Вмѣстѣ съ тѣмъ Онъ опредѣлилъ ему бѣдность въ дѣтствѣ и бранную жизнь, когда онъ сдѣлается мужемъ.

Отецъ Амирана умеръ, когда онъ былъ еще ребенкомъ. Дэвы**) напали на сиротъ и опустошили всѣ ихъ владѣнія. Мать ихъ, Дарэджана, отъ горя скоро скончалась.

Между тѣмъ Амиранъ возросъ и возмужалъ. Земля содрогалась отъ его неимовѣрной силы. Пища его была не та, которую употребляютъ обыкновенные люди: за обѣдомъ онъ съѣдалъ двухъ буйволовъ, а за ужиномъ не довольствовался и тремя. Его старшій братъ, Бадри, былъ похожъ на красивую дѣвушку; его второй братъ, Усипъ, былъ похожъ на хрустальную башню, а самъ Амиранъ — на черныя тучи, наполненныя парами ливня. Одинъ изъ зубовъ его былъ золотой.

Разъ братья пошли на охоту. Они перешли девять горъ и дошли до десятой горы—Алгети. Тутъ они начали охотиться. Скоро показался олень; у него были неимовѣрно большіе, вѣтвистые рога. Амиранъ пустилъ въ него стрѣлу и ранилъ его. Но олень убѣжалъ, и братья погнались за нимъ. Вдругъ видятъ они—на полянѣ стоитъ хрустальная башня. Они обошли ее кругомъ; но входа въ нее не было. Тогда Амиранъ ударилъ въ стѣну ногой, и тотчасъ же об-

*) Пшавская версія. Пшавы вѣтвь картвельскаго грузинскаго племени; они представляютъ небольшія горскія общества, живущія въ ущельяхъ главнаго кавказскаго хребта, въ верховьяхъ рѣки Арагвы, Іоры, Алазана и пр.

**) Дэвы—духи.

разовалось отверстіе. Черезъ это отверстіе братья вошли въ башню. Въ этой башнѣ лежалъ усопшій богатырь Цамцумъ; тутъ же стоялъ его конь; по правую руку его лежала шашка; по лѣвую руку стояло воткнутое въ землю его копье, такое длинное, что оно доставало небо; въ одномъ углу башни лежала груда золота и серебра. Въ рукѣ у Цамцума было зажато письмо; вотъ что было въ немъ написано: „Пока я былъ живъ, я побѣждалъ всѣхъ своихъ враговъ; одного я не побѣдилъ — Неуклюжаго дэви. Кто убьетъ его, тому я завѣщаю все, что имѣю: мое копье, мою шпагу, моего коня, мое золото и серебро“.

Братья похоронили Цамцума и взяли себѣ все завѣщанное имъ. Потомъ они вышли изъ башни, снова заставили ее сомкнуться со всѣхъ сторонъ, и пошли отыскивать Неуклюжаго дэви. Шли они недолго, а Неуклюжій дэви уже идетъ имъ навстрѣчу. „Куда ты идешь, дэви?“ спросилъ у него Амиранъ. Дэви отвѣчалъ: „Иду пожрать Цамцума“.— „Кто же позволитъ тебѣ пожрать его?“ сказалъ Амиранъ.—„Какъ кто? А кто же можетъ воспрепятствовать мнѣ?“ спросилъ дэви. Но едва успѣлъ онъ произнесть это, какъ Амиранъ набросился на него. Началась грозная борьба. Вся твердь дрожала и тряслась; слышенъ былъ подземный гулъ. Наконецъ Амиранъ началъ одолѣвать противника. Могучими руками схватилъ онъ Неуклюжаго дэви, поднялъ его вверхъ, а потомъ со всего розмаха бросилъ его на земь. Дэви громко заревѣлъ и началъ просить пощады: „Не убивай меня, Амиранъ! За моремъ живетъ красавица-дѣвушка — зовутъ ее Камари. Для мытья ея платья требуется семь кусковъ мыла и семнадцать ведеръ воды. Для просушки ея платья требуется семь солнечныхъ дней. Дорога туда не трудная, но оттуда она опасна и полна приключеній. Если ты пощадишь меня, я дамъ тебѣ туда провожатаго“. Амиранъ готовъ былъ смилостивиться, но братья начали его уговаривать не щадить врага. Онъ послушался братьевъ и отрубилъ дэви сначала одну голову, потомъ другую. Онъ замахнулся въ третій разъ, чтобы отрубить и третью — послѣднюю, но тутъ дэви проговорилъ: „Ты убьешь меня; но вотъ моя послѣдняя просьба: изъ каждой моей головы выйдетъ по червю—пощади ихъ“. Амиранъ отрубилъ и послѣднюю голову дэви — и точно: изъ головъ выползли три червя—бѣлый; красный и черный. Бадри и Усипъ просили Амирана погубить ихъ, но Амиранъ не послушался и отпустилъ червей, а самъ съ братьями пошелъ дальше искать красавицу Камари.

Долго шли братья и, наконецъ, вышли на пустынное поле.

Амиранъ оглянулся и видитъ вдругъ — тѣ три червя, которымъ онъ далъ свободу, обратились въ трехъ драконовъ, идутъ по полю и распѣваютъ пѣсню. Амиранъ тотчасъ кинулся на нихъ. Въ одинъ мигъ онъ положилъ на мѣстѣ бѣлаго и краснаго дракона; но черный драконъ оказался сильнѣе его; онъ проглотилъ Амирана живымъ и быстро поползъ впередъ. Бадри и Усипъ, въ то время какъ Амиранъ сражался съ драконами, убѣжали на гору; теперь они спустились съ горы и побѣжали за дракономъ. Усипъ прицѣлился и пустилъ въ него стрѣлу: но онъ попалъ только въ хвостъ, который и отлетѣлъ. А драконъ спѣшилъ со своей жертвой къ столбу; онъ обыкновенно обвивался вокругъ столба и такимъ образомъ умерщвлялъ своихъ жертвъ. У Бадри былъ громкій голосъ. Онъ началъ кричать Амирану: „Вынь изъ кармана ножъ, разрѣжь дракона и выйди изъ него“. Амиранъ услыхалъ его, досталъ ножъ, распоролъ животъ черному дракону и вышелъ изъ него здоровъ и невредимъ.

Пошли братья дальше искать Камари. Долго шли они, перенесли много горя и лишеній. Наконецъ они достигли берега моря. Амиранъ сказалъ братьямъ: „Братья, помогите мнѣ добыть Камари. Ждите меня по эту сторону моря, а я переплыву его и перевезу сюда дѣвушку, подобную солнцу“. Бадри и Усипъ остались на берегу; Амиранъ же сѣлъ на бѣлаго коня и переплылъ море.

Камари жила въ высокой башнѣ. Когда Амиранъ подъѣхалъ къ башнѣ, красавица-дѣвшука перемывала посуду. Амиранъ началъ упрашивать ее: „Камари, сойди съ башни и поѣзжай со мной!“ Но Камари отвѣтила: „Лучше взойди сюда и отдохни немного; а я тѣмъ временемъ уберу посуду“. Амиранъ привязалъ своего коня къ дереву и поднялся на башню.

Камари вымыла посуду и велѣла Амирану уложить ее на полки. Онъ началъ убирать и устанавливать ее. Но одна чашка никакъ не хотѣла слушаться его и стоять на мѣстѣ; наконецъ она упала и разбилась. Въ ту же минуту вся остальная посуда зашевелилась, зазвенѣла, тронулась съ мѣста и полетѣла къ небу, къ отцу Камари. Посуда летѣла и кричала: „Помогите! Камари похитили!“ Камари поняла, какая опасность грозитъ Амирану, и начала торопить его. Амиранъ вскочилъ на коня, подсадилъ къ себѣ дѣвушку, и они помчались.

Скоро однако ясное небо стало хмуриться. Налетѣлъ вихрь и пошелъ ливень. Камари сказала Амирану: „Торопи коня! Этотъ вихрь—воинство моего отца; этотъ ливень—слезы моей матери“. Амиранъ отвѣтилъ ей: „Я не фазанъ, чтобы меня поймали со-

колы; я не заяцъ, чтобы меня поймали гончими. Придетъ воинство—и я здѣсь. Я одинъ выйду на твоего отца".

Наконецъ, Амиранъ переплылъ море и вышелъ на берегъ, гдѣ его ожидали братья. Но въ то же время прибыло и все воинство отца Камари; оно было такое многочисленное, что наполнило все прибережье. Усипъ первый вышелъ навстрѣчу врагу. Онъ долго сражался, перебилъ половину войска — но, наконецъ, и самъ погибъ. Послѣ него выступилъ Бадри. Онъ тоже перебилъ многихъ, но, наконецъ, легъ костьми. Тогда Камари начала просить, чтобы ее пустили въ битву; но Амиранъ не согласился. Онъ самъ кинулся на враговъ и скоро перебилъ ихъ всѣхъ. Въ живыхъ остался только одинъ отецъ Камари. Схватились оба богатыря. Послѣ долгой битвы Амиранъ началъ ослабѣвать. Камари, видя, что онъ гибнетъ, не выдержала и крикнула ему издали: „Амиранъ, ты не искусенъ въ борьбѣ; слона не бьютъ по спинѣ, но подрѣзываютъ ему ножныя жилы. И дворецъ рушится, если подрубить у него столбы". Тогда Амиранъ ударилъ мечомъ по колѣнямъ врага—и тотъ упалъ на землю. Тутъ и покончилъ съ нимъ Амиранъ.

Послѣ этого Амиранъ съ обнаженною шпагой въ рукѣ пошелъ къ Камари. Но, когда онъ шелъ, ему встрѣтилась неизвѣстная ему дѣвушка, которая начала стыдить его: „Если бы ты былъ героемъ, ты бы вложилъ шпагу въ ножны и пошелъ бы искать своихъ погибшихъ братьевъ". Слова дѣвушки показались Амирану справедливымъ укоромъ. Онъ вложилъ шпагу въ ножны и пошелъ по полю битвы разыскивать тѣла своихъ павшихъ братьевъ. Онъ нашелъ ихъ послѣ долгихъ поисковъ, перенесъ ихъ въ одно мѣсто, сѣлъ возлѣ нихъ и началъ ихъ горько оплакивать. Онъ долго плакалъ и, наконецъ, въ горести, что онъ одинъ на свѣтѣ, безъ братьевъ, безъ дядей, рѣшилъ, что самъ покончитъ съ собой. Камари прибѣжала къ нему, когда онъ лежалъ уже мертвый рядомъ со своими братьями.

Безпомощно рыдала Камари надъ тѣломъ Амирана, и не знала она, что ей дѣлать, на что рѣшиться. Вдругъ изъ норы выскочилъ мышенокъ и сталъ лизать кровь Амирана. Камари сильно разгнѣвалась, ударила мышенка башмакомъ и убила его. Скоро изъ норы выбѣжала мышь, мать мышенка. Она увидала, что сдѣлала дѣвушка, и начала упрекать ее: „Что ты сдѣлала? Изъ-за тебя погибли твой отецъ, твой мужъ, твои девери и столько войска—а ты еще убиваешь мое дитя? Или ты думаешь, что я не люблю своего дитятю? Горе тебѣ! А я знаю, чѣмъ вылѣчить своего дѣтеныша". Мышь сорвала какую-то траву и приложила ее къ ранѣ мышенка.

Онъ тотчасъ же ожилъ. Камари обрадовалась: она замѣтила, какой травой мышь воскресила мышенка. Она сорвала такой же травы, приложила ее къ тремъ братьямъ—и они всѣ ожили. Встали всѣ и пошли домой. Красавицу Камари Амиранъ взялъ себѣ въ жены.

Послѣ этого прошло много времени. Амиранъ всюду побивалъ дэвовъ и драконовъ. Наконецъ, онъ началъ думать, что равнаго ему нѣтъ никого по силѣ. Разъ Амиранъ шелъ по дорогѣ и встрѣтилъ печальное шествіе: на арбѣ везли хоронить его врага, Амбріа. Въ арбу было впряжено двѣнадцать паръ быковъ и буйволовъ; но Амбріа былъ такъ великъ и тяжелъ, что арба едва двигалась. Тѣло богатыря не умѣщалось на арбѣ, такъ что одна нога его волочилась по землѣ. Возлѣ останковъ богатыря шла его мать. Увидавъ Амирана, она сказала: „Амиранъ Дарэджанисдзе, будь добръ, подними ногу Амбріа и положи ее на арбу“. Амиранъ взялся за ногу, хотѣлъ было ее поднять, но не могъ: она была слишкомъ тяжела для него. Видя, что у Амирана не хватило силъ, мать Амбріа запѣла: „Несчастна та страна, гдѣ ты амиранствовалъ, гдѣ надѣвалъ на голову каску, гдѣ покрывалъ тѣло свое латами. Богъ свидѣтель, ты не равнялся съ Амбріа ни въ ѣдѣ, ни въ питіи, ни въ борьбѣ. Какъ же ты могъ сравниться съ живымъ, когда онъ и мертвый побѣдилъ тебя? Какъ же ты враждовалъ съ нимъ, когда и ногу его ты не можешь поднять?“

Сильно опечалился Амиранъ отъ такого укора. Удрученный печалью, онъ заперся въ темную комнату и предался своему горю. Но Богъ пришелъ ему на помощь: Онъ даровалъ ему еще силу трехъ разбушевавшихся водъ и трехъ горныхъ снѣжныхъ обваловъ. Теперь никто уже не могъ сравниться силой съ Амираномъ. Амиранъ возгордился и рѣшилъ дерзновенно испытать свою силу со своимъ крестнымъ, самимъ Господомъ.

Разъ Амиранъ встрѣтилъ Господа и сказалъ ему: „Крестный, Ты далъ мнѣ столько силы, что никто не можетъ состязаться со мной. Будь что будетъ—ужъ Ты самъ выходи со мной бороться“. Господь отвѣтилъ ему: „Амиранъ, ты мудрый человѣкъ; какъ же ты не знаешь, что тебѣ не подобаетъ бороться съ крестнымъ!“ Но Амиранъ такъ возгордился, что не хотѣлъ слушать никакихъ увѣщаній. Тогда Господь вонзилъ палку въ землю и сказалъ: „Если ты вытащишь ее изъ земли, побѣда будетъ твоя“. Господь воткнулъ палку въ землю и повелѣлъ ей пустить стволъ, который бы касался небесъ, и пустить корни, которые обняли бы всю вселенную. Амиранъ не только не могъ вытащить палки, но даже пошевельнуть ея не смогъ.

Тогда Господь рѣшилъ наказать Амирана за его непомѣрную гордость. Онъ привязалъ его къ тому дереву, которое выросло изъ палки. Онъ сдвинулъ надъ нимъ снѣжно-ледовитыя вершины Мкинвари *) и Гергеты, такъ чтобы онъ не видѣлъ ни неба, ни земли, ни свѣта, ни радости. Томится съ тѣхъ поръ Амиранъ въ своемъ заключеніи. Возлѣ него лежитъ его заржавленная шпага; она такъ же, какъ и ея хозяинъ, оплакиваетъ себя. Ежедневно, по повелѣнію Бога, къ нему прилетаетъ воронъ и приноситъ ему хлѣбъ и вино. Съ Амираномъ вмѣстѣ находится и его вѣрный песъ. Онъ неустанно лижетъ заржавленную цѣпь, которою привязанъ Амиранъ, и цѣпь отъ этого дѣлается все тоньше и тоньше. Цѣпь могла бы и совсѣмъ разорваться — но ежегодно въ утро Страстного четверга всѣ грузинскіе кузнецы ударяютъ молотами по три раза опа ковальню—и цѣпь, уже готовая разомкнуться, отъ этихъ ударовъ снова крѣпнетъ и дѣлается попрежнему толстой и прочной. И Амиранъ снова погружается въ отчаяніе.

Одинъ разъ въ годъ гора Гергеты открываетъ Амирану двери свѣта; но онъ не радъ этому, потому что лучи свѣта еще сильнѣе возжигаютъ въ немъ его душевныя муки.

На горѣ Гергеты можно видѣть окаменѣвшаго дракона. Этотъ драконъ пришелъ пожрать скованнаго Амирана; но Богъ проклялъ его—и онъ окаменѣлъ. И лежитъ этотъ драконъ на горѣ Гергеты, неповрежденный ни силой огня, ни силой солнца, ни силой бури, ни ледяными обвалами. Онъ позабытъ и небомъ, и землей; ни ледъ, ни снѣгъ никогда не покрываетъ его; дождь не орошаетъ; вѣтеръ не охлаждаетъ его чела. Горные туры и козы даже во время злыхъ метелей и вихрей не заглядываютъ въ ту сторону, гдѣ онъ лежитъ среди скалъ. Вокругъ него доносится только гласъ проклятія, запустѣнія, смерти.

Наступитъ день, когда мученія Амирана кончатся и онъ получитъ свободу. Послѣдній судный день положитъ конецъ его томленію. Изъ скалы, скрывающей его, доносится тайный гласъ:

Не радуйтесь, демоны! Еще разъ вы увидите Амирана, одѣтаго въ броню, со шпагою въ рукѣ, преслѣдующаго и разящаго васъ своей могучей рукой!

Хахановъ, А. С. *Очерки по исторіи грузинской словесности. В. 1.*

---

*) Гора Казбекъ.

Находчивый отвѣтъ.

Грузинская сказка.

Какой-то царь разсердился однажды на одного своего вельможу и посадилъ его въ тюрьму. Друзья вельможи просили отпустить его на свободу; но царь, желая посмѣяться надъ ними, сказалъ, что онъ готовъ хоть сейчасъ освободить его, если только онъ достанетъ ему лошадь рѣдкой масти: ни сѣрой, ни вороной, ни караковой, ни гнѣдой, ни бѣлой, ни чалой, ни буланой, ни рыжей, ни пѣгой, ни саврасой — и царь перечислилъ всѣ масти, какія только есть на свѣтѣ.

Когда друзья передали вельможѣ слова царя, онъ отвѣтилъ: „Хорошо, пусть только выпуститъ меня на свободу".

Царь велѣлъ освободить узника. Тогда вельможа сказалъ, что лошадь у него готова, чтобы прислали за ней конюха—только ни въ понедѣльникъ, ни во вторникъ, ни въ среду, ни въ четвергъ, ни въ пятницу, ни въ субботу и ни въ воскресенье—а въ остальные дни, когда царю будетъ угодно.

Вебуръ В***: *Грузинскія народн. сказки.*

———⁂———

Капризъ царицы.

Грузинская сказка.

Жила разъ на свѣтѣ царица. Ей захотѣлось имѣть дворецъ, построенный изъ птичьихъ косточекъ.

Царь приказалъ ловить птицъ всѣхъ породъ и немедленно начать постройку. Изловили множество птицъ, очистили косточки и стали выкладывать стѣну. Не нашли только птицы Красношейки. Но такъ какъ царица хотѣла, чтобы дворецъ былъ построенъ изъ костей всѣхъ птицъ, то царь издалъ приказъ разыскать Красношейку во что бы то ни стало.

Нашли, наконецъ, Красношейку и представили царю. „Гдѣ ты пропадала?“ спросилъ царь. Красношейка отвѣтила: „Великій государь! я летала по всему царству твоему и считала мужчинъ и женщинъ“.—„Это хорошее дѣло, сказалъ царь. Кого же въ моемъ царствѣ больше?“—„Женщинъ вдвое больше, государь“, сказала Красношейка. Царь разсердился и велѣлъ наказать Красношейку за ея безстыдную ложь. „Царь царей! сказала птичка, быть можетъ я не такъ считала, какъ считаете вы“.—„Ну, какъ же ты считала?“ спросилъ царь. „Всѣхъ мужчинъ, которые находятся подъ властью своихъ женъ и не умѣютъ отличать ихъ капризныхъ и злыхъ желаній отъ разумныхъ, я считала за „бабъ“.

Вебуръ В***: *Грузинскія народныя сказки.*

Какъ царевичи отыскали свою похищенную мать.

Имеретинская сказка.

Жилъ-былъ на свѣтѣ могущественный государь. У него была красавица-жена и три сына.

Разъ, въ одинъ прекрасный вечеръ, царь съ царицей гуляли въ своемъ огромномъ саду. Вдругъ на царицу напалъ крылатый дэви—Кажамъ-дэви—и похитилъ ее. Царь долго горевалъ, но не могъ пособить своему горю. Сыновья, не видя дома царицы, спросили отца: „Гдѣ наша мать?“ Но царь скрылъ отъ нихъ похищеніе царицы, потому что боялся опечалить дѣтей.

Однажды младшій царевичъ игралъ съ сыномъ визиря *); во время игры они поссорились, и царевичъ ударилъ своего сверстника. Тогда сынъ визиря разсердился и сталъ насмѣхаться надъ царскимъ сыномъ: „Вмѣсто того, чтобы драться со мной, сказалъ онъ, ты бы лучше помогъ своей матери, которую похитилъ Кажамъ-дэви“. Царевичъ, услыхавъ это, побѣжалъ къ отцу и спросилъ его, зачѣмъ онъ скрывалъ похищеніе матери. Затѣмъ, онъ сейчасъ же вооружился со своими двумя братьями, и всѣ трое пустились въ дальній путь искать свою мать.

Прошли они много земель и, наконецъ, увидали на горѣ огонь. Возлѣ него сидѣло девять дэвовъ. Младшій царевичъ пустилъ стрѣлу такъ, что она вонзилась въ землю какъ разъ возлѣ костра. Дэви хотѣли вытащить стрѣлу, но ни одинъ изъ нихъ не могъ этого сдѣлать. Черезъ нѣсколько времени подъѣхали братья и поздоровались съ дэвами. Дэви сказали имъ, что принимаютъ гостемъ

*) Визирь—высшій сановникъ.

только того, кто можетъ снять съ огня ихъ котелъ,— а въ котлѣ у нихъ варилось девять быковъ. Младшій царевичъ подошелъ къ котлу, мизинцемъ снялъ его, поставилъ на землю, а потомъ опять повѣсилъ на мѣсто. Послѣ этого дэви сказали: „Мы сторожимъ тутъ одну башню; въ ней живетъ красавица, невиданная солнцемъ“. Царевичъ, услыхавъ это, велѣлъ сейчасъ же выковать три желѣзныя сваи. Дэви приготовили ему сваи и принесли ихъ ему. Тогда царевичъ вбилъ всѣ три сваи въ стѣну и началъ по нимъ взбираться наверхъ. Когда онъ добирался до верхней сваи, онъ вынималъ нижнюю, вбивалъ ее вверхъ, взбирался выше, опять вынималъ нижнюю—и такимъ то образомъ вошелъ въ башню.

Въ это время красавица, жившая въ башнѣ, спала. Въ изголовьѣ ея и у ногъ горѣли свѣчи. Царевичъ подошелъ къ ней, и свѣчу, стоявшую въ изголовьѣ, поставилъ у ея ногъ, а ту, которая стояла въ ногахъ, поставилъ въ головахъ у нея; потомъ онъ надѣлъ ей на руку свое кольцо, а то, которое было у нея на пальцѣ, снялъ и взялъ себѣ. Послѣ этого, не разбудивъ красавицы, онъ спустился съ башни.

Онъ поручилъ братьевъ девяти дэвамъ, наказавъ дэвамъ кормить ихъ, а самъ пошелъ на охоту. Вскорѣ онъ увидалъ оленя и на бѣгу поймалъ его. Онъ хотѣлъ было уже зарѣзать его, какъ вдругъ олень проговорилъ человѣческимъ голосомъ: „Отпусти меня я пригожусь тебѣ въ опасности. Оторви у меня лоскутъ кожи и, когда ты будешь нуждаться въ моей помощи, ударь о него кремнемъ: я явлюсь тогда къ тебѣ со всѣми оленями“. Царевичъ послушался оленя, пустилъ его на волю, а самъ пошелъ дальше. Идетъ онъ по лѣсу и видитъ вдругъ—бѣжитъ кабанъ. Онъ и его поймалъ на бѣгу и хотѣлъ зарѣзать. Но кабанъ такъ же, какъ и олень, началъ просить отпустить его, обѣщая въ случаѣ нужды, прійти къ нему на помощь. Царевичъ отпустилъ и его. Скоро онъ увидалъ джерана *), необычайной красоты. Онъ долго гнался за нимъ, но никакъ не могъ его догнать. Убивать его стрѣлой ему не хотѣлось. Онъ гнался за джераномъ цѣлыхъ три недѣли; наконецъ, онъ остановился и сказалъ: „Скажи мнѣ, что ты за существо?“ Джеранъ отвѣчалъ ему: „Если ты не измѣнишь мнѣ, я открою тебѣ свою тайну“. Царевичъ поклялся, что не измѣнитъ, и джеранъ продолжалъ: „Я имѣю человѣческую душу и я женщина. Я —дочь царя, но враги моей матери, какъ только я родилась, обманнымъ образомъ, безъ вѣдома моего отца бросили меня

*) Джеранъ—козленокъ лани.

въ дремучій лѣсъ. Воспитана была я оленемъ; съ малолѣтства я не пробовала человѣческой пищи, я питалась только молокомъ оленя и иногда ѣла мясо". Царевичъ, услыхавъ этотъ разсказъ, сказалъ, что возьметъ ее себѣ въ жены. Онъ вернулся съ джераномъ къ своимъ братьямъ, но ничего не сказалъ имъ. Братья просили его зарѣзать джерана, но онъ сказалъ имъ: „Я принесъ вамъ другой дичи, кушайте ее, а джерана оставьте". Ночью, когда младшій братъ заснулъ, старшіе царевичи встали и хотѣли заколоть джерана. Но младшій царевичъ во-время проснулся. „Что вы дѣлаете?" спросилъ онъ. Братья испугались и признались, что они хотѣли убить джерана.

На слѣдующее утро младшій братъ вывелъ изъ башни красавицу, невиданную солнцемъ, и отдалъ ее въ жены среднему брату. Джеранъ посредствомъ колдовства обратилъ башню красавицы въ серебряное яицо. Послѣ этого они пустились въ дальнѣйшій путь отыскивать похищенную мать.

Они скоро пришли въ сосѣднее государство. Тамъ жила необыкновенная красавица. Джеранъ сказалъ младшему царевичу, чтобы онъ высваталъ ее за своего старшаго брата. Но въ это время за красавицу сватался царь. Отецъ отвѣчалъ на сватовство царевича: „Кто изъ васъ одолѣетъ въ битвѣ, за того я и выдамъ свою дочь". Черезъ три дня началась битва. Младшій царевичъ одинъ вышелъ противъ войска царя—и побѣдилъ его. Такимъ образомъ красавица досталась старшему царевичу.

Между тѣмъ джеранъ разузналъ, гдѣ находится крылатый Кажамъ-дэви, похититель царицы. Слѣдуя указаніямъ джерана, братья скоро достигли того мѣста, гдѣ стояла башня ихъ врага, Кажамъ-дэви. Башню охраняла стража; но, устрашенная силой трехъ братьевъ, она показала имъ, какъ можно было войти въ башню: съ вершины башни спускалась веревка, и по ней-то надо было взбираться наверхъ. Сперва по веревкѣ пустили старшаго брата; но онъ взобрался сажени на двѣ отъ земли и закричалъ, чтобы его спустили, потому что ему жарко. Полѣзъ послѣ него средній братъ; онъ поднялся на высоту ста саженъ, но потомъ началъ кричать, что ему невыносимо жарко и чтобы его спустили внизъ. Тогда полѣзъ младшій братъ. Онъ сказалъ: „Чѣмъ больше я буду кричать, тѣмъ выше поднимайте меня". Дѣйствительно, онъ много кричалъ, что ему жарко, но его не слушали и поднимали все выше. Наконецъ, онъ вошелъ черезъ окно въ башню. У другого окна сидѣла его мать: тутъ же спалъ крылатый Кажамъ-дэви. Царица, увидавъ своего меньшого сына, заплакала и сказала: „Дэви убьетъ тебя". Но ца-

ревичъ не испугался, а спросилъ только: „Когда онъ проснется?“ Мать отвѣчала: „Черезъ нѣсколько минутъ“. Тогда царевичъ пустилъ стрѣлу въ Кажамъ-дэви. Тотъ проснулся и бросился на царевича. Началась борьба. Долго бились они; наконецъ, царевичъ вскричалъ громкимъ голосомъ, вырвалъ изъ рукъ дэви его мечъ и разсѣкъ ему голову на части. Потомъ онъ взялъ свою мать и спустился съ ней изъ башни. Тотчасъ же пустились они всѣ въ обратный путь.

Между тѣмъ имъ готовилась новая опасность. Три могущественныхъ царя, узнавъ, что жены у царевичей — красавицы, послали имъ въ догонку своихъ посредниковъ съ приказаніемъ выдать имъ своихъ женъ. Разсердились царевичи и съ безчестіемъ отослали назадъ царскихъ посредниковъ. Тогда цари вызвали ихъ на бой. Младшій царевичъ выступилъ одинъ и храбро сражался три недѣли. Но подъ конецъ онъ ослабъ, и двѣнадцать богатырей, сражавшихся съ нимъ, ухватились за него. Джеранъ крикнулъ царевичу: „Закричи своимъ могучимъ голосомъ“. Царевичъ закричалъ,—и всѣ, державшіе его, попадали на землю. Тогда джеранъ сказалъ: „Теперь ударь кремнемъ о шкуру оленя и кабана“. Царевичъ едва успѣлъ исполнить приказаніе джерана, какъ со всѣхъ сторонъ явилось огромное количество оленей и кабановъ; они бросились на царей и ихъ поборниковъ и прогнали ихъ далеко.

Во время этой битвы у всѣхъ трехъ царевичей родилось по сыну. Сынъ младшаго царевича былъ богатырь. Когда ему минуло три недѣли, онъ убѣжалъ въ лѣсъ и тамъ началъ убивать оленей. Одинъ большой олень узналъ въ немъ сына царевича, посадилъ его къ себѣ на рога и привезъ родителямъ. Родители долго не пускали его отъ себя; но черезъ нѣсколько времени, когда всѣ три мальчика подросли, они оставили своихъ родныхъ и убѣжали въ лѣсъ.

Между тѣмъ три царя, несмотря на свое пораженіе, всетаки рѣшили напасть на царевичей и отнять у нихъ ихъ женъ. У нихъ было много слоновъ и многочисленное войско; они задумали заманить сперва младшаго царевича въ ущелье, окружить его огнемъ, а потомъ захватить его въ плѣнъ. Дѣйствительно, царевичъ зашелъ въ ущелье и былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ врагами. Но джеранъ сумѣлъ погасить огонь, зажженный непріятелями. Какъ храбро ни сражался царевичъ, многочисленные враги его начали, наконецъ, одолѣвать его. Джеранъ сказалъ ему: „Крикни своимъ могучимъ голосомъ!“ Онъ крикнулъ—и всѣ, державшіе его, упали на землю. Всякій разъ, какъ враги начинали его одолѣвать,

онъ громко кричалъ—и враги его падали. Наконецъ, крикъ его услыхали его сынъ и племянники. Они прибѣжали на помощь, вывели царевича изъ бѣды и начали сами биться съ врагами. Они брали слоновъ за ноги, бросали ихъ на враговъ и убивали сотни человѣкъ. Цари были разбиты на голову, а воины, оставшіеся въ живыхъ, бѣжали.

Послѣ этой битвы царевичъ со своими родными отдохнулъ нѣсколько дней; а потомъ они всѣ съ огромной добычей вернулись домой *).

---

*) Сборникъ Мат. по Этнографіи, изд. при Дашков. Музеѣ. В. III. М. 1888.

Царевичъ Михаилъ.

Имеретинская сказка.

Жилъ-былъ на свѣтѣ царь. Онъ дожилъ почти до старости, а дѣтей у него не было. Царь постоянно ходилъ въ лѣсъ молиться подъ одно и то же дерево. Разъ, когда онъ молился, къ нему подошелъ почтенный старецъ и спросилъ его, не хочетъ ли онъ имѣть сына. Царь отвѣчалъ, что давно уже желаетъ этого. Тогда старецъ далъ царю яблоко и велѣлъ ему дать одну половину его своей женѣ, а другую съѣсть самому. Царь такъ и сдѣлалъ. Скоро у него родился сынъ.

Новорожденный царевичъ не плакалъ и ничего не ѣлъ. Царь съ царицей опечалились, и царь опять пошелъ въ лѣсъ молиться подъ то дерево, подъ которымъ молился прежде. Опять подошелъ къ нему тотъ же почтенный старецъ и спросилъ его, какъ здоровье младенца. Царь разсказалъ ему, что его сынъ не плачетъ и ничего не ѣстъ. Старецъ далъ царю поясъ и сказалъ: „Надѣньте этотъ поясъ на царевича, и онъ будетъ здоровъ. Только смотрите, если онъ его потеряетъ, то непремѣнно умретъ“. Когда на царевича надѣли поясъ, онъ сталъ плакать и ѣсть. Его крестили и назвали Михаиломъ. Михаилъ росъ необычайно быстро и, когда ему было девять лѣтъ, на видъ ему можно было дать пятнадцать.

Михаилъ часто ѣздилъ на охоту въ лѣсъ со своими слугами. Разъ онъ поѣхалъ охотиться одинъ. Въ лѣсу ему встрѣтился старецъ, который показалъ ему изображеніе дѣвушки. Царевичъ, какъ посмотрѣлъ на изображеніе, такъ тутъ же и поклялся, что во что бы то ни стало отыщетъ эту дѣвушку и возьметъ ее себѣ въ жены. Онъ тотчасъ же отправился на поиски, никому не сказавъ ни слова. На дорогѣ ему попались двое юношей. Одинъ былъ сынъ водяного царя. Онъ могъ, наливши воды себѣ въ горсть, узнать все, гдѣ и что лежитъ, и гдѣ что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ; другой былъ его двоюродный братъ. Юноши понравились

другъ другу и поклялись въ вѣчной дружбѣ. Потомъ они поѣхали странствовать втроемъ.

Вечеромъ они остановились ночевать у одного царя. На слѣдующее утро царь вошелъ въ кунацкую, гдѣ спали они втроемъ и подивился на красоту Михаила. Онъ сталъ ему предлагать взять себѣ въ жены его дочь, такъ какъ Михаилъ очень полюбился ему. Царевичъ сказалъ, что готовъ исполнить волю царя, если только его дочь похожа на изображеніе, которое онъ всюду носитъ съ собой. Вывели царевну, но она не была похожа на изображеніе, и Михаилъ просилъ царя выдать ее за своего друга, сына водяного царя. Отпраздновали они всѣ вмѣстѣ свадьбу, а потомъ Михаилъ со вторымъ своимъ другомъ поѣхалъ дальше.

Послѣ нѣсколькихъ дней странствованій они снова подъѣхали къ другому дворцу и попросились ночевать. Царь ихъ ласково принялъ, а на слѣдующій день началъ просить Михаила жениться на его дочери—сразу ему полюбился Михаилъ и красотой своей, и мужествомъ. Но эта царевна также оказалась непохожей на изображеніе, и Михаилъ не могъ нарушить своей клятвы. Онъ упросилъ царя выдать дочь за своего друга.

Попрощался Михаилъ со всѣми и поѣхалъ дальше одинъ разыскивать свою красавицу. Долго странствовалъ онъ по бѣлу свѣту и доѣхалъ, наконецъ, до высокой неприступной скалы. Никто еще не могъ взойти на нее. Но Михаилъ не испугался и смѣло началъ взбираться на кручу. На самой вершинѣ скалы стоялъ маленькій домикъ и, какъ только Михаилъ взошелъ на скалу, изъ домика вышла красавица дѣвушка, точь-въ-точь похожая на изображеніе, которое онъ всюду носилъ съ собой. Онъ сейчасъ же бросился къ ней и разсказалъ, какъ онъ ее отыскалъ. Красавица согласилась быть его женой. Они спустились со скалы и пошли на берегъ моря. Тамъ они построили себѣ дворецъ и стали жить.

Въ это время сынъ одного могущественнаго царя задумалъ жениться. Онъ сказалъ отцу, что хочетъ взять за себя самую первую красавицу въ мірѣ. Царь объявилъ по всему государству, что онъ тому дастъ большую награду, кто доставитъ сыну такую красавицу. Разъ къ царю явилась старуха. Она сказала ему: „Я могу достать твоему сыну такую красавицу, лучше которой нѣтъ на всемъ свѣтѣ; но для этого мнѣ нуженъ кувшинъ такой величины, чтобы въ него могъ помѣститься человѣкъ“. Царь велѣлъ достать ей такой кувшинъ. Старуха эта была вѣдьмой. Она пошла съ кувшиномъ на берегъ моря, влѣзла въ него, закупорилась и пошептала что-то. Кувшинъ поплылъ и, наконецъ, остановился на

берегу тамъ, гдѣ стоялъ дворецъ Михаила. Старуха вылѣзла изъ кувшина и пошла во дворецъ. Тамъ ее приняли очень хорошо и назвали няней.

Разъ, когда Михаилъ спалъ, старуха сняла съ него тихонько поясъ, безъ котораго онъ не могъ жить, а сама повела его жену гулять на берегъ моря. Красавица увидала огромный кувшинъ и подошла посмотрѣть на него. Въ это время старуха толкнула ее въ кувшинъ, закупорила его и пустила въ море. Кувшинъ привезъ такимъ образомъ красавицу къ царю, и царь щедро наградилъ старуху. Царскій сынъ хотѣлъ сейчасъ же сыграть свадьбу, но красавица попросила у него отсрочки на годъ. Царевичъ согласился и помѣстилъ ее со служанками въ отдѣльную комнату.

Друзья Михаила скоро узнали, что онъ умеръ. Сынъ водяного царя, умываясь, зачерпнулъ въ горсть воды и увидалъ въ ней, что Михаилъ лежитъ мертвый. Онъ зналъ, что Михаилъ не можетъ жить безъ пояса. Онъ взглянулъ опять въ воду и увидалъ, что поясъ лежитъ на днѣ морскомъ, куда его забросила старуха. Онъ досталъ поясъ, и они вмѣстѣ съ двоюроднымъ братомъ отыскали, гдѣ лежалъ Михаилъ, и надѣли поясъ на него. Михаилъ тотчасъ же ожилъ, но, когда увидалъ, что жены его нѣтъ, сильно затосковалъ.

Опять заглянулъ сынъ водяного царя въ горсть съ водой и увидалъ, гдѣ находится красавица. Михаилъ отправился во дворецъ къ тому царю со своими друзьями. А годъ уже истекъ, и всѣ готовились къ свадьбѣ. Михаилъ одѣлся нищимъ и пошелъ ко дворцу. Въ это время служанка наливала воду въ сосудъ, подать умыться красавицѣ. Михаилъ попросилъ служанку напиться и, когда пилъ, незамѣтно снялъ съ руки свое кольцо и бросилъ въ сосудъ. Когда жена его стала умываться, ей въ руку упало знакомое кольцо. Она поняла, что мужъ ея близко, и обрадовалась.

На другой день должна была быть свадьба. Друзья Михаила достали ему коня. Когда царскій сынъ шелъ вѣнчаться и вокругъ него множество народу—Михаилъ вдругъ подъѣхалъ на своемъ конѣ, схватилъ жену и поскакалъ такъ, что никто даже не пустился за ними въ погоню.

Михаилъ съ женою вернулись къ отцу съ матерью, которые уже оплакивали его, какъ мертваго. Всѣ они зажили счастливо *).

---

*) Сб. Мат. по Этногр., изд. при Дашковск. Музеѣ. В. III. М. 1888.

Царевичъ, отданный дервишу *).

Армянская сказка.

Жилъ-былъ на свѣтѣ царь. У него не было сыновей. Онъ очень горевалъ объ этомъ и, наконецъ, призвалъ всѣхъ визирей и сказалъ имъ: „Не хочу я больше царствовать. Оставлю престолъ и государство и уйду жить въ пещеру“. Визири начали упрашивать его остаться у нихъ царемъ, не оставлять своего народа. Но царь не слушался ихъ. „Къ чему мнѣ богатство и почести, когда у меня нѣтъ дѣтей-наслѣдниковъ? Не на кого мнѣ радоваться на старости лѣтъ“. Распростился царь со своими визирями и пошелъ въ лѣсъ. На дорогѣ ему встрѣтился старый дервишъ, весь сѣдой. „Саламъ алейкюмъ, царь-повелитель!“ сказалъ дервишъ, низко кланяясь. „Алейкюмъ азъ саламъ!“ отвѣтилъ царь. „Куда ты идешь, одинъ-одинешенекъ, царь-повелитель?“ Царь разсказалъ свое горе. „Иди, говоритъ дервишъ, правь опять своимъ народомъ. Черезъ годъ у тебя родится сынъ. Но ты долженъ обѣщать мнѣ, что черезъ десять лѣтъ ты его отдашь мнѣ. Если же ты не дашь мнѣ обѣщанія, то сказанное мной не исполнится“.

Царь не повѣрилъ дервишу, но обѣщаніе всетаки далъ и вернулся въ свой дворецъ. Черезъ годъ у него дѣйствительно родился сынъ. Царь радовался и совершенно забылъ о томъ, что обѣщалъ дервишу. Мальчикъ росъ и съ каждымъ годомъ становился красивѣе и умнѣе. Онъ началъ уже ходить въ школу, и мулла **) не могъ нахвалиться имъ.

*) Дервишъ—мусульманскій монахъ. Дервиши образуютъ братства и живутъ обыкновенно въ монастыряхъ. Въ каждомъ монастырѣ есть настоятель—такъ называемый *шейхъ* или *пиръ*. Существуютъ также братства нищенствующихъ дервишей. Само слово дервишъ значитъ—бѣдный. Дервиши пользуются среди мусульманъ большимъ почетомъ.

**) Мулла—духовное лицо, отправляющее службу въ мечетяхъ. Мусульманскія низшія школы устраиваются при мечетяхъ; учителемъ бываетъ мулла.

Такъ прошло десять лѣтъ. Вдругъ однажды докладываютъ царю, что къ нему пришелъ какой-то старый дервишъ. Царь испугался, но дѣлать было нечего: пришлось дервиша пустить во дворецъ. Вошелъ старикъ и, низко кланяясь, сказалъ: „Прошли десять лѣтъ, царь-повелитель. Пора тебѣ исполнить свое обѣщаніе“. Въ это время царевичъ былъ въ школѣ. Царь и придумалъ обмануть дервиша. „Твое пророчество, сказалъ онъ, не исполнилось, и ты напрасно пришелъ сюда“. Но дервиша нельзя было обмануть. „Этого не можетъ быть, царь милосердный, отвѣтилъ онъ. Ты говоришь неправду. Десять лѣтъ тому назадъ, какъ разъ въ этотъ день, у тебя родился сынъ“. Въ это время отворились двери, и вбѣжалъ царевичъ. Онъ вернулся изъ школы и тотчасъ прибѣжалъ къ отцу, кинулся къ нему на шею и началъ цѣловать его. Царь не могъ удержать слезъ; онъ бросился къ ногамъ дервиша и просилъ пощадить его, не отнимать у него сына. Но дервишъ былъ неумолимъ. „Царь долженъ быть твердъ въ своихъ обѣщаніяхъ“, сказалъ онъ.

Не обращая вниманія на слезы и мольбы царя, старикъ взялъ царевича и отправился въ свои владѣнія.

Шли они долго и дошли, наконецъ, до широкаго моря. Дервишъ посадилъ царевича къ себѣ на плечи, строго-на-строго приказалъ ему не открывать глазъ и держаться крѣпко и зашагалъ впередъ. Царевичъ не вытерпѣлъ и чуточку открылъ глаза. И видитъ онъ вдругъ, что дервишъ обратился въ огромное чудовище: голова его упирается въ облака, а самъ онъ шагаетъ по серединѣ моря, и вода ему всего по поясъ. Ужаснулся бѣдный царевичъ и тотчасъ закрылъ глаза. Переправившись на другой берегъ, дервишъ спустилъ царевича на землю, и они пошли дальше. Наконецъ, дошли до большого, красиваго дворца. Весь онъ былъ изъ бѣлаго мрамора. Кругомъ раскинулся роскошный садъ, гдѣ росло много фруктовыхъ деревьевъ, а посреди сада стоялъ большой золотой бассейнъ; въ немъ плавало множество рыбъ, и обсаженъ онъ былъ удивительными цвѣтами, отъ которыхъ воздухъ наполнялся необычайнымъ ароматомъ.

Дервишъ сказалъ царевичу: „Это мой дворецъ; мы здѣсь будемъ вмѣстѣ жить и веселиться. Но, пока, ты, побудь одинъ, а я пойду, принесу изъ лѣсу дровъ—мы сваримъ себѣ кушанье и поѣдимъ“. Сказавъ это, дервишъ взялъ огромную веревку и отправился въ лѣсъ; мальчикъ же, оставшись одинъ, сталъ ходить по дворцу и осматривать его. Вдругъ, въ одной комнатѣ, онъ увидалъ двухъ привязанныхъ тигровъ. Царевичъ испугался и хотѣлъ было бѣжать,

но тигры заговорили по-человѣчьи: „Бѣдный мальчикъ, кто бы ты ни былъ, намъ жаль тебя. Этотъ дервишъ, который привелъ тебя сюда—людоѣдъ. Онъ теперь принесетъ много дровъ, зажжетъ большой огонь, сядетъ возлѣ него и позоветъ тебя грѣться вмѣстѣ съ нимъ; но какъ только ты подойдешь, онъ толкнетъ тебя въ огонь, зажаритъ и съѣстъ. Ты сдѣлай только такъ, какъ мы тебѣ скажемъ, и ты спасешь и себя, и насъ. Когда онъ позоветъ тебя грѣться, скажи ему, что ты не привыкъ къ такой большой печи и боишься подойти къ ней грѣться, чтобы онъ посидѣлъ пока одинъ. А тѣмъ временемъ, найди удобную минуту и разомъ, изо всѣхъ силъ, толкни его въ огонь. Оттуда онъ уже не освободится и сгоритъ тамъ".

Царевичъ такъ и сдѣлалъ. Пришелъ дервишъ и принесъ столько дровъ, что на нихъ можно было бы изжарить десять быковъ и сто барановъ. Онъ затопилъ огромную печь, сѣлъ на ея край и сталъ звать къ себѣ мальчика. Но царевичъ сказалъ ему: „Я не привыкъ грѣться у такого большого огня"—и не пошелъ, а когда дервишъ отвернулся отъ него, онъ изловчился и столкнулъ его въ печь. Потомъ онъ побѣжалъ разсказать обо всемъ тиграмъ. Тигры не вѣрили его словамъ. „Если бы дервишъ сгорѣлъ дѣйствительно, сказали они, его голова должна была лопнуть съ трескомъ". Не успѣли они договорить, какъ по всему дворцу раздался ужасный громъ: это лопнула въ огнѣ голова чудовища. „Теперь мы вѣримъ тебѣ, сказали, ласкаясь, тигры. Освободи же насъ скорѣе отъ цѣпей, и мы покажемъ тебѣ всѣ сокровища дервиша и будемъ служить тебѣ: съ этого дня ты господинъ этого дворца".

Царевичъ расковалъ цѣпи и пустилъ тигровъ на волю: они тотчасъ повели его показывать ему имѣнія дервиша. Въ кладовыхъ было много драгоцѣнныхъ камней, заколдованное оружіе и разныя дорогія вещи; въ конюшнѣ стояли три лошади: бѣлая, черная и красная. Тигры дали царевичу ключи отъ конюшни и сказали ему: „Когда тебѣ понадобится лошадь, ударь ключъ о ключъ и назови масть лошади, которую хочешь позвать. Гдѣ бы ты ни былъ, она тотчасъ явится къ тебѣ".

Потомъ тигры показали мальчику два источника: изъ одного текла золотая вода, изъ другого—серебряная. Царевичъ окунулъ палецъ въ серебряный источникъ—и палецъ сдѣлался серебрянымъ. Онъ помочилъ свои волосы въ золотомъ источникѣ, и они сдѣлались золотыми. Захотѣлось царевичу попробовать своихъ лошадей. Онъ вынулъ ключи, ударилъ ихъ другъ о друга и позвалъ: „Бѣлая!". Черезъ минуту примчалась къ нему бѣлая лошадь, совсѣмъ осѣдланная. Мальчикъ вскочилъ на нее и, покатавшись, от-

пустилъ снова въ конюшню. Такимъ образомъ онъ перепробовалъ всѣхъ трехъ лошадей; всѣ онѣ были прекрасны, но лучше всѣхъ оказалась черная.

Царевичу все понравилось во дворцѣ дервиша, и онъ остался тутъ жить. Вотъ разъ онъ узналъ, что отецъ его воюетъ съ сосѣднимъ царемъ и что онъ потерялъ уже много воиновъ, а на завтра назначено главное сраженіе. Онъ одѣлся въ прекрасное платье, взялъ самое лучшее заколдованное оружіе, сѣлъ на своего чернаго коня и поскакалъ помогать отцу. Сраженіе уже началось, и враги одолѣвали. Царевичъ началъ биться, и гдѣ онъ ни появлялся, всюду падали враги. Наконецъ, они обратились въ бѣгство. Царь издали видѣлъ своего спасителя и не могъ придумать, кто бы это могъ быть. Онъ велѣлъ своимъ воинамъ тотчасъ послѣ битвы привести его къ себѣ, но, какъ только кончилось сраженіе, царевичъ исчезъ.

Черезъ нѣсколько дней сосѣдній царь снова напалъ на отца царевича. Опять прискакалъ царевичъ на помощь—въ этотъ разъ уже на красной лошади. Опять онъ прогналъ враговъ — и, какъ только кончилось все, исчезъ. Искали его, искали, чтобы привести его къ царю, да такъ и не нашли.

Въ послѣдній разъ враги собрались силами и напали на царяотца: имъ было стыдно, что войско ихъ побѣдилъ одинъ человѣкъ. Началась битва, какой еще никогда не бывало на свѣтѣ. Царевичъ явился на бѣлой лошади, а, когда она устала, онъ перемѣнилъ ее на свою любимую, черную. Царь-отецъ слѣдилъ за нимъ и все боялся, какъ бы его не убили. Вдругъ кто-то ранилъ царевича въ лѣвую руку. Царь вынулъ свой красный шелковый платокъ и самъ перевязалъ ему руку. Снова непріятель бѣжалъ, и царевичъ, покончивъ свое дѣло, скрылся. Царь велѣлъ по всему войску искать человѣка, у котораго рука перевязана его краснымъ платкомъ — но такого человѣка не нашли. Загрустилъ послѣ этого царь, что не пришлось ему увидать поближе и поблагодарить своего спасителя.

Скоро послѣ этого царь заболѣлъ. Мудрецы сказали ему, что есть одно только средство, отъ котораго онъ можетъ выздоровѣть: ему надо выпить молока царицы тигровъ, живущихъ за моремъ. Царскіе визири и придворные отправились за море доставать молоко. Гонимые тигры прибѣжали во дворецъ царевича; они начали жаловаться ему на жестокость неизвѣстныхъ людей и просили его защитить ихъ. А царскіе охотники гнались за тиграми и вошли вслѣдъ за ними и во дворецъ. „Какъ вы смѣете, крикнулъ на нихъ

царевичъ, тревожить моихъ тигровъ, да еще въ моемъ дворцѣ?" Визири упали ему въ ноги и разсказали ему, что царь ихъ боленъ и что ихъ послали за молокомъ царицы тигровъ. „Хорошо, сказалъ царевичъ, я дамъ вамъ тигроваго молока, но только прежде приложу мою печать къ вашему тѣлу". Визири согласились. Царевичъ далъ имъ молока простыхъ тигровъ и, приложивъ печать свою на ихъ плечи, отпустилъ ихъ. Они вернулись домой и начали хвастать, что они съ большимъ трудомъ и опасностью добыли тигровое молоко—о дворцѣ же царевича не говорили ни слова. Царь имъ повѣрилъ, очень благодарилъ и щедро наградилъ ихъ.

А царевичъ между тѣмъ послалъ своихъ двухъ тигровъ къ царицѣ ихъ просить ея молока. Она съ удовольствіемъ дала ему, потому что знала, что онъ освободилъ ея подданныхъ. Царевичъ взялъ молоко, сѣлъ на свою черную лошадь и поскакалъ къ отцу; онъ взялъ еще съ собой красный шелковый платокъ. Царевичъ подоспѣлъ какъ разъ къ тому времени, когда царь готовился выпить молоко, принесенное ему визирями. „Царь повелитель, сказалъ царевичъ, оставь это молоко: оно не то, которое можетъ спасти твою жизнь. Я принесъ тебѣ настоящее молоко царицы тигровъ. Твои визири обманули тебя: они сами не достали молока, я далъ имъ его. Если ты мнѣ не вѣришь, вели имъ снять платье: у каждаго изъ нихъ на плечѣ должна быть моя печать".

Царь немедля приказалъ своимъ визирямъ снять одежду — и у каждаго оказалась на тѣлѣ печать царевича. Царь разсердился на то, что они обманули его, и хотѣлъ ихъ казнить, но царевичъ выпросилъ имъ прощеніе. Затѣмъ царь выпилъ молоко царицы тигровъ и тотчасъ выздоровѣлъ. „Скажи же мнѣ теперь кто ты?" спросилъ онъ наконецъ. Тогда царевичъ вынулъ изъ кармана красный шелковый платокъ и показалъ его царю. Тотъ сейчасъ же бросился обнимать его и благодарить. Устроили пиръ и начали веселиться съ дорогимъ гостемъ.

Во время пира царь опять спросилъ: „Открой же намъ, наконецъ, кто твои родители, гдѣ они находятся". Тогда царевичъ, въ видѣ сказки, разсказалъ все про себя. Царь узналъ его, и радости его не было конца. Онъ устроилъ пиръ на весь городъ, и всѣ жители семь дней и семь ночей пировали и веселились. А когда царь умеръ, весь городъ избралъ на его мѣсто царевича *).

*) Сборн. Мат. для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. В. XIII. Тифлисъ, 1892.

КУРДЫ.

Курдъ.

Курды (ихъ зовутъ иногда и Куртинцами) живутъ въ Елизаветпольской и Эриванской губерніяхъ, въ тѣхъ уѣздахъ, которые примыкаютъ къ Персіи и Турціи. Ихъ можно встрѣтить также въ Батумскомъ округѣ, около озера Гокча и г. Ардагана. Ихъ насчитываютъ около 10000 человѣкъ. Курды большей частью высокаго роста, голова у нихъ имѣетъ продолговатую форму, и черепъ вообще неправиленъ. Это происходитъ оттого, что курды съ дѣтства туго повязываютъ голову платками, отчего черепныя кости развиваются неправильно. Лицо у нихъ смуглое, лобъ узкій, носъ правильный, глаза и волосы черные; шея длинная, плечи широкія. Курды отличаются воинственнымъ и смѣлымъ характеромъ; ихъ любовь къ хищничеству извѣстна; они, кромѣ того, мстительны и злопамятны; женщины очень трудолюбивы.

Главное занятіе ихъ—скотоводство (главнымъ образомъ—овцеводство). Земледѣліемъ они почти не занимаются, хотя и умѣютъ прекрасно устраивать искусственное орошеніе полей. Это пастушескій народъ — и потому кочевой. Только въ послѣднее время они

начинаютъ переходить къ осѣдлой жизни. На зиму курды возвращаются въ свои деревни или зимовники, расположенные большею частью близъ рѣкъ и источниковъ. Дома въ деревняхъ врыты или совсѣмъ или наполовину въ землю, такъ что о существованіи

Курдъ.

деревни можно догадаться иногда только по лаю собакъ и выходящему наружу дыму. Стѣны домовъ возводятъ изъ глины или изъ камня; крыша у нихъ плоская; въ ней продѣлываютъ одно или нѣсколько отверстій для свѣта и дыма. Въ холодную погоду эти отверстія закладываютъ пучками сѣна. Посреди комнаты устраивается очагъ; въ углу складываютъ камни. Бѣдные дома состоятъ изъ

одной комнаты; у богатыхъ есть отдѣльное помѣщеніе для семьи; другое, гдѣ мужчины собираются для бесѣдъ; третье—служащее кладовой. Рядомъ съ домомъ устраивается клѣть для рогатаго скота и помѣщеніе для овецъ. Въ зимовникахъ мужчины проводятъ все время въ бесѣдахъ, между тѣмъ какъ женщины занимаются домашнимъ хозяйствомъ и рукодѣльемъ: вязаньемъ, пряденьемъ и тканьемъ. Жизнь и настроеніе всей семьи мѣняется совершенно, когда раннею весною наступаетъ время перекочевки. Для кочевки избираются преимущественно гористыя мѣста, по близости къ рѣкамъ и источникамъ, гдѣ трава дольше держится. Жилищемъ курду во время кочевки служитъ такъ называемый *коннъ*—черная палатка, сотканная изъ козьей шерсти. Крыша у нея плоская и подпирается рядомъ столбовъ. Палатка прикрѣпляется сваями, вбитыми въ землю. Передняя часть ея, служащая входомъ, открыта; три другія стороны ея покаты. Края палатки, не доходя до земли, опираются на ограду, тѣсно сплетенную изъ палокъ, въ видѣ соломенныхъ шторъ. Очагъ раскладывается посреди.

Одежда курдовъ мужчинъ и женщинъ разнится немного. Нижнее бѣлье шьется изъ бумажной матеріи; сверху надѣваютъ такъ называемый *хавтанъ* — одежда, доходящая до колѣнъ, которая шьется съ длинными рукавами и съ разрѣзами по обѣимъ сторонамъ, на бедрахъ; она обыкновенно опоясывается ремнемъ или шалью. Мужчины носятъ шаровары изъ грубой самодѣльной шерстяной матеріи и верхнюю одежду — *чухъ*; рукава чуха длинные, разрѣзные и сшитые только на концахъ; они или висятъ, или же связаны вмѣстѣ на спинѣ. Женщины въ праздничные дни носятъ сверхъ обычнаго хавтана еще другой (такъ называемая *дальма*) изъ краснаго сукна, спереди разрѣзанный, и широкіе длинные передники. Обувью служатъ шерстяные самодѣльные носки и чевяки; иногда носятъ и сапоги (женщины—изъ желтаго сафьяна). Мужчины носятъ войлочныя шапки, похожія на сахарныя головы; иногда на шапку наматываютъ шелковые платки въ видѣ чалмы; иногда придѣлываютъ къ шапкѣ сверху феску съ кистью. Женскій головной уборъ называется *кофи*. Въ феску вдѣваютъ деревянный обручъ такъ, что образуется круглая площадка. Въ эту площадку спереди втыкаютъ булавки съ красными головками. Саму феску обматываютъ красными или желтыми шелковыми платками. Дѣвушки наматываютъ еще на платки черную ленту. Замужнія женщины накидываютъ на кофи треугольный кусокъ бумажной матеріи. Волосы свои заплетаютъ въ косички, которыя распускаютъ по плечамъ; у висковъ спускаютъ по пряди

волосъ вдоль лица. Украшеніями женщинъ служатъ ожерелья, серьги и кольца; кромѣ того куртинки вдѣваютъ въ носъ съ правой стороны небольшое серебряное украшеніе.

Курдская женщина.

Курды принадлежатъ къ мусульманамъ-сунитамъ. Но этотъ полудикій народъ плохо проникся ученіемъ мусульманства. Курды заражены множествомъ суевѣрій. Часть курдовъ — такъ называемые *іезиды*, образуютъ особую секту.

Карръ и Кулликъ.

Курдская сказка.

У богача Амаръ-аги *) была красавица-дочь, Париханъ. За нее посватались за-разъ два жениха: одинъ былъ родственникъ аги, другой принадлежалъ къ племени торынцевъ. Амаръ-ага не могъ рѣшиться отдать Париханъ ни за того, ни за другого.

Собрались разъ у Амаръ-аги на совѣтъ старѣйшины и почетныя лица племени **) и, между прочимъ, спросили его: „Отчего ты не выдалъ дочь свою ни за родственника твоего, ни за торынца?“ Амаръ-ага отвѣтилъ: „Почтенные старѣйшины, я не знаю, что мнѣ дѣлать: если выдамъ дочь свою за родственника, обидится торынецъ; если отдамъ ее торынцу, я тѣмъ обижу своего родственника“. Услыхавъ такой отвѣтъ, старѣйшины замолчали.

Когда собраніе разошлось, Амаръ-ага возвратился домой и сѣлъ на постель. Жена замѣтила, что онъ грустенъ, и спросила: „Отчего ты такъ печаленъ? Не разговариваешь, не смѣешься. Не боленъ ли ты? Или, быть можетъ, непріятели идутъ на тебя войной?“ Амаръ-ага отвѣтилъ: „Жена, лучше было бы гораздо, если бы многочисленное войско шло разорить мои владѣнія“.—„Какое же это горе, о которомъ ты не хочешь сказать мнѣ?“ спросила жена.

---

*) Во главѣ каждаго племени стоитъ родоначальникъ изъ знатной фамиліи или богатый человѣкъ, пользующійся всеобщимъ уваженіемъ. Родоначальники имѣютъ большую власть. Въ прежнія времена они производили судъ, имѣли право наказывать виновныхъ и изгонять ихъ изъ племени. Амаръ-ага былъ такимъ родоначальникомъ.

**) Совѣтъ старѣйшинъ и почтенныхъ лицъ племени разрѣшалъ обыкновенно маловажныя дѣла, какъ-то споры между членами племени о землѣ, о пастбищахъ, о раздѣлѣ имущества и т. п. Этотъ совѣтъ составлялъ, такимъ образомъ, какъ бы третейскій судъ, которому обыкновенно охотно подчинялись всѣ лица племени. Недовольные судомъ старѣйшинъ обращались къ главѣ племени.

„За дочь нашу, Парихань, отвѣтилъ Амаръ-ага, сватаются и родственникъ нашъ и торынецъ. Не знаю, за кого изъ нихъ выдать ее. Вотъ я и нахожусь какъ бы между двухъ огней“.—„Жаль мнѣ тебя, Амаръ-ага, ты—глава двухъ тысячъ дымовъ *), и не умѣешь хитростью отдѣлаться отъ нихъ“. Амаръ-ага сказалъ: „Жена, да продлитъ Богъ твою жизнь! Львица вѣдь тоже левъ. Посовѣтуй мнѣ, какъ выручить изъ бѣды мою голову“.—„Успокойся теперь, засни, а завтра ты устроишь пиръ и созовешь на него всѣхъ юношей племени. Послѣ пира возьми фарфоровую чашку, наполненную кофе, брось въ него кольцо Парихань и сдѣлай призывъ всѣмъ юношамъ: Кто выпьетъ эту чашку кофе и надѣнетъ на руку кольцо Парихань—тотъ пусть отправится въ Аравію и угонитъ у арабовъ лошадь Беджанъ и вереницу **) черногрудыхъ верблюдовъ. Это будетъ калымъ за Парихань. Клянусь пророкомъ, посредникомъ между Богомъ и людьми, я этому юношѣ отдамъ Парихань“. На слѣдующій день Амаръ-ага устроилъ пиръ и созвалъ на него всѣхъ юношей племени. Всѣхъ собралось около тысячи человѣкъ; но ни одинъ изъ нихъ не откликнулся на призывъ Амаръ-аги: каждый думалъ въ сердцѣ своемъ, что выпить эту чашку и взяться за назначенный подвигъ—такъ же опасно, какъ идти на бѣшенаго волка. Помолчалъ Амаръ-ага и снова кликнулъ: „Юноши, не вамъ ли я говорю? Отчего никто изъ васъ не отвѣтитъ мнѣ“. Но и на этотъ разъ никто не сказалъ ни слова. Тогда Амаръ-ага обратился къ своимъ слугамъ и спросилъ: „Всѣ ли юноши племени явились на пиръ?“ Слуги отвѣчали: „Всѣ, кромѣ двухъ сыновей вдовы Вурдакъ, Карра и Куллика, которые отошли отъ племени арабовъ, недовольные ими, и поселились у насъ“. Амаръ-ага велѣлъ тотчасъ позвать ихъ. Карръ, старшій братъ, былъ, однако въ толпѣ юношей; услыхавъ приказаніе Амаръ-аги, онъ побѣжалъ домой и сказалъ Куллику: „Кулликъ, братъ мой, Амаръ-ага собралъ всѣхъ юношей племени, взялъ чашку съ кофе, опустилъ въ нее кольцо Парихань и сказалъ: „Кто выпьетъ кофе и надѣнетъ на палецъ кольцо Парихань, тотъ долженъ будетъ отправиться въ Аравію и пригнать оттуда лошадь Беджанъ съ вереницею черногрудыхъ верблюдовъ; за это я отдамъ ему Парихань“. Кулликъ, братъ, да не будетъ, чтобы ты выпилъ кофе, чтобы ты пошелъ къ арабамъ. Мы здѣсь одиноки и безпомощны—нѣтъ у насъ ни родныхъ, ни друзей!“

*) Дымъ вмѣсто жилища.

**) Вереница состоитъ изъ 7 верблюдовъ.

Послѣ этого оба брата пошли къ Амаръ-агѣ. Увидавъ Куллика, Амаръ-ага сказалъ ему: „Кулликъ, сынъ мой, извѣстно ли тебѣ мое предложеніе?“—„Да, ага“, отвѣтилъ юноша. „Такъ, если ты храбръ, выпей кофе“. Кулликъ поклонился и протянулъ руку за чашкой. Но Карръ схватилъ его за руку и закричалъ: „Ради Бога, не принимай этого предложенія. Посмотри, стоятъ ряды торынцевъ—никто изъ нихъ не рѣшается выпить кофе. А ты, сирота одинокій и безпомощный, рѣшаешься идти за лошадью Беджанъ“. Разсердился Кулликъ и сказалъ: „Карръ, если бы ты не былъ моимъ старшимъ братомъ, я бы такъ ударилъ тебя въ грудь, что сердце твое выскочило бы. Левъ умираетъ—остается его шкура; умираетъ мужъ — остается его имя. На свѣтѣ мужество безсмертно“. Проговоривъ это, Кулликъ взялъ чашку и выпилъ кофе. Тогда Амаръ-ага обратился къ нему съ слѣдующими словами: „Кулликъ, теперь ты зять мой: Париханъ—твоя невѣста“.

Послѣ этого Амаръ-ага позвалъ обоихъ братьевъ къ себѣ обѣдать. Собраніе разошлось. Покончивъ обѣдъ, Кулликъ сказалъ брату: „Карръ, братецъ мой, пойди домой, осѣдлай для меня лошадь Сосикъ, а для себя лошадь Гамаданъ. Принеси сюда оружіе наше — и поѣдемъ“. Карръ пошелъ домой исполнить порученіе брата. Увидала его мать ихъ, вдова Вурдакъ, и спросила: „Карръ, сынокъ мой, куда ты собираешься?“ Карръ заплакалъ и сказалъ: „Мать, о, если бы ослѣпли твои глаза! Амаръ-ага просваталъ дочь свою Париханъ за Куллика, и мы ѣдемъ въ Аравію добывать калымъ—лошадь Беджанъ и вереницу черногрудыхъ верблюдовъ“. Горько заплакала Вурдакъ, услыхавъ это. Она пошла съ Карромъ къ Амаръ-агѣ и сказала: „Ага, я пришла къ тебѣ, обиженная арабами, съ двумя сиротами, чтобы подъ твоей защитой добывать себѣ хлѣбъ. Такъ-то ты защищаешь насъ? Обоихъ сиротъ моихъ посылаешь къ врагамъ на вѣрную гибель!“—„Матушка, отвѣтилъ Амаръ-ага, я не насильно посылаю твоего сына; онъ идетъ по доброй волѣ“. Вурдакъ сказала: „Ради Бога, дай моимъ сиротамъ хоть нѣсколько всадниковъ, чтобы оказать имъ помощь въ случаѣ нужды“. Амаръ-ага призвалъ своихъ слугъ и сказалъ: „Кто любитъ главу мою и любитъ хлѣбъ мой, пусть ѣдетъ съ Карромъ и Кулликомъ“. Изъ толпы слугъ выступили двое: Локо, по прозванію цыганъ, и коварный Наматъ. „Ага, если ты позволишь намъ, мы поѣдемъ“.—„Я разрѣшаю, отвѣтилъ Амаръ-ага; ступайте. Богъ да будетъ вашей помощью!“ Послѣ этого Вурдакъ обратилась къ сыновьямъ: „Сыновья мои, помните ли вы дорогу, по которой мы пришли изъ

Аравіи?“ Они отвѣчали: „Нѣтъ, мы ее забыли“.—„Отправляйтесь прямо на кочевку Кирраджара, сказала Вурдакъ. Тамъ водится много джерановъ; но вы не трогайте ихъ. Это большой грѣхъ: кто убьетъ джерана, тому Богъ не пошлетъ счастья. Дальше, вы будете проѣзжать мимо Гнилого Пруда. Остановитесь подальше отъ него, чтобы лошади ваши не напились изъ него воды. Если лошадь напьется изъ Гнилого Пруда, она заболѣетъ. Скоро потомъ вы увидите кочевки арабовъ—отправляйтесь прямо къ нимъ. Между ними есть и ваши дяди, семь братьевъ, сыновья Гасо, сына Дудея. Всѣ семеро носятъ черныя шапки; глаза у нихъ голубые; они одѣты въ шелковыя платья; кони у нихъ сѣрые; копья съ кистями. Они всѣ очень храбры: отъ нихъ не уйдетъ ни одинъ врагъ. Идите прямо къ нимъ и скажите: „мы сыновья Вурдакъ“— иначе они васъ убьютъ“.—„Матушка, сказалъ Кулликъ, ты сказала намъ примѣты дядей. Теперь дай, мы поцѣлуемъ твою руку, а ты благослови насъ“.—„Идите, дѣти, сказала Вурдакъ. Да будетъ Богъ поборникомъ вамъ въ вашемъ походѣ“.

Вурдакъ вернулась домой, а Карръ и Кулликъ отправились въ путь со своими товарищами. Они ѣхали день и ночь и, наконецъ достигли Кирраджары. Выскочилъ имъ навстрѣчу джеранъ, но Кулликъ, помня слова матери, не погнался за нимъ. Коварный Наматъ спросилъ его: „Кулликъ, что ты не преслѣдуешь джерана? Счастье намъ послало сегодня эту дичь“.

Кулликъ отвѣтилъ: „Наматъ, мать моя дала мнѣ наставленіе не убивать джерановъ“.— „Кто же слушается родителей? сказалъ Наматъ. Къ чему тебѣ подчиняться наставленіямъ матери?“—Стало Куллику досадно отъ этихъ словъ, и онъ бросился за джераномъ. Онъ гонялъ его семь дней и семь ночей и, наконецъ, убилъ его и притащилъ къ товарищамъ. Они зажарили его и съѣли.

Немного спустя они доѣхали до Гнилого Пруда, и, помня совѣтъ матери, остановились подальше отъ него. Когда всѣ заснули, коварный Наматъ потихоньку всталъ, отвязалъ Сосика, лошадь Куллика, и пустилъ ее къ Гнилому Пруду. Она напилась воды и тотчасъ заболѣла.

Черезъ нѣсколько времени всталъ Карръ — и видитъ: лошади брата нѣтъ между конями. Онъ сейчасъ же пошелъ искать ее. Вошелъ на холмъ — и видитъ: Сосикъ лежитъ у Гнилого Пруда. Онъ побѣжалъ къ пруду, поднялъ Сосика и потихоньку погналъ его къ другимъ лошадямъ. Потомъ онъ разбудилъ Куллика и говоритъ ему: „Братецъ, между нами есть коварный человѣкъ. Ложась спать, я крѣпко привязалъ Сосика. Не знаю, кто отвязалъ

его и загналъ къ пруду. Вернемся лучше домой. Ты не послушался совѣта матери—Богъ не даетъ намъ счастья". Но Кулликъ отвѣтилъ:—„Какъ же намъ вернуться? Амаръ-ага скажетъ, что Кулликъ мальчишка, испугался пустого и вернулся домой. Отдохнемъ здѣсь нѣсколько дней. Можетъ быть, Богъ дастъ, наши дѣла пойдутъ лучше. Сосикъ отдохнетъ и выздоровѣетъ. Тогда пойдемъ на бой". Услыхалъ эту рѣчь коварный Наматъ и говоритъ: „Кулликъ правъ. Останемся здѣсь, пока Сосикъ не встанетъ на ноги".

Они остались здѣсь нѣсколько дней. Потомъ, когда Сосикъ немного поправился, они пустились дальше. Поднялись на гору Хумаръ и увидали оттуда арабовъ. Ихъ было такъ много, что нельзя было разглядѣть, гдѣ начало, гдѣ конецъ длиннаго ряда ихъ палатокъ. Карръ и Кулликъ спустились въ ущелье, спѣшились и остались тамъ до вечера. Когда сдѣлалось темно, Кулликъ сказалъ: „Карръ, встань, садись на лошадь и поѣзжай, поищи, можетъ быть, ты встрѣтишь вереницу черногрудыхъ верблюдовъ и пригонишь ихъ сюда". Карръ поѣхалъ. Ему попалось стадо сѣрыхъ не навьюченныхъ верблюдовъ. Онъ пригналъ ихъ къ брату. Посмотрѣлъ на нихъ Кулликъ и сказалъ: „Братецъ, вѣдь я сказалъ тебѣ, чтобы ты добылъ черногрудыхъ верблюдовъ, а ты привелъ сѣрыхъ. На что они мнѣ?".

Сѣлъ Кулликъ на своего Сосика и поѣхалъ самъ искать. Встрѣтилась ему, наконецъ, вереница черногрудыхъ верблюдовъ, сильно навьюченныхъ. „Эй! эй! эй! закричалъ Кулликъ погонщику, чьи это верблюды?".—„Это верблюды моего хозяина, отвѣтилъ погонщикъ. Они навьючены приданымъ его дочери. Иду я изъ Эрзерума". Кулликъ прогналъ погонщика, отнялъ у него верблюдовъ и направился къ своимъ товарищамъ. По дорогѣ онъ встрѣтилъ человѣка, который гналъ лошадь на водопой. „Эй! эй! эй! закричалъ Кулликъ, чья это лошадь?" Человѣкъ отвѣтилъ: „Развѣ ты слѣпъ? Или ты не видишь, что это лошадь—Беджанъ. Она принадлежитъ агѣ племени арабовъ". Кулликъ отнялъ Беджана у слуги и сказалъ ему: „Иди и скажи твоему хозяину, что Беджана отнялъ у тебя Кулликъ. Я не бѣгу—пусть попробуетъ отнять у меня свою лошадь".

Настало слѣдующее утро. Арабы окружили ущелье со всѣхъ сторонъ. Впереди ихъ Кулликъ и Карръ увидали своихъ дядей. Карръ сказалъ брату: „Кулликъ, не садись на Сосика. Онъ боленъ, онъ не можетъ бѣжать, онъ можетъ упасть. Садись на Беджана". Но Кулликъ отвѣчалъ: „Нѣтъ, братъ, сколько лѣтъ я ѣздилъ въ бой на моемъ Сосикѣ. Не сяду я теперь на незнакомую лошадь". Сѣлъ Кулликъ на своего Сосика и говоритъ: „Карръ, ты дер-

жись за мной: защищай меня съ тыла. Если дяди узнаютъ насъ, хорошо; если же нѣтъ, мы сразимся съ ними—посмотримъ, кому Богъ дастъ побѣду".

Кулликъ подъѣхалъ къ своимъ дядямъ и сказалъ имъ: „Пожилые мужи, идете ли вы къ намъ съ дружбой или съ враждой?". Старшій дядя отвѣтилъ: „Ты отнялъ у арабовъ то, что было драгоцѣнно для нихъ — и ты думаешь, что мы съ дружбой идемъ къ тебѣ. Битва наша будетъ настоящей битвой: или ты всѣхъ насъ перебьешь, или мы отнимемъ у тебя Беджана".

Послѣ этихъ словъ Кулликъ бросился на нихъ и пустилъ въ нихъ всѣ свои заряды *). Дяди повернули своихъ лошадей и пустились вскачь. Кулликъ поскакалъ за ними. „Я всѣхъ ихъ поймаю, думалъ онъ про себя, свяжу имъ руки и ноги, потомъ скажу: я вашъ племянникъ". На дорогѣ имъ попался ровъ. Лошади дядей перепрыгнули черезъ него, а больной Сосикъ не могъ перепрыгнуть и скатился въ ровъ вмѣстѣ съ Кулликомъ. Когда дяди замѣтили, что Кулликъ упалъ, они вернулись, и каждый изъ нихъ ударилъ его копьемъ по два раза.

Между тѣмъ арабы, увидавъ, что ихъ семеро вождей обратились въ бѣгство, тоже побѣжали. Карръ бросился имъ вслѣдъ и перебилъ множество арабовъ. Далеко прогналъ ихъ Карръ и, наконецъ, остановился. Началъ онъ искать Куллика. Подъѣхалъ онъ ко рву—и видитъ: Кулликъ лежитъ на землѣ—не шевелится. Карръ нагнулся къ нему: „Братецъ, живъ ли ты? вѣдь ты не раненъ?" Кулликъ отвѣтилъ: „Не бойся, Карръ. Четырнадцать ранъ на мнѣ, но я еще живъ". Карръ позвалъ своихъ товарищей и вмѣстѣ съ ними поднялъ брата. Кулликъ вынулъ свой мечъ и ударилъ по ногамъ Сосика. „Братецъ, сказалъ Карръ, зачѣмъ ты это дѣлаешь?" Но Кулликъ отвѣтилъ: „Какъ же мнѣ сдѣлать иначе? Когда судьба была мнѣ другомъ, и Сосикъ былъ подо мною птицей; когда же судьба отвернулась отъ меня, и Сосикъ мнѣ измѣнилъ".

---

*) Курды знакомы съ огнестрѣльнымъ оружіемъ (у нихъ встрѣчаются карабины, ружья и пистолеты); но они владѣютъ гораздо лучше саблей, кинжаломъ и палицей. Палицей владѣютъ хорошо не только мужчины, но и женщины. Въ большомъ употребленіи у курдовъ щиты—круглые, около трехъ четвертей въ діаметрѣ. Всадники носятъ иногда и копье, болѣе девяти футовъ длиной. На концѣ, обращенномъ къ непріятелю, прикрѣплено листообразное отточенное остріе; на противоположномъ концѣ тоже остріе, желѣзное, короткое. На верху виситъ пучекъ шелковыхъ питей. Курды сражаются очень храбро въ рукопашномъ бою; огнестрѣльнаго оружія они однако боятся и часто обращаются въ бѣгство, когда непріятель начинаетъ стрѣлять.

Потомъ Кулликъ сказалъ: „Я вижу, что скоро умру. Положите тѣло мое на верблюда, отвезите его на нашу сторону. Не хороните меня на чужбинѣ. Скажи моей матери, братецъ, чтобы она не плакала: міръ—это двѣ двери: черезъ одну человѣкъ входитъ, черезъ другую выходитъ. Карръ, сними съ меня сапоги; пусть отдохнутъ мои ноги“. Карръ снялъ сапоги съ брата, и Кулликъ тотчасъ же испустилъ духъ. И заплакалъ Карръ и началъ причитать: „О горе намъ! О горе намъ! Пусть ослѣпнутъ мои глаза! На горѣ Хумаръ убили моего брата—и никто не идетъ намъ на помощь“.

Локо-цыганъ тоже сильно оплакивалъ Куллика; но, наконецъ, онъ сказалъ Карру: „Карръ, безполезно теперь сидѣть, ничего не дѣлая. Пойдемъ, отомстимъ врагамъ за смерть Куллика“. Они вомружились, погнались за арабами и перебили ихъ безчисленное оножество *). Потомъ они положили тѣло Куллика на верблюда и отвезли его на родину, къ дому Амаръ-аги. Вурдакъ пришла къ тѣлу своего сына, стала рыдать и бить себя по головѣ. „Амаръ-ага! Богъ да разоритъ твой домъ! говорила она. Зачѣмъ ты послалъ сына моего къ врагамъ, на вѣрную смерть? Какъ я плачу теперь надъ тѣломъ моего сына, такъ пусть и ты будешь плакать надъ развалинами своего дома!“ Амаръ-ага сказалъ: „Зачѣмъ ты проклинаешь меня, Вурдакъ? Я сына твоего не посылалъ насильно — онъ поѣхалъ самъ“. Плакала и жена Амаръ-аги и причитала: „Храбрый Кулликъ былъ мнѣ дорогъ, какъ свѣтъ моихъ очей. Онъ умеръ въ странѣ арабовъ. Дочь моя, Парихапъ, теперь самая несчастная изъ всего племени“.

Коварный Наматъ пошелъ къ Амаръ-агѣ и сказалъ ему съ глазу на глазъ: „Зачѣмъ ты такъ оплакиваешь Куллика? Карръ и Кулликъ бѣжали отъ арабовъ; я одинъ сражался съ ними. Лошадь Беджанъ и черногрудыхъ верблюдовъ добылъ я, а не они. Отдай лучше Парихапъ за моего сына“. Амаръ-ага повѣрилъ было ему. Но Локо-цыганъ все разсказалъ, какъ было: какъ коварный

*) Кровавая месть за убійство родственника считается у курдовъ священнымъ долгомъ. Они не принимаютъ во вниманіе, совершено ли убійство намѣренно или нечаянно. Если ближайшій родственникъ не можетъ отомстить убійцѣ, то месть беретъ на себя весь родъ убитаго. Такимъ образомъ, месть личная бываетъ часто причиной непримиримой вражды двухъ родовъ. Иногда, впрочемъ, родственники убитаго мирятся съ убійцей и его родомъ, получивъ пеню за кровь или деньгами или баранами. Если убійца не обладаетъ большимъ состояніемъ, уплатить пеню помогаютъ ему его родственники. Если у убійцы есть сестра, то часто, вмѣсто денежной пени, ее выдаютъ за брата или близкаго родственника убитаго.

Наматъ пустилъ нарочно лошадь Куллика на Гнилой Прудъ, отчего она и заболѣла — и какъ Килликъ пригналъ лошадь Беджанъ и верблюдовъ, и какъ Килликъ и Карръ храбро сражались. Разгнѣвался Амаръ-ага и изгналъ Намата изъ племени.

Послѣ этого Амаръ-ага призвалъ къ себѣ Карра и сказалъ: „Сынъ мой, изъ уваженія къ памяти Куллика, я отдамъ тебѣ Париханъ". Обрадовались этому и Карръ, и Париханъ. Рады были и Вурдакъ и жена Амаръ-аги. Сыграли свадьбу, а потомъ разошлись каждый по своимъ дѣламъ. Молодые жили счастливо—пусть также счастливо живутъ и слушавшіе эту сказку.

С. Егіазаровъ: *Краткій этнограф. очеркъ курдовъ Эриванск. губ.* *).

---

*) Зап. Кавк. Отд. И. Р. Г. Общ. Кн. XIII. Вып. 2. Тифлисъ. 1891.

При составленіи сборника, кромѣ книгъ, указанныхъ послѣ каждой сказки, составительница пользовалась слѣдующими сочиненіями:

Миллеръ, Вс.: Систематическое описаніе коллекцій Дашковскаго Этнограф. Музея. В. 1 и 2. М., 1887 и 1889.

Семеновъ: Народы Россіи. СПБ., 1880.

Иславинъ: Самоѣды. СПБ., 1897.

Самоѣды Мезенскіе. Этногр. Сб. В. IV. СПБ., 1854.

Этнографическія замѣчанія и наблюденія Кастрена о Лопаряхъ, Корелахъ и Остякахъ. Тамъ же.

Hartwig: Der hohe Norden. Wiesbaden, 1858.

Н. Харузинъ: Русскіе Лопари. М., 1889.

Солодовниковъ, А.: Жилище Эстонцевъ въ его постепенномъ развитіи. Времен. Эстл. губ. 1895.

Boecler (u. Kreutzwald): Der Ehsten abergläubische Gebräuche, Weisen u. Gewohnheiten. S.-Pet., 1854.

Вольтеръ: Матеріалы для этнографіи латышскаго племени Витебск.губ. Ч. I. СПБ., 1890.

Смирновъ, И.: Мордва. Казань, 1895.

Смирновъ, И.: Вотяки. Казань, 1890.

Богаевскій, П. Очерки религ. воззрѣній Вотяковъ. Этн. Об. 1890., № 1, 2.

Н. Харузинъ: Очеркъ исторіи развитія жилищъ у Финновъ. М. 1895.

Его же. Развитіе жилищъ у кочевыхъ и полукочевыхъ тюркскихъ и монгольскихъ народностей Россіи. М., 1896.

Житецкій: Очерки быта астраханскихъ Калмыковъ. М., 1893.

Назаровъ: Къ этнографіи Башкиръ. Этн. Об. 1890. № 1.

О. Вербицкій: Алтайскіе инородцы.

Wambery: Das Türkenvolk. Leipzig, 1885.

Radlow: Aus Sibirien. B. I и II.

Калачевъ, А.: Нѣсколько словъ о поэзіи Теленгетовъ. Жив. Ст., 1896. В. 3 и 4.

Потанина, А. В.: Изъ путешествій по Вост. Сибири, Монголіи, Тибету и Китаю. М., 1895.

Чистохинъ: Двѣ шаманскія молитвы, произн. на тайлаганахъ у Бурятъ. Изв. В. Сиб. отд. И. Р. Г. Общ. Т. XXVI, № 4—5. Иркутскъ, 1896.

Сѣрошевскій: Якуты. СПБ., 1896.

Schrenk: Reisen u. Forschungen im Amur-Lande. Petersb., 1881, 1891, 1892, 1895.

Зеландъ: О Гилякахъ. Изд. Им. Об. Люб. Ест., Антр. и Этногр. Т. XLIX, Вып. 3.

Штернбергъ. Сахалинскіе Гиляки. Этн. Об. 1893, № 2.

Остроумовъ: Сарты. В. I. Ташкентъ, 1896.

Дубровинъ: Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ. Очеркъ Кавказа и народовъ, его населяющихъ. СПБ., 1871.

Вейденбаумъ: Путеводитель по Кавказу.

Почти всѣ иллюстраціи представляютъ снимки съ фотографій, хранящихся въ Дашковскомъ Этнографическомъ Музеѣ и въ Географическомъ и Антропологическомъ Музеяхъ при Московскомъ Университетѣ.

За содѣйствіе и сдѣланныя указанія составительница сборника приноситъ глубокую благодарность В. М. Михайловскому, Вс. Ѳ. Миллеру, Д. Н. Анучину, А. А. Ивановскому и Н. Н. Харузину.

ГЛАВНѢЙШІЯ ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Страница:	*Строка:*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
36	4	не высокаго	высокаго
50	28	Estische	Estnische
83	1	250	25 тысячъ
128	подъ картинкой	р. Чарашъ	р. Чарышъ
175	14	Анъ-дай-ду-ичытэ	Анъ-дой-ду-ичытэ
167	12	оборваное	оборванное
168	31	твоей	своей
201	15	вовсе и онъ	онъ вовсе и

M
15

DATE DUE			